А.Т. СИНЮК, В.Д. БЕРЕЗУЦКИЙ

МОСТИЩЕНСКИЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ

(ЭПОХА БРОНЗЫ - РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

ВОРОНЕЖ 2001

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Т. СИНЮК, В.Д. БЕРЕЗУЦКИЙ

МОСТИЩЕНСКИЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ

(ЭПОХА БРОНЗЫ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

Воронеж
2001

УДК 930.26
ББК 63.4
С 38

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников
С 38 (Эпоха бронзы – ранний железный век). — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. — 192 с.

ISBN 5-88519-163-8

Рецензенты: доктор исторических наук А.Д. Пряхин
доктор исторических наук В.И. Гуляев

В монографии освещаются результаты более чем десятилетних археологических раскопок комплекса древних поселений и кургана близ хутора Мостище в Острогожском районе Воронежской области (Донское лесостепное Правобережье). Анализируются материалы различных археологических культур энеолита-бронзы (середина III-II тыс. до н.э.) и раннего железного века (I тыс. до н.э.). Рассматривается их специфика и культурно-хронологическое соотношение.

Для специалистов-археологов, студентов и всех, кто интересуется проблемами археологии и древней истории Отечества.

УДК 930.26
ББК 63.4

ISBN 5-88519-163-8

© А.Т. Синюк, 2001
© В.Д. Березуцкий, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью данной книги является по возможности подробное освещение результатов более чем десятилетних археологических раскопок комплекса древних поселений и кургана близ хутора Мостище в Острогожском районе Воронежской области (Донское лесостепное Правобережье).

При работе над книгой авторам пришлось столкнуться с известными трудностями структурного характера, не позволившими избежать по ходу изложения некоторых повторов. Это связано с тем обстоятельством, что рассматриваемые нами памятники представлены разнородными материалами с охватом времени бытования более чем в два тысячелетия (от середины III тыс. до н.э. до III в. до н. э.). Другими словами, памятники являются многослойными. Однако все они объединяются содержанием групп материалов одной и той же культурно-хронологической принадлежности, только в разных комбинациях и в различном количественном соотношении. Наиболее ярко здесь представлены материалы иванобугорской пережиточной энеолитической культуры, воронежской, абашевской, катакомбной, бондарихинской культур бронзового века, а главным образом – среднедонской культуры скифского времени.

К тому же приходится иметь в виду, что в целом маломощные культурные наслоения памятников при столь длительном и многократном использовании не сохранили каких-либо четких стратификационных членений и большинство материалов оказалось в переотложенном состоянии. Такая ситуация в известной степени связана и со спецификой функционального характера памятников, и с особенностями процесса почвообразования. Заметим, что в черноземах вообще плохо фиксируются какие-либо стратиграфические изменения.

Изложенные выше обстоятельства заметно ограничивают возможности применения широкого спектра методов при анализе полученных источников. Нами используются главным образом типологический и сравнительный методы и лишь в отдельных случаях – статистико-поглубинное и планиграфическое сопоставление.

К сожалению, практически «не работающими» оказались остеологические материалы, хотя в целом они составляют довольно объемную часть источников. То же самое относится к некоторым типам каменных, костяных и глиняных изделий производственного назначения, имевших надкультурный характер и широкий хронологический диапазон бытования.

Вместе с тем специалистам всегда важно иметь представление об интересующем источнике информации вплоть до деталей, а поэтому предпринятая нами публикация представляется целесообразной. Смысл ее усматривается и в том, что Мостищенский комплекс археологических памятников представляет собой достаточно яркий, а порой и уникальный объект изучения, позволяющий приоткрыть еще неизвестные страницы древней истории Донской земли.

Основной объем полевых работ на памятниках был выполнен сотрудниками и студентами Воронежского государственного педагогического университета.* Благодаря их усилиям, а также всестороннему содействию коллег из Института археологии РАН (прежде всего – профессора В.И. Гуляева), стал возможным выход в свет данной книги, за что авторы всем им выражают искреннюю признательность.

---

* В годы исследования памятников – педагогический институт.

ГЛАВА I

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интересующий нас археологический комплекс выявлен у хутора Мостище на высоких (до 60-ти м над уровнем поймы) крутых отрогах правого берега реки Потудань, недалеко от ее впадения в Дон.

Древние памятники концентрируются на трех мысовых выступах, обращенных стрелками к реке. Средний мыс занят поселением и городищем Мостище 1; на прилегающем с западной стороны мысе находятся поселения Мостище 2 и 3, а на мысе с восточной стороны – Аверинское поселение и городище (рис.1). Таким образом, Мостище 1 занимает центральное положение и в силу характера берегового рельефа находится как бы в нише, под защитой с запада и с востока выступающими ближе к реке соседними мысами. С этого места на север открывается редко встречаемая географическая ситуация слияния пойм трех рек: Дона, Потудани и Девицы. Обзор же местности отсюда поистине впечатляющий: в поле зрения оказываются просторы на расстоянии десятков километров почти по всему полукругу горизонта, включая и Донское Левобережье (рис. 1-4). Но если двигаться в любом направлении по Дону, то интересующее нас место ничем не будет выделяться из уходящего в сторону Потудани общего берегового массива. Иными словами, здесь даже с близкого расстояния почти не улавливается природная «маскировка» рельефа местности. Нет сомнения, что данное обстоятельство учитывалось древними этносами при освоении этого района, и не случайно именно здесь фиксируется концентрация следов их пребывания.

Рассматриваемый район расположен в лесостепной ландшафтной зоне и входит в пределы Среднерусского Белогорья, составляющего часть Среднерусской возвышенности [Мильков Ф.Н., 1985, с. 4-9]. Это типичная среднерусская лесостепь, где ярко проявились особенности лесостепных ландшафтов [Мильков Ф.Н.,1977, с.145]. В региональном плане этот район называется Донским Белогорьем. Одна из характерных его особенностей – наличие подпочвенных меловых отложений, получивших практически повсеместное распространение [Михно В.Б., 1985, с.12]. Обнажения меловых пород встречаются на многих крутых склонах речных долин и балок, почти всегда на них залегают мелоподобные мергели. Меловой карст оказывал и оказывает заметное влияние на физико-географические компоненты местности, включая формирование ландшафта, отличающегося высокой степенью динамичности. Здесь выпадает больше осадков, чем в Левобережье, а соотношение тепла и влаги близко к оптимальному. Водораздельные пространства покрыты выщелоченными и типичными черноземами, а долины рек – пойменными луговыми почвами [Ахтырцев Б.П., 1985, с. 41]. Здесь, в типичной лесостепи [Физико-географическое районирование, 1961, с.16, рис. 2], исстари чередовались разнотравно-луговые степи, богатые северными луговыми видами растений с водораздельными и нагорными дубравами, где еще в недавнем прошлом водились дикая лошадь тарпан, бурый медведь, глухарь. Повышенная лесистость (в первозданном виде она составляла не менее 50 %) и многообразие местообитаний служат причиной значительного богатства животного мира. В крупных лесных массивах водятся дикий кабан, косуля, лесная куница, барсук, а склоновый тип местности как нельзя лучше пригоден для овцеводства [Бердникова З.П., 1985, с.127-128].

Сам Дон, принадлежа Азово-Черноморскому бассейну и являясь типично равнинной рекой [Курдов А.Г., Протопопов В.В., 1982, с.21], органично и беспрепятственно соединяет три ландшафтные зоны в меридиональном направлении: степь, лесостепь и лесные массивы Приочья. Столь же доступны для освоения и открытые пространства с развитой

речной системой в широтном направлении, к бассейнам Днепра и Волги, хотя Правобережье и Левобережье имеют и имели в древности различия [Мильков Ф.Н., 1950, с.223].

Большую часть Донского Левобережья занимает Окско-Донская низменность с характерными ровными ландшафтами [Окско-Донское плоскоместье, 1976]. Меньшая увлажненность Левобережья определила и характер растительности. Здесь значительно меньше лесных массивов, а на водоразделах располагались в древности степи с ковыльно-типчаковыми травами. По водоразделам Левобережья степные языки уходили далеко на север – до верховий Дона и Воронежа, создавая благоприятные условия для подвижного скотоводства.

Отмеченные своеобразия Право- и Левобережья Дона способствовали особенностям расселения древних этнических группировок. Например, в скифское время, к которому относятся рассматриваемые в работе Мостищенское и Аверинское городища, была освоена удобная для земледельческо-скотоводческого хозяйства территория Правобережья. Между тем Донское Левобережье не имело необходимых условий для такого типа хозяйства и особо не привлекало население, обжившее Правобережье.

При всем этом лесостепные ландшафты не оставались неизменными во времени и пространстве. Исследования в этом направлении привели к выводам о значительных их изменениях, включая и смещения в широтном направлении [Веклич М.Ф., 1990; Изменение климата, 1980].

Выявленные на Дону многочисленные и нередко синхронные следы пребывания древних этносов с различными нормами быта и формами экономики заставляют по-новому оценивать региональную специфику взаимодействия Природы и Общества. Именно Лесостепь, обладая намного превосходящей сопредельные ландшафтно-географические зоны демографической емкостью [Долуханов П.М., 1979, с.16], часто становилась объектом внедрения в местную среду миграционных потоков из сопредельных и отдаленных территорий. Пришельцы находили здесь все необходимые условия для жизнеобеспечения и дальнейшего развития традиционных проявлений материальной и духовной культуры.

* * *

Первые сведения об археологических памятниках у хутора Мостище относятся к началу XX столетия. Предводитель Коротоякского уездного дворянства Л.М. Савелов (1860-1947 гг.) составил археологическую карту уезда, на которой были отмечены городище и одиночный курган в районе хутора Мостище. Эта карта проиллюстрировала затем его доклад «Коротоякский уезд в археологическом отношении», сделанный в 1902 г. в Харькове на XII Археологическом Съезде [Савелов Л.М., 1900; Труды…, 1902, с. 352].

В 1957 году в ходе деятельности руководимой известным отечественным археологом П.Д. Либеровым (1904-1984 гг.) Лесостепной скифской экспедиции были составлены планы Аверинского и Мостищенского городищ и собран на них подъемный материал. Тогда же на Мостищенском городище были заложены два шурфа: один (1 х 2 м) – между внешней и внутренней линиями оборонительных укреплений, другой (1 х 3 м) – на оконечности мыса. Кроме того, экспедицией было предпринято исследование внутренней линии оборонительных сооружений с помощью траншеи 0,75 х 12 м [Либеров П.Д., 1957, с. 11].

Полученные материалы позволили исследователю сделать ряд предварительных выводов относительно их принадлежности эпохе бронзы и скифскому времени. По его мнению, керамика эпохи бронзы имеет много общего с материалами поселений у сел

Сторожевое и Подгорное (урочище «Частые курганы», ныне в черте города Воронежа), рассматривавшимися в рамках катакомбных древностей. Соответственно сделан вывод об устройстве городища на месте существовавшего ранее поселения эпохи бронзы.

В 1980 г. воронежским археологом А.П.Медведевым была собрана коллекция керамики эпохи бронзы с распахиваемой площади Аверинского городища [Пряхин А. Д., 1982, с. 115, рис. 37, 1-4], а в 1982 г. с целью определения перспективности дальнейших здесь исследований отряд археологической экспедиции ВГУ под руководством В.И. Беседина произвел раскопки на стрелке мыса. Были заложены три шурфа и небольшой раскоп (общая исследованная площадь составила 104 м^2). В ходе работ выявлен незначительный по мощности и насыщенности материальными остатками культурный слой, содержащий керамику, главным образом, воронежской культуры эпохи бронзы и совсем немного – скифского времени и XIII-XIV вв. н. э. На площади раскопа обнаружено также и погребение древнерусского периода [Беседин В.И., 1983].

В 1983 г. в ходе разведочных работ отрядом археологической экспедиции ВГПУ на Мостищенском городище был заложен зондажный раскоп площадью 16 м^2, откуда были получены материалы пережиточного энеолита, эпохи бронзы и раннего железного века [Синюк А.Т., 1983]. Выявленные на площади раскопа скопления меловых и песчаниковых камней побудили к более детальному исследованию памятника в дальнейшем. Тогда же было открыто на соседнем мысу еще одно поселение, получившее название Мостище 2.

С 1984 г. археологическая экспедиция ВГПУ под руководством А.Т.Синюка осуществляет широкомасштабные раскопки этих памятников. Впервые было представлено подробное топографическое описание Мостищенского городища, а общая площадь раскопок за первый год здесь составила 480 м^2. В ходе исследований обнаружена каменная кладка в виде концентрических кругов, выявлены хозяйственные ямы, материалы иванобугорской пережиточно энеолитической культуры, катакомбной и абашевской культур эпохи бронзы, а также материалы скифского времени.

В 1985 г. ведутся раскопки поселения Мостище 2, где были получены материалы иванобугорской и катакомбной культур. Вскрытая площадь составила 332 м^2, а наряду с материалами эпохи бронзы, как и на соседнем памятнике, были выявлены следы каменных кладок [Синюк А.Т., 1985].

В 1986 г. вновь исследуется Мостище 1, где вскрыто 812 м^2. Тогда же здесь впервые обнаружены постройки и несколько погребений скифского времени [Синюк А. Т., 1986]. В 1987 г. на этом памятнике было заложено два раскопа общей площадью 772 м^2. и исследована внутренняя линия оборонительных укреплений, что позволило установить два периода в функционировании городища скифского времени. Тогда же были продолжены исследования каменных кладок (раскопом площадью 84 м^2) на поселении Мостище 2 [Синюк А.Т., 1987].

Раскопки на Мостище 1 возобновляются в 1990 г. отрядом экспедиции ВГПУ под руководством В.Д. Березуцкого. Двумя раскопами была исследована площадь в 584 м^2 между внутренней и внешней линиями оборонительных укреплений, а также сделан разрез внешних укреплений раскопом 1 х 25 м [Березуцкий В.Д., 1990]. В 1991 г. данный памятник исследуется на площади 582 м^2 [Березуцкий В.Д., 1991], а в 1993 г. на юго-западном его склоне двумя раскопами (общая площадь 218 м^2) была открыта новая линия укреплений, ранее принимавшаяся исследователями за древнюю въездную дорогу [Березуцкий В.Д., 1993 г.]. С этого года В.Д. Березуцким предпринимаются раскопки Аверинского кургана [Березуцкий В.Д., 1993; 1995], откуда еще в 1979 г., при выборке земли местные трактористы извлекли два медных котла (ныне экспонируются в Острогожском краеведческом музее) [Памятники археологии Южного Придонья, 1989, с.156].

С 1994 г. к работе на памятниках у хутора Мостище подключается Потуданская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством В.И.Гуляева. На Мостище 1 в пределах внутренней линии оборонительных укреплений были заложены два раскопа общей площадью 176 м^2 с целью получения палинологических и карпологических образцов, а также для определения характера хозяйственных ям [Гуляев В.И., 1994].

Тогда же, в ходе работы Потуданской экспедиции, воронежский краевед и первооткрыватель многих археологических памятников в Подонье П.М. Золотарев обнаружил недалеко от Мостища 2 еще одно поселение, получившее название Мостище 3. Заложенный здесь шурф (2 х 2 м) подтвердил наличие культурного слоя с материалами иванобугорской и воронежской культур.

В 1995 г. Потуданская экспедиция продолжила работы на поселениях Мостище 1 (вскрыто 64 м^2) и Мостище 3 (вскрыто 52 м^2), откуда взяты образцы на фосфатный анализ [Гуляев В.И., 1995]. Одновременно отряд археологической экспедиции ВГПУ под руководством В.Д. Березуцкого исследовал оборонительные укрепления Аверинского городища раскопом 2 х 40 м [Березуцкий В.Д., 1995].

Таким образом, общая исследованная площадь поселения Мостище 1 составила 3747 м^2, поселений Мостище 2 – 448 м^2 и Мостище 3–56 м^2, а Аверинского городища – 184 м^2.

Наряду с названными нами выше исследователями в изучение памятников у хутора Мостище в разные годы принимали участие московские археологи В.А. Башилов, А.Н. Гей, Е.И. Савченко, палинолог Е.А. Спиридонова, антрополог М.В. Козловская.

Материалы раскопок археологических памятников у хутора Мостище частично уже получили освещение в литературе. Они рассматривались в рамках общей исторической справки по изучению древностей Острогожского края [Синюк А.Т., 1997], при характеристике впервые открытого в средней полосе Восточной Европы каменного лабиринта на Мостище 1 [Синюк А.Т., 1987; Винников А.З., Синюк А.Т., 1990], при анализе ивано-бугорской керамики [Синюк А.Т., 1990, с. 108-110; 1996, с. 64-75] и керамики своеобразного «календарного» типа [Аринчина Т.Ю., 1989, с. 107-110]. Вошли в научный оборот и некоторые материалы скифского времени. В частности, дана общая характеристика и определены хронологические рамки бытования Мостищенского городища [Березуцкий В.Д., 1990; 1993, с. 71-79]; освещены результаты исследования оборонительных укреплений Мостищенского [Степкин В. В., 1996, с. 180-192] и Аверинского городищ [Березуцкий В.Д., Степкин В.В., 1999]. В.В. Килейниковым опубликованы результаты трасологического анализа производственных орудий скифского времени с Мостищенского городища [Килейников В. В., 1994, с. 74-75], а Е.Ю. Лебедевой отражены результаты палеоботанических исследований на этом памятнике [Лебедева Е.Ю., 1999; 2000; 2001]. Отметим и публикацию А.П. Медведевым медных котлов из Аверинского кургана с корректировкой их датировки и этнокультурной принадлежности [Медведев А.П., 1997, с. 50-66; 1998].

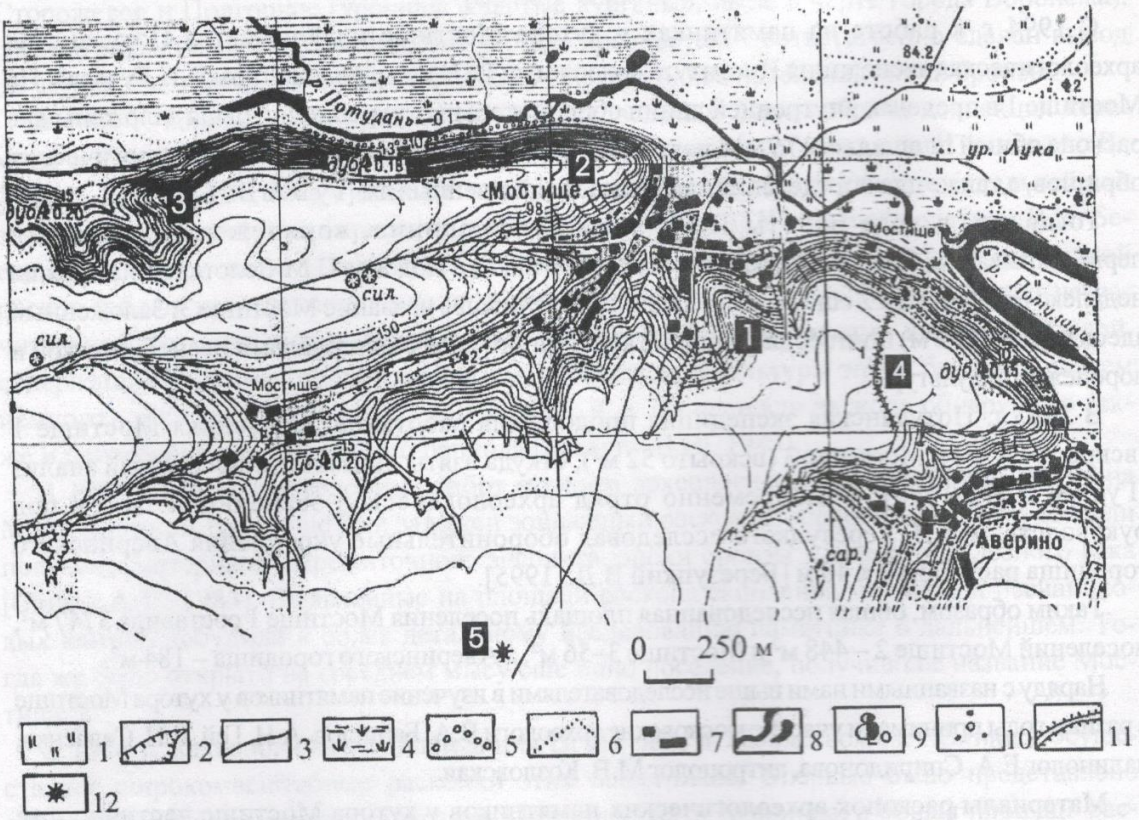


Рис. 1. Топографический план расположения археологических памятников у хут. Мостище:
1 – Мостище 1; 2 – Мостище 2; 3 – Мостище 3; 4 – Аверино; 5 – курган.
Условные обозначения: 1 – луг; 2 – овраг; 3 – грунтовая дорога; 4 – болота;
5 – лесополоса; 6 – граница угодий; 7 – современные строения; 8 – река, озера;
9 – широколиственный лес; 10 – кустарник; 11 – вал; 12 – курган

Рис. 2. Вид на Мостище 1 и пойму Дона с юго-запада

Рис. 3. Вид на Мостище 1 с северо-запада с поселения Мостище 2

Рис. 4. Вид с юго-востока со стрелки мыса Мостище 1 на Мостище 2

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

1. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 1

Мысовой выступ, на котором находится поселение, имеет удлиненно-треугольную форму в направлении с юго-востока на северо-запад (с небольшим отклонением к северу) (рис.5).[1] В целом длина мысового выступа составляет 250 м, а ширина у основания – около 100 м. Высота оконечности мыса от подножия достигает 60-ти м. Склоны достаточно крутые, имеют меловые осыпи. Плоская же поверхность мыса естественным образом делится на три площадки с разными высотными отметками с понижением в сторону стрелки мыса. Верхняя площадка, самая обширная, примыкает к плато. Далее, с понижением на четыре метра идет сравнительно небольшая (около 800 м^2) средняя площадка, а примерно на столько же ниже ее, на стрелке мыса размещена совсем маленькая (не более 150 м^2) нижняя площадка. Общий же перепад высоты от верхней к нижней площадке составляет около 9-ти м. Отметим, что границы понижений идут под углом более 10-ти градусов. И это, надо полагать, учитывалось в древности.

На задернованной поверхности мыса, примерно по центру верхней площадки, на расстоянии 140 м от его оконечности визуально фиксировались остатки оборонительных сооружений скифского времени в виде вала и рва, полукольцом соединивших борта мыса. Остатки еще одной линии древних укреплений прослеживались и по основанию той же площадки, ныне частично занятой пахотными угодьями. Расстояние от внутренней до внешней линии укреплений – 95 м. Здесь же, почти до середины верхней площадки, вклинилась лесополоса, со стороны мыса оконтуренная грунтовой дорогой.

На нижней площадке мыса имеются округлые углубления – следы от огневых точек периода Великой Отечественной войны, а поблизости, на северо-западном краю мыса, образовался открытый срез, откуда и по сегодняшний день местными жителями извлекается для хозяйственных целей мел.

Изучение памятника велось таким образом, чтобы получить оптимальные результаты по всем трем площадкам мыса, где и были заложены раскопы. В силу причин, диктовавшихся спецификой характера материалов, особое внимание было сконцентрировано на ограниченной внутренней линией укреплений верхней площадке мыса. Именно здесь удалось полностью охватить раскопом остатки древних каменных кладок, о чем речь пойдет ниже.

Культурные наслоения памятника, помимо стратификационных бровок и стен раскопов, фиксировались с помощью траншеи, проложенной вдоль длинной оси мыса и, в конечном счете, соединившей все раскопы. Это давало возможность оценивать систему наслоений, а также степень концентрации находок на разных участках памятника и в нужных местах делать прирезку новых раскопов.

Наблюдения показали, что фактически на всей раскопанной части памятника поддерновые надматериковые отложения единообразны как по толщине, так и по своим геоморфологическим признакам, причем их смешанный характер подтверждается отсутствием каких-либо визуально фиксируемых прослоек, а также бессистемностью размещения в них разнородных и асинхронных материальных остатков. Со всей очевидностью такой характер отложений засвидетельствован открытием в материке большого количества следов от строительства хозяйственных ям, жилых построек и оборонительных укреплений периода раннего железа.

---

[1]Уточненный топографический план памятника выполнен А. Н. Геем в 1994 г.

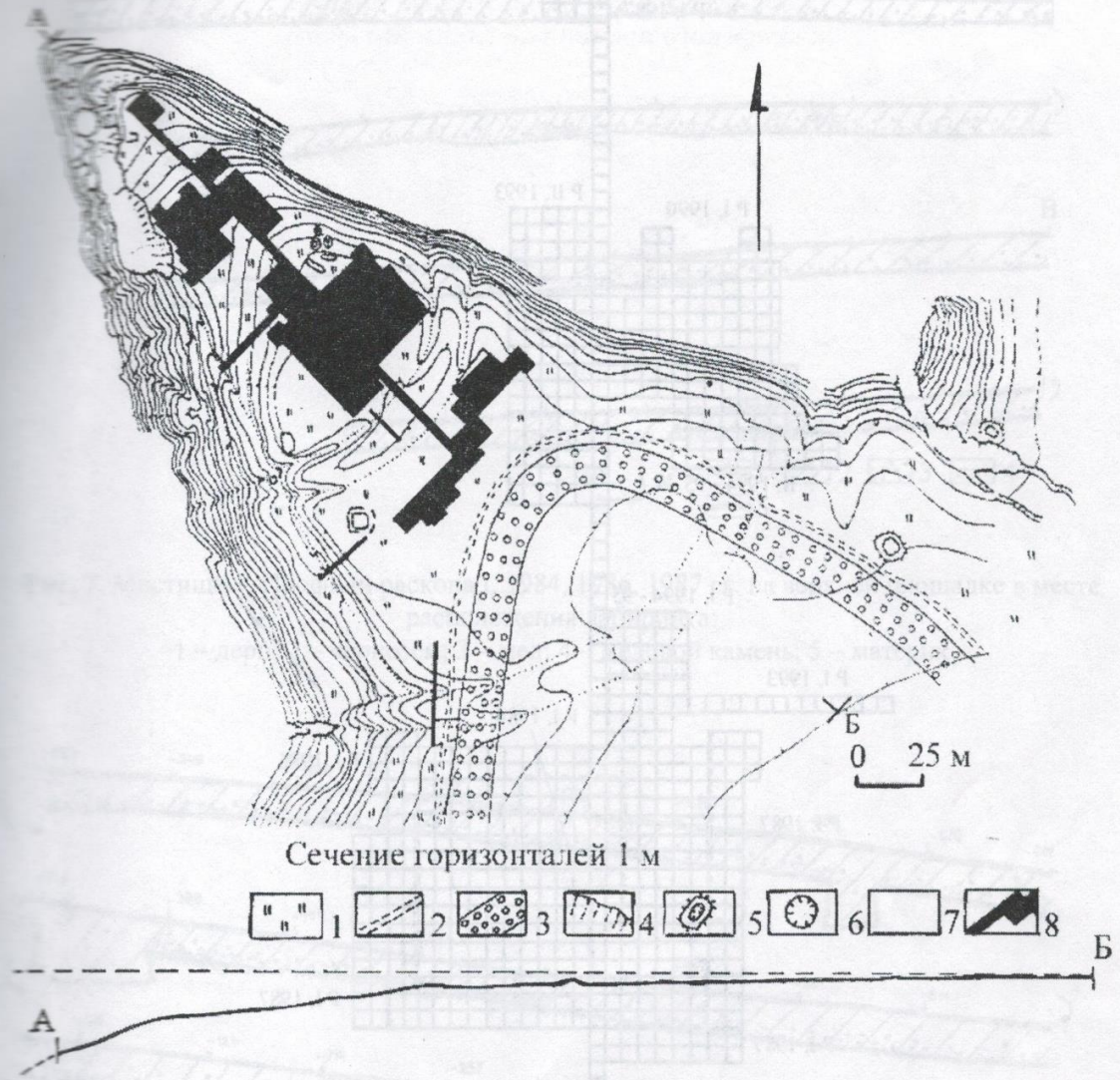


Рис. 5. Топографический план Мостища 1 с обозначением площади раскопов:
1 – луг; 2 – грунтовая дорога; 3 – лесополоса; 4 – обнажение; 5, 6 – следы современной хозяйственной и иной деятельности; 7 – пашня; 8 – раскопы

Сами отложения представляют собой чернозем мощностью до 60 см, обильно насыщенный известняковым щебнем и меловой крошкой – продуктом некогда активного антропогенного воздействия на материковую основу – мел и мергель. На некоторых участках удавалось фиксировать слой древней погребенной почвы толщиной от 0,1 до 0,12 см, не содержавший находок in sity.[1] Таким образом, реальная толщина культурного слоя памятника в среднем не превышала полуметра. Он разбирался последовательно с помощью двух–трех условных слоев (штыков) толщиной по 20 см каждый.[2]

[1] Помимо нарушения культурного слоя, связанного с антропогенным фактором, нельзя не отметить и деятельность грызунов, следы многочисленных нор которых хорошо «читались» в материке.

[2] В процессе раскопок разных лет делались попытки разбирать культурный слой по 10 см. Однако характер слоя не давал возможности целенаправленно улавливать какие-либо объективные статистико-поглубинные ситуации.

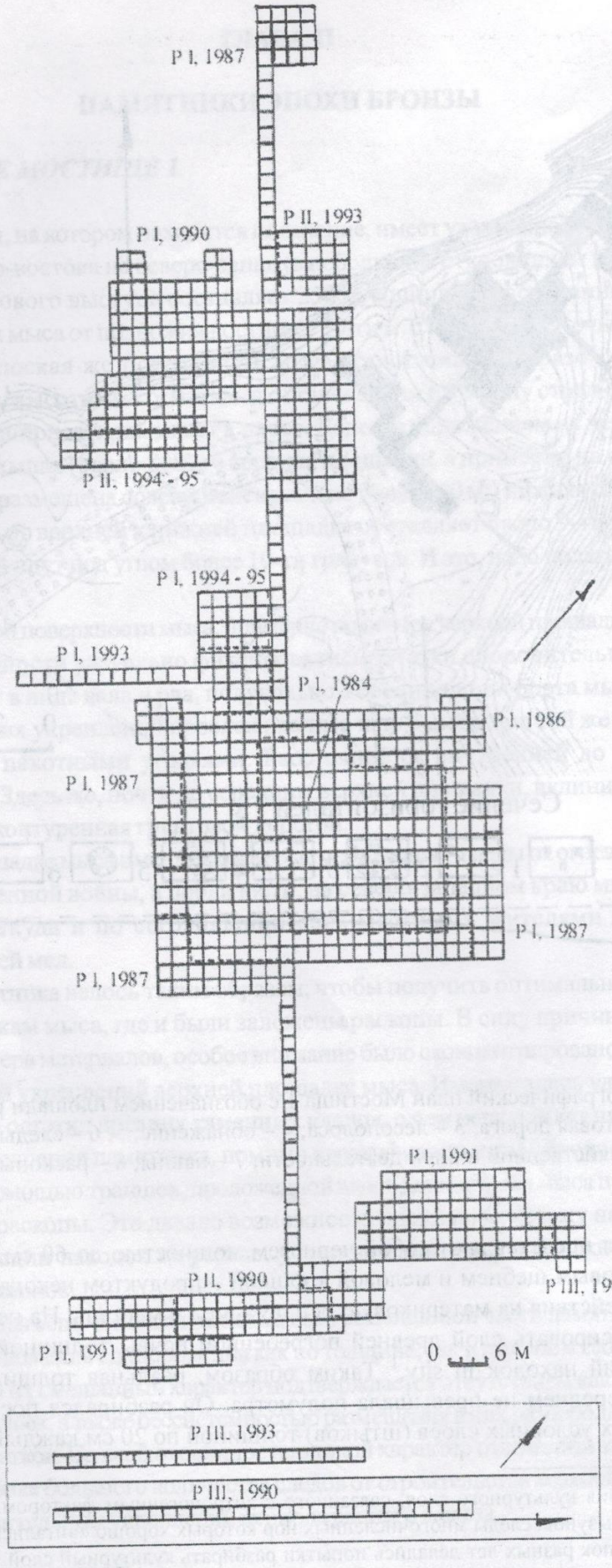


Рис. 6. Мостище 1. План раскопов

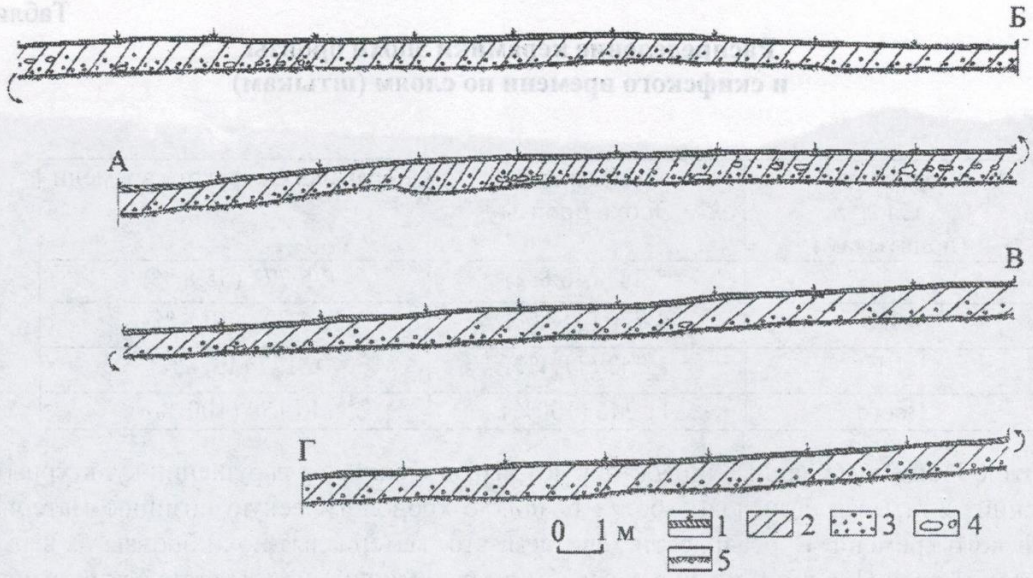


Рис. 7. Мостище 1. Профили раскопа I, 1984, 1986, 1987 гг. на верхней площадке в месте расположения лабиринта:
1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – мел; 4 – меловой камень; 5 – материк

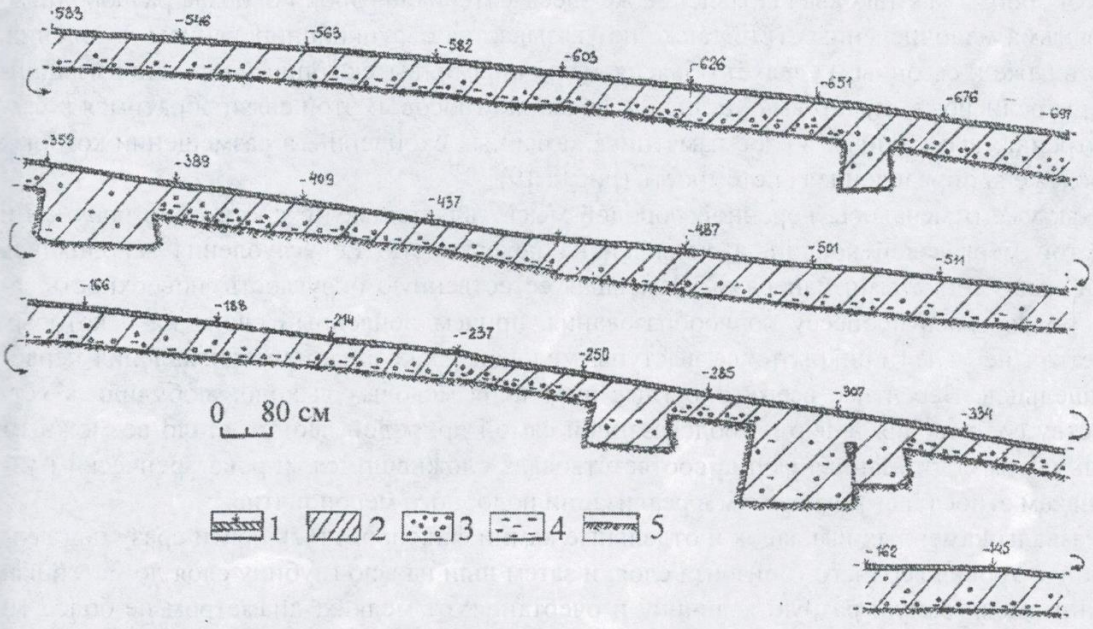


Рис. 8. Мостище 1. Профили раскопа II, 1987 г. на средней площадке:
1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – мел; 4 – глина; 5 – материк

Насыщенность культурного слоя материалами эпохи бронзы, несмотря на казалось бы, их солидный объем (керамика, например, принадлежит более чем 600 сосудам), может быть признана слабой, если учитывать величину раскопанной площади памятника. Так, керамики (самого массового вида находок) на квадратный метр, в среднем приходится по 3-4 фрагмента. Распределение ее по слоям (штыкам) сравнительно с керамикой скифского времени приведено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение керамики эпохи бронзы и скифского времени по слоям (штыкам)

Горизонты Слоя (по штыкам)	Керамика Эпохи бронзы	Керамика скифского времени
I	5 283 (46.8%)	25 771 (55,8 %)
II	4 720 (41.8%)	14 202 (30,8 %)
III	1 243 (11.4%)	6 177 (13,4 %)
Всего	11 246 (100%)	46 150 (100 %)

Эти обобщенные данные иллюстрируют вывод о сильном нарушении культурных наслоений. Учитывая безусловно более позднюю хронологическую позицию материалов скифского времени в реальности, считаем, что материалы эпохи бронзы из верхнего горизонта слоя (1 штык) вообще могут быть исключены из статистических выкладок при поглубинных сопоставлениях .

Отметим одно весьма важное обстоятельство. Из большого числа выявленных на площади памятника и углубленных в материк хозяйственных ям и прочих построек, ни одна из них не может быть с достоверностью отнесена к эпохе бронзы. Все они создавались в скифское время. А отсюда следует вывод: на памятнике отсутствовали поселения эпохи бронзы как таковые. Появление же здесь материалов эпохи бронзы, разнородных, но весьма малочисленных (что также не увязывается с функционированием поселений, пусть даже и сезонных) следует объяснять причинами, вытекающими, на наш взгляд, из сферы религиозно-культовых установок древних этносов. В этой связи обратимся к рассмотрению выявленных в слое памятника каменных скоплений, в размещении которых прослежена определенная системность (рис.9; 10).

Как уже отмечалось, коренной породой мыса является мел с достаточно прочной и толстой мергелевой коркой, выходящей на поверхность. Ее углубления заполнялись древними глинистыми наносами. Имевшая естественную округлость, поверхность затем подверглась процессу почвообразования, причем почвенный слой на некоторых участках не успел прикрыть все выступы меловой корки к моменту появления первопришельцев. Вероятнее всего, округлые очертания меловых выходов побудили к устройству сооружения в форме, подсказанной самой природой. Но это стало возможным лишь потому, что данная форма соответствовала сложившимся мировоззренческим установкам этноса и его интересам в реализации подобного мероприятия.

Развалы каменных выкладок и отдельные камни фиксировались почти сразу под дерниной, с уровня верхнего горизонта слоя, и затем шли на всю глубину слоя до материка. Камни имели самую разную величину и очертания: от мелких, диаметром не более 10 см, до полуметровых глыб. Иногда удавалось проследить, что множество камней составляют части одной плиты, вывернутой из материка и раздавленной в силу каких-то причин.

Уже в первый год раскопок было установлено наличие здесь кольцевых концентрических кладок, что особенно четко обнаруживалось при разборке нижнего слоя и зачистке материка. Кладки занимали центр верхней площадки мыса между внутренней линией укреплений и склоном к средней площадке. В ряде случаев удавалось фиксировать уровень дневной поверхности, соответствовавший времени закладки сооружения. Он поднят на 0,1 – 0,12 м от материка.

Рис. 9. Мостище 1. Меловые камни разрушенного лабиринта в раскопе I, 1984 г.

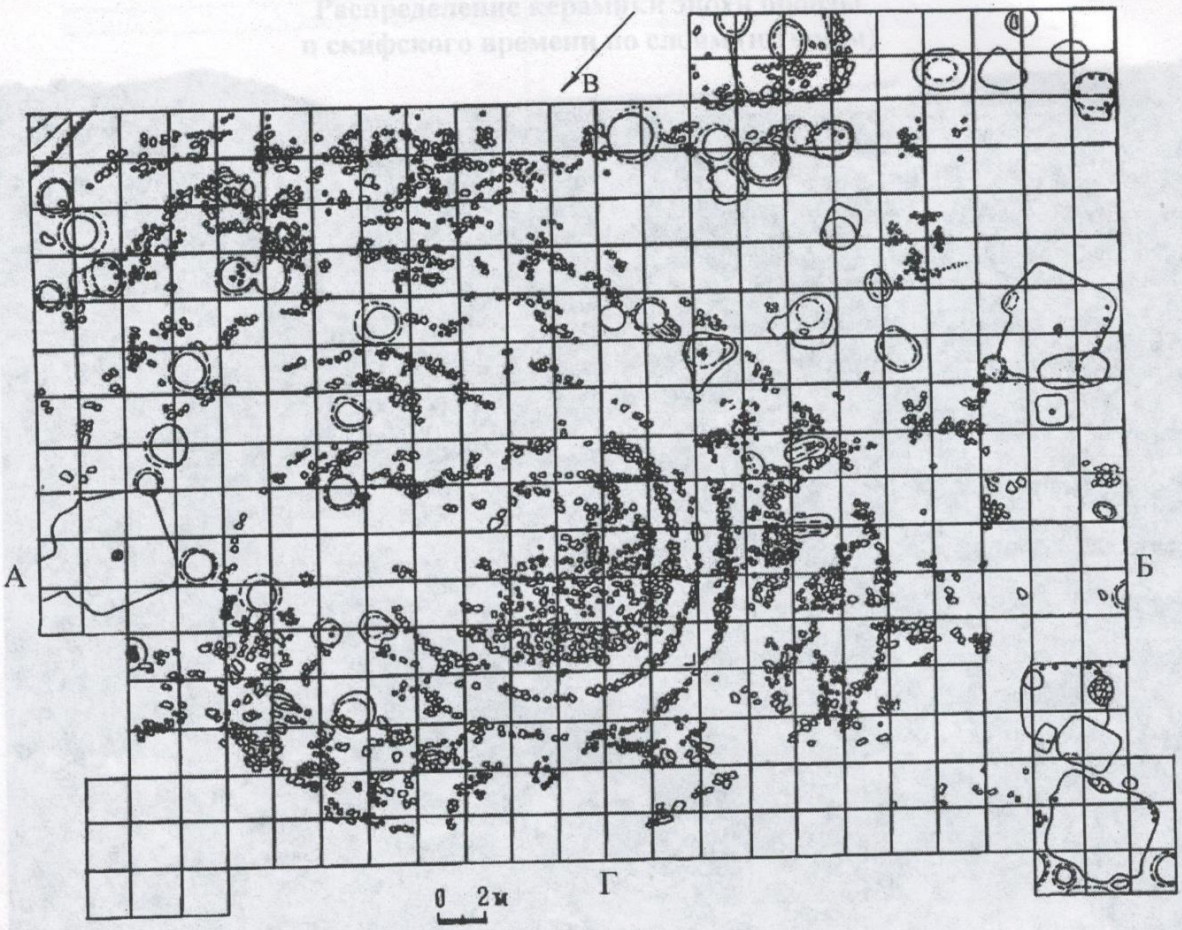


Рис. 10. Мостище 1. План раскопа на верхней площадке. Каменный лабиринт

Что же представляло собой сооружение? К сожалению, до нас оно дошло лишь фрагментарно и его архитектоника во многом остается неясной. При желании в нем можно усмотреть кладку и в виде спирали, и в виде концентрических кругов-эллипсов, и, возможно, в иных очертаниях. И, тем не менее, если за основу реконструкции сооружения взять хорошо фиксируемый его центр (в виде округлой площадки с признаками вымостки) и западную половину, подвергшуюся меньшему разрушению, то сооружение будет представлять собой систему из шести концентрических кругов-эллипсов, вытянутых поперек длинной оси мыса, с диаметром внутреннего круга около 8 метров, а внешнего – до 40 метров. Меньший внешний диаметр колеблется в пределах 30 м (рис. 10). Первоначально, из-за отсутствия стратиграфических признаков памятника, нами было высказано предположение о принадлежности сооружения раннему железному веку. Как выяснилось при дальнейшем исследовании, камни действительно широко использовались населением скифского времени путем разборки кладок, созданных задолго до их появления. При этом конструкция подверглась разрушению при организации на ее площади хозяйственных ям, жилых построек, захоронений, а также при строительстве внутренней линии укреплений. Вместе с тем на отдельных участках можно было проследить систему выкладок, где камни размещались рядами по два-три друг на друге без какого-либо связующего раствора, а высота такой «дикой» кладки лишь на отдельных участках могла достигать 0,4 м.

В определенной степени можно реконструировать дневную поверхность времени разрушения кладок на основании учета уровня залегания камней, входящих не в кладки, а в развалы. Такой

уровень оказывается во втором горизонте слоя, начиная с высоты 0,25 м от материка. Камни, находящиеся внизу, представляли собой как бы фундамент, а верхние затем свалились на поверхность, нарушая планиграфическую систему кладки. К моменту закладки сооружения материковая основа была неоднородной, и там, где выступал на поверхность карст, нижние камни ложились сразу на него, а в других местах – на почвенный слой, выравнивавший поверхность.

Толщина кольцевидных линий-кладок в среднем составляет около полуметра, с учетом их предполагаемой первоначальной высоты до 0,4 м., тогда как расстояния между кольцами колеблются на разных участках от одного до двух метров. Отметим весьма интересную деталь: через его центр, строго по линии север-юг и запад-восток выявлены две пары плоских гранитных плит на расстоянии 8 и 15 м друг от друга. Они сохранились in situ, то есть являются элементами конструкции, четко выделяясь по цвету и величине в меловых кладках. Размеры их в поперечнике – до полуметра и более. Системность расположения заставляет признать за ними роль специальных ориентиров.

Еще раз заметим, что нельзя исключать и каких-либо каменных пристроек с восточной стороны, где фиксируется обилие каменных завалов. Однако они в конструктивном плане практически не «читаются».

Может возникнуть вопрос: а могли ли эти кладки представлять собой тип фундамента для установки жердевого каркаса «шатровой» закрытой конструкции? Мы склонны думать, что нет, поскольку в таком случае невозможно было бы обойтись без укрепления каркаса в грунте (нередко линии кладок идут в один камень), но ни одной столбовой ямки в материке не прослежено, а почвенный слой для этих целей был слишком невелик.

Таким образом, имеется полное основание признать в выявленных на памятнике каменных развалах остатки сооружения в виде лабиринта, воздвигнутого, судя по отдельным стратиграфическим признакам, в самом начале функционирования памятника. Прежде чем ответить на вопрос: кому принадлежала идея реализации столь уникального для средней полосы Восточной Европы сооружения, обратимся к рассмотрению керамического материала – главного этнокультурного индикатора памятника.

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Выявленная на памятнике керамика доскифского времени уверенно сопоставляется с материалами иванобугорской, воронежской, абашевской, катакомбной и бондарихинской культур, которые хорошо известны в бассейне Дона. Кроме того, одна из групп керамики может быть отнесена к так называемому терновскому культурному типу (рассматриваемому нами в рамках катакомбных древностей), а еще одна группа отмечена ярким своеобразием, выделяющим ее из материалов названных археологических культур, ввиду чего она условно названа нами «календарной».

Общие статистические данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение керамического материала в слоях поселения Мостище 1

Группы керамики	Горизонты слоя	Годы																Всего	
		1984		1986		1987		1990 Р-1		1990 Р-2		1991		1993 Р-1		1993 Р-2			
Иванобугорская-воронежская	1	879	211	742	150	401		136		140			1045	65		9		2087	5179
	2	584		908		431		117		72				30		3		2238	
	3	47		362		248								5				854	
Абашевская	1	86		24	16	8		15		8			114	4				122	272
	2	45		25		10		14		3				1				104	
	3	9		12		8												46	
Катакомбная	1	150		514	24	231		105		21			548	17		4		912	2068
	2	92		319		223		120		16				10		1		774	
	3	13		117		114								1				382	
Календарная	1			26	10	18		3					27	3		2		47	161
	2			48		19				2				4				74	
	3			22		16												40	
Бондарихинская	1							15		13		187	267	19		9		19	352
	2							16		6		80		3		1		227	
	3													4				106	
Всего																			8032

КЕРАМИКА ИВАНОБУГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ряде публикаций предшествующих лет нами была обоснована необходимость выделения своеобразной иванобугорской культуры и приводилась общая характеристика облика ее сосудов [Синюк А.Т., 1984, с.105-121; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985]. На рассматриваемом памятнике они составляют самую крупную серию (выявлены фрагменты более чем от 500 сосудов) не только среди всех выявленных культурных групп керамики, но и относительно иванобугорских материалов других стоянок Среднего и Верхнего Дона вместе взятых. Это дает возможность впервые предложить типологию иванобугорских сосудов, подкрепленную соответствующим комплексом показателей.[1] При этом в ряде случаев удается оперировать графически реконструируемыми сосудами.

Но прежде отметим два обстоятельства: во-первых, при большом количестве венчиков сосудов и их боковин, находки днищ буквально единичны, а, во-вторых, фрагменты от одних и тех же сосудов, как правило, рассредоточены на большом пространстве, иной раз на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга, что обычным нарушением культурного слоя древней строительной деятельностью объяснить трудно. Это заставляет предполагать вероятность и особого значения, придававшегося днищам разбитых сосудов, в силу каких-то причин удалявшихся с основной площади памятника.

Иванобугорская керамика практически безошибочно вычленяется из общей массы керамического материала как по технологическим, так по морфологическим и орнаментальным признакам. Все сосуды изготовлены из плотного и хорошо промешанного глиняного теста с добавками мелкого песка и какого-то тонковолокнистого вещества (возможно - шерсти животных). Характерная их особенность – гладкие поверхности с тщательной, вплоть до лощения, обработкой без применения инструментов, которые бы оставляли следы штриховки или расчесов. Обжиг костровой, ровный, придававший внешним поверхностям коричневый цвет, варьирующий в оттенках у разных сосудов; внутренние же поверхности темно-серые, вплоть до черного цвета. Лишь в единичных случаях отмечены иные цветовые сочетания.

Сосуды имеют стройные пропорции (высота равна или превышает наибольшую ширину), образуют группу яйцевидных (наибольшая ширина сосудов приходится на верхнюю треть высоты) и реже – колоколовидных (диаметр верха превышает наибольший диаметр тулова) горшков с круглыми, округлоприостренными или с небольшими плоскими без закраин днищами. Размеры сосудов подчинены определенным стандартам: в большинстве случаев диаметры венчиков варьируют от 16 до 20 см, хотя встречаются и отклонения от этих величин в ту и другую сторону.

Орнаментировались все сосуды с особой тщательностью, нередко сплошь, включая днища и внутренние части венчиков, а иногда с оставлением свободных зон или же только по верхней половине поверхности. Основными элементами орнамента выступают глубокие прямые штампы с гладким или рубчатым основанием, ямочные вдавления и ногтевые защипы. Отмечены также гребенчатый штамп, короткие нарезки, оттиски шнура, в целом не играющие существенной роли в украшении. Распространенными орнаментальными мотивами являются составление ямочных элементов в неолитическом «шахматном» порядке, в виде ромбов и линейно-треугольных композиций.

Касаясь морфологических признаков сосудов, прежде всего отметим такую их осо-

---

[1] При работе над типологией иванобугорских сосудов мы придерживаемся критериев, учтенных В.И. Бесединым и А.Т. Синюком при анализе посуды воронежской культуры [Беседин В.И., 1984, с.60-77; Синюк А.Т., 1993, с.29-47; Синюк А.Т.,Бессуднов А.Н., 1996, с.30-38], что, как станет ясно по мере дальнейшего рассмотрения, имеет принципиальное значение.

бенность, как наличие четко выраженного ребра с внутренней стороны при переходе тулова в горло, независимо от того, какое оформление имеет само горло.

Сосуды можно разделить на три группы: горшки (абсолютное большинство), банки и чашки.

Горшки

Основной признак горшков – наличие горла. По особенностям его оформления выделяются следующие типы сосудов:

Тип А – горшки с прямо выведенным ровным горлом; с горизонтальным срезом венчика;

Тип Б – горшки с ровным раструбовидным горлом;

Тип В – горшки с желобчатым оформлением горла;

Тип Г – горшки с воротничковым оформлением горла;

Тип Д – горшки с плавно профилированным с обеих сторон и отведенным наружу горлом.

Рассмотрим более подробно сосуды по типам в отмеченной последовательности.

Сосуды типа А (рис. 11) составляют малочисленную группу (13 экз.). Все они яйцевидной формы, тогда как форма днищ, ввиду отсутствия полных реконструкций, не определяется. Высота горла сосудов варьирует от 2,5 до 4 см. Ровно срезанные края венчиков в ряде случаев имеют закраины - утолщения с наружной (рис. 11, 6), внутренней (рис. 11, 4) или же с обеих сторон (рис. 11,8). Срез венчиков украшен прямо или наклонно поставленными гладкими и рубчатыми насечками, а также личинками в один ряд или перекрестно. Отметим сосуд, украшенный прямоугольными рубчатыми в основании ямками в шахматном порядке (рис. 11,1). Еще один сосуд тоже украшен в "неолитической" манере круглыми неглубокими ямками (рис. 11, 8). Отметим также ямки треугольной формы (рис. 11, 7). Оттиски рубчатого и гребенчатого штампа образуют горизонтальные ряды или составлены в пояски наклонно (рис. 11, 2,3,5,6). У двух сосудов орнаментирована и внутренняя сторона горла (рис. 11,6).

Сосуды типа Б (рис. 12 – 19) составляют самую многочисленную серию (99 экз.). Они имеют как яйцевидную, так и колоколовидную форму, причем последние для других типов, за редким исключением, вообще не характерны. Сосуды имеют округлые и плоские днища. Венчики, как правило, приострены путем косого среза снаружи, а значительно реже - скруглены (рис. 12, 4; 15, 2; 16, 5 и др.). Угол отгиба горла достаточно вариабилен, как и сама высота горла - от едва выделенного до 4 см.

Орнамент покрывает как всю поверхность, так и с оставлением свободной зоны в придонной части сосудов. Как правило, косые срезы венчиков тоже несут украшение. Нередок орнамент и на внутренней стороне горла.

Достаточно типичен прием украшения простыми и рубчатыми в основании ямками в шахматном порядке, причем размещение орнамента нередко создает ромбический мотив. Интересно отметить, что тот же мотив создается компановкой отрезков гладких и рубчатых вдавлений (рис. 13, 3; 16, 3). Весьма распространено и сочетание ямочного элемента с линейными вдавлениями рубчатого, гребенчатого и гладкого штампов, причем последние служат делителями орнаментальных зон. Они же в несколько рядов опоясывают горло сосудов. В ряде случаев прямые насечки создают елочные композиции (рис. 14, 1; 15, 5; 16, 1) и зигзаги (рис. 18, 5). Сложный характер сочетания разных орнаментальных элементов добавляется присутствием рядов ногтевых защипов (у двух десятков сосудов), расположенных либо по срезу венчика (рис. 12, 2,3; 15, 2), либо под ним (рис. 15, 3), а иногда в несколько рядов по горлу и тулову (рис. 16, 6). Лишь в нескольких случаях отмечены оттиски шнура (рис. 12.7) и жемчужины.

Сосуды типа В (рис. 20; 21) представлены в количестве 36 экземпляров. Все они, за исключением двух-трех колоколовидных, имеют яйцевидную форму. Венчики приострены путем косого среза изнутри (рис. 20, 2, 4; 21, 2, 3), округло приострены и реже – скруглены (рис. 21, 3) или ровно срезаны (рис. 20, 1, 7; 21, 4). Высота венчиков варьирует от 2,5 до 4 см. Система орнаментации совершенно аналогична сосудам предыдущего типа. В этой связи отметим, что есть сосуды, которые с большими натяжками приходится относить либо к типу Б, либо к типу В. К примеру, у одного из сосудов горло имеет с внешней стороны раздутость и верх венчика срезан вовнутрь, что характерно для сосудов типа В, но желобчатость изнутри не выражена и орнамент, за малыми деталями, совершенно идентичен сосуду типа Б (рис. 20, 5). И таких «переходных» сосудов обнаруживается немало, о чем мы еще будем говорить ниже. В этой же связи обратим внимание на один из «переходных» экземпляров с необычным для иванобугорских гончарных традиций оформлением ребра в верхней части тулова (рис. 21,1). Лишь еще один остроребериый сосуд, найденный на памятнике, отнесен нами к типу А (рис. 11, 9).

Сосуды типа Г (рис. 22; 23) выявлены в количестве 15 экземпляров. Все они, как правило, короткогорлые, с более или менее выраженным треугольным в сечении воротничковым утолщением. По другим признакам они идентичны сосудам предшествующих типов.

Сосуды типа Д среди иванобугорской керамики единичны (рис. 24; 25,7). Их выделение в самостоятельный тип носит в определенной степени условный характер, но это продиктовано необходимостью с большей полнотой заострить внимание на органическую связь гончарных традиций иванобугорской и воронежской культур, поскольку в последней получает развитие именно такой тип сосудов. К этому аспекту мы еще в дальнейшем вернемся при сопоставлении материалов названных культур.

Баночные сосуды

Характеризуются отсутствием четко выделенного горла. К ним можно отнести совсем небольшое число экземпляров, чуть более десяти (рис. 26, 1 - 9). Как и горшки типа Г они, за исключением одного экземпляра, имеют реберчатый уступ изнутри, который одновременно может рассматриваться как производный от косого среза вовнутрь венчика. И здесь подчас трудно установить четкую границу при отнесении сосудов к банкам или горшкам типов Б или Г, тем более, что все технологические и орнаментальные признаки у них выступают в органическом единстве.

Чашевидные сосуды

К ним можно отнести всего три экземпляра (рис. 26, 10-12). От банок они отличаются лишь большей приземистостью. Венчик одной из чашек имеет Т-образное утолщение (рис. 26, 10); у второй он косо срезан вовнутрь (рис. 26, 11), а у третьей, орнаментированной рядами ногтевых защипов, венчик плавно заострен (рис. 26, 12).

В таблице 3 приведены соотношения основных элементов и мотивов орнамента на иванобугорских сосудах рассмотренных групп и типов, где при поглубинном анализе нами учитывались и фрагменты, рассеянные, как правило, по разным слоям, хотя и принадлежащие одним и тем же сосудам. Но предварительно отметим, что в таблице учтены развалы и фрагменты сосудов из раскопов 1984–1987 гг. верхней площадки памятника. Это наиболее широко исследованная часть памятника, что предполагает достаточную корректность взятой для анализа выборки источников. В то же время из анализа исключен сильно фрагментированный материал.

Таблица 3

Группы и типы иванобугорских сосудов по горизонтам слоя

Сосуды			Элементы орнамента									Мотивы орнамента				«Шахматная» композиция	Содержание по горизонтам (в %)	
Форма	Тип	Количество	Ямки с гладким основанием	Ямки с рубчатым основанием	Прямые длинные оттиски с гладким основанием	Прямые длинные оттиски с рубчатым основанием	Прямые короткие оттиски с гладким основанием	Прямые короткие оттиски с рубчатым основанием	Гребенчатый штамп	Защипы	Шнур	Ромбовидный	Зигзаговый	Сечатый	Елочный		Нижний горизонт	Верхний горизонт
Горшки	А	13	3	1		5	1	7	1	3		1		4		2	29	71
	Б	99	17	11	5	26	13	37	11	18	1	11	5	9	3	15	25	76
	В	36	3	1	5	8	6	14	1	9	2	5	2	2	5	2	13	77
	Г	15	1	1		2	7	10	2	7	1	1		3	1	2	25	75
	Д	5				1		1		2					1		50	50
Банки	11		3		1	1	1	6		2		1		1		2	41	59
Чашки	3							1	1	1				1				100
Всего	182		27	14	11	43	28	76	16	42	4	19	7	20	10	23		

Из таблицы следует, что основные орнаментальные признаки в целом присущи всем типам сосудов. Можно лишь отметить большую встречаемость ямочного элемента и рубчатых оттисков у горшков типа Б в сравнении с другими, а у сосудов типа Г преобладают защипы. Относительно же количественного соотношения самих типов сосудов можно отметить явное преобладание горшков типа Б, а среди них - высокогорлых горшков. Еще раз отметим, что каждый из выделенных типов включает сосуды с переходными чертами. Более того, в ряде случаев трудно уловить четкие отличительные критерии между банками с намеченным венчиком и короткогорлыми горшками. Все это свидетельствует, с одной стороны, об известной условности предпринятой типологии, не подтвержденной пока стратиграфической ситуацией (либо замкнутыми комплексами), а, с другой стороны, в этом следует усматривать и реальное отражение внутреннего единства рассматриваемого материала, где их многовариантность отражает сложный характер взаимодействия и развития гончарных традиций на протяжении какого-то времени.

К сожалению, хронологические рамки бытования иванобугорских материалов на данном памятнике не могут быть установлены без сравнения с данными других известных памятников, но об этом речь пойдет в следующей главе. Мы же здесь лишь коснемся итогов послойного содержания материалов, отраженных в приведенной выше таблице. Наиболее представительные типы сосудов распределены примерно в равном соотношении по двум слоям, где на нижний слой приходится около четверти от общего числа. Это, на наш взгляд, служит достаточно надежным аргументом в пользу соотнесения появления ранних иванобугорских материалов с началом функционирования памятника. Но таким заключением мы и вынуждены ограничиться, поскольку строгих показателей хронологического приоритета какого-либо из типов сосудов нет. Пока нет серьезных оснований и выделять типологические ряды с подключением промежуточных (переходных) экземпляров, поскольку последние могут и не быть таковыми, а допустим, нести синтезированный характер. Следует также добавить, что каждый из типов имеет свои позиции в плане происхождения с учетом известного консерватизма гончарных традиций.

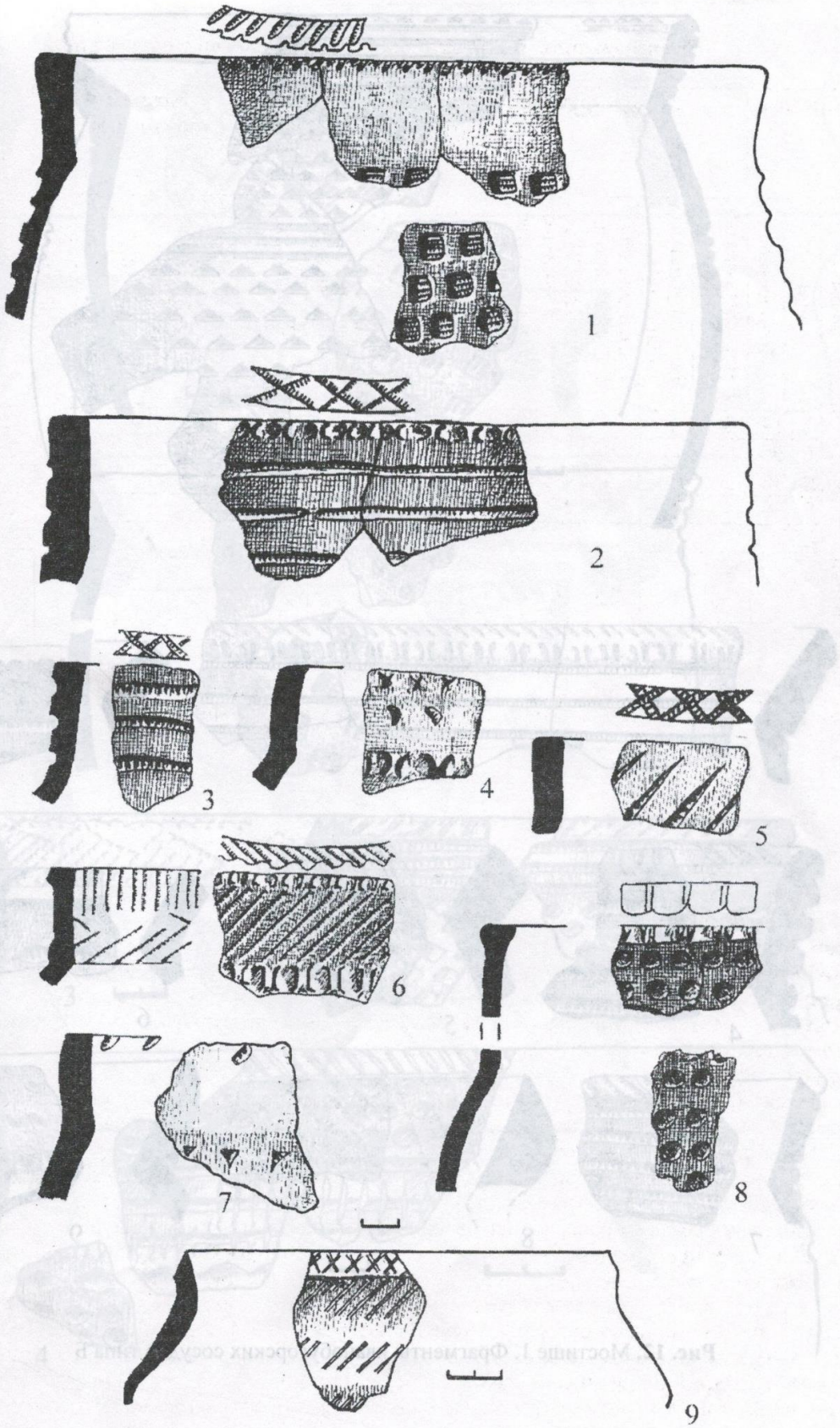


Рис. 11. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа А

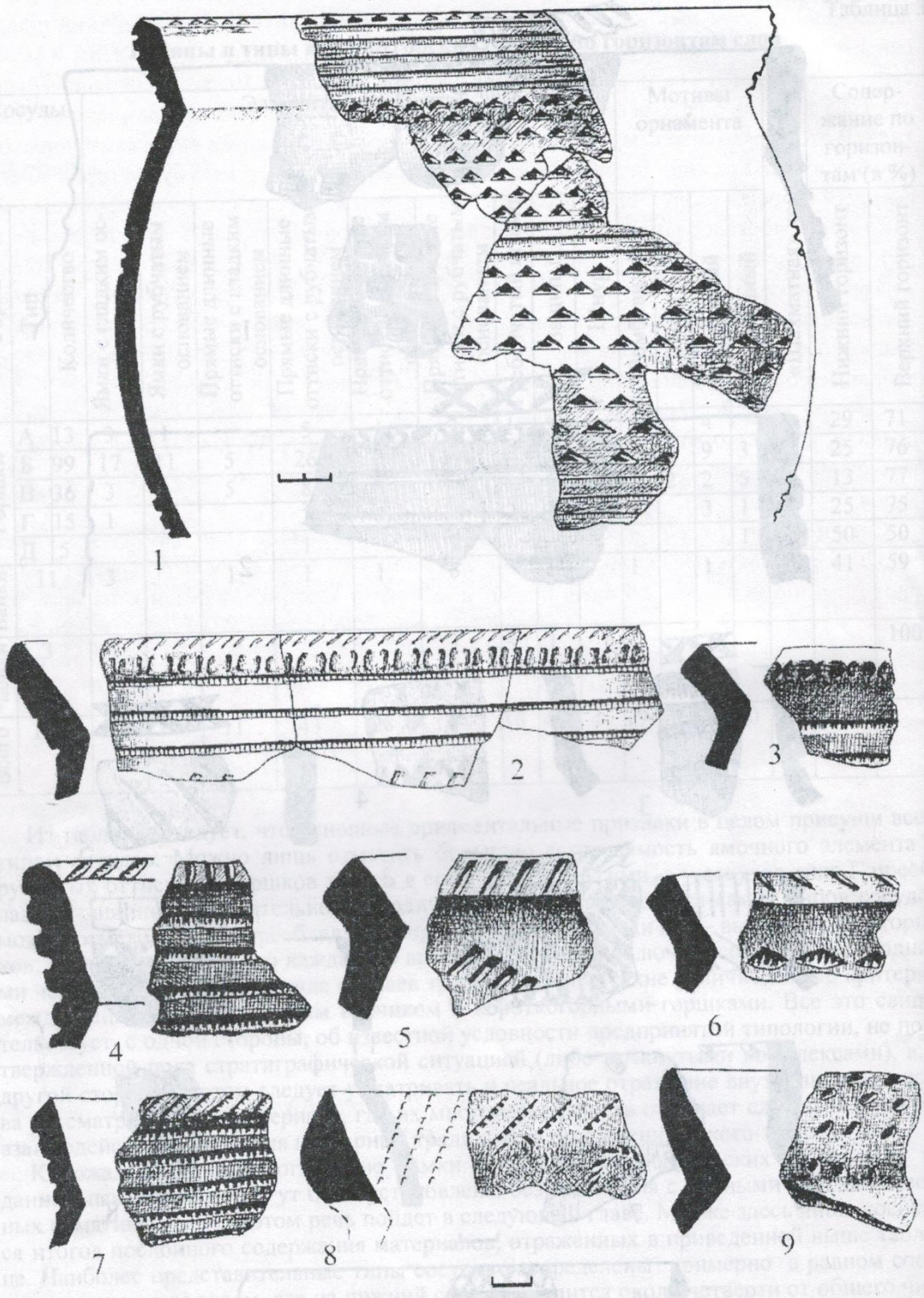


Рис. 12. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

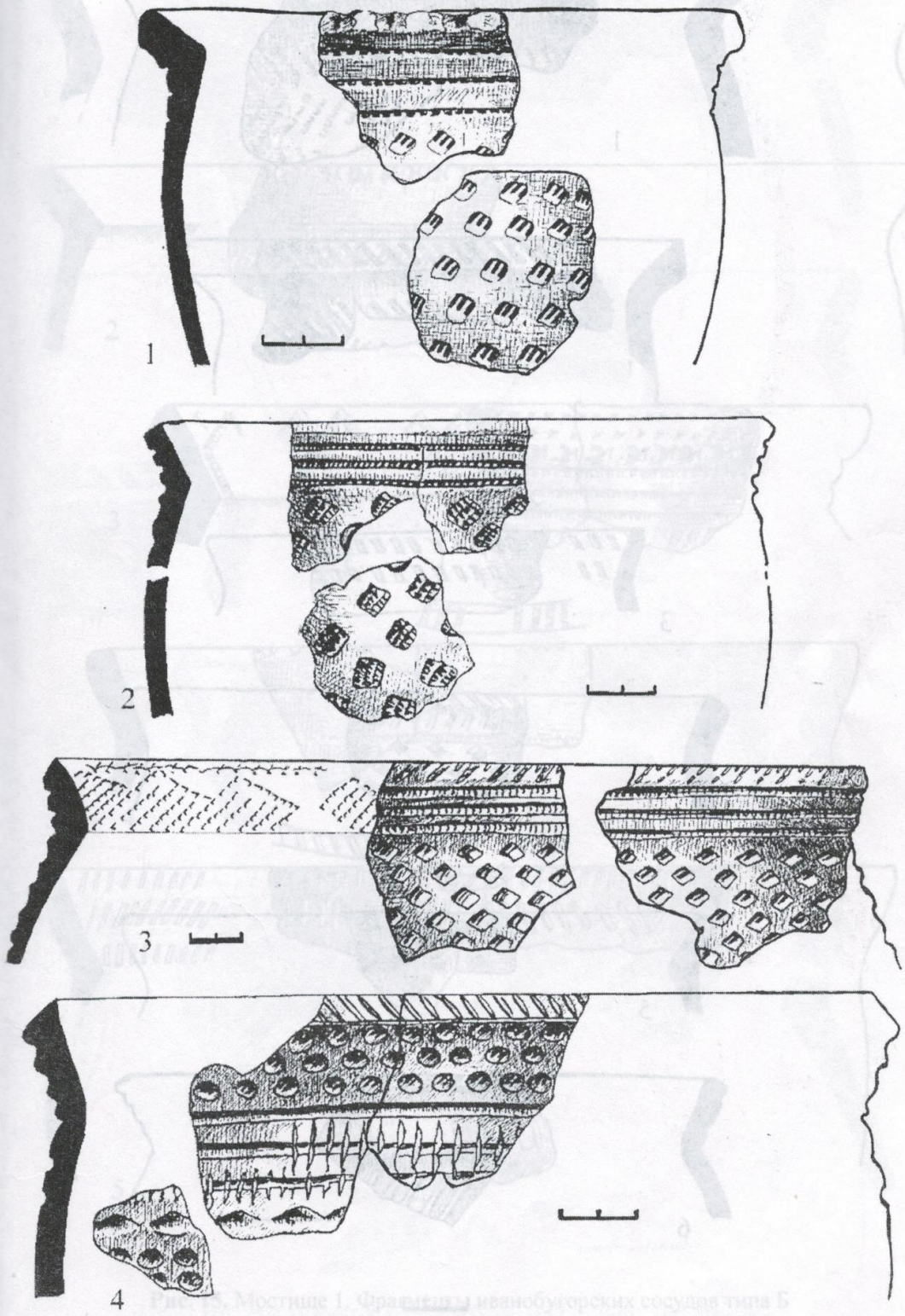


Рис. 13. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

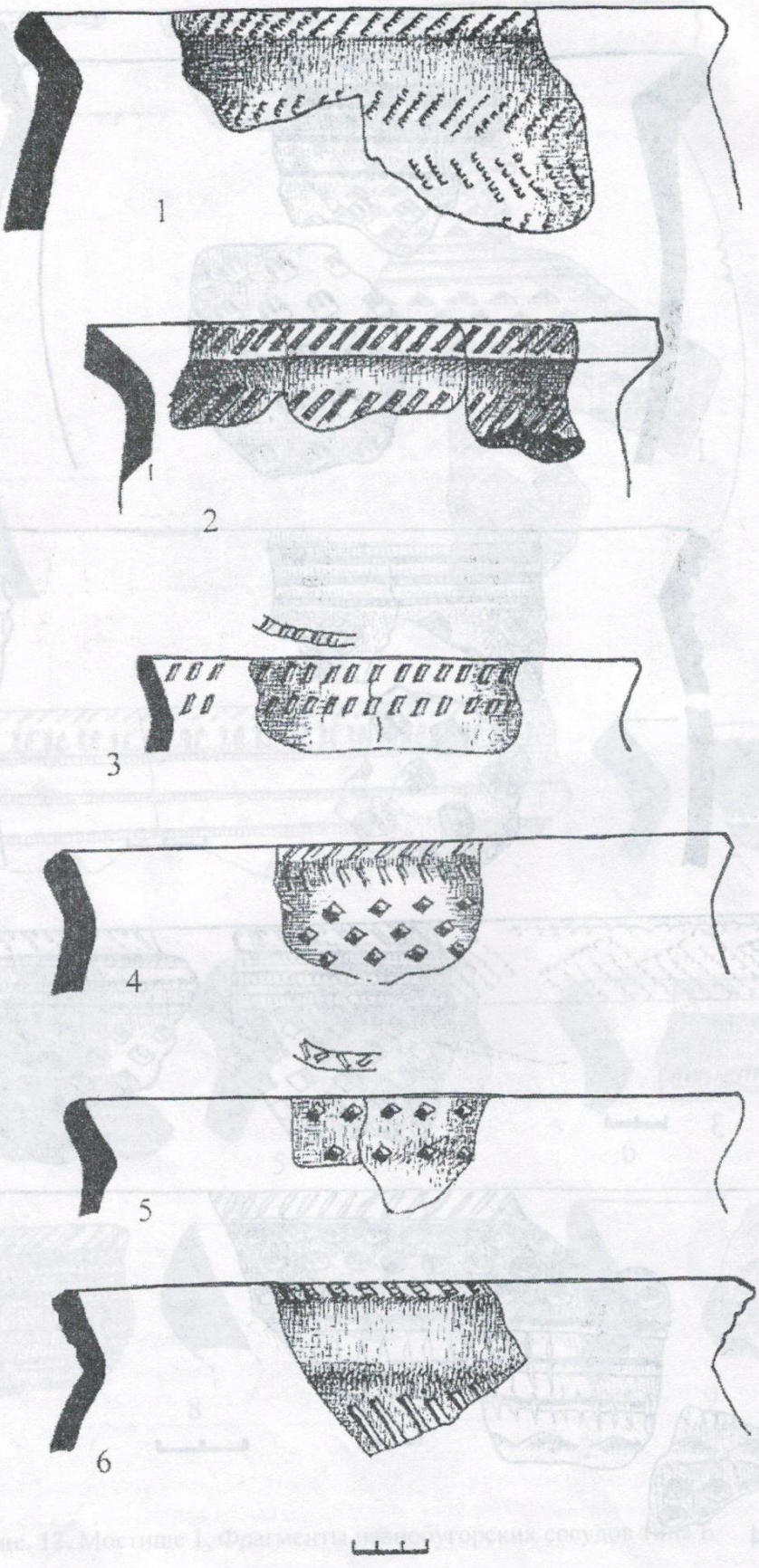


Рис. 14. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

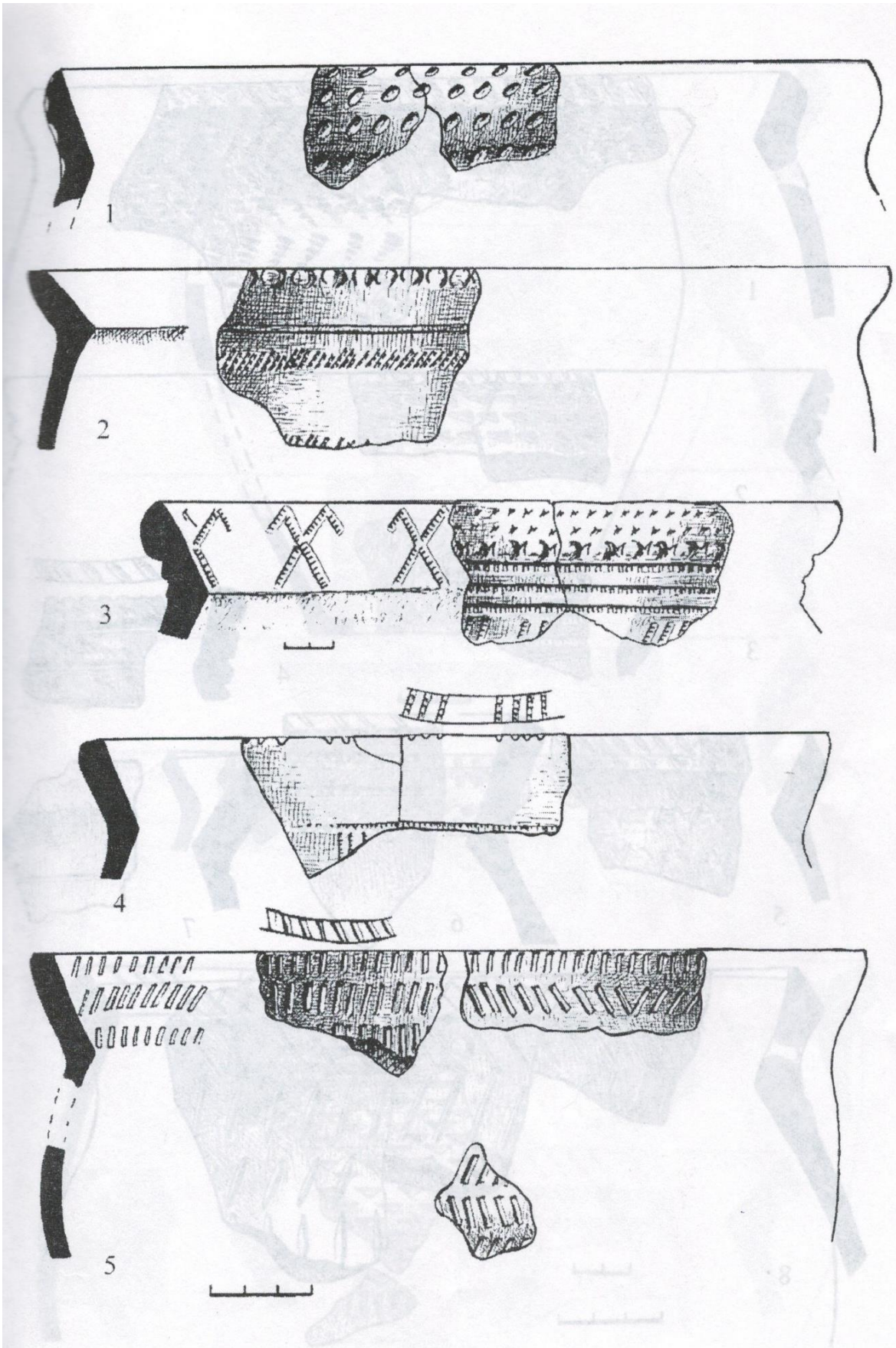


Рис. 15. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

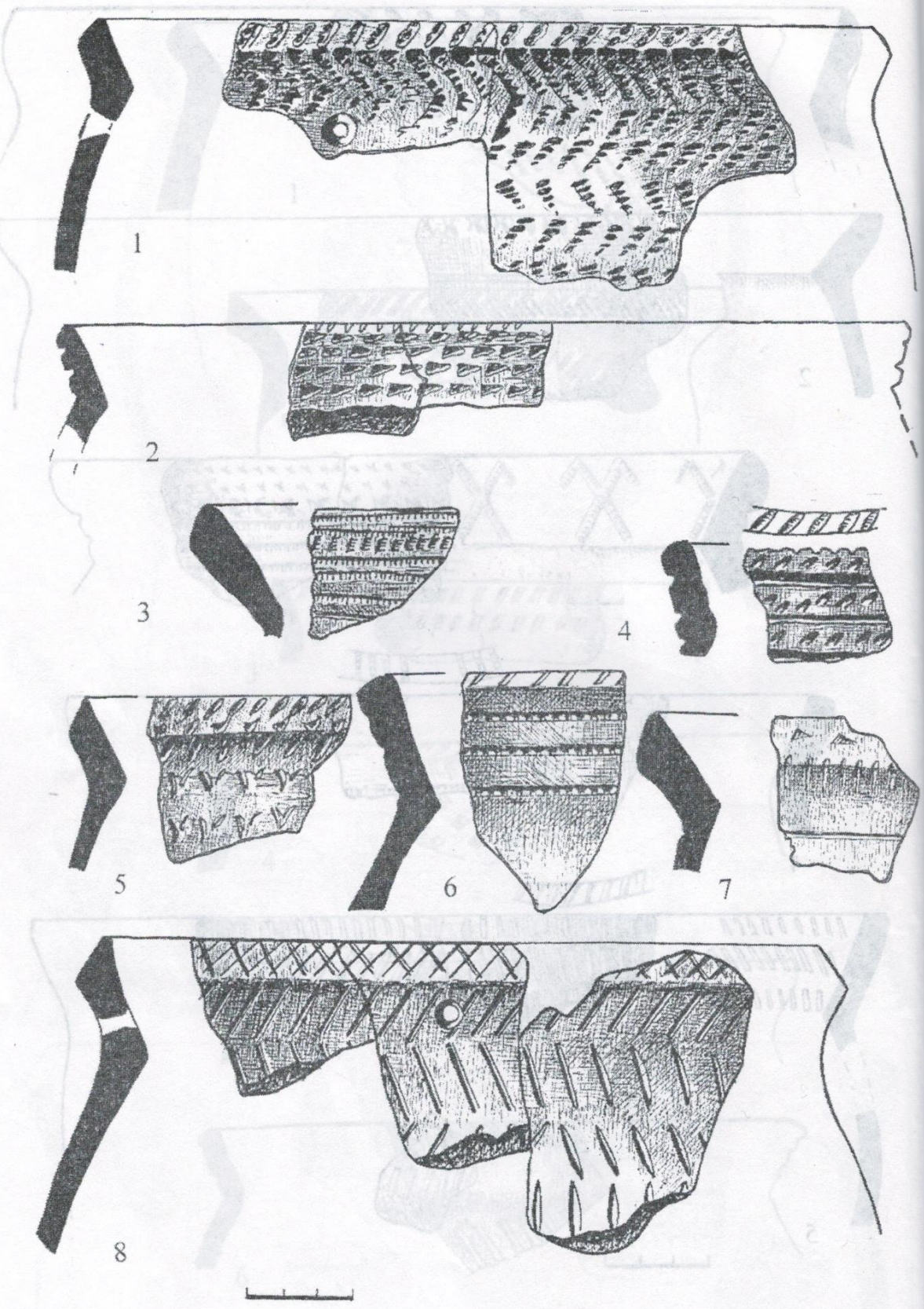


Рис. 16. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

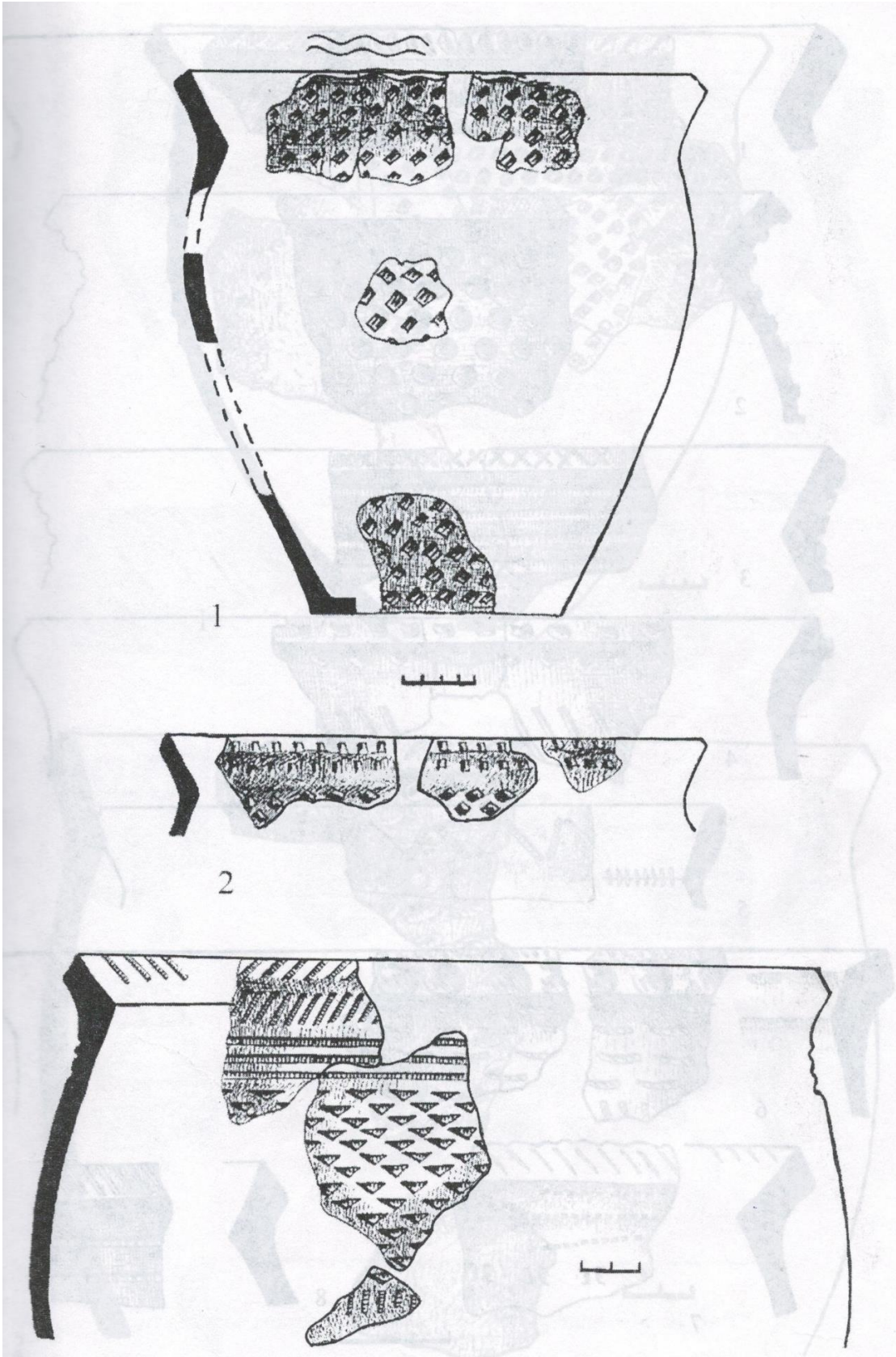


Рис. 17. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

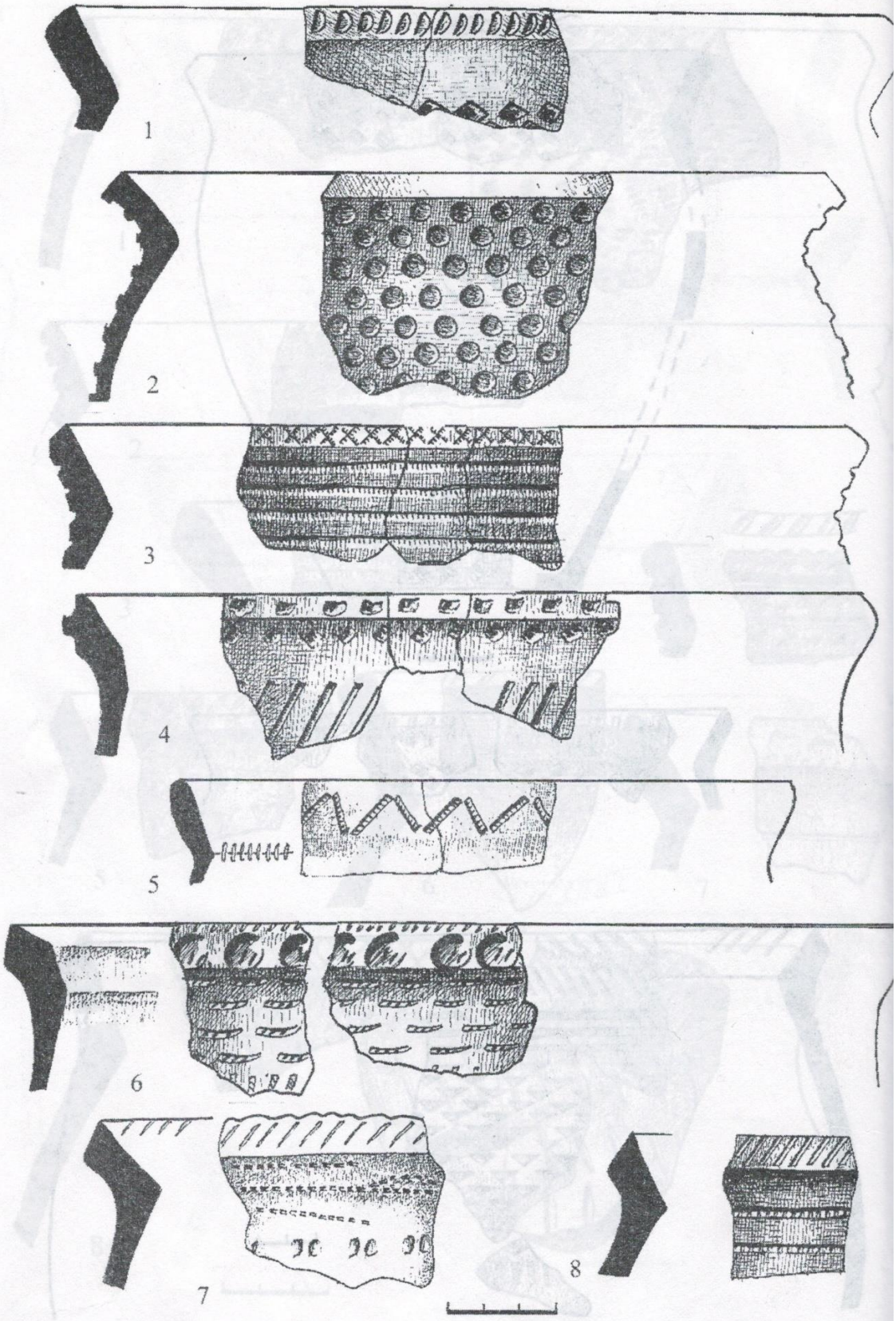


Рис. 18. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

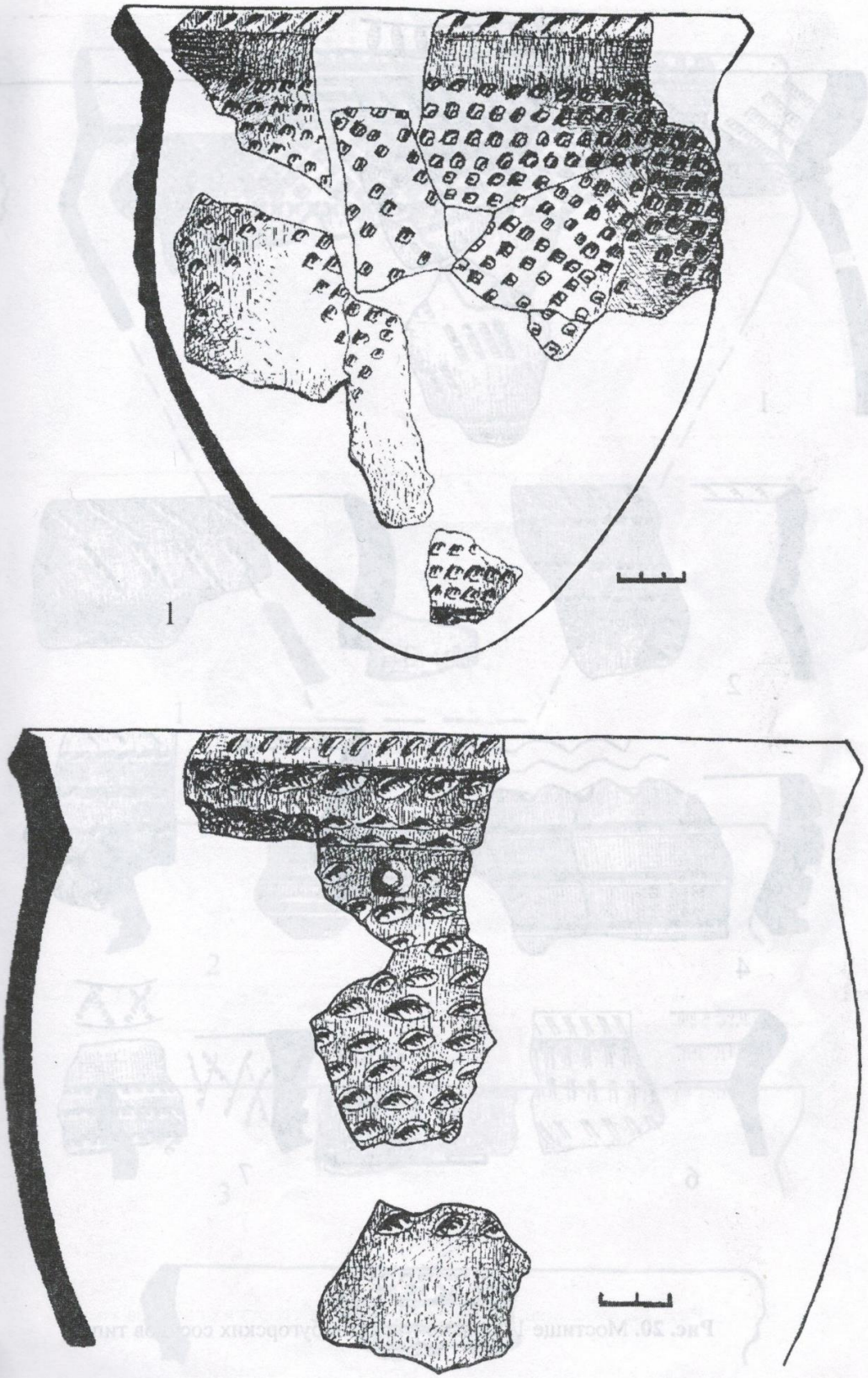


Рис. 19.Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

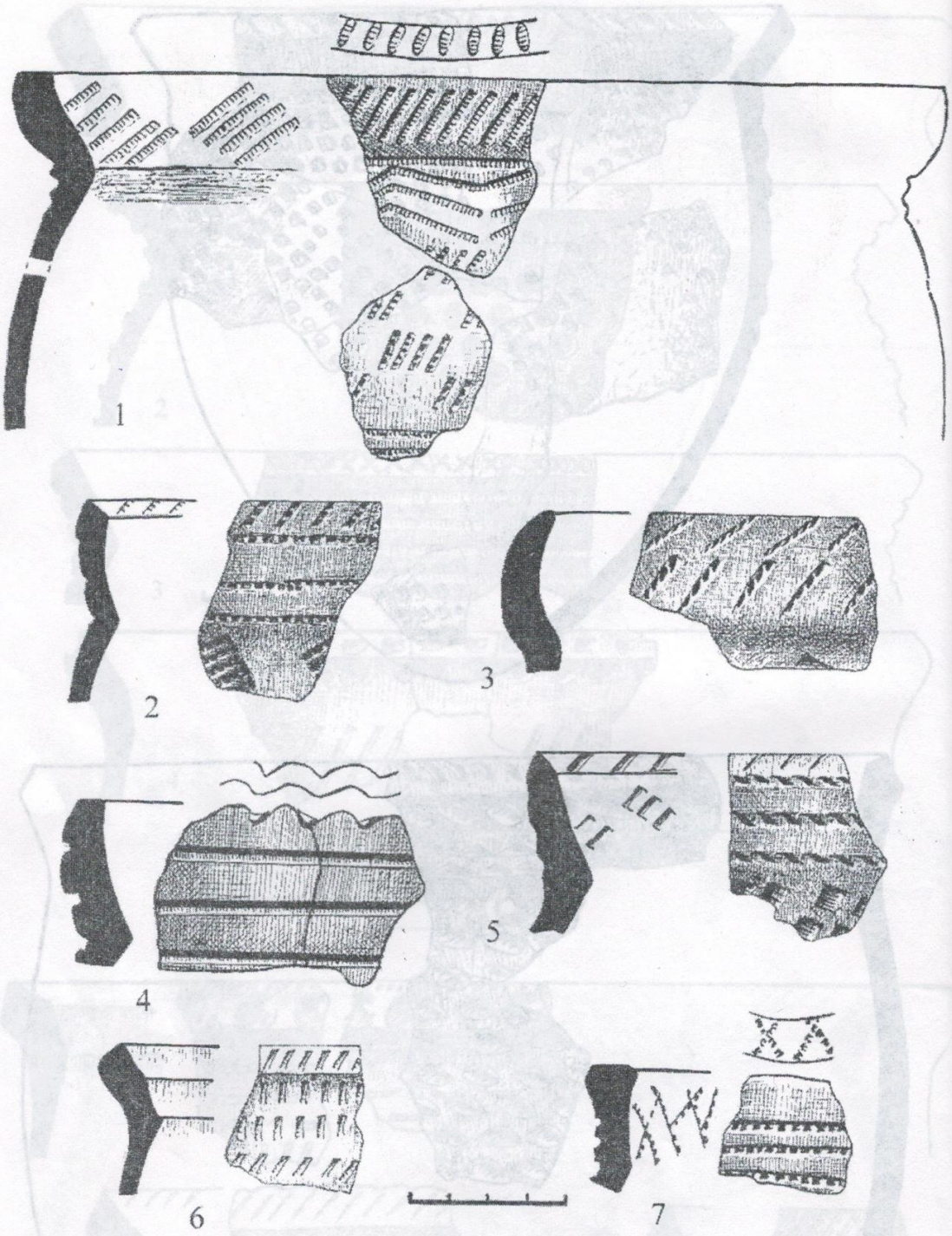


Рис. 20. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б

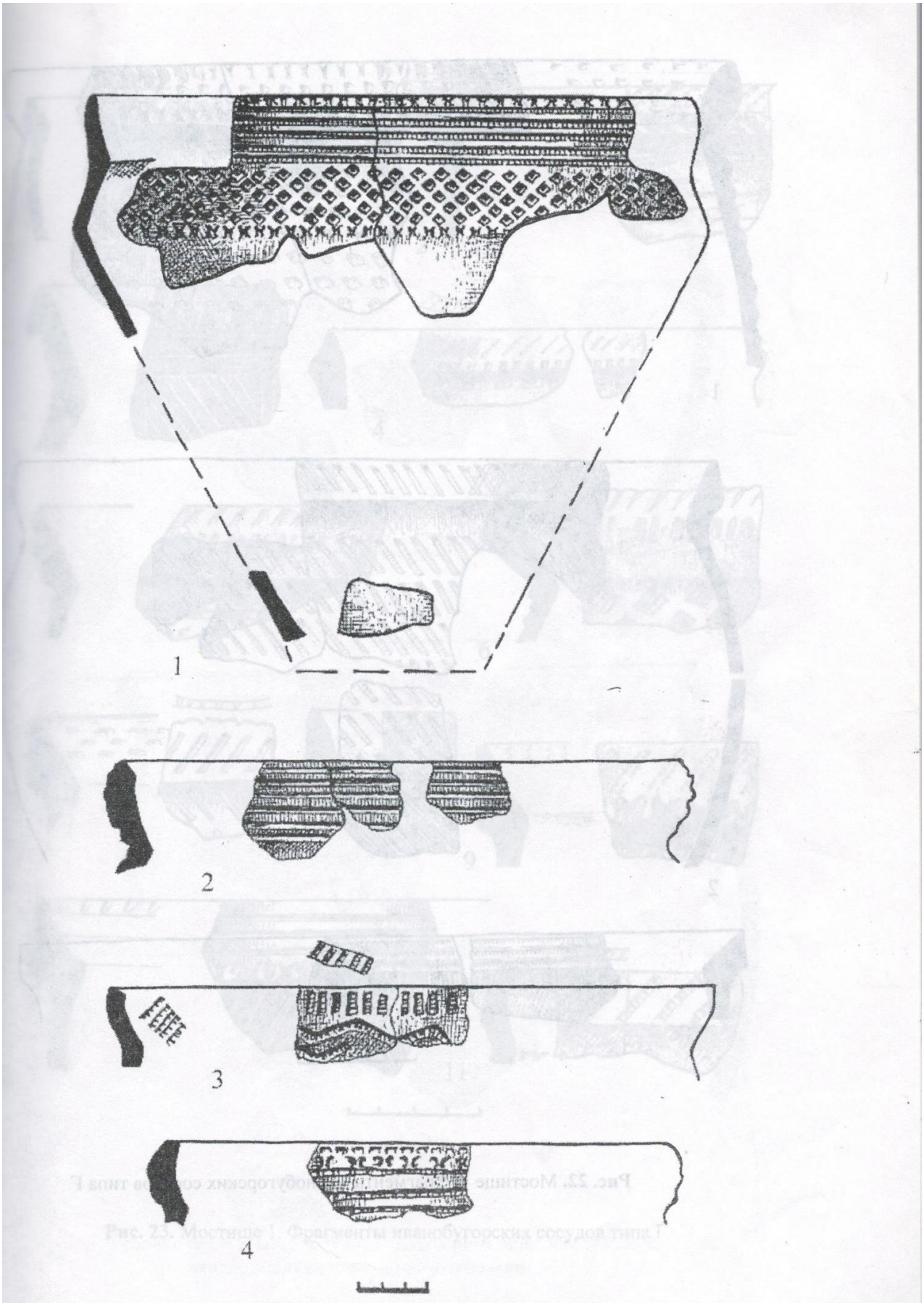


Рис. 21. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа В

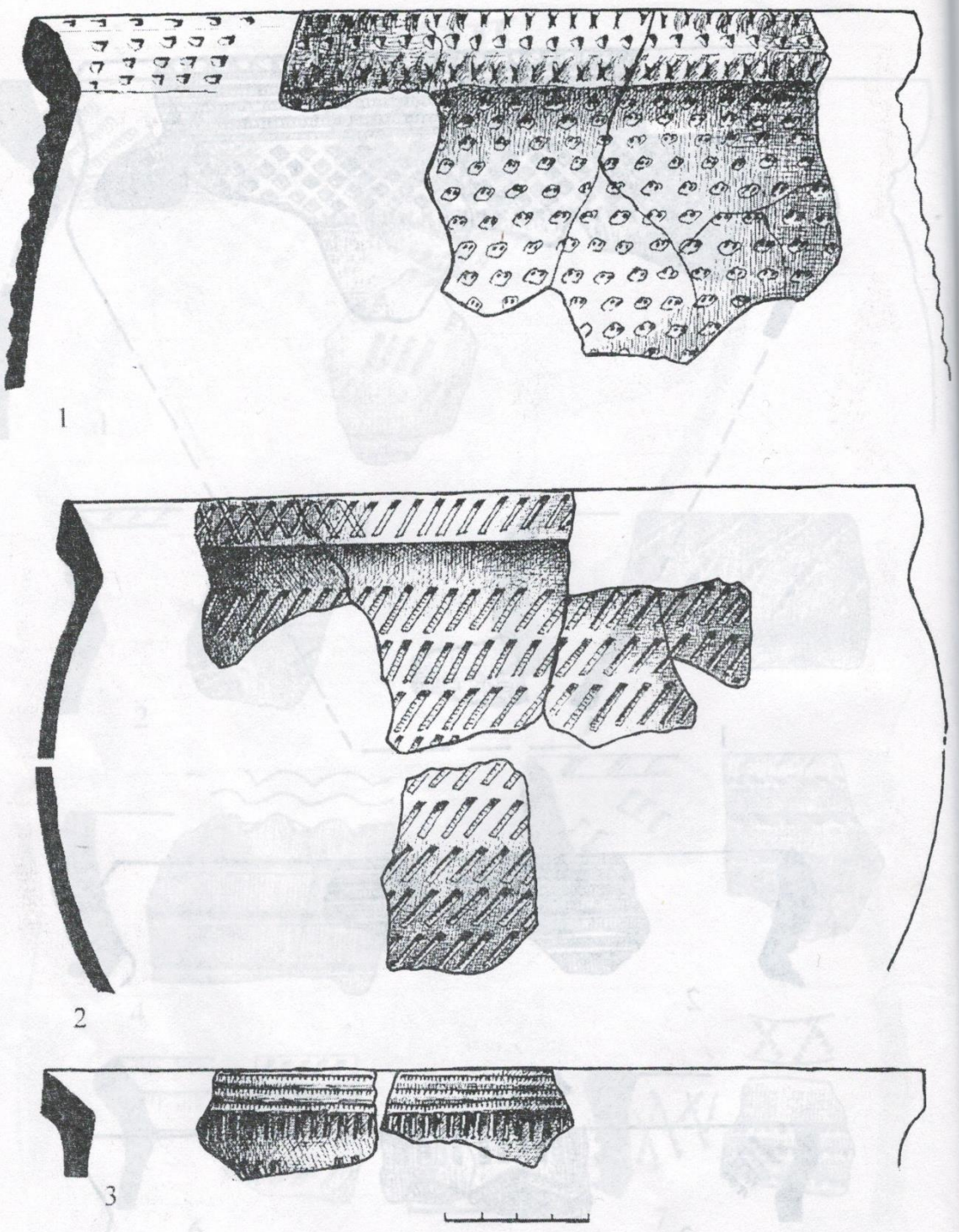


Рис. 22. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Г

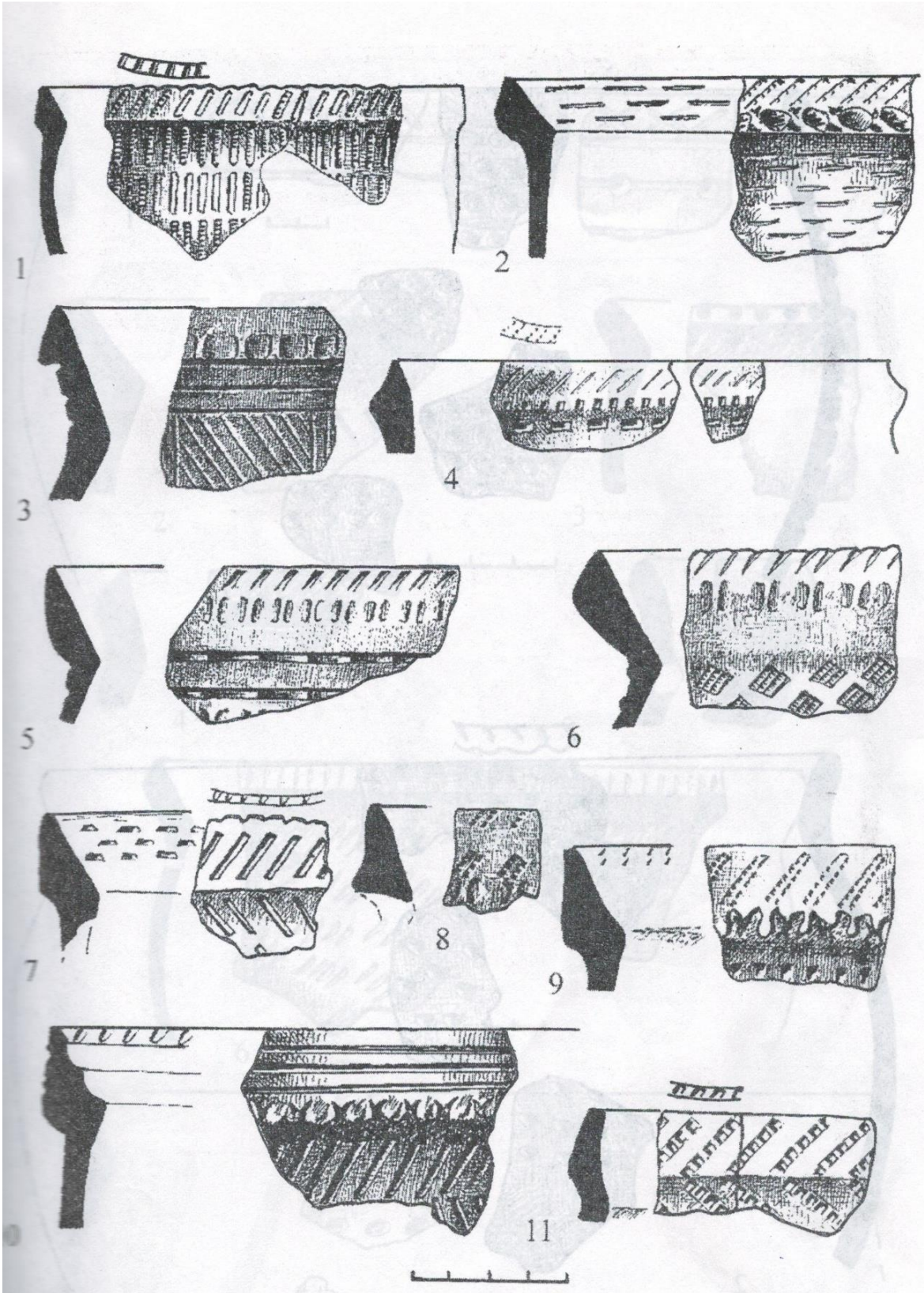


Рис. 23. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Г

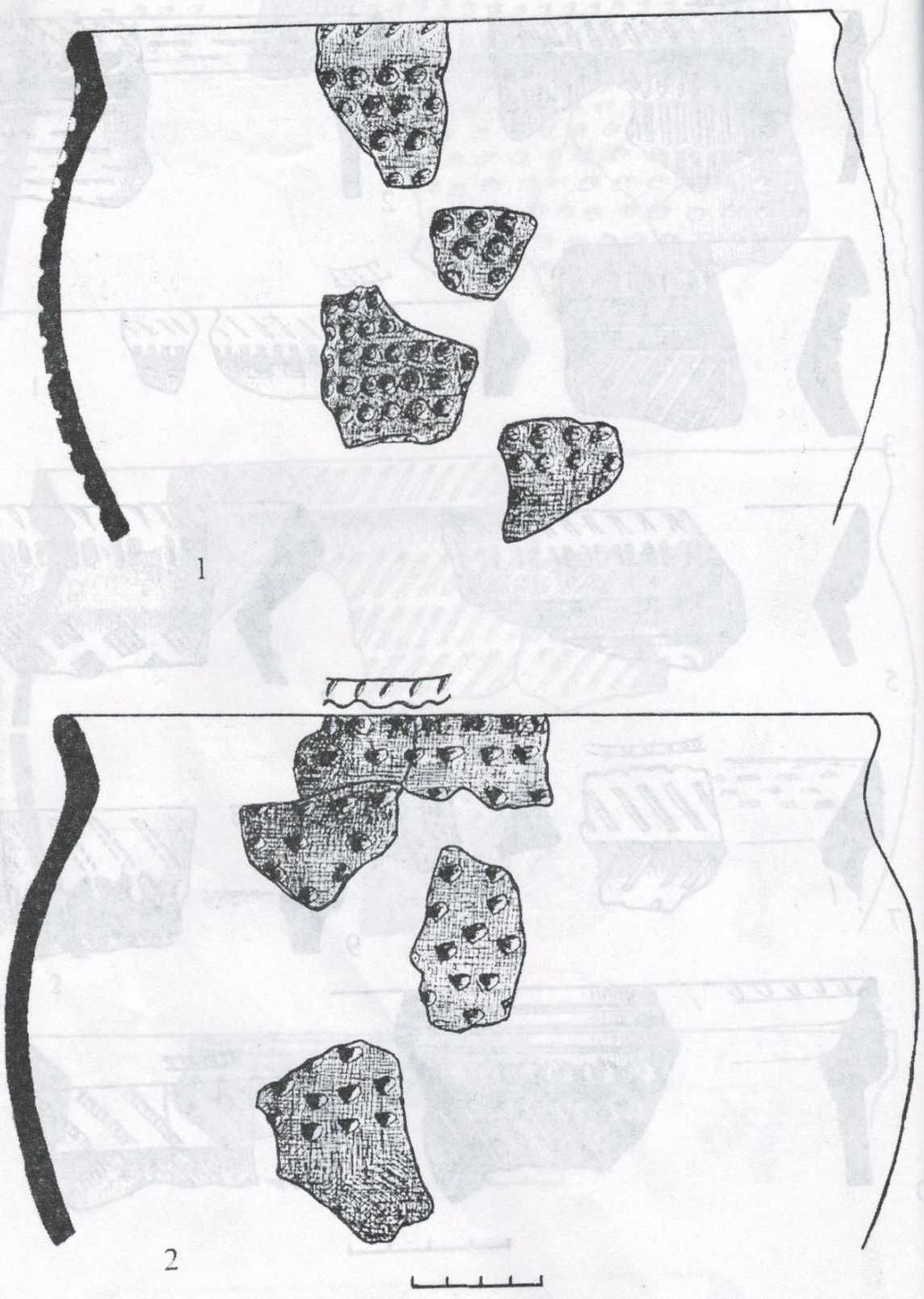


Рис. 24. Мостище 1. Фрагменты сосудов типа Д переходного иванобугорско – воронежского облика

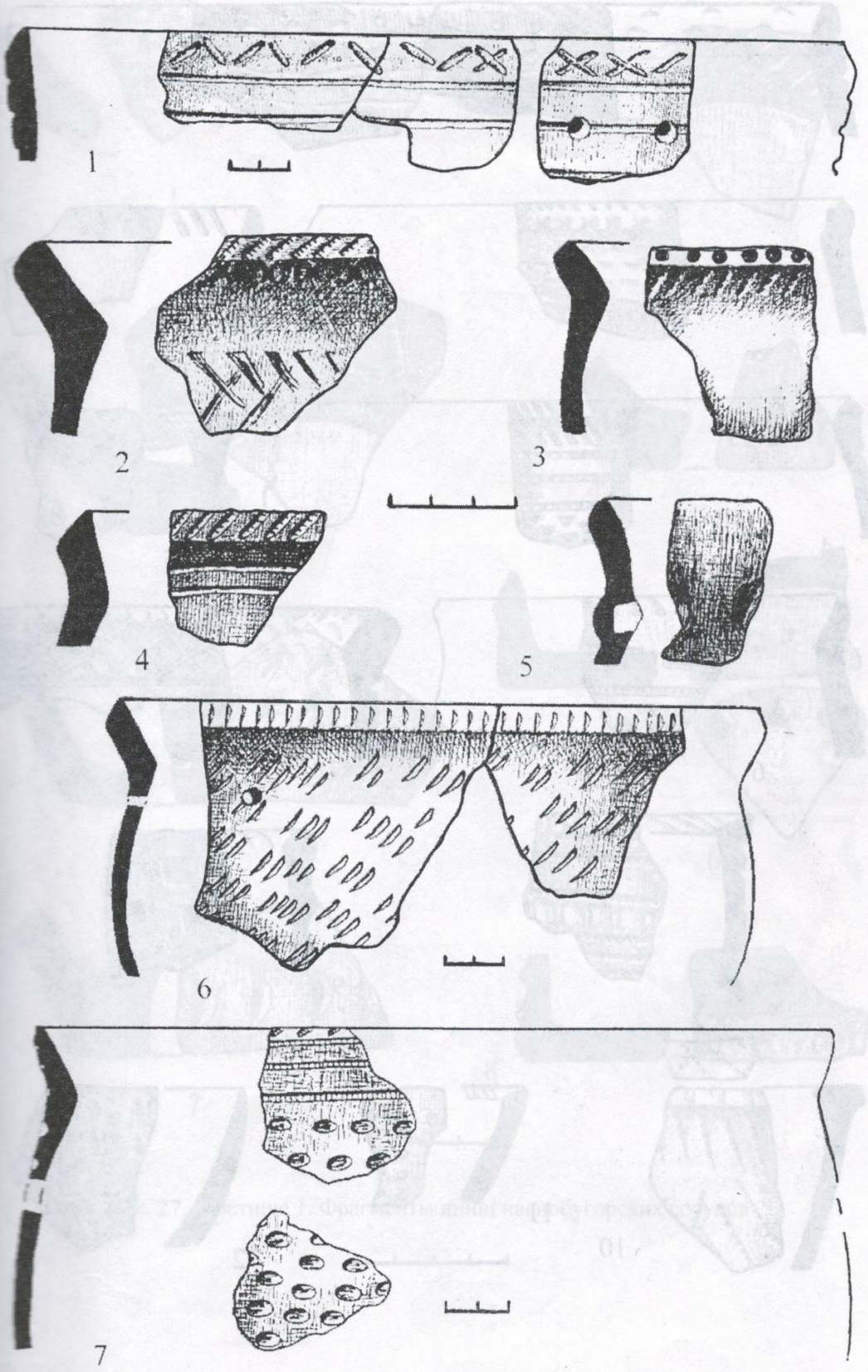


Рис. 25. Фрагменты сосудов переходного иванобугорско – воронежского облика:
1–3,6 – тип Б; 4,5,7 – тип Д

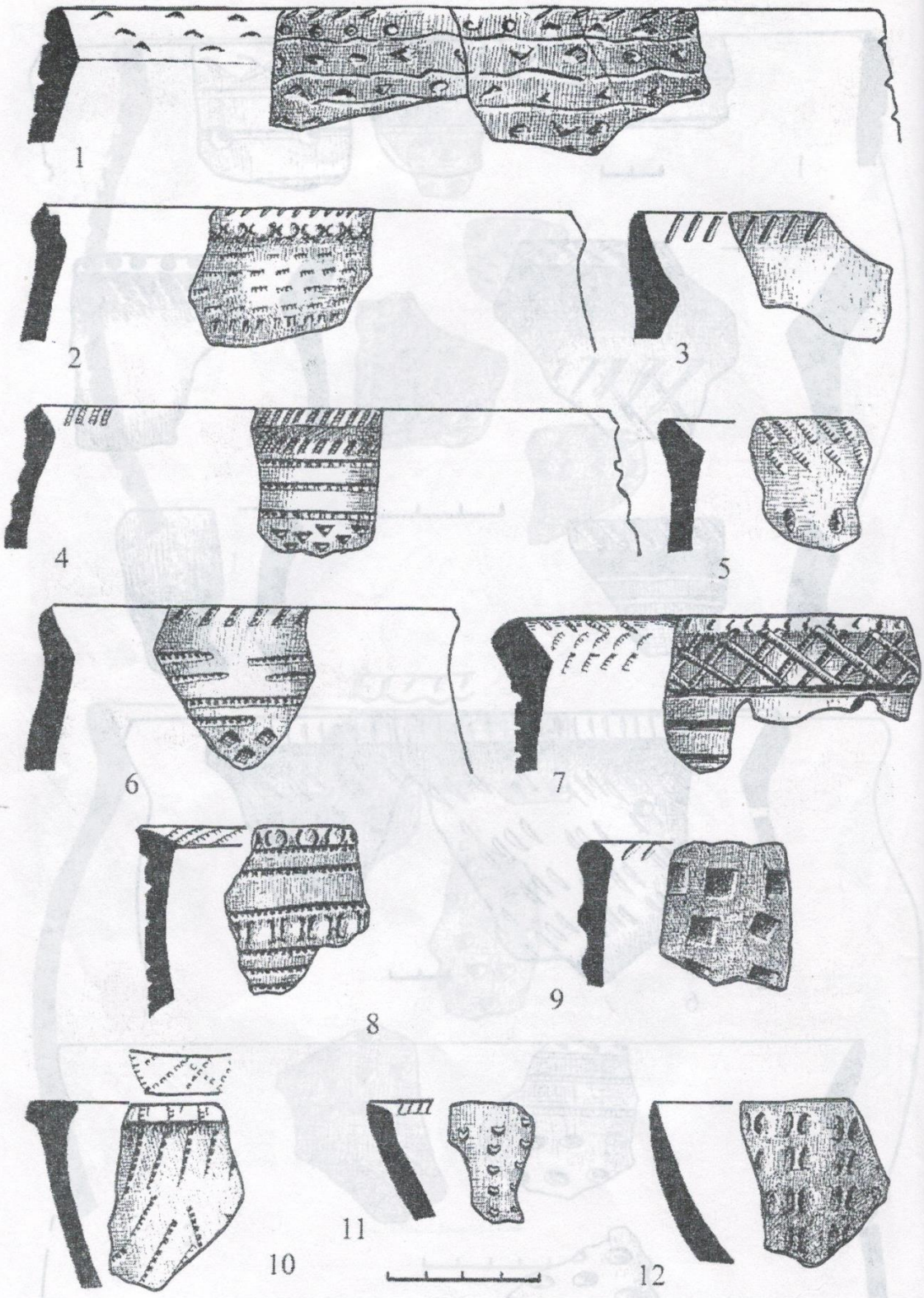


Рис. 26. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов:
1–9 – банки; 10–12 – чашки

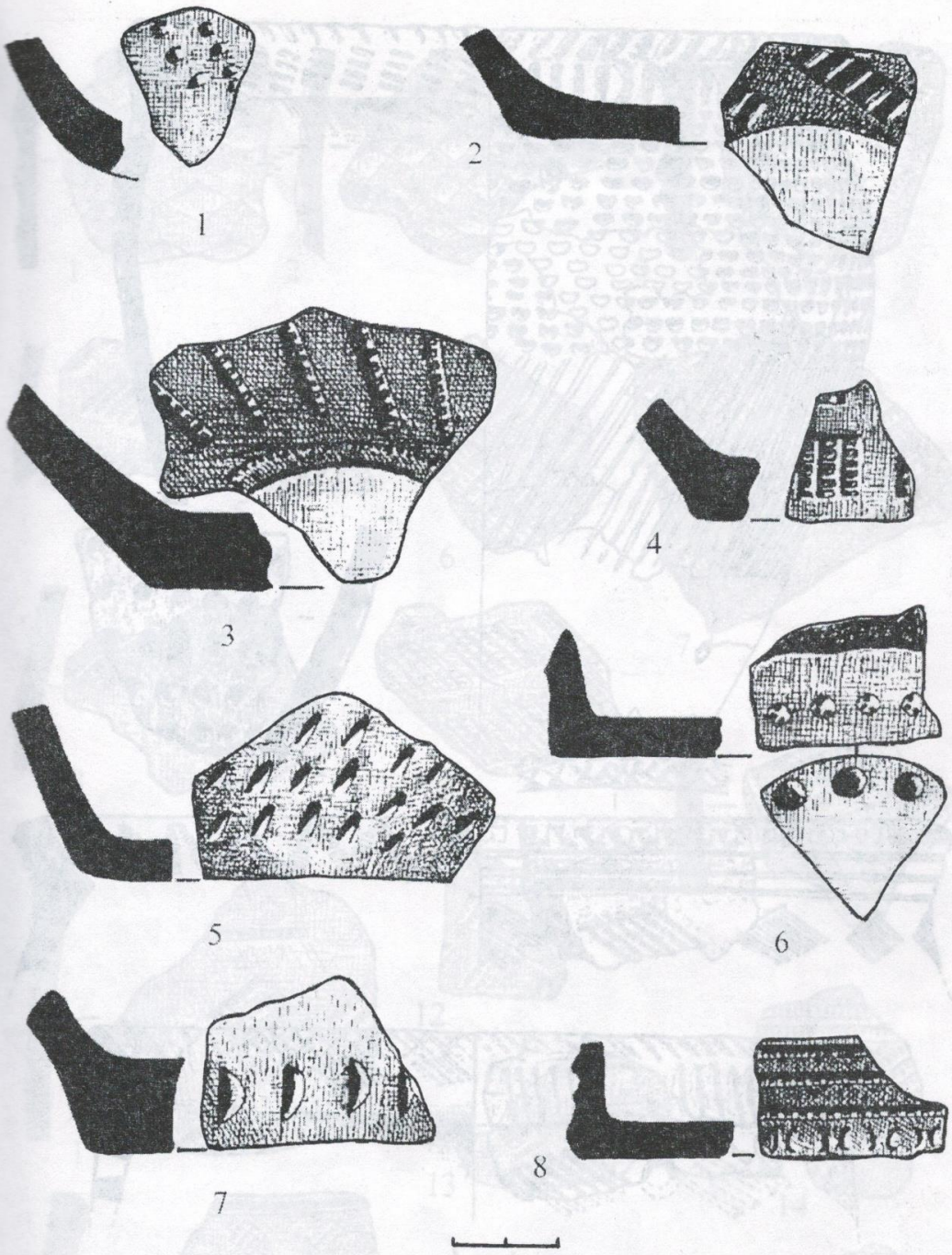


Рис. 27. Мостище 1. Фрагменты днищ иванобугорских сосудов

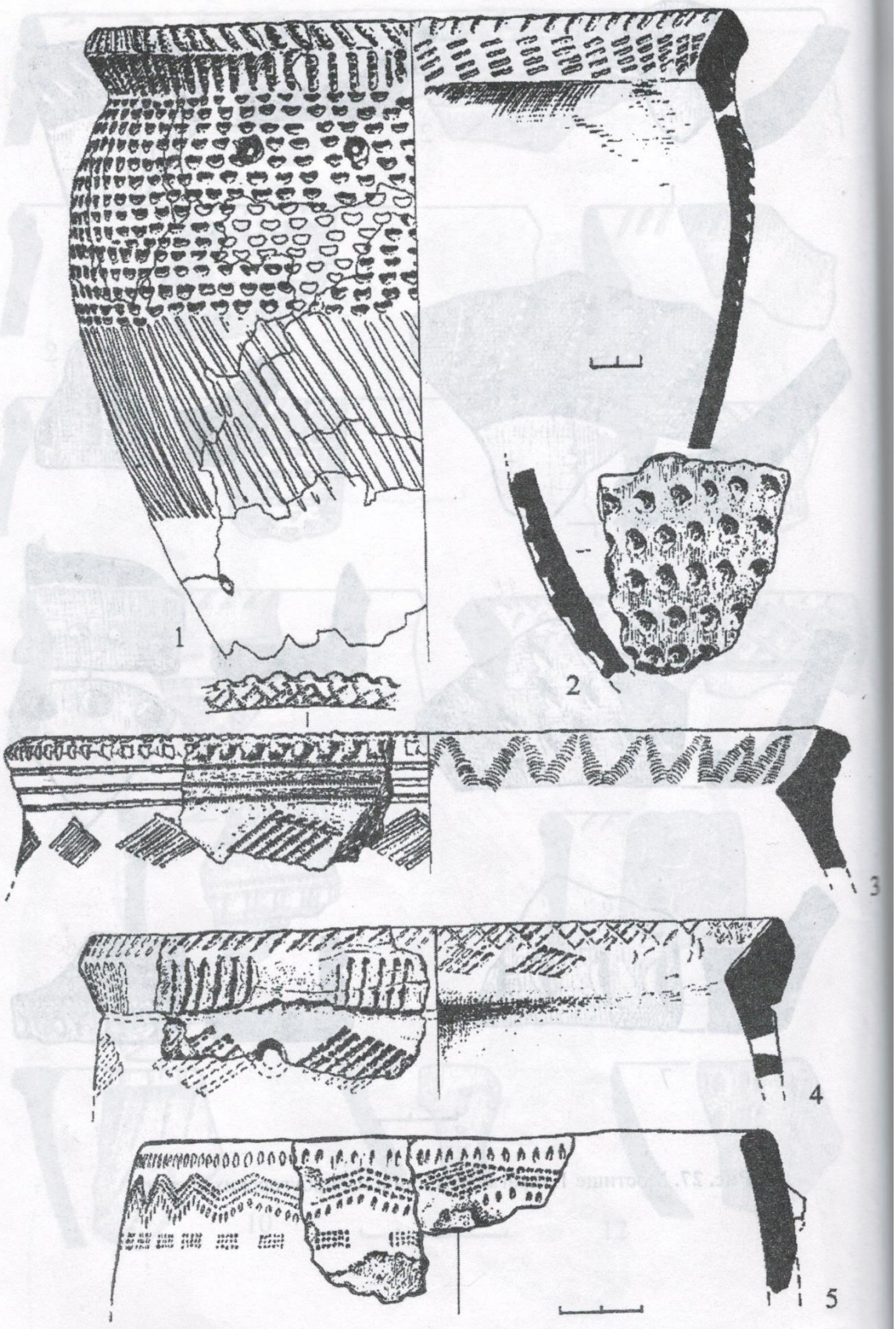


Рис. 28. Мостище 1. Фрагменты сосудов иванобугорской культуры (по В. И. Гуляеву)

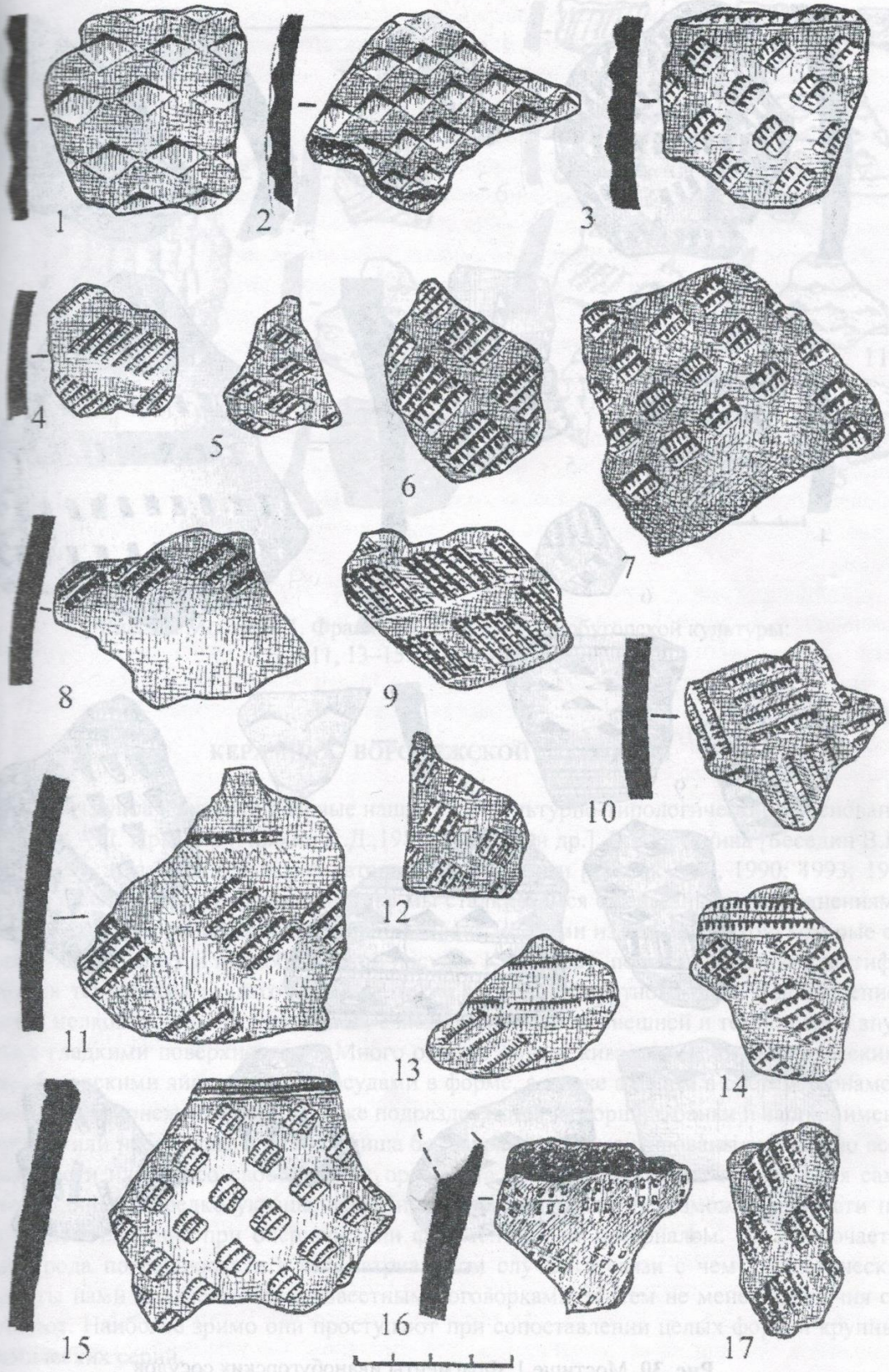


Рис. 29. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов

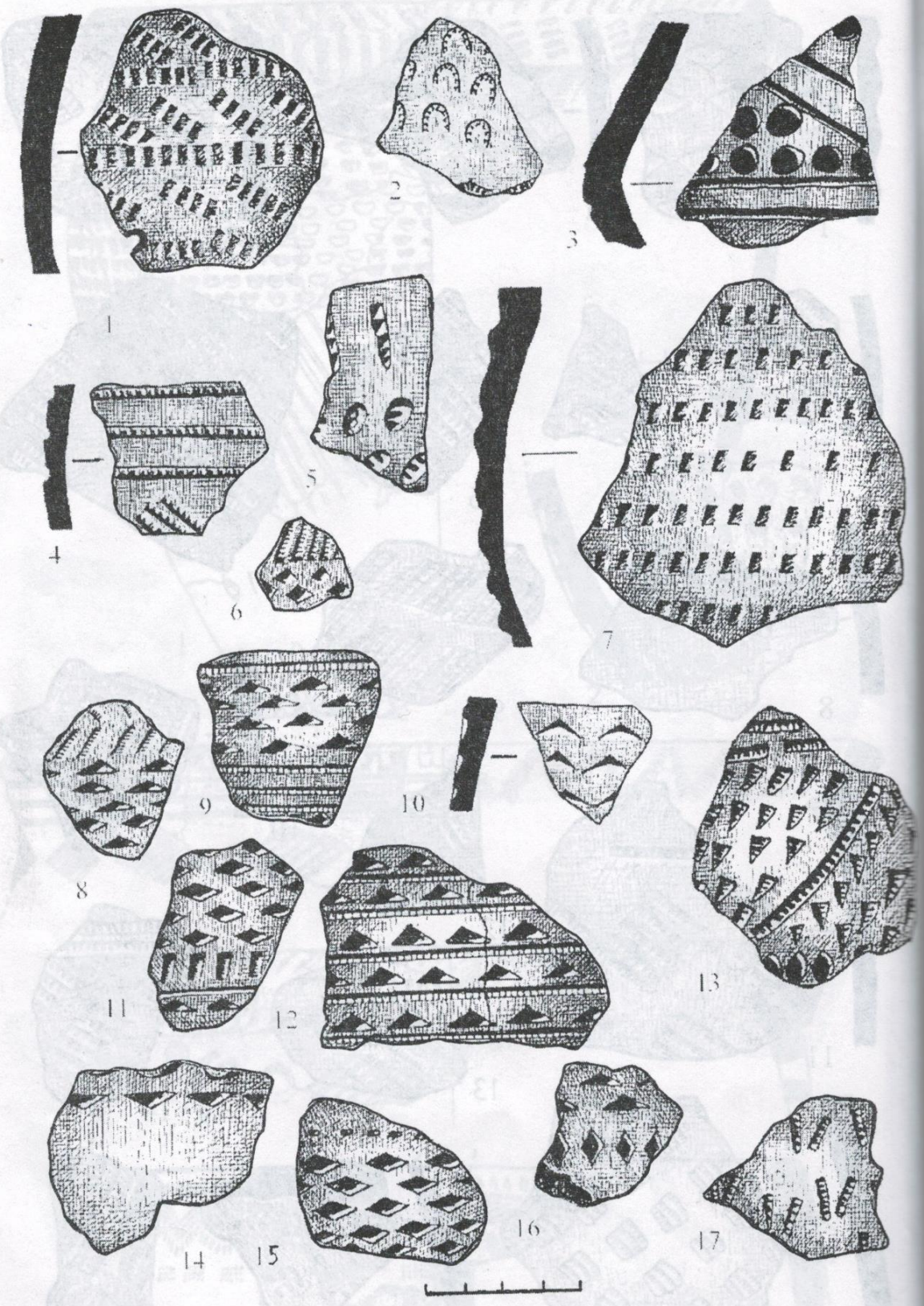


Рис. 30. Мостище 1. Фрагменты иванобугорских сосудов

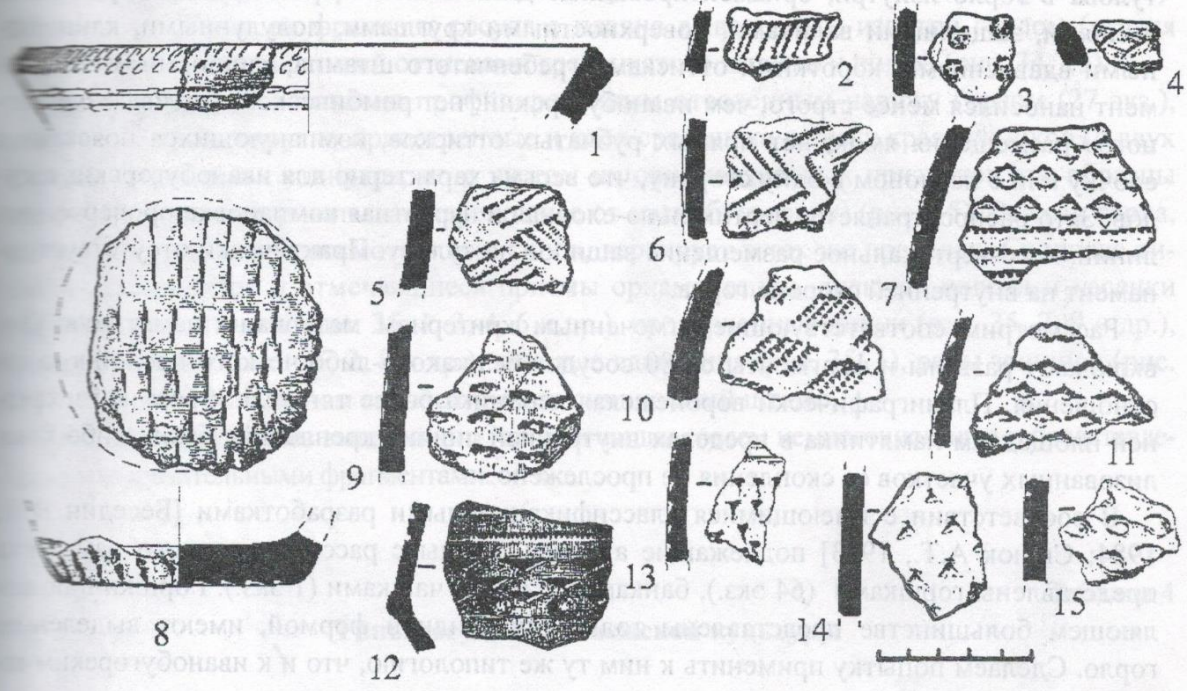


Рис. 31. Мостище 1. Фрагменты сосудов иванобугорской культуры:
1–11, 13–15 – по В. И. Гуляеву

КЕРАМИКА ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Данная группа керамики впервые нашла свое культурно-типологическое обоснование в работах А.Д. Пряхина [Пряхин А.Д.,1982, с.90-139 и др.], В.И.Беседина [Беседин В.И., 1984 и др.], а затем и одного из авторов данной книги [Синюк А.Т., 1990; 1993; 1996 др.]. Но и сейчас при ее характеристике мы сталкиваемся с серьезными затруднениями. Дело в том, что воронежская керамика наделена многими из тех признаков, которые составляют специфику и иванобугорской посуды. К примеру, почти полностью идентифицируется технология их изготовления: те же сосуды из плотного теста с добавлением песка и мелковолокнистого вещества, с желто-коричневой внешней и темно-серой внутренней гладкими поверхностями. Много общего обнаруживается между воронежскими и иваобугорскими яйцевидными сосудами в форме, а также в целом в системе орнаментации. Так, воронежские сосуды тоже подразделяются на горшки, банки и чашки; имеют округлые или небольшие плоские днища без закраин; орнаментированы сплошь по всей поверхности или же со свободной от орнамента придонной частью тулова, хотя сами плоские днища нередко украшались. Иной раз практически невозможно провести по-культурное членение при оперировании фрагментарным материалом. Не исключается такого рода погрешность и в рассматриваемом случае, в связи с чем статистические подсчеты нами привлекаются с известными оговорками. И, тем не менее, различия существуют. Наиболее зримо они проступают при сопоставлении целых форм и крупных керамических серий.

Определенно к воронежской культуре относятся сосуды яйцевидной формы с плавно профилированным и отогнутым наружу венчиком. Они соответствуют горшкам типа Д по классификации иванобугорских сосудов. К воронежской культуре относятся и некоторые короткогорлые горшки, иногда, как и иванобугорские, с реберчатым переходом

тулова в горло изнутри, орнаментированные длинными и короткими прочерченными линиями, защипными валиками, поверхностными круглыми, полулунными, клиновидными вдавлениями, короткими оттисками гребенчатого штампа, защипами. Сам орнамент наносился менее строго, чем иванобугорский; нет ромбического мотива, «шахматного» размещения ямок; нет прямых рубчатых оттисков, компанующихся поясками в елочку или с наклоном в одну сторону, что весьма характерно для иванобугорских сосудов. Зато распространяется вертикально-елочная и паркетная компановка прочерченных линий, косо-вертикальное размещение защипов по тулову. Практически отсутствует орнамент на внутренней стороне горла.

Рассмотрим соответствующие отмеченным критериям материалы памятника. Они включают развалы и фрагменты от 80 сосудов без какого-либо четкого послойного соотношения. Планиграфически воронежская керамика более тяготела к верхней и средней площадкам памятника в пределах внутренней линии укреплений. Каких-либо локализованных участков ее скопления не прослежено.

В соответствии с имеющимися классификационными разработками [Беседин В.И. 1984; Синюк А.Т., 1993] подлежащие анализу сосуды с рассматриваемого памятника представлены горшками (64 экз.), банками (1 экз.) и чашками (1 экз.). Горшки в подавляющем большинстве представлены только яйцевидной формой, имеют выделенное горло. Сделаем попытку применить к ним ту же типологию, что и к иванобугорским сосудам.

К горшкам **типа А** (рис. 32) (с прямым, ровно срезанным горлом) можно отнести одиннадцать сосудов. К ним же примыкают несколько сосудов с легким раструбовидным горлом. Высота горла варьирует от 2 до 3,5 см. Сосуды украшены нарезными линиями, оттисками гребенки, защипами, полулунными вдавлениями. Отмеченные элементы орнамента иногда взаимосочетаются. Прямые срезы венчиков украшены нарезками (рис. 32, 1-3). Внутренняя сторона одного из венчиков имеет вдавления мелкого гребенчатого штампа (рис. 32, 10).

Горшки **типа Б** (рис. 33) выделены в количестве 15 экземпляров. Имеют ровное раструбовидное горло и с реберчатым переходом тулова в горло изнутри. По оформлению верха венчика составляют две разновидности: первая – с косым срезом наружу (7 экз.); вторая – с округленным или плавно приостренным верхом (8 экз.). Высота горла варьирует от 1,5 до 3 см. У трех сосудов первой разновидности едва намечена желобчатость. Основной элемент орнамента – прочерченные длинные и короткие линии, оттиски гребенчатого штампа, защипы. Прочерченные линии размещены поясками по горлу сосудов, но в одном случае образуют треугольно-паркетную композицию, а еще в одном – горизонтально-елочную. Оттиски гребенчатого штампа и защипы обычно размещены горизонтальными рядами.

Горшки **типа В** в своем «классическом» иванобугорском выражении не встречены. С известной натяжкой к ним можно отнести три венчика (рис. 34, 17-19). Один из них - от колоколовидного сосуда с орнаментом из широких прочерченных линий, прямоугольных углублений и оттисков гребенчатого штампа (рис. 34, 17).

Горшки **типа Г** (рис. 34, 1-16), имеющие воротничковое оформление, можно подразделить на две разновидности: первая – с реберчатым переходом тулова в горло изнутри (8 экз.); вторая – с плавным переходом (13 экз.). Венчики варьируют по высоте от едва намеченных до 2,5 см. Края их, как правило, приострены. Воротнички короткие, треугольные в сечении, за исключением двух экземпляров. Сосуды первой разновидности украшены защипами в сочетании с короткими тонкими нарезками, образующими сетку (рис. 34, 1) и прочерченными линиями (рис. 34, 1, 6). В одном случае защипы образуют косо-вертикальные валики (рис. 34, 7). Венчики второй разновидности фрагментарны, но и здесь главенствуют нарезки (рис. 34, 2, 4, 5) и ямки различных очертаний (рис. 34

-II). Отмечены также гребенчатый штамп (рис. 34, 11, 12, 15) и защипы (рис. 34,16). братим внимание на фрагмент сосуда с плавно выведенным изнутри горлом (вторая новидность), украшенный оттисками гребенчатого штампа и шнура (рис. 34, 15).

Горшки **типа Д** - с плавно профилированным отведенным наружу горлом (27 экз.), ют округлые, округло-приостренные и косо срезанные наружу края венчиков (в двух учаях срез сделан вовнутрь, но с учетом их орнаментальных признаков эти образцы склонны рассматривать как переходные от иванобугорских) (рис. 35). Высота горла, и у сосудов вышерассмотренных типов, варьирует в тех же пределах. Столь же ти-ичны для сосудов и отмечавшиеся приемы орнаментации, включая пояски и насечки ребенчаиого штампа (рис. 35, 1, 3, 4, 6 и др.), прочерченные линии (рис. 35, 7, 9 и др.), адкие нарезки (рис. 35, 2, 8 и др.), ямчатые вдавления (рис. 35, 1), ряды защипов (рис. 5, 2, 3, 5, 12, 15). В одном случае отмечен личиночный штамп.

Баночные сосуды (без выделенного горла) и чашки совсем немногочисленны и представле-ы маловыразительными фрагментами.

Таблица 4

Типы сосудов воронежской культуры

Сосуды			Элементы орнамента									Мотивы орнамента		
Форма	Тип	Количество	Ямки и гладким основанием	Ямки с рубчатым основанием	Прямой длинный оттиск с гладким основанием	Прямые длинные оттиски с рубчатым основанием	Прямые короткие оттиски с гладким основанием	Прямые короткие оттиски с рубчатым основанием	Гребенчатый штамп	Защипы	Шнур	Зигзаг	Сетка	Елочка
Горшки	А	11			3	1	1	1	1	4				2
	Б	15	4	2	2	2		3	2	4	1			
	В	3	3	3	2	2	1	2	2	4	1			
	Г	16					2							
	Д	27			2	5	3	2		5		1		
Чашки		4	1				1			3				
Чашки		1				1							1	

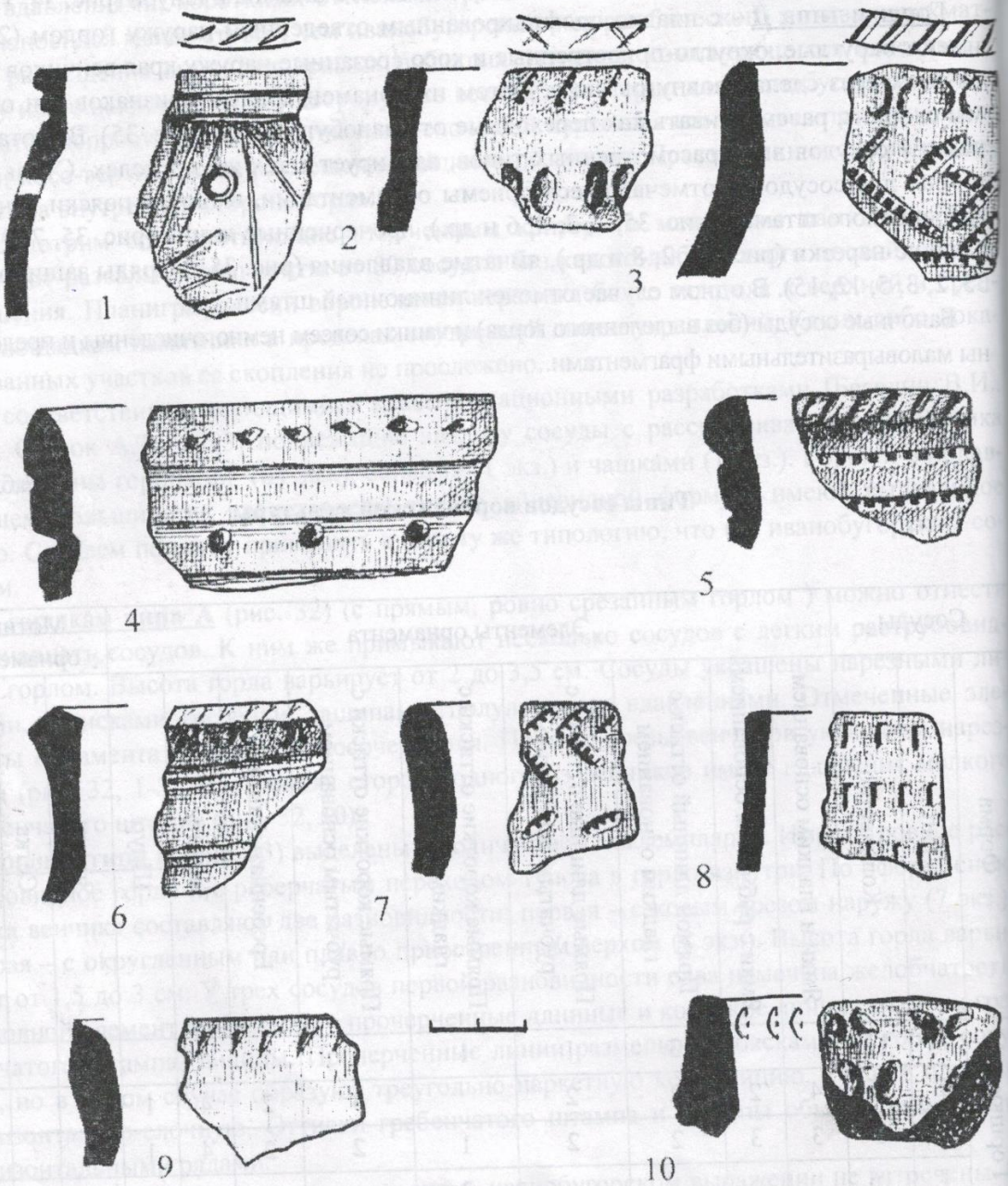


Рис. 32. Фрагменты сосудов типа А воронежской культуры

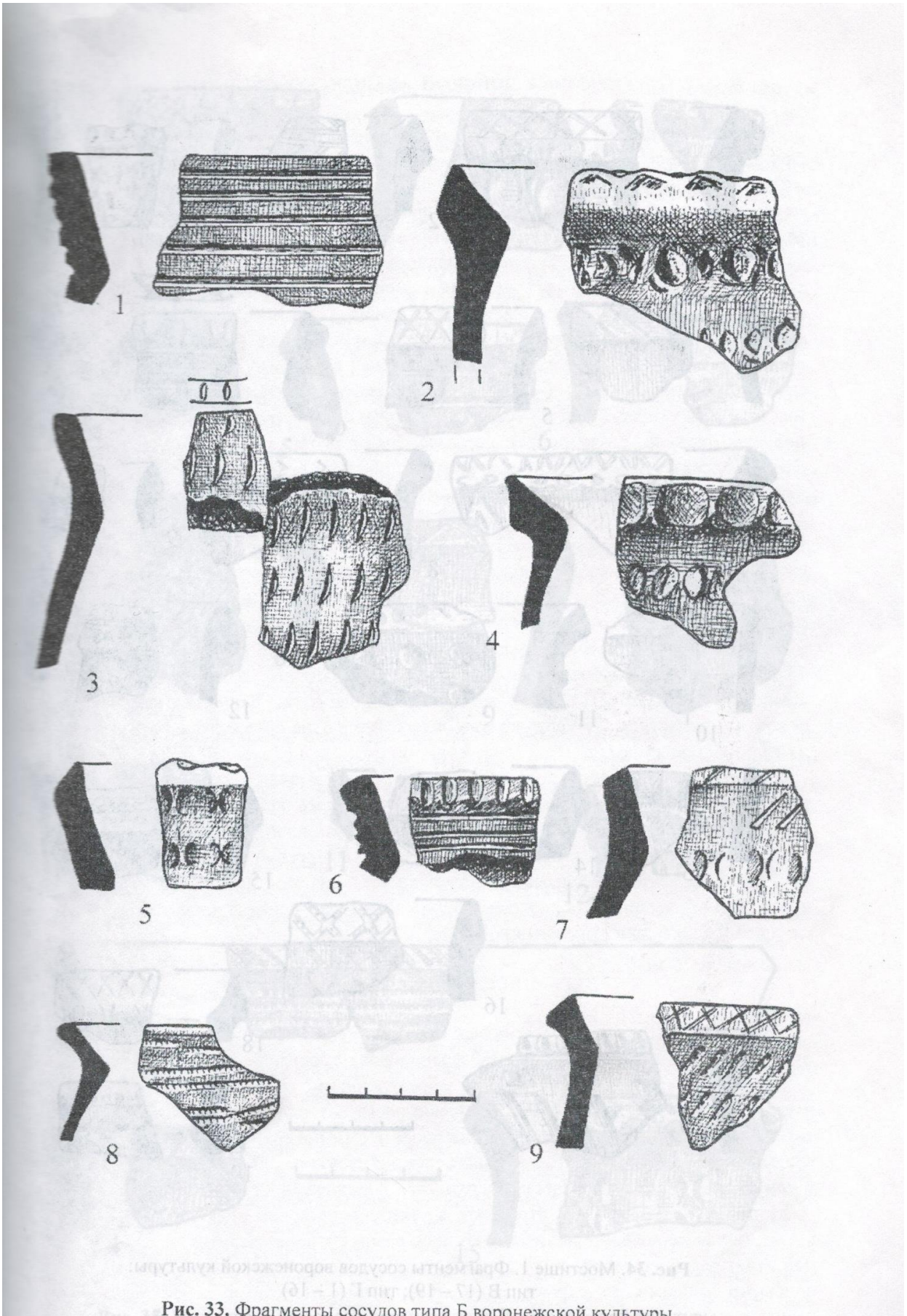


Рис. 33. Фрагменты сосудов типа Б воронежской культуры

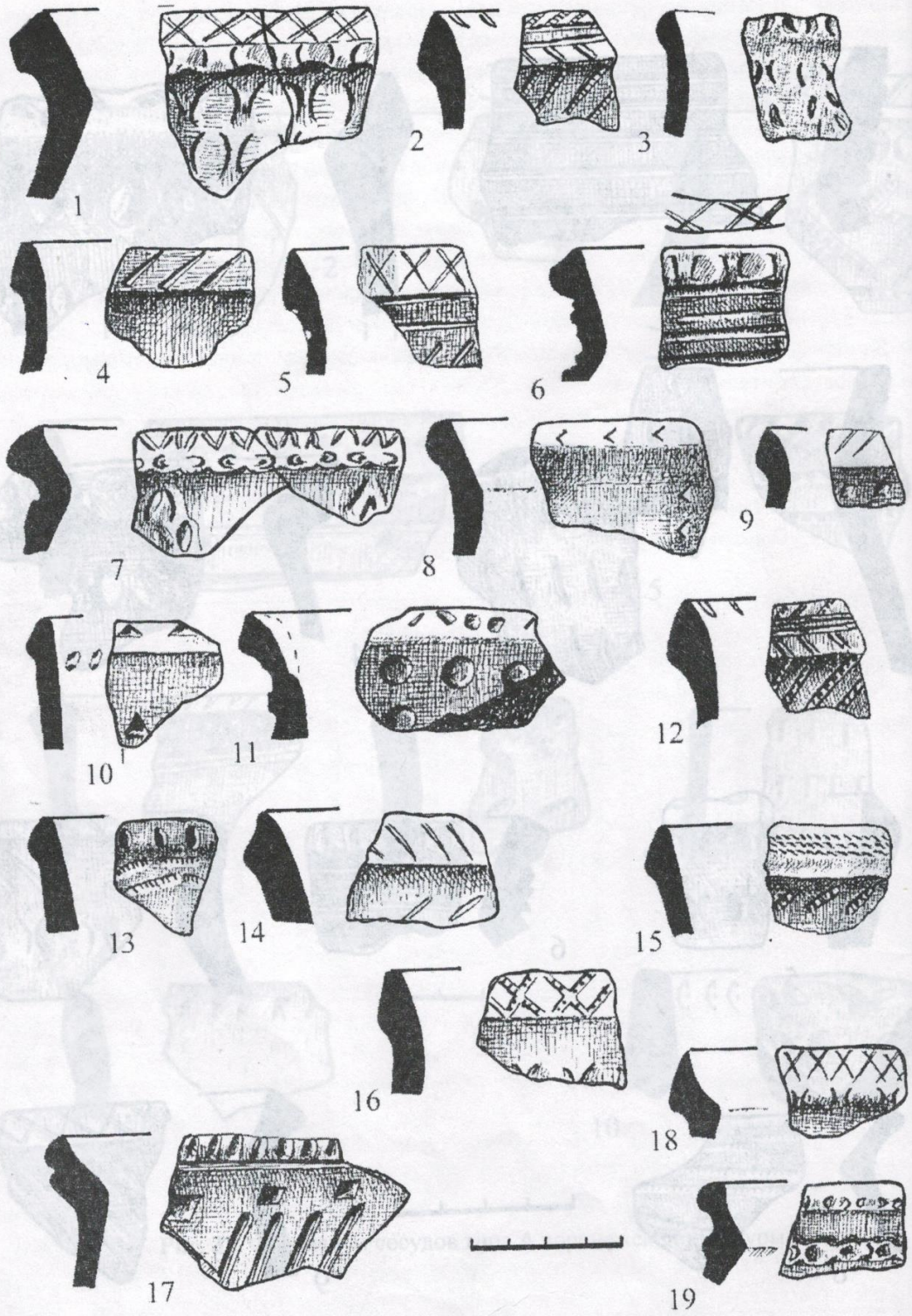


Рис. 34. Мостище 1. Фрагменты сосудов воронежской культуры: тип В (17 – 19); тип Г (1 – 16)

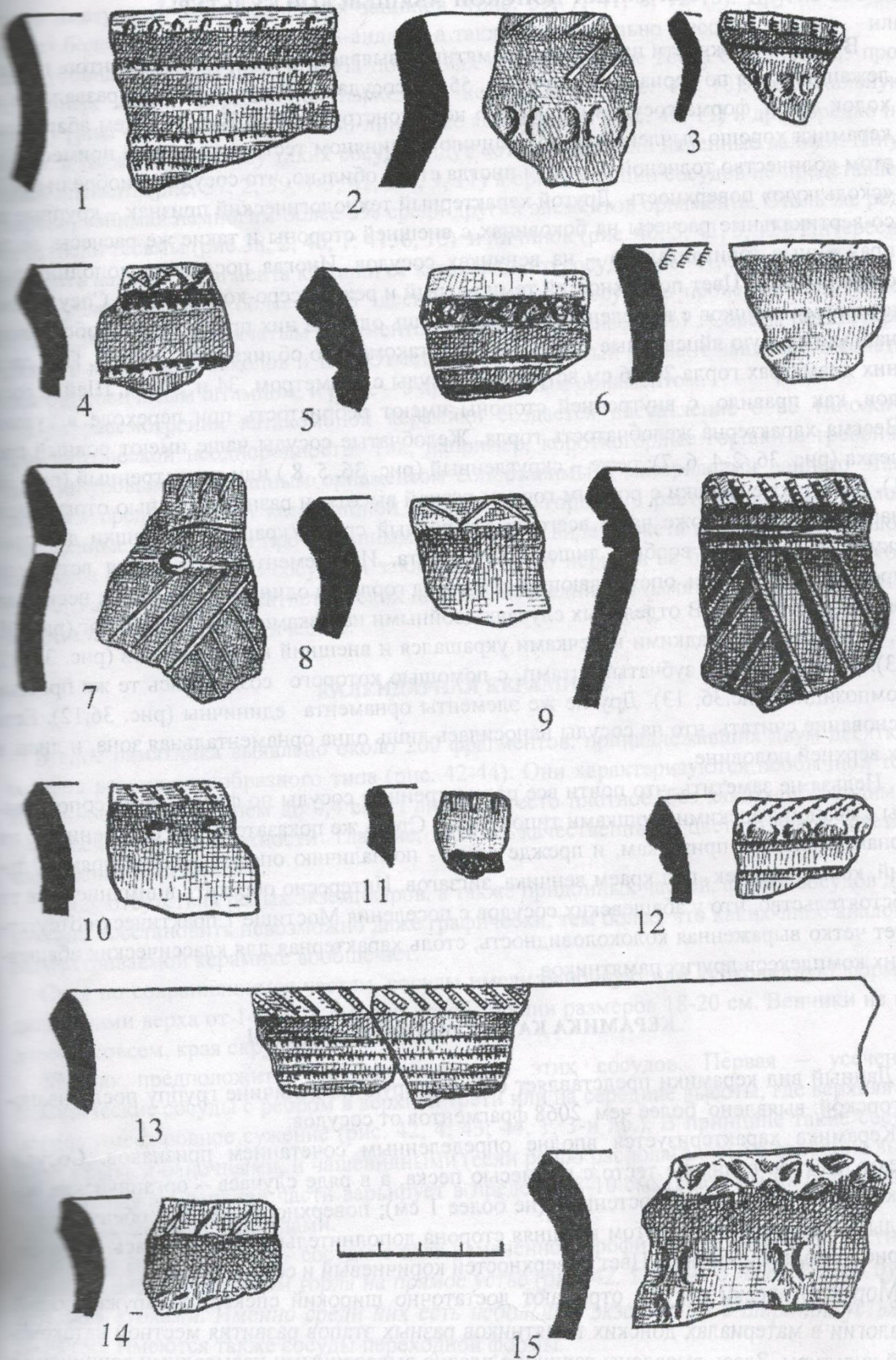


Рис. 35. Мостище 1. Фрагменты сосудов типа Д воронежской культуры

КЕРАМИКА ДОНСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В общей сложности на площади памятника выявлено около 300 фрагментов, принадлежащих, судя по вариациям венчиков, 55–60 сосудам. Ввиду отсутствия развалов и находок днищ, форма сосудов полностью не реконструируется. Вместе с тем абашевская керамика хорошо вычленяется по наличию в глиняном тесте раковинной примеси. При этом количество толченой ракушки иногда столь обильно, что сосуды приобрели как бы «скользкую» поверхность. Другой характерный технологический признак – крупные косо-вертикальные расчесы на боковинах с внешней стороны и такие же расчесы, но направленные горизонтально – на венчиках сосудов. Иногда последние дополнительно сглаживались. Цвет поверхностей темно-серый и реже – серо-коричневый. Сосуды имеют форму горшков с выделенным горлом. Лишь один из них представляет собой банку, напоминающую яйцевидные сосуды ямно-катакомбного облика (рис. 36, 11). При средних диаметрах горла 20-26 см встречены сосуды с диаметром 34 и 36 см. Шейки сосудов, как правило, с внутренней стороны имеют ребристость при переходе в тулово. Весьма характерна желобчатость горла. Желобчатые сосуды чаще имеют ровный срез верха (рис. 36, 2-4, 6, 7); реже – скругленный (рис. 36, 5, 8) или приостренный (рис. 36, 1). Есть также горшки с ровным горлом разной высоты и разной степенью отогнутости наружу. Верх их тоже чаще всего имеет ровный срез. Украшались горшки довольно скупо, а иногда и вообще лишены орнамента. Из элементов украшения встречены прочерченные линии, опоясывающие сосуд под горлом в один (рис. 36, 6) или несколько рядов (рис. 36, 11). В отдельных случаях двойными нарезками образован зигзаг (рис. 36, 3, 5, 8). Косыми гладкими насечками украшался и внешний край венчиков (рис. 36, 11, 13). Отмечен также зубчатый штамп, с помощью которого создавались те же простые композиции (рис.36, 13). Другие же элементы орнамента единичны (рис. 36,12). Есть основание считать, что на сосуды наносилась лишь одна орнаментальная зона, и лишь в их верхней половине.

Нельзя не заметить, что почти все рассмотренные сосуды по форме легко сопоставимы с иванобугорскими горшками типов Б и В. Столь же показательно и сравнение по их орнаментальным признакам, и прежде всего - по наличию опоясывающих прямых линий, косых насечек под краем венчика, зигзагов. Интересно обратить внимание и на то обстоятельство, что у абашевских сосудов с поселения Мостище 1 практически отсутствует четко выраженная колоколовидность, столь характерная для классических абашевских комплексов других памятников.

КЕРАМИКА КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Данный вид керамики представляет собой вторую по величине группу после иванобугорской: выявлено более чем 2068 фрагментов от сосудов.

Керамика характеризуется вполне определенным сочетанием признаков. Сосуды имеют плотное глиняное тесто с примесью песка, а в ряде случаев – органических остатков, сравнительно тонкостенные (не более 1 см); поверхности несут с обеих сторон следы штриховки, но при этом внешняя сторона дополнительно сглаживалась. Отмечен и прием ее ангобирования. Цвет поверхностей коричневый и серо-желтый.

Морфологически сосуды отражают достаточно широкий спектр, обнаруживающий аналогии в материалах донских памятников разных этапов развития местной катакомбной культуры. Здесь выявлены горшки с плавно выведенными невысокими венчиками и плоскими днищами без закраин, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа в горизонтальную елочку (рис. 37, 3). На ряде таких сосудов орнамент наносился по тулову ниже горла, или же вообще отсутствовал. В качестве делителей орнаментальных зон

часто выступают ряды пальцевых защипов (рис. 39, 7; 41, 8, 12-15). Другие сосуды имеют более четко выраженное S-видное, а также относительно высокое прямое или раструбовидное горло (рис. 40). На последних орнамент чаще всего составлен из прочерченных линий, образующих паркетную композицию (рис. 40, 10), вертикальную елочку (рис. 40, 13), горизонтально-линейные композиции (рис. 40, 11) и др. Нередко по горлу, а также и по тулову таких сосудов идут «оттянутые» или налепные валики. Шнуровой элемент (рис. 37, 2; 39, 1-3; 41, 2-4, 9, 11) в орнаментации сосудов не представлен широко, занимая немногим более 5% среди других элементов орнамента. Столь же редки оттиски тесьмы (рис.38, 2; 40, 1; 41, 6, 10) и личинок (рис. 40, 3; 41, 5, 12). Интересно отметить находку фрагмента крышки от катакомбного сосуда (рис. 41, 1).

В суммарном виде более всего здесь присутсвуют сосуды с прочерченным (более 50%), а затем - с гребенчатым орнаментом (несколько менее 40%) . Совсем редки украшения в виде ямок, наколов и т. д. Отметим, что защипный элемент чаще всего сочетается с гребенчатым штампом, и реже – с прочерченным орнаментом.

При рассмотрении катакомбной керамики создается впечатление о ее типолого-хронологической неоднородности. Так, например, короткогорлые горшки с гребенчатым, шнуровым и защипным орнаментом сопоставимы с материалами раннего этапа развития среднедонской катакомбной культуры, а горшки с раструбовидным горлом, украшенные валиками и прочерченными линиями в виде паркета и вертикальной елочки, более сопоставимы с сосудами заключительного периода ее бытования. При этом, как вытекает из общих статистических данных, последние на памятнике представлены в значительно большем количестве.

КАЛЕНДАРНАЯ КЕРАМИКА

В слое памятника выявлено около 200 фрагментов, принадлежавших двум десяткам сосудов весьма своеобразного типа (рис. 42-44). Они характеризуются необычной тонкостенностью (в среднем до 0,4 см). Глиняное тесто плотное, без каких-либо видимых примесей. Обе поверхности гладкие, обжиг качественный, цвет сосудов светло-коричневый или желтый.

Ввиду отсутствия целых экземпляров, а также придонных частей, форму сосудов достоверно восстановить невозможно даже графически, тем более, что каких-либо аналогов рассматриваемой керамике вообще нет.

Судя по сохранившимся частям, сосуды имели баночную или кубковидную форму с диаметрами верха от 14 до 24 см, при преобладании размеров 18-20 см. Венчики не выделены совсем, края скруглены.

Можно предположить две разновидности этих сосудов. Первая – усеченно-биконические сосуды с ребром в верхней трети или на середине высоты, где верхняя половина имеет ровное сужение (рис. 42, 4; 43; 44, 1, 3 и др.). В принципе такие сосуды могли быть и баночными, и чашевидными (если ребро располагалось на середине высоты). Высота же верхней части варьирует в пределах 8-10 см. Далее мы их будем называть биконическими сосудами.

Вторая разновидность - сосуды с едва намеченной профилировкой верхней части начиная от ребра, с выходом горла на прямое устье (рис. 42. 1, 3; 44, 6, 7, 8). Их мы будем называть кубками. Именно среди них есть небольшие экземпляры с шириной устья по 10-14 см. Имеются также сосуды переходной формы.

Весьма своеобразно и украшение рассматриваемых сосудов. Орнамент состоит лишь из одной зоны, размещенной выше ребра. Элементами украшения служат оттиски тонкого шнура, тонкие нарезные линии и точечные вдавления, заполнявшие фигуры геометрических композиций. В нескольких случаях роль заполнителей выполняли вдавле-

ния полой трубочкой.

Зоны, как правило, оконтурены одинарными и двойными горизонтальными нарезными или шнуровыми линиями, между которыми из тех же элементов (часто во взаимосочетании) создавалась сетка или различные вариации треугольников. Последние в пределах одной зоны заполнялись разным количеством вдавлений, что, на наш взгляд, делалось в соответствии с определенным замыслом. Такого рода числовая подборка не исключает счетную систематику, в связи с чем данная группа керамики нами условно названа «календарной». Отметим также, что сосуды обеих разновидностей едины по орнаментальным признакам.

Аналогии рассматриваемым сосудам нам не известны. При определении их культурной принадлежности пока приходится оперировать их признаками, взятыми лишь поотдельности, хотя результаты предпринимаемых сравнений могут оказаться весьма уязвимыми, поскольку характер предназначения сосудов явно специфичен.

Тем не менее присутствие шнурового элемента, точечных и трубчатых вдавлений, а также некоторых треугольных композиций в целом находит соответствие в круге катакомбных древностей, как и кубковидная форма сосудов. С другой стороны, сетчатая орнаментальная композиция имеет большее распространение на сосудах иного культурного круга, например, фатьяновской культуры. Оставляем за будущими исследованиями поиски параллелей другим признакам в самых разных культурных образованиях (в частности, тонкостенность, гладкие поверхности, ту же кубковидность и ребристость можно при желании сопоставлять даже с материалами белозерской культуры конца бронзового века, которые, кстати, есть и на Среднем Дону). Мы же более склоняемся к первой линии сравнения: данная группа керамики принадлежит катакомбной общности, представляя собой атрибутивную часть религиозно-культовых отправлений особого назначения.

Такая оценка в известной степени подкрепляется и уникальным характером памятника, на котором эта керамика обнаружена. Добавим к этому, что абсолютное большинство календарной керамики планиграфически концентрировалось в пределах площади каменного лабиринта и около него (подобно иванобугорской, воронежской, донской абашевской и катакомбной керамике), а залегание ее в нижнем горизонте слоя в процентном соотношении оказалось самым представительным (см. табл. 2), хотя последнее может быть сопряжено и с фактором случайности, и с недостаточным количеством материалов для того, чтобы считать корректным сравнение статистико-стратиграфических величин.

КЕРАМИКА БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Всего на памятнике выявлено около 350 фрагментов примерно от двух десятков сосудов (рис. 45). В отличие от рассмотренных выше культурных групп, эта керамика концентрировалась на площади раскопа за пределами внутренних укреплений памятника в сторону плато. Однако единичные экземпляры выявлены и на средней площадке.

Керамика несет достаточно четкие признаки, характеризующие ее культурную специфику: вся она сравнительно тонкостенная, глиняное тесто плотное с примесью песка, поверхности ровно сглажены, имеют серо-коричневый и серый цвет. В зависимости от оформления горла сосуды принадлежат банкам (рис. 45, 2) и горшкам (рис. 45, 1, 3 и др.). Орнаментация единообразная и отличается простотой: по краю, а иногда и ниже по тулову нанесены разреженные круглые ямки или вдавления краем щепы с наклоном вниз, образующие с внутренней стороны негативы. Вдавления идут горизонтальными рядами или скомпонованы в виде треугольников. Изредка встречаются прочерченные линии.

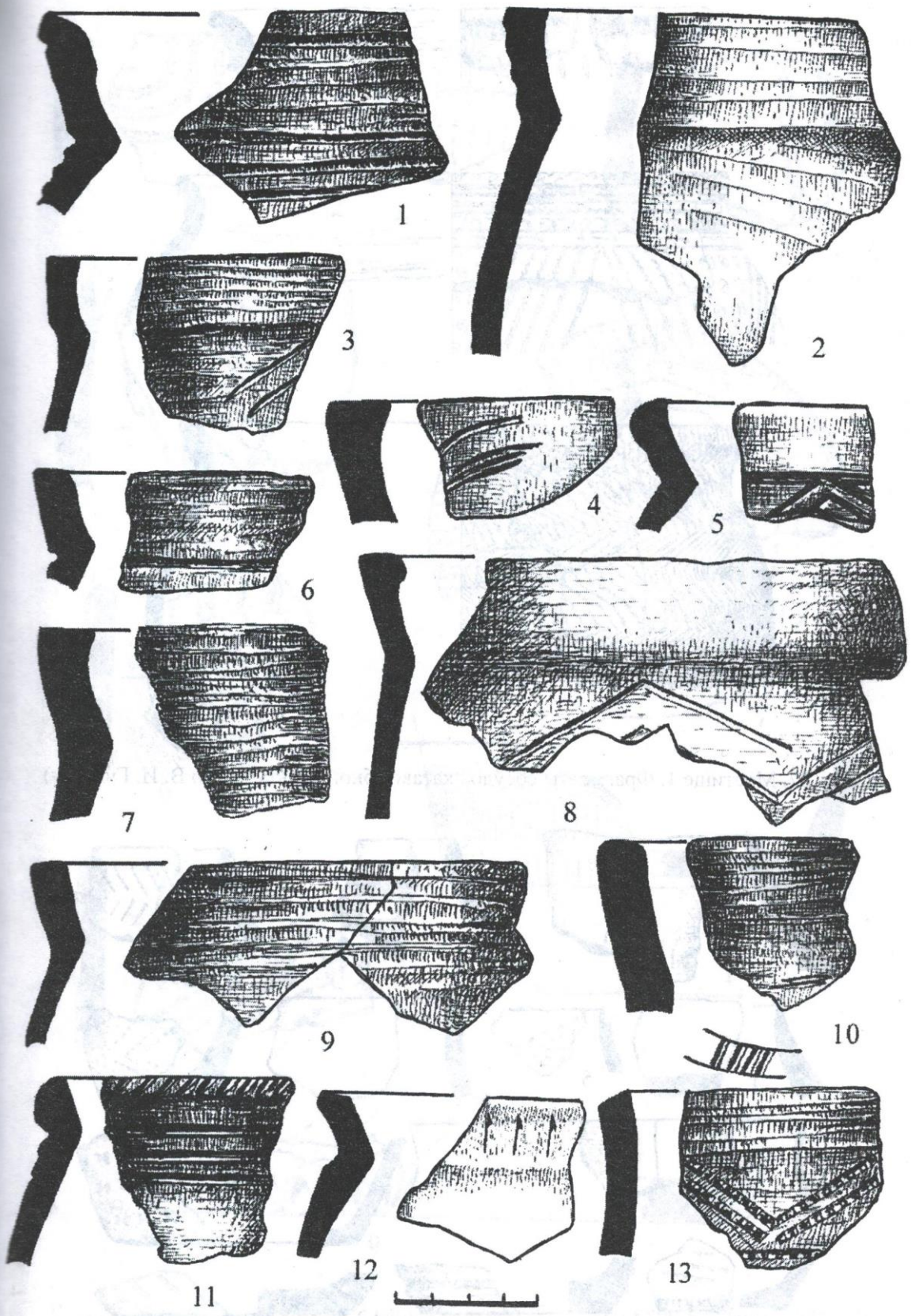


Рис. 36. Мостище 1. Фрагменты сосудов донской абашевской культуры

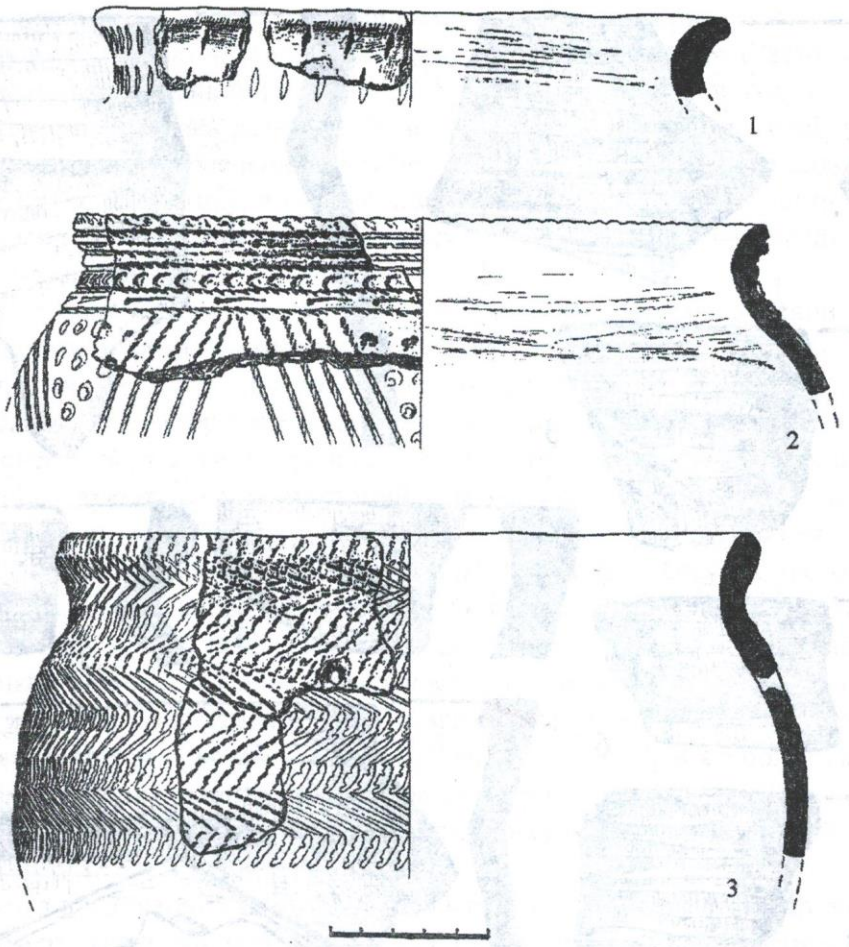


Рис. 37. Мостище 1. Фрагменты сосудов катакомбной культуры (по В. И. Гуляеву)

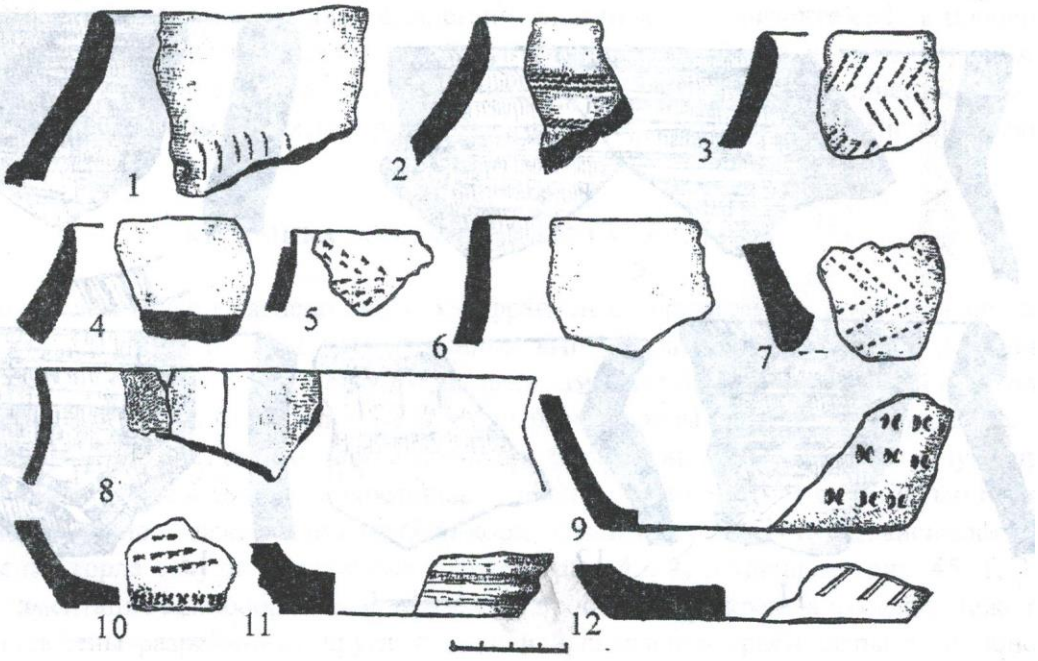


Рис. 38. Мостище 1. Фрагменты сосудов катакомбной культуры

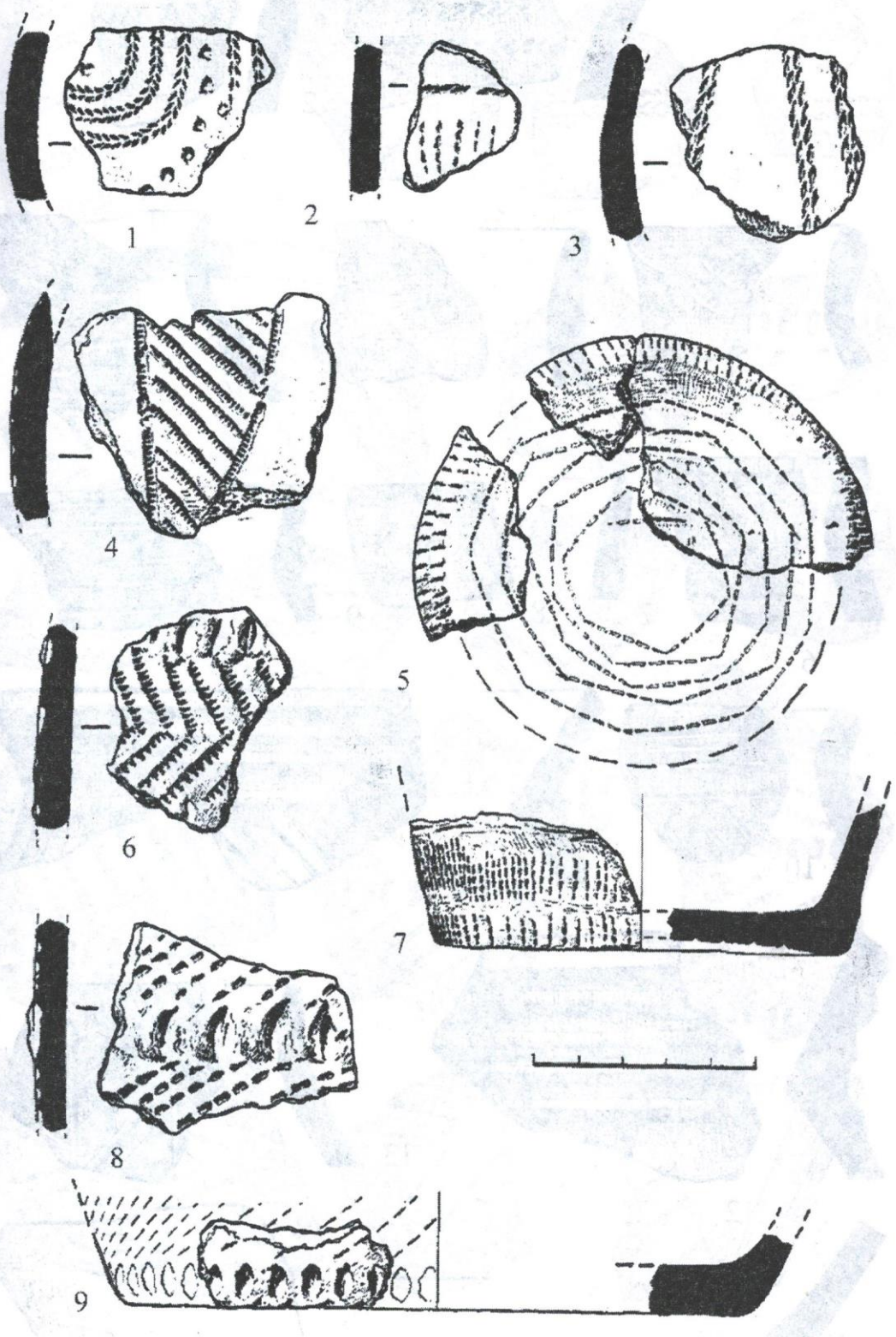


Рис. 39. Мостище 1. Фрагменты сосудов катакомбной культуры (по В. И. Гуляеву)

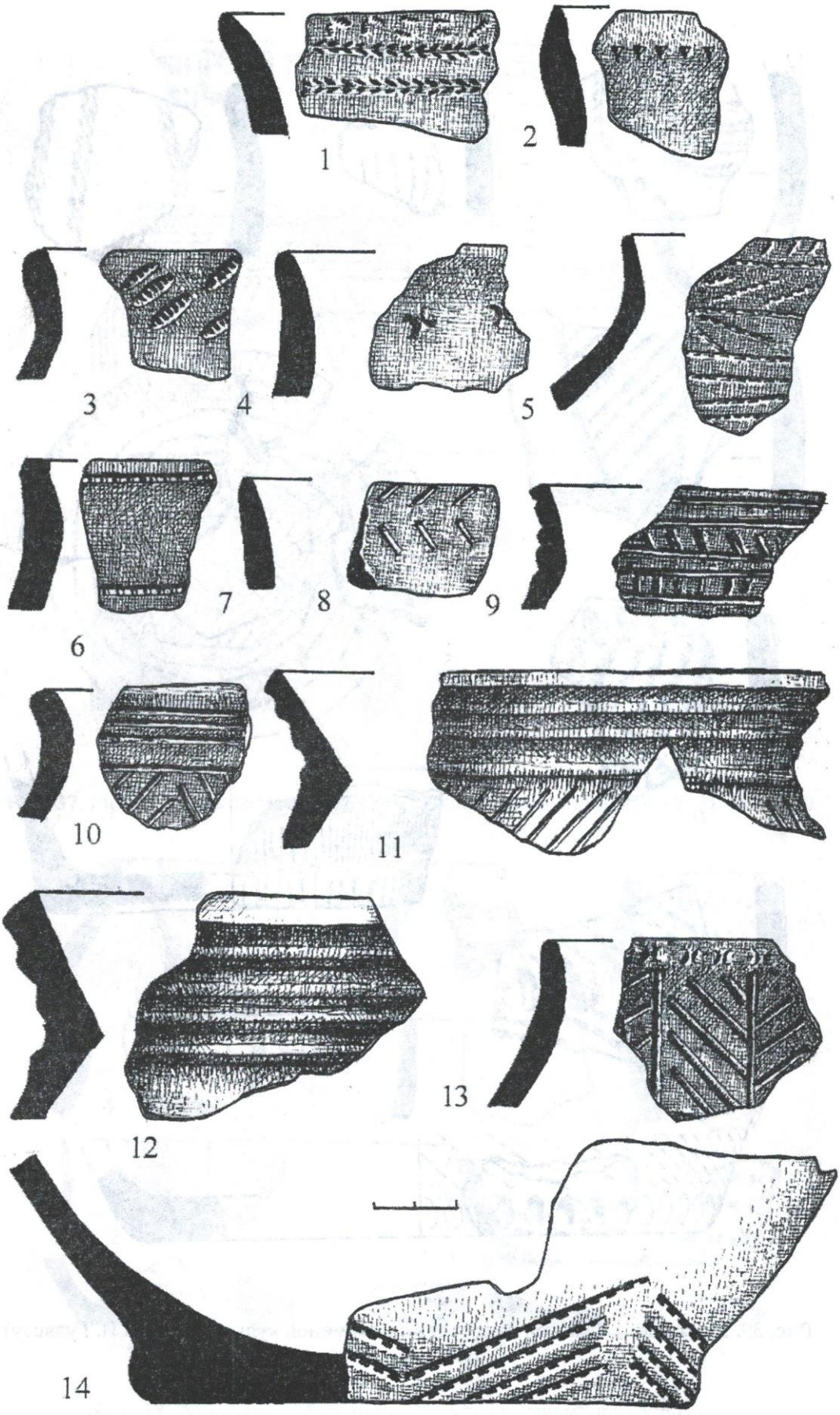


Рис. 40. Мостище 1. Фрагменты сосудов катакомбной культуры

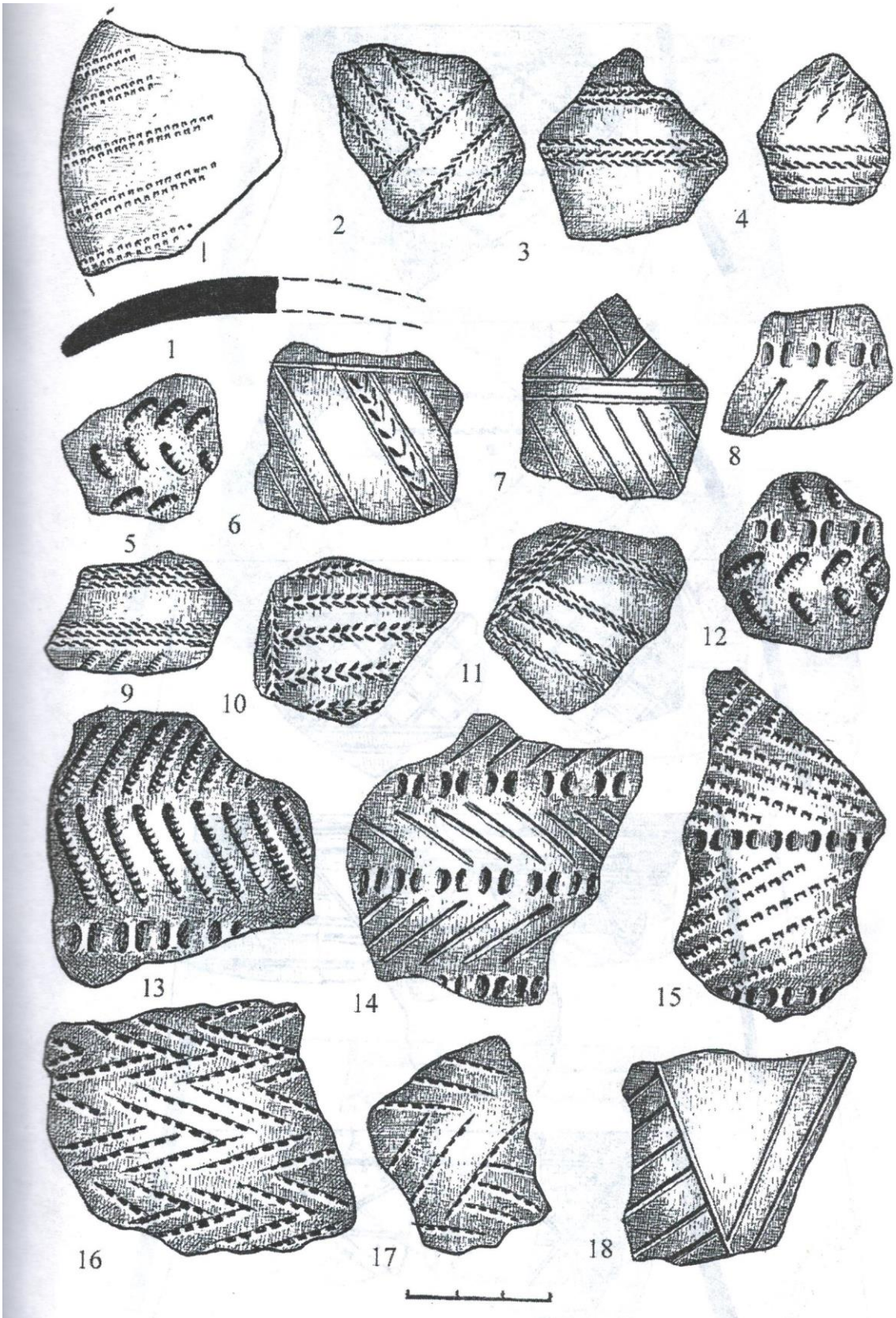


Рис. 41. Мостище 1. Фрагменты сосудов катакомбной культуры

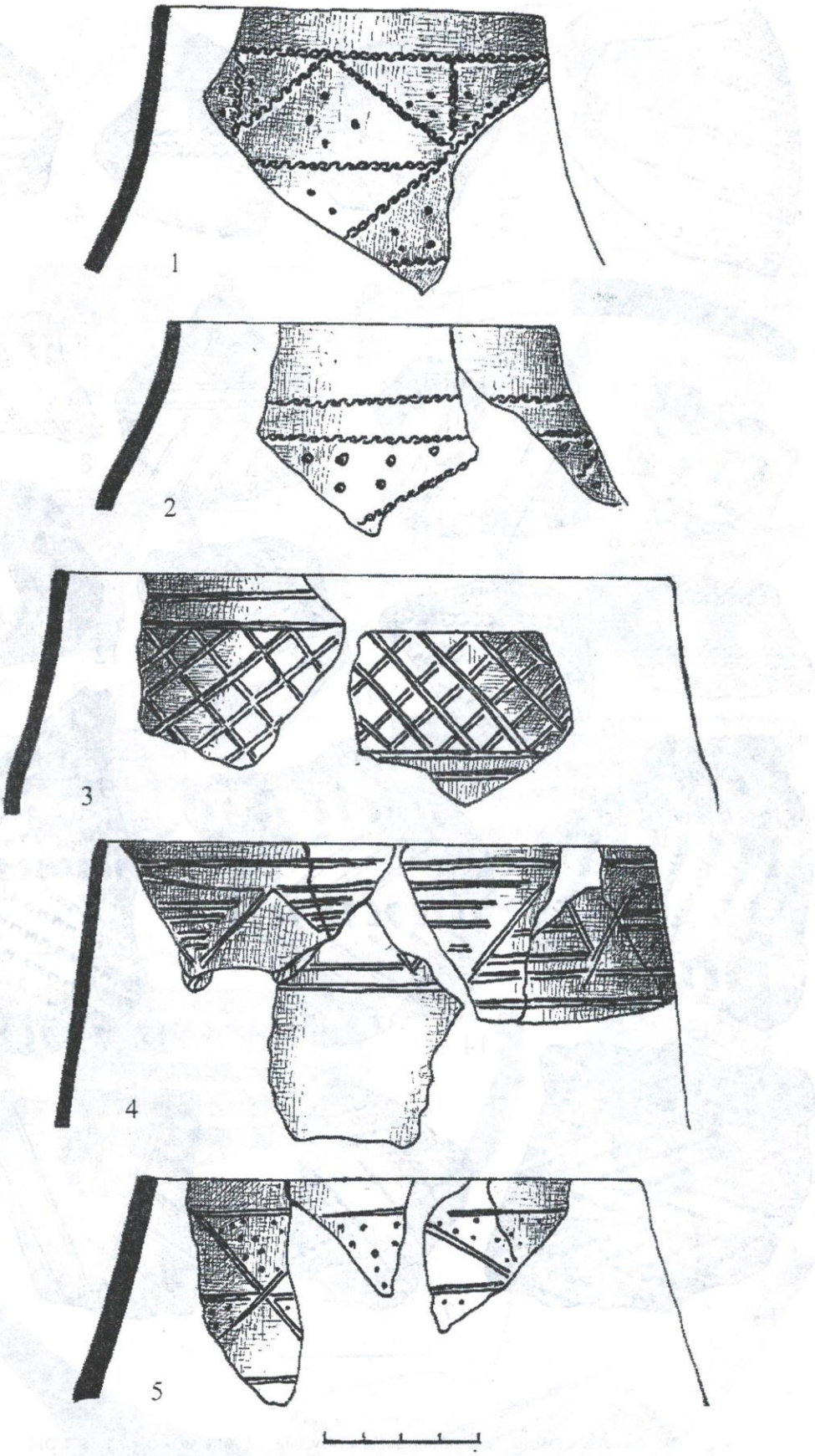


Рис. 42. Мостище 1. Календарная керамика

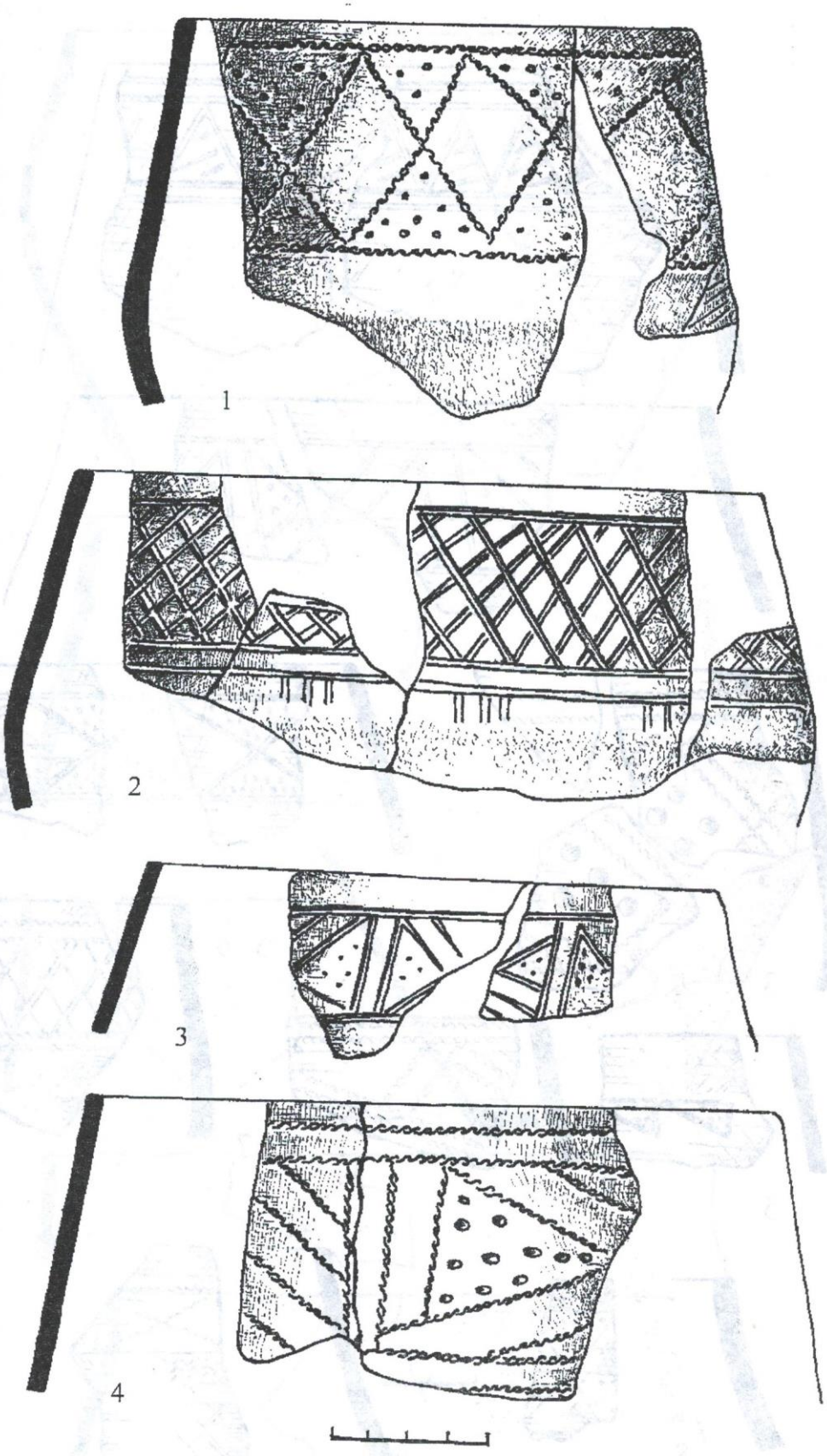


Рис. 43. Мостище 1. Календарная керамика

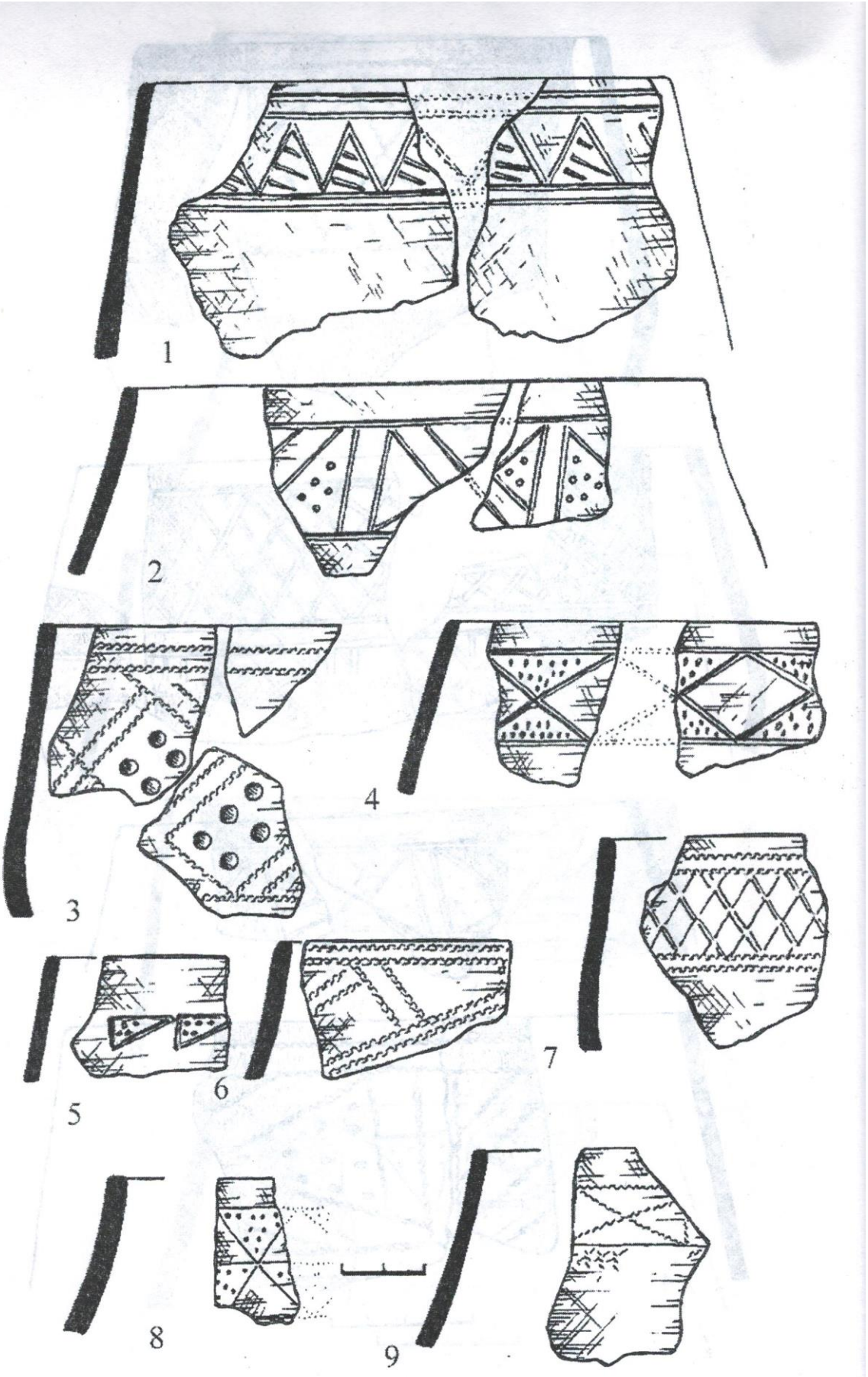


Рис. 44. Мостище 1. Календарная керамика

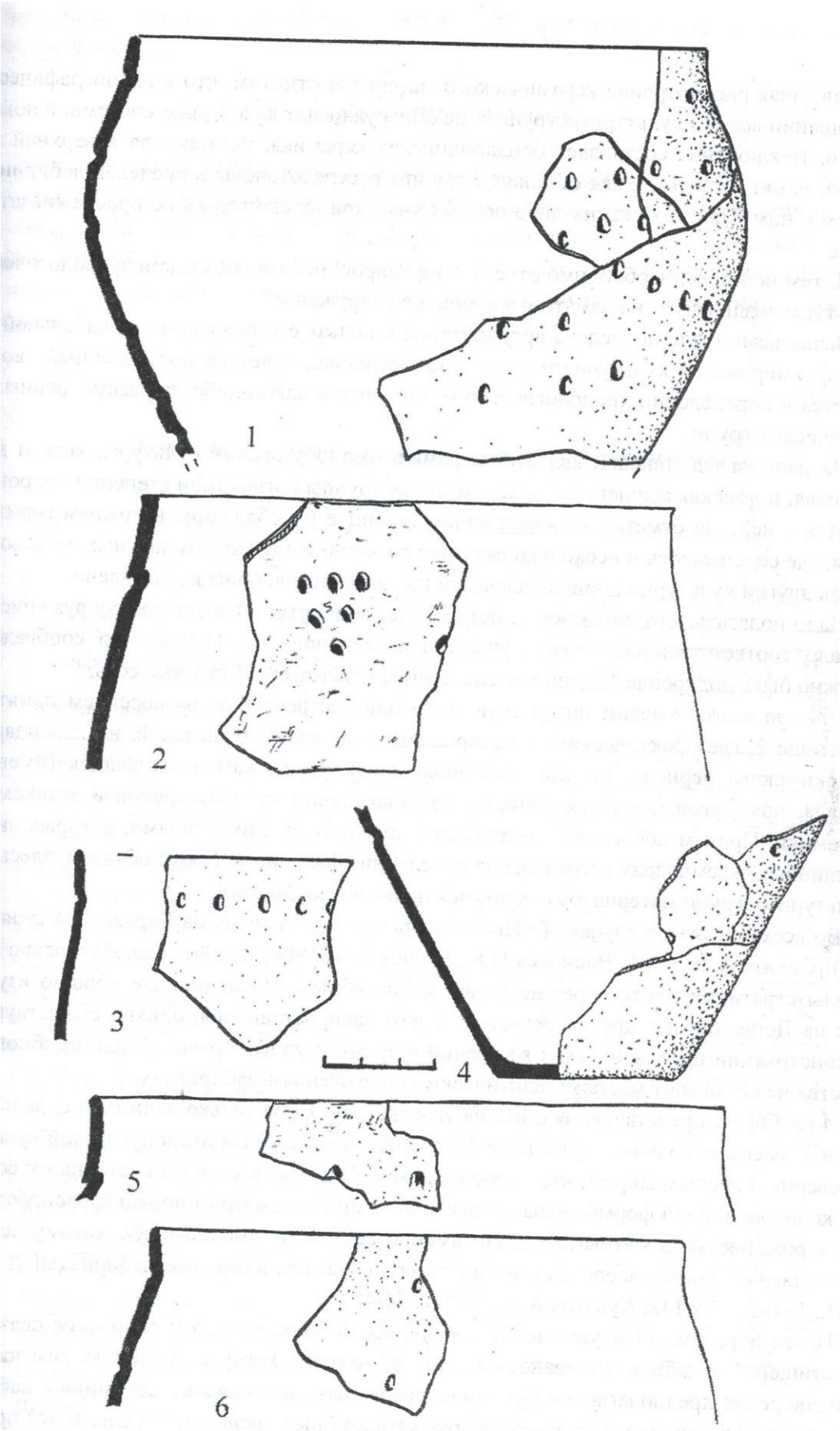


Рис. 45. Мостище 1. Фрагменты сосудов бондарихинской культуры

* * *

Завершая рассмотрение керамического материала отметим, что в планиграфическом отношении все его культурные группы не обнаруживают какой-либо системной локализации. Исключение составляет бондарихинская керамика, тяготеющая к верхней площадке памятника, тогда как остальные группы рассредоточены в пределах лабиринта и рядом с ним. При этом каких-либо особых участков их скопления не прослеживается и здесь.

И, тем не менее, необходимо ответить на вопрос: носителями какой археологической культуры воздвигнуто на памятнике каменное сооружение?

Выше нами была приведена аргументация в пользу его появления на начальной стадии формирования культурного слоя. Следовательно, ответ на поставленный вопрос кроется в определении хронологического приоритета какой-либо из рассмотренных керамических групп.

На наш взгляд, таковой является керамика иванобугорской культуры, хотя и воронежская, и донская абашевская, и катакомбная группы в известной степени синхронизируются с ней. Но отметим ее явное количественное преобладание в нижнем горизонте слоя, где содержалось и несколько развалов сосудов, тогда как компактных развалов сосудов другой культурной принадлежности на памятнике вообще не выявлено.

Надо полагать, что объемное и, безусловно, общественно значимое сооружение требовало соответствующего числа участников мероприятий. Однако это соображение должно быть подкреплено дополнительными аргументами. И таковые есть.

Прежде всего отметим интересную ситуацию, встреченную на соседнем памятнике Мостище 2, где практически нет материалов ни донской абашевской, ни календарной, ни скифского периода, но там тоже находились руины каменных кладок (имевших, правда, прямоугольное сопряжение) в сопровождении иванобугорской и катакомбной керамики. Причем последняя представлена довольно ранними типами, которые лишь в единичных экземплярах встречены на поселении Мостище 1. Таким образом, здесь круг культурных групп материалов сократился практически до двух.

Во всех известных случаях (в Иванобугорском могильнике, на Черкасской стоянке и др.) [Синюк А.Т., 1984; Васильев И.Б., Синюк А.Т.,1984] ранние иванобугорские материалы стратиграфически предшествуют катакомбным. Последние же хорошо изучены как на Дону, так и в других регионах своего распространения, однако существующие реконструкции идеологических воззрений и архитектурных традиций катакомбного общества не оставляют места мегалитическим сооружениям-лабиринтам.

И наоборот, представления о иванобугорской культуре только начинают складываться, и в их сфере получает признание факт генетической связи иванобугорской культуры с северным лесным миром, что наиболее зримо подчеркивается тонкостенными сосудами колоколовидной формы, украшенными ямками в шахматном порядке, распространением ромбического мотива и т.д. Но именно северному ямочно-гребенчатому неолиту принадлежит такой своеобразный тип памятников, как каменные лабиринты! [Гурина Н.Н., 1948. с.125-142; Куратов А.А., 1970, с.34-48].

Таким образом, обнаруживаемая совокупность признаков дает основание связывать Мостищенский лабиринт с иванобугорской культурой. Этому заключению, казалось бы, противоречит предполагаемая функциональная связь календарной керамики с лабиринтом, поскольку она нами включена в круг катакомбных древностей. Однако эти предположения совсем не перечеркивают друг друга.

В следующей главе мы еще вернемся к проблемам происхождения, хронологии и

синхронизации мостищенских материалов, равно как и к оценке функционального назначения лабиринта.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ

Более или менее определенно к пережиточному энеолиту - бронзовому веку можно отнести около пятидесяти каменных изделий, пластин и отщепов со следами использования (рис. 46 – 48) и, возможно, несколько десятков сколов от производства и реутилизации орудий. Каких-либо их скоплений на исследованной площади не наблюдалось. Поглубинное размещение каменных изделий в слое памятника отражено в приводимой таблице 5.

Таблица 5

Размещение типов каменных орудий по горизонтам слоя

Типы Орудий	Горизонты слоя			Всего
	1	2	3	
Обломки каменных Шлифованных топоров	2	1		3
Кремневый топорик		1		1
Тесловидные орудия	2			2
Серповидное орудие	1			1
Скобели	1			1
Ножи	1	1		2
Резчики	4	3		7
Скребки		2		2
Скобель-ретушер	1			1
Скобель-сверло			1	1
Пластинчатые отщепы с ретушью	4	3	3	10
Наконечники стрел, дротиков	1	2		3
Крупные отщепы со следами использования	2	3		5
Крупные пластины со следами использования	1			1
Ретушеры	2	1		3
Сверла	1	1	1	3
Всего	22	18	5	45

Как видим, с учетом размеров исследованной площади памятника и культурного многообразия керамических групп, данный материал столь невыразителен, что свидетельствует, скорее, об отсутствии здесь специализированных мест производства каменных орудий и о невостребованности их широкого применения.

Тем не менее отметим, что изделия выполнены из качественного мелового кремня черного цвета, использовавшегося еще с палеолитической эпохи, ближайшие месторождения которого находятся в районе реки Оскол. Интересно также отметить, что наряду с кремнем встречены и кварцитовые поделки и отщепы, а это отражает традицию совместного использования двух материалов, возникшую в предшествующие эпохи именно в Донском бассейне.

Однако само присутствие на памятнике каменного инвентаря, пусть и в небольшом количестве, маркируя его принадлежность к рассматриваемому времени, может в какой-то степени при анализе поселенческих материалов способствовать задачам его членения по археологическим эпохам. Значительно сложнее дело обстоит с культурной дифференциацией конкретных типов найденных изделий по уже отмечавшейся выше причине. Добавим лишь, что четких определителей культурной принадлежности пока нет и в целом для многих каменных орудий ввиду малого числа исследованных однослойных поселений бронзового века.

С большей долей вероятности можно отнести к катакомбным древностям наконечники стрел с выемками в основании, иногда так и называемые наконечниками ямно-катакомбного типа (рис. 48, 1, 2). С меньшей уверенностью тому же культурному кругу могли принадлежать каменные шлифованные топоры (рис. 47, 13; 48, 16, 17). Дело в том, что изделия того и другого типов встречены и в комплексах воронежской культуры.

Другие же типы орудий пока в культурном отношении не дифференцируются, тем более что многие из них носят «надкультурный» характер, то есть были широко распространены во времени и пространстве. Не исключено поэтому, что некоторые из них могли принадлежать и скифскому времени.

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Из немногочисленных в целом костяных изделий памятника к эпохе бронзы, а, точнее, к иванобугорской культуре следует отнести два гарпуна (один из них найден в виде обломка) (рис. 50, 1, 2), поскольку в Донской Лесостепи пока только в одном из погребальных комплексов именно названной культуры находилось подобное орудие [Синюк А.Т., 1984, с.116, рис.8, 14].

Особо отметим находки трубочек из полых костей крупных птиц (рис. 49, 1 – 3). Обнаружено три их экземпляра в пределах верхней площадки памятника на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Круглые их концы подработаны фасетками, а в одном случае - насечкой-фиксатором. На противолежащих концах имеются отверстия для скрепления между собой или же для подвешивания. Длина трубок с разницей в сантиметр варьирует от 12 до 14 см. Такого рода находки известны в древнеямных и катакомбных погребальных комплексах и определяются как составные части флейт [Синицын И.В., 1959; Мелентьев А.Н., 1966; Озеров А.А., Беспалый Е.И., 1978 и др.]. В круге названных памятников встречены и многоствольные «флейты Пана», и по одной такой трубочке. Отметим, что флейты хорошо представлены и в катакомбных захоронениях Среднего Дона. К примеру, восьмиствольная флейта из Власовского могильника (близ с. Власовка Грибановского района Воронежской области) имела прекрасную сохранность,

включая остатки кожаного шнура, скреплявшего трубочки [Синюк А.Т., 1989, с.36, рис. 2,4].

Целый ряд наблюдений позволяет рассматривать погребальные комплексы с флейтами в качестве жреческих захоронений, где последние играют роль специфического культового атрибута [Синюк А.Т., 1990, с.34-36; 1996, с.294-296]. Присутствие их на рассматриваемом памятнике достаточно симптоматично (если принять во внимание его функциональный характер), а в культурно-хронологическом плане наиболее предположительна их генетическая связь с катакомбными традициями.

Видимо, к раннему периоду функционирования памятника можно отнести роговое мотыгообразное орудие с насечками-фиксаторами для крепления к рукояти (рис. 49, 5), а также обломок в виде рабочей части орудия сходного типа, только меньших размеров (рис. 49, 6). Совсем не исключено и иное назначение последнего, например, в качестве тесла или лощила. Отметим, что подобные изделия встречены на многослойных стоянках бассейна Дона, в частности, на Копанищенской [Синюк А.Т., 1978, с. 93, рис.5, 29], содержавших материалы неолита, энеолита и ранних периодов эпохи бронзы.

С меньшей долей вероятности можно связывать с эпохой бронзы, а тем более с какой-либо конкретной культурой костяные шилья (рис. 49, 6-8), нож (рис. 49, 9), роговые поделки (рис. 49, 11), обломок ребра животного с намеченной парой вдавлений на одном из концов (рис. 49, 4) и др. Такого рода находки в равной степени могли принадлежать и скифскому времени.

Наконец, катакомбной или воронежской культуре принадлежит штамп для нанесения гребенчатого орнамента, выполненный на краю створки раковины - перловицы (рис. 47, 11).

* * *

Из металлических находок на памятнике всего лишь одна - медное тесло (рис. 50, 3) - имеет достаточно устойчивые параллели в круге материалов эпохи энеолита - бронзового века. На Среднем Дону подобного типа тесло находилось в одном из древнеямных погребальных комплексов Павловского курганного могильника (близ г. Павловска Воронежской области) [Синюк А.Т., 1996, с. 58 , рис. 5,5]. При этом само погребение интерпретировано как особо социально престижное, принадлежавшее жреческому сословию [Синюк А.Т., 1996, с. 305-308].

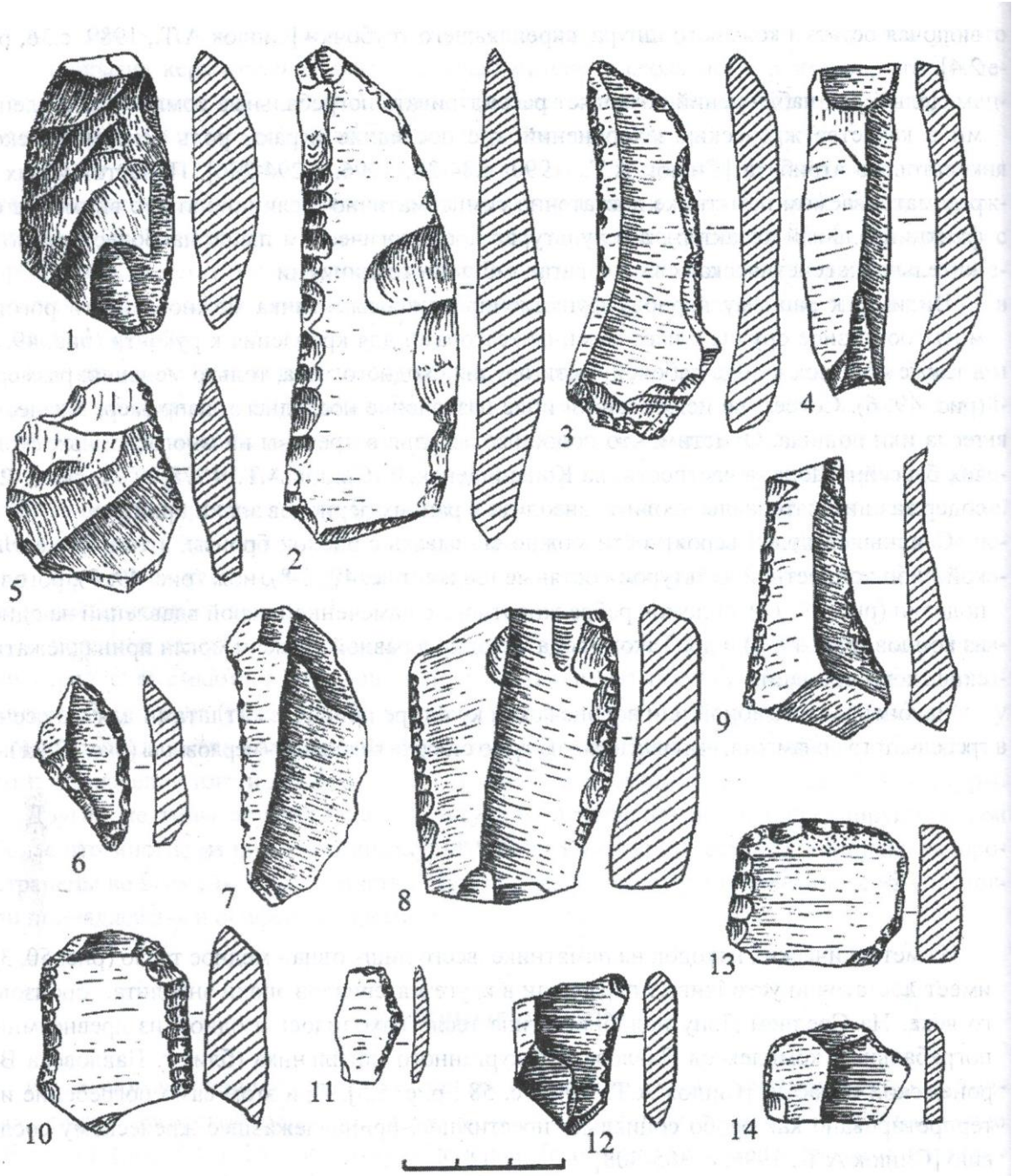


Рис. 46. Мостище 1. Кремневые изделия

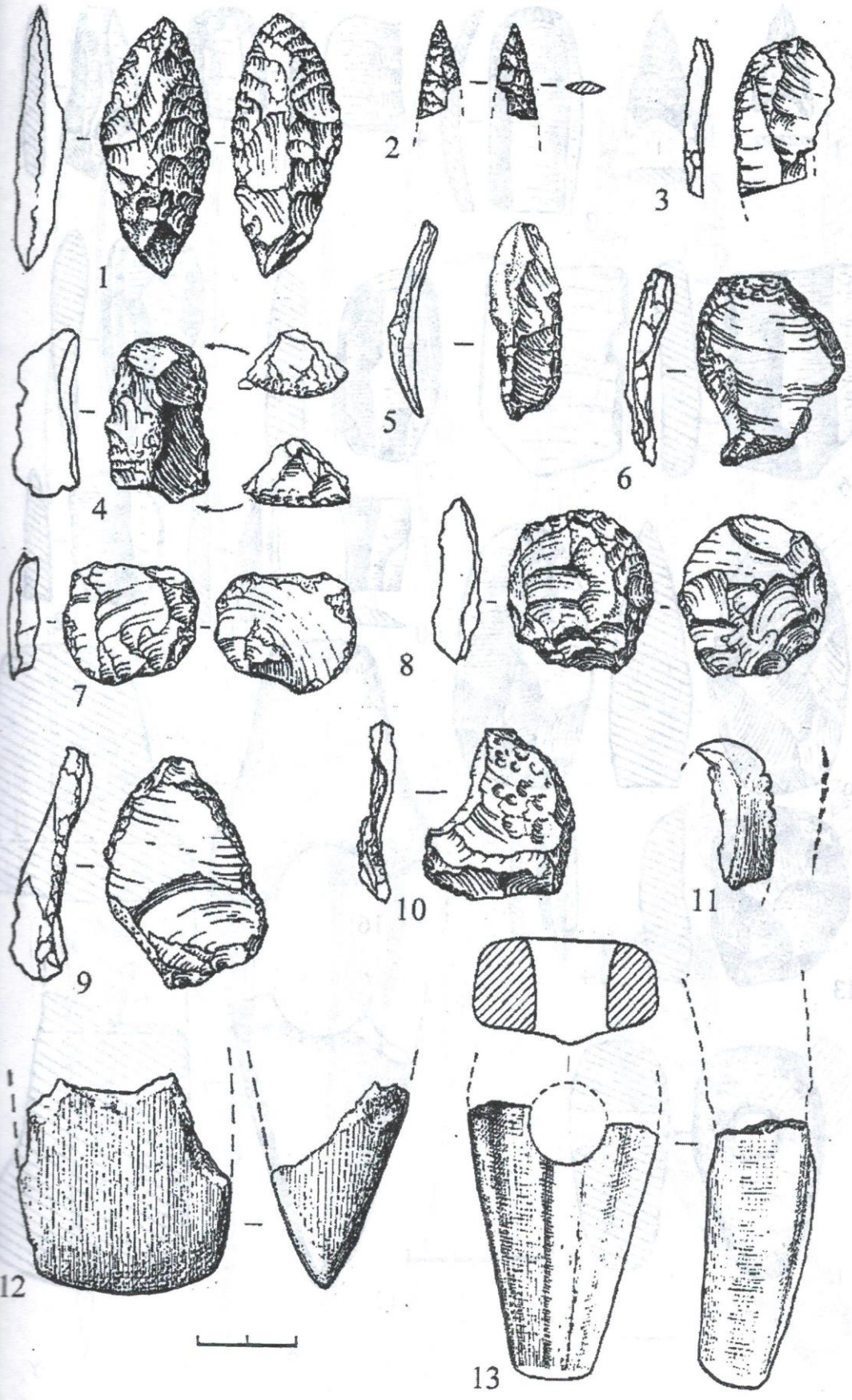


Рис. 47. Мостище 1. Каменные изделия (по В. И. Гуляеву)
(11 – "штамп" на створке раковины)

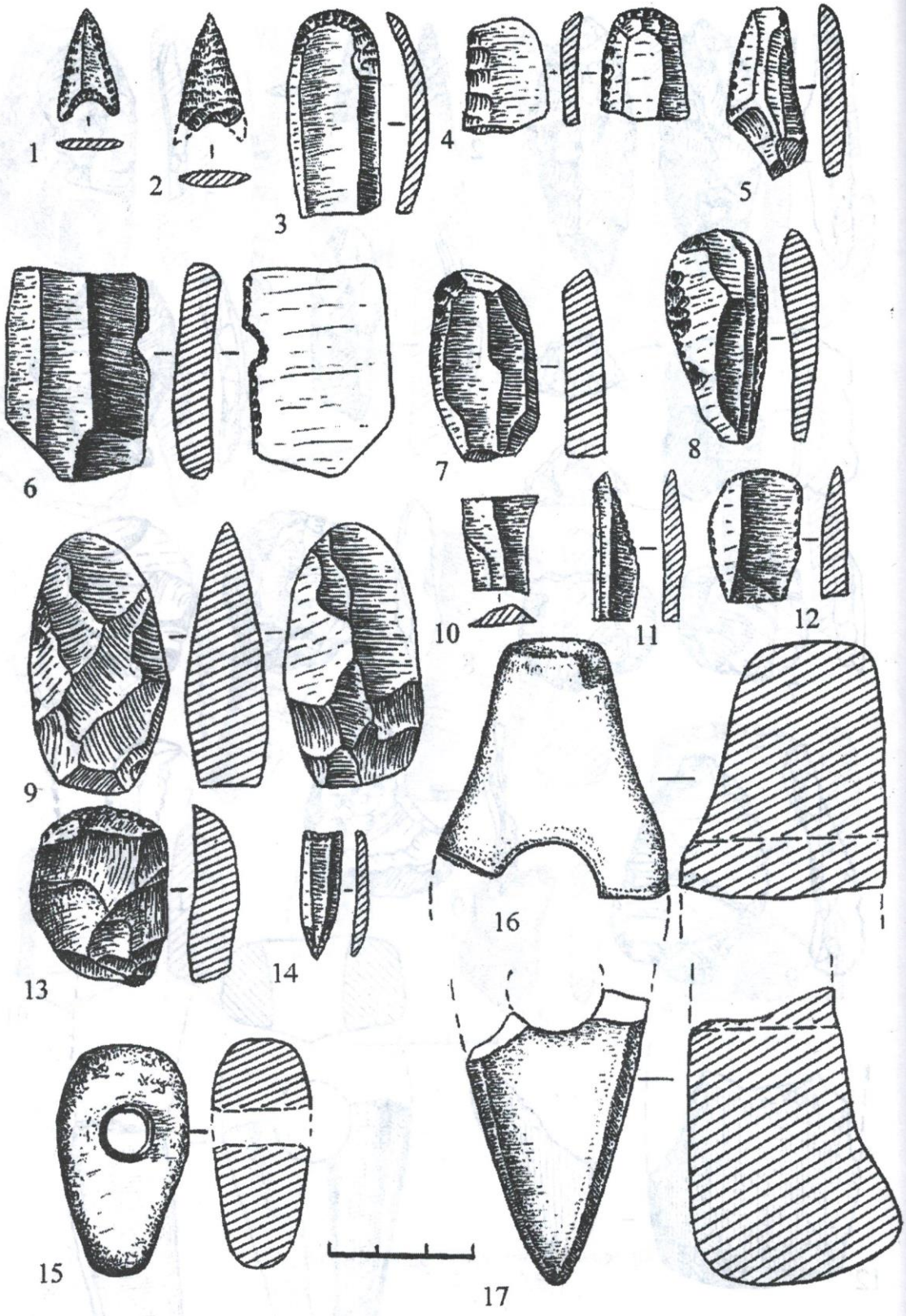


Рис. 48. Мостище 1. Каменные изделия

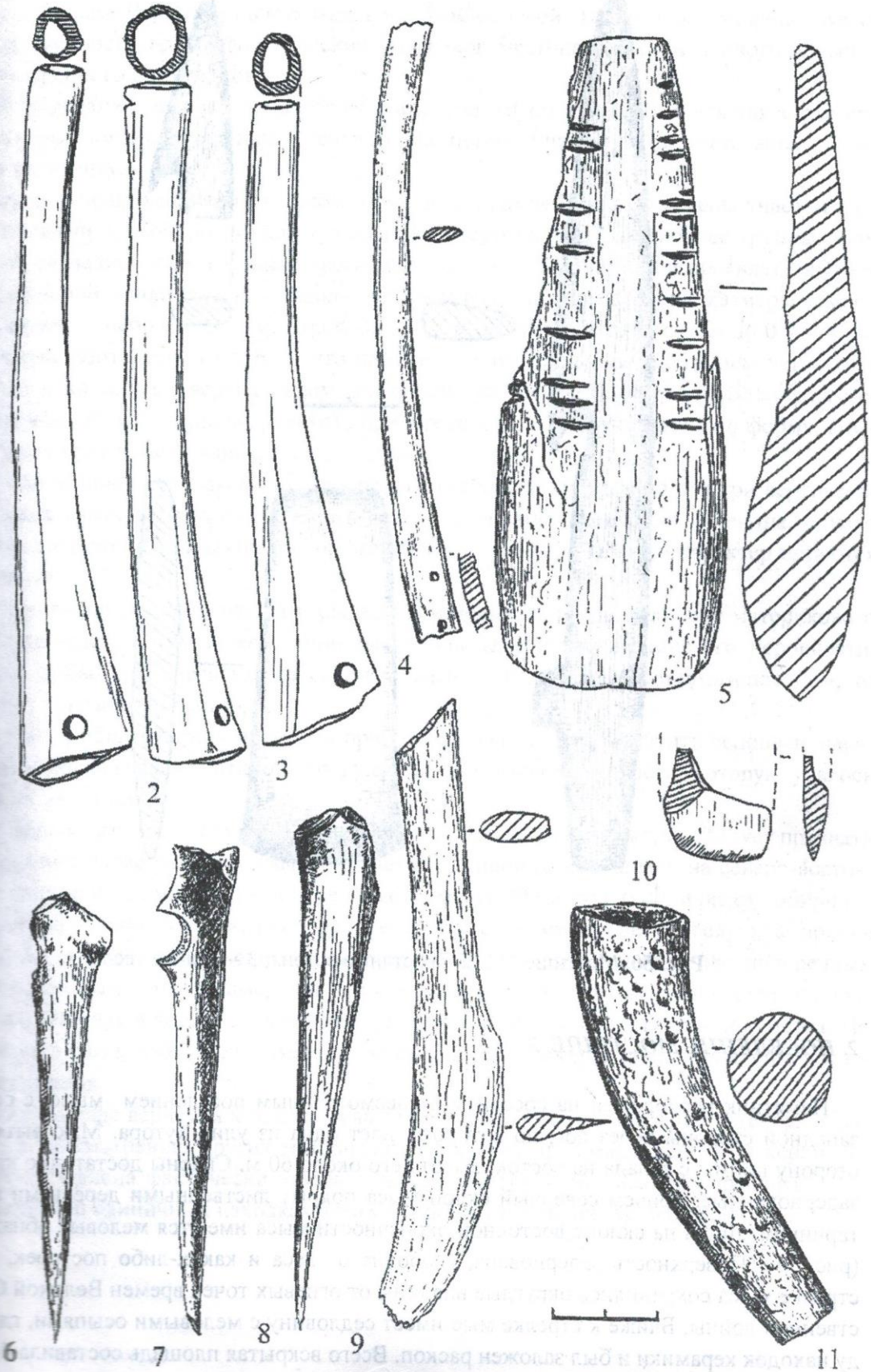


Рис. 49. Мостище 1. Костяные и роговые изделия

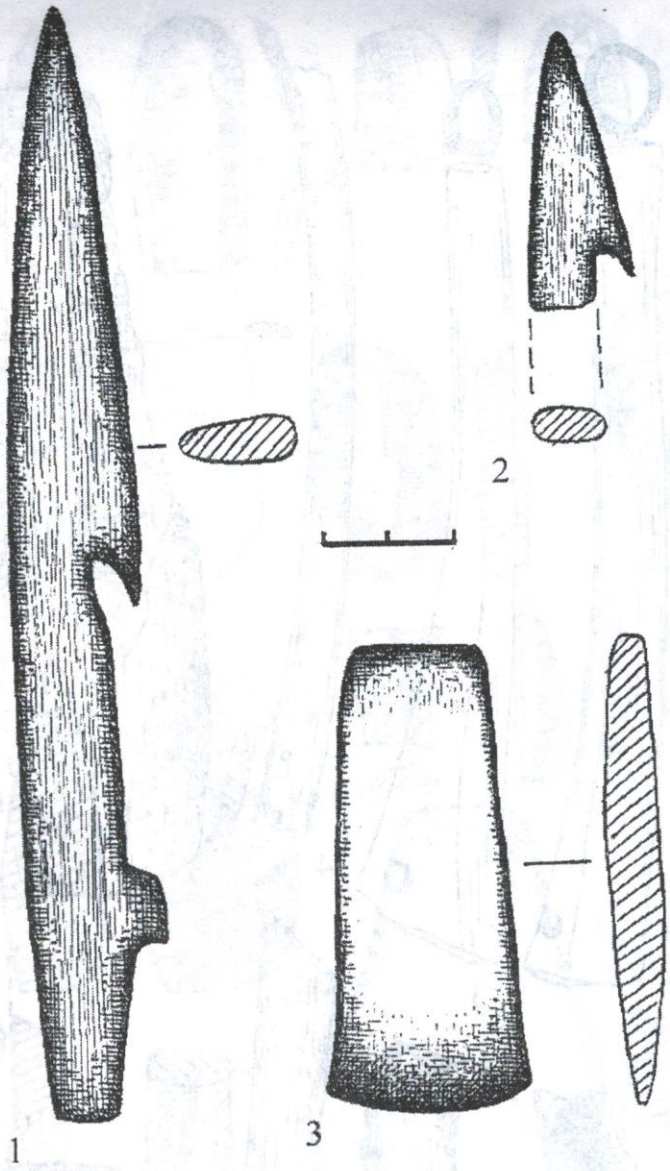


Рис. 50. Мостище 1. 1, 2 – костяные острия; 3 – медное тесло

2. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 2

Памятник расположен на соседнем с рассмотренным поселением мысе, с северо-западной стороны через лог, по которому идет одна из улиц хутора. Мыс вытянут в сторону поймы с запада на восток, высота его около 60 м. Склоны достаточно крутые, задернованные, причем северный склон мыса покрыт лиственными деревьями и кустарником. Лишь на склоне восточной оконечности мыса имеются меловые обнажения (рис. 51). Поверхность задернована, свободна от леса и каких-либо построек, но на стрелке мыса сохранились округлые впадины от огневых точек времен Великой Отечественной войны. Ближе к стрелке мыс имеет седловину с меловыми осыпями, где ввиду находок керамики и был заложен раскоп. Всего вскрытая площадь составила 440 м^2.

Характер почвенных наслоений единообразен на всем исследованном участке: под дерниной (толщина до 0,1 м) залегал слой чернозема мощностью в среднем 0,3 м, обильно насыщенный меловыми щебенкой и крошкой. Отмечается лишь некоторое

уменьшение толщины черноземного слоя к северному краю мыса, где седловина выходит на подъем. Чернозем подстилается меловой основой. Таким образом, фиксируется тождественность геоморфологических признаков местонахождений данного и вышерассмотренного памятников.

Исследования велись тремя горизонтами (по 10 см каждый). Судя по характеру структуры слоя и размещению в нем находок, погребенная почва соответствовала нижнему горизонту.

При довольно хаотичном в целом размещении камней здесь отмечены участки с их скоплениями, и наоборот, с почти полным их отсутствием. Два наиболее крупных скопления оказались в центральной части раскопа (рис. 52). Они стали проявляться сразу под дерниной и шли на всю толщину черноземного слоя до материка. Размеры камней варьируют от небольших, диаметром 0,1 – 0,2 м до крупных плит от 0,4 до 0,9 м в поперечнике. Интересно отметить, что наряду с горизонтальным залеганием некоторые из плит находились в вертикальном положении (на ребре). По мере углубления размещение камней на отдельных участках приобретало более организованную форму, а некоторые из плит несли явные следы подтески.

К основанию слоя выявились четыре участка кладок, местами в два-три вертикальных ряда камней. Преднамеренность локализации этих скоплений очевидна, однако сама архитектоника каменного сооружения и его функциональный характер остаются неясными.

По имеющимся наблюдениям кладка производилась на поверхности материкового мелового выступа, имевшего глинистые наплывы, нивелировавшие его неровности. Камень добывался здесь же, на склонах мыса, выкладывался «диким» способом, то есть без связующего раствора.

В самых общих чертах и, весьма приблизительно, можно наметить основные параметры и конфигурацию данного сооружения или, точнее, его части, которую удалось вскрыть раскопом.

Если рассматривать кладки как единый строительный комплекс, то следует признать его внушительные размеры: свыше 30 метров длиной (с юго-запада на северо-восток, вдоль длинной оси мыса) и в поперечнике не менее 20 метров. В отличие от лабиринта вышерассмотренного памятника, данное сооружение имело не круговую, а прямоугольную систему оформления. Можно также предполагать по наличию поперечных кладок-перемычек многокамерный тип сооружения. С учетом же количества одиночных, рассеянных в толще слоя камней, высота кладок могла достигать полуметра. Но это лишь в том случае, если камень отсюда не извлекался для каких-то целей в последующее время.

Ниже мы еще вернемся к оценке культурной принадлежности кладок, а теперь обратимся к рассмотрению других материалов памятника, и, прежде всего – к керамике. Она представлена фактически двумя культурными группами: иванобугорской и катакомбной (при единичных находках фрагментов сосудов воронежской культуры).

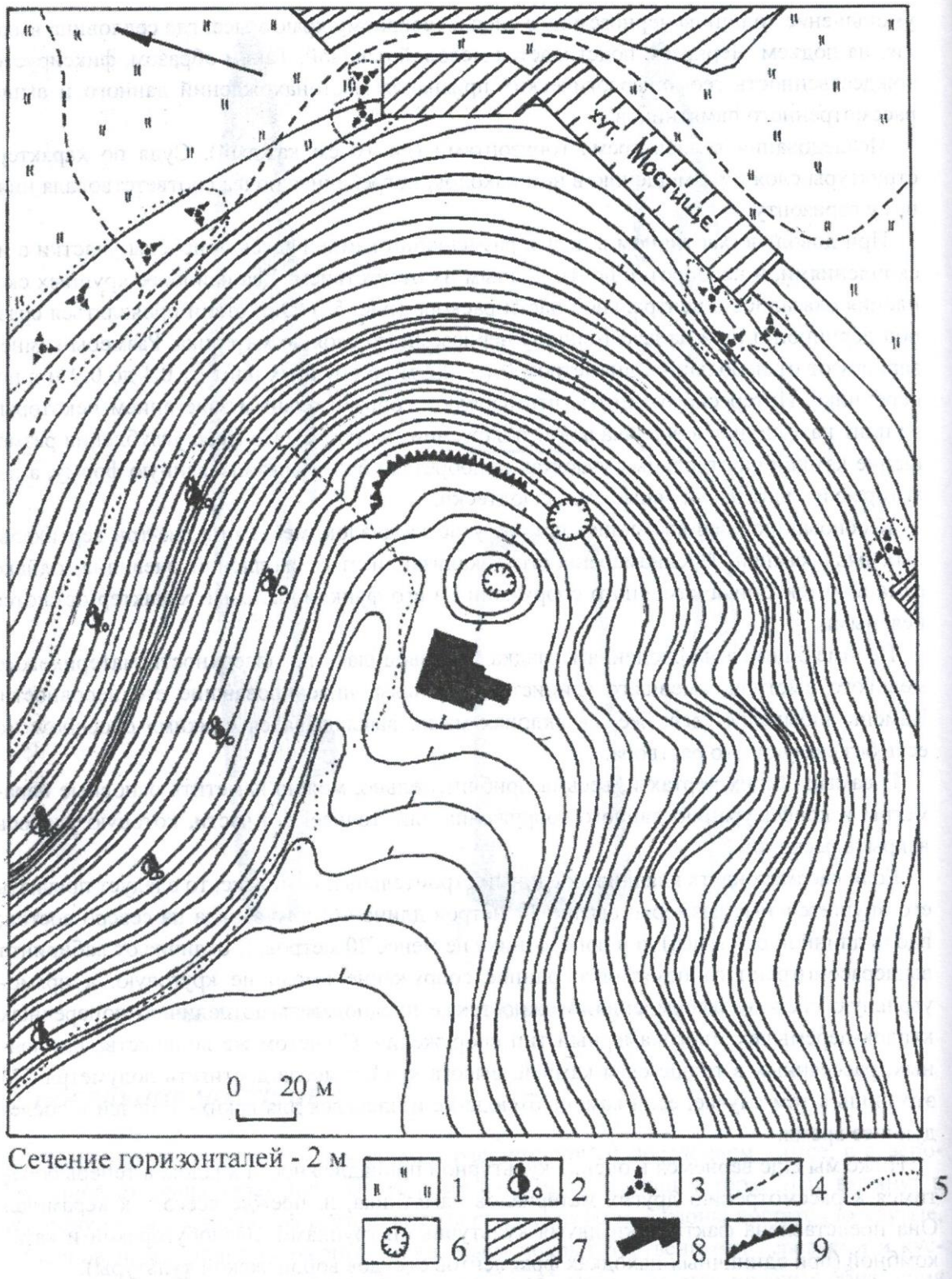


Рис. 51. План поселения Мостище 2:
1 – луг; 2 – широколиственный лес; 3 – кустарник;
4 – грунтовая дорога; 5 – граница угодий; 6 – яма; 7 – современные строения;
8 – раскоп; 9 – обнажение

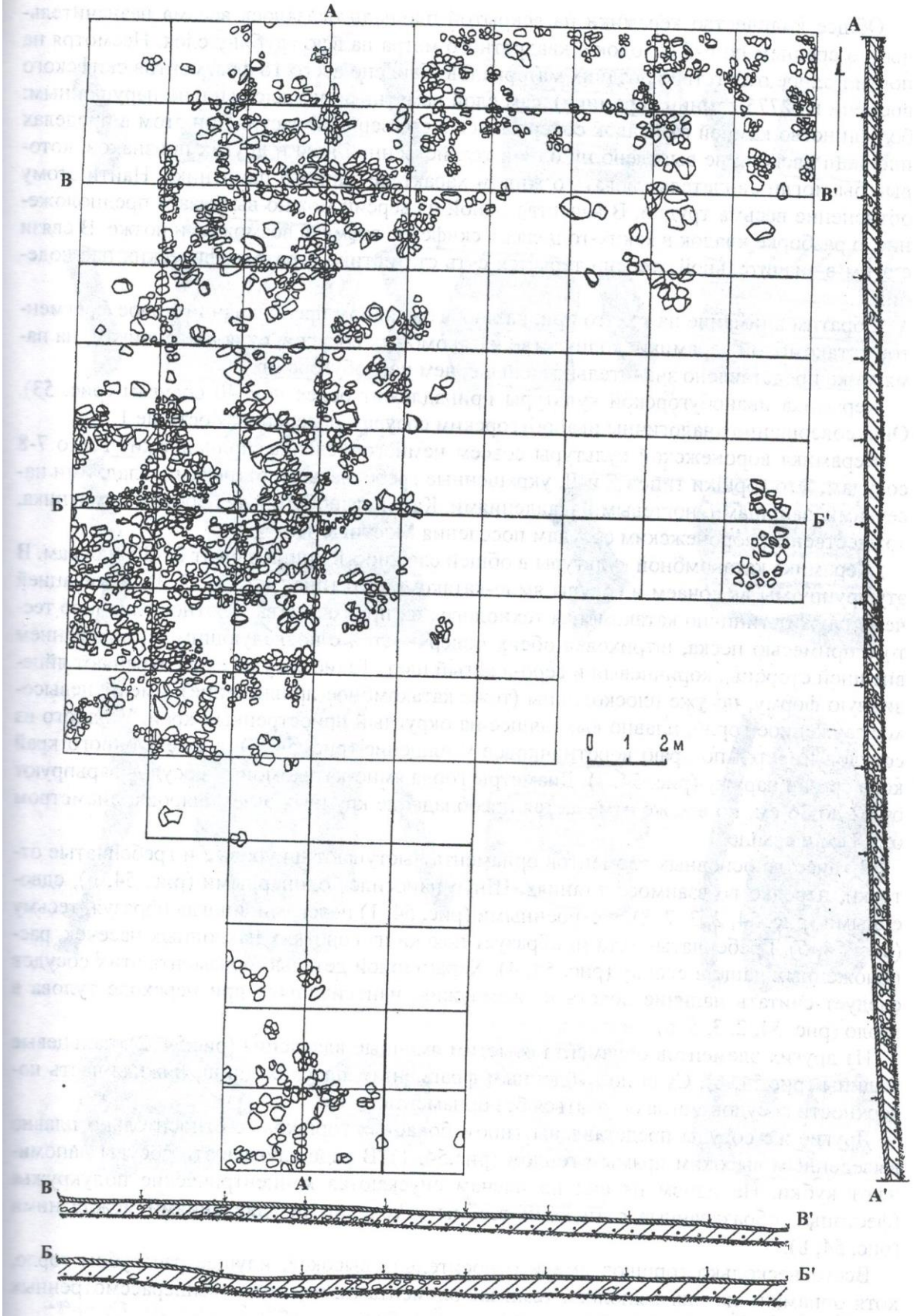


Рис. 52. Мостище 2. План и профили раскопа

Общее количество керамики на вскрытой площади оказалось весьма незначительным, в среднем по 6-7 находок с квадратного метра на всю глубину слоя. Несмотря на почти полное отсутствие поздних материалов (найдено всего 18 фрагментов скифского времени из 2775 единиц керамики), сам слой памятника оказался сильно нарушенным: большинство камней от кладок содержалось в его верхней части. При этом в пределах площади раскопа не выявлено ни одной хозяйственной ямы и других признаков, которые бы могли свидетельствовать о жилом характере данного памятника. Найти этому объяснение весьма трудно. В качестве одной из версий можно высказать предположение о разборке кладок в каких-то целях в скифское время, а возможно и позже. В связи с этим в значительной степени теряется суть статистико-стратиграфических наблюдений.

Обратим внимание на то, что при, казалось бы, явном преобладании в слое фрагментов катакомбной керамики, количество катакомбных сосудов, судя по венчикам, на памятнике представлено значительно меньше, чем иванобугорских.

Керамика иванобугорской культуры принадлежит более чем 40 сосудам (рис. 53). Они совершенно аналогичны иванобугорским сосудам поселения Мостище 1.

Керамика воронежской культуры совсем немногочисленна, принадлежит всего 7-8 сосудам. Это горшки типов Г и Д, украшенные гребенчатыми оттисками, гладкими насечками, защипами, ногтевыми вдавлениями. Как и иванобугорские сосуды памятника, тождественны воронежским сосудам поселения Мостище 1.

Керамика катакомбной культуры в общей сложности принадлежит 27-30 сосудам. В эту группу мы включаем и сосуды ямно-катакомбного типа (рис. 54, 2, 3), мотивацией чему служит типично катакомбная технология их производства: плотное глиняное тесто с примесью песка, штриховка обеих поверхностей с последующим заглаживанием внешней стороны, коричневый и серо-желтый цвет. Такие сосуды еще сохраняют яйцевидную форму, но уже плоскодонны (тоже катакомбное привнесение), имеют невысокое зауженное горло, плавно выходящее на округлый приостренный край. У одного из сосудов имеется по краю воротничковое утолщение (рис. 54, 5), а еще у одного край косо срезан наружу (рис. 54, 7). Диаметры горла ямно-катакомбных сосудов варьируют от 22 до 36 см, но все же отмечается преобладание крупных экземпляров с диаметром от 28 см и свыше.

В качестве основных элементов орнамента выступают шнуровые и гребенчатые оттиски, нередко во взаимосочетаниях. Шнур наносился одинарными (рис. 54, 6), сдвоенными (рис. 54, 2, 3, 7, 8), и строенными (рис. 54, 1) поясками, иногда образуя тесьму (рис. 54, 5). Гребенчатый штамп образует пояски из коротких наклонных насечек, расположенных чаще в елочку (рис. 54, 4). Характерной деталью орнамента этих сосудов следует считать наличие пояска из жемчужин, наносившихся при переходе тулова в горло (рис. 54, 2, 3, 5, 6).

Из других элементов орнамента отметим ямочные вдавления (рис.54, 2), пальцевые защипы (рис.54, 6). Судя по найденным фрагментам плоских днищ, нижняя часть поверхности сосудов могла оставаться без орнамента.

Другие же сосуды представлены типом бокастых горшков с относительно плавно выведенным высоким прямым горлом (рис.54, 1). В ряде случаев эти сосуды напоминают кубки. На одном из них по плечам спускаются концентрические полукружья (фестоны), образованные оттисками тесьмы и точечными вдавлениями между ними (рис. 54, 8).

Всего несколько горшков имели относительно высокое, идущее раструбом горло, хотя орнамент на них выполнен теми же элементами, что и на вышерассмотренных сосудах.

Ввиду фрагментарности материала не представляется возможным реконструировать композиционные построения орнаментов на каждом из типов сосудов, а поэтому ограничимся приведенными данными. При сведении их в таблицу нами привлечены наиболее информативные образцы керамики (см. таб.6).

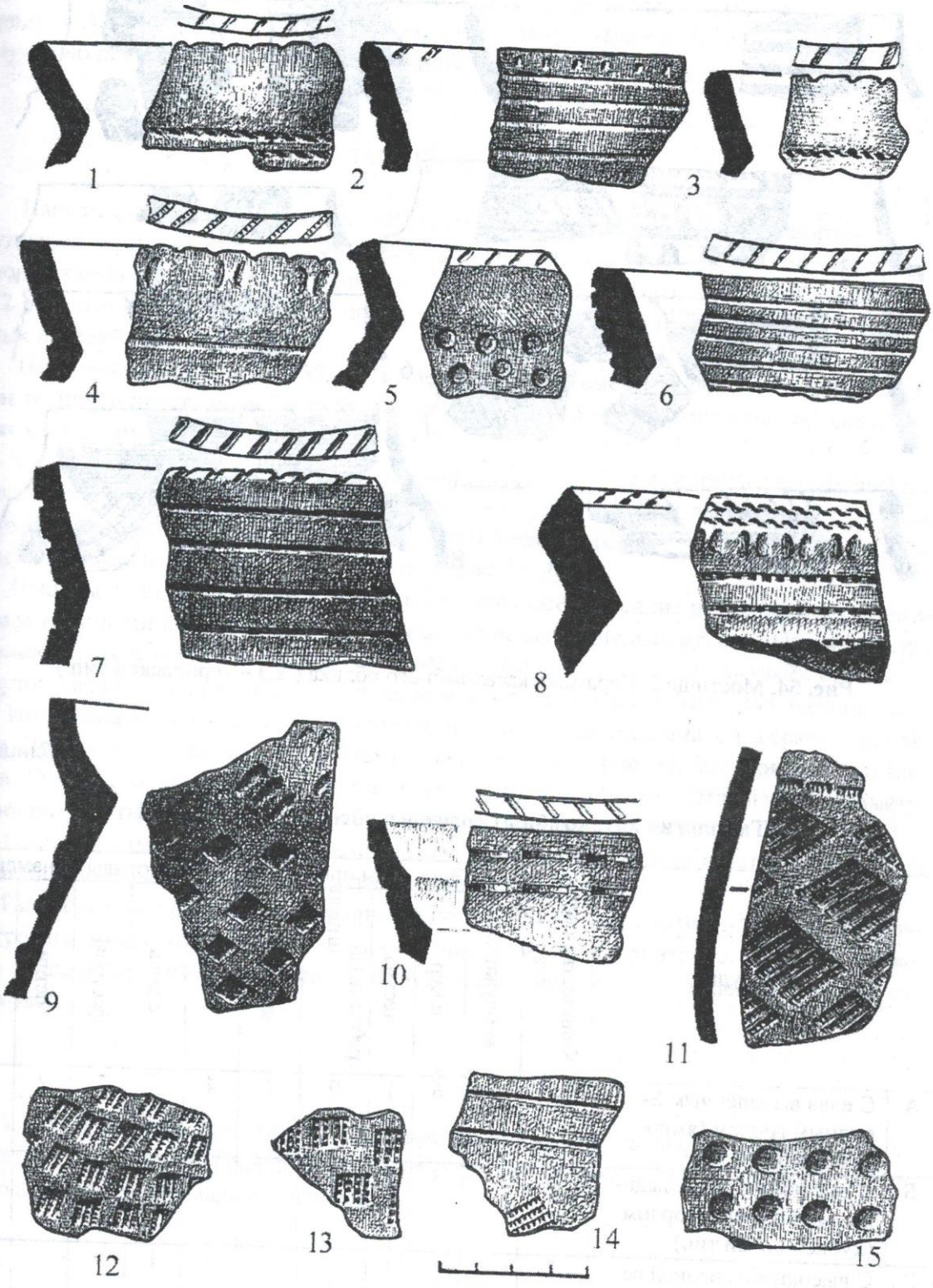


Рис. 53. Мостище 2. Фрагменты иванобугорских сосудов типа Б (1 – 7) и В (8 – 10)

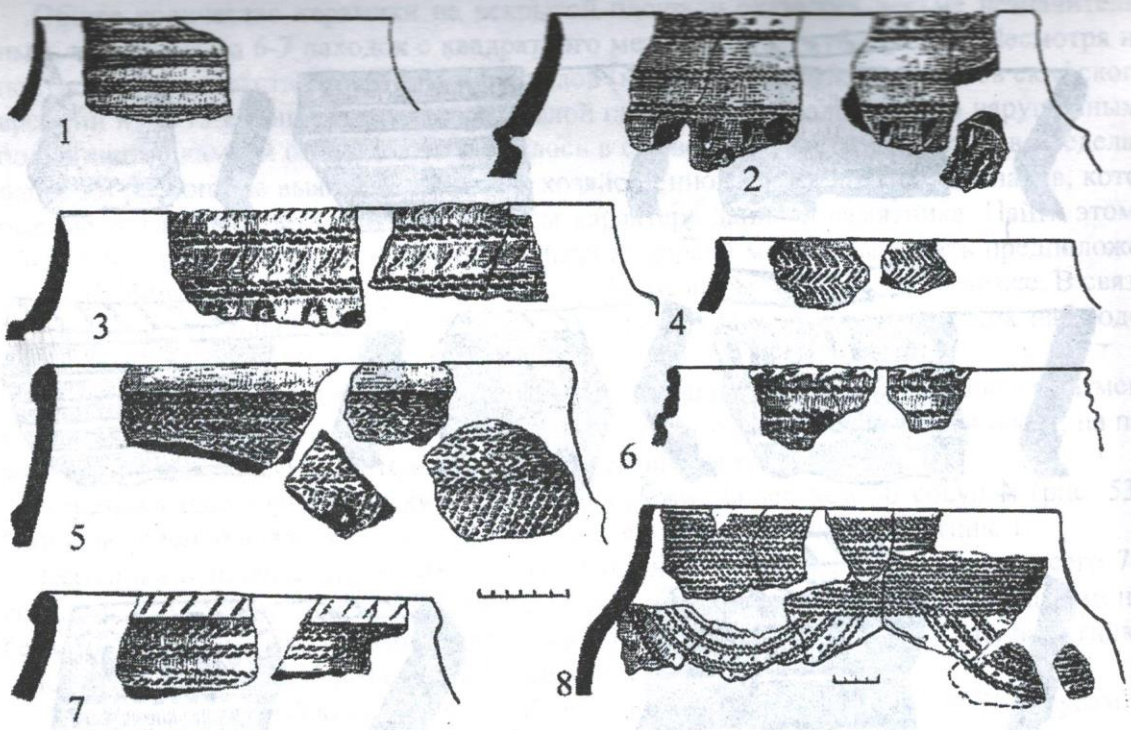


Рис. 54. Мостище 2. Керамика катакомбного облика (2,3 – терновской тип)

Таблица 6

Типология катакомбных сосудов с поселения Мостище 2

Тип сосуда		Количество сосудов	Элементы орнамента						Мотивы орнамента			
			жемчужины	шнур	тесьма	гребенчатый штамп	защипы	ямки	елочка	фестоны	петли	треугольники
А	С едва выделенным S-видным горлом (ямно-катакомбный тип)	20	8	6	1	9	1	4	5		2	1
Б	С высоким плавно выделенным прямым горлом (кубковидный тип)	5		3	2				1	1	2	1
В	С высоким и средней величины резко выделенным раструбовидным горлом	2		1	1			1	1			

Еще раз подчеркнем, что все рассмотренные сосуды несут технологическое единство и те орнаментальные признаки, которые более всего присущи катакомбным древностям.

Нельзя, однако, не заметить, что на данном памятнике абсолютно преобладают ран-

ние типы катакомбных сосудов, тогда как на поселении Мостище 1, наоборот, такого рода сосуды единичны, а подавляющее число принадлежит, если опираться на существующую периодизацию культуры, поздним типам.

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Наряду с небольшим количеством (всего 338 единиц) обломков, необработанных отщепов черного мелового кремня (58 %), валунного цветного кремня (38%) и прочих пород камня (4%), коллекция включает 32 орудия: два наконечника стрел, 11 скребков, 12 отщепов с ретушированным краем, 4 скобеля, развертку и две заготовки тесловидных изделий (рис. 55).

Наконечники стрел (рис. 55. 1, 2) имеют глубокие выемки в основании, изготовлены техникой двусторонней струйчатой ретуши. Такого типа наконечники обычно относят к кругу ямно-катакомбных древностей.

Скребки сделаны на массивных и средних отщепах, среди которых есть концевые, боковые и концебоковые (рис. 55, 5, 7, 8, 10-12, 16). Края их оформлены крупными сколами с последующей подработкой путем мелкого ретуширования. Один скребок сделан на массивном кварцитовом отщепе (рис. 55, 18).

Отщепы с ретушированным краем имеют крупные и средние размеры. Края оформлены крупными фасетками, но по кромке наблюдается мелкая ретушь. Они могли использоваться в качестве скребков и режущих инструментов. Три из таких орудий на крутом рабочем крае имеют выщерблины вследствие работы по твердому материалу.

Интересна кремневая двустороннеоббитая заготовка тесловидной формы (рис. 55. 19). Другая заготовка тесла выполнена из серого сланца (рис. 55, 20). При помощи сколов ей придана необходимая форма и заострен рабочий край. Отдельные же выступающие участки поверхности обработаны на мелкозернистом абразиве.

Наконец, отметим находку кремневого пластинчатого отщепа с ретушированными краями, способного выполнять режущие функции (рис. 55, 4).

Распределение рассмотренных орудий по горизонтам слоя памятника, как и их планиграфия, ввиду крайне незначительного числа, малоинформативно. Добавим также, что какие-либо системные скопления орудий, а также каменных отщепов и сколов, отсутствовали.

* * *

Остеологический материал (708 единиц находок) специальному анализу пока не подвергался. Следует, правда, отметить его фрагментарность и бессистемную рассредоточенность по площади памятника.

* * *

В целом же, как и в случае с поселением Мостище 1, мы можем констатировать «нежилой» характер памятника. На это указывают как отсутствие следов хозяйственных сооружений, так и крайне слабая насыщенность слоя материальными остатками, что, в свою очередь, побуждает видеть в двух рассмотренных памятниках единый (на каких-то этапах) культовый комплекс эпохи бронзы, где каждому из них придавалась строго определенная функциональность. Но вопрос о ее проявлении в реальной действительности прошлого остается открытым.

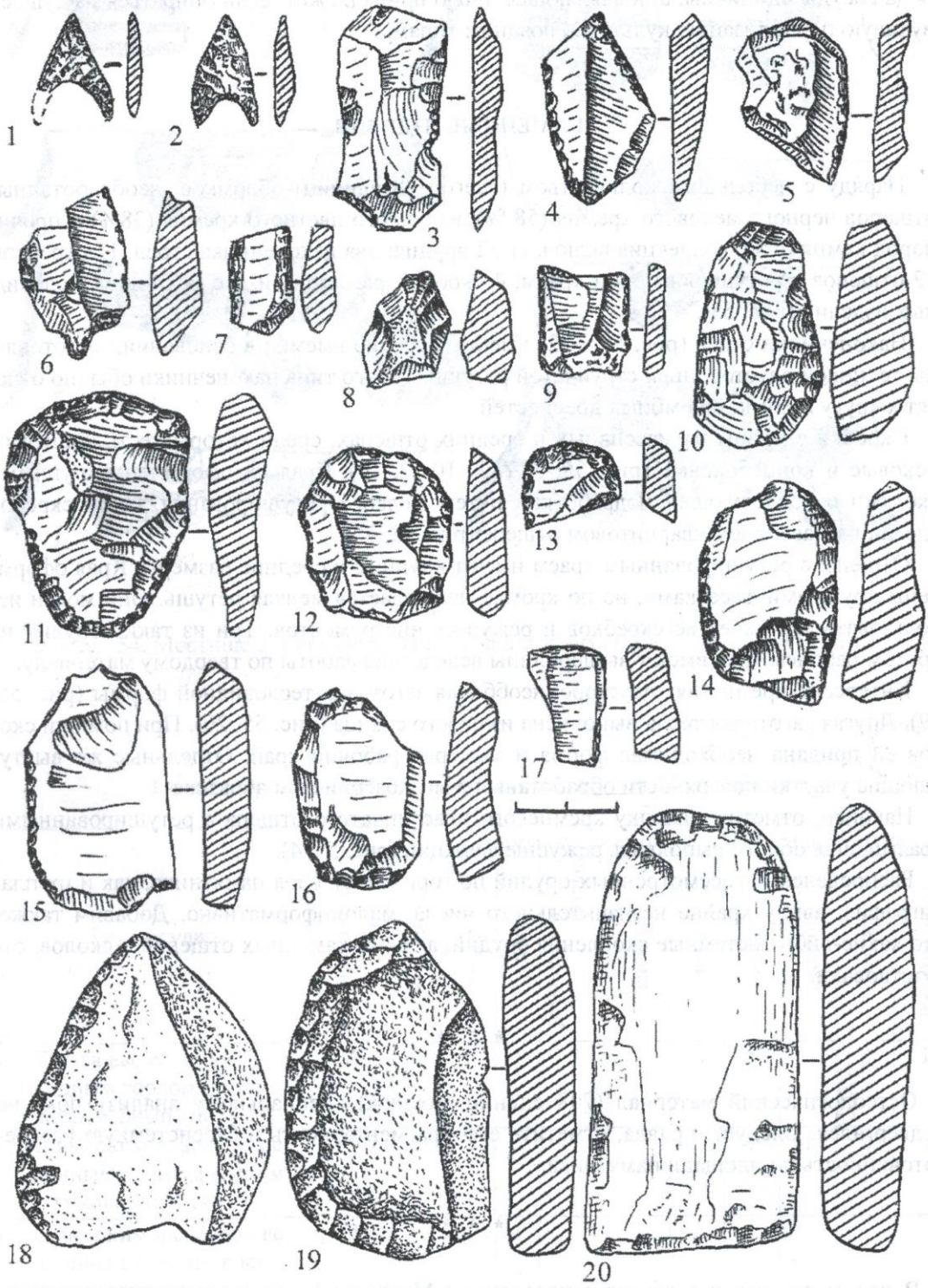


Рис. 55. Мостище 2. Каменные изделия

3. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 3

Данный памятник, в отличие от рассмотренных выше, исследован на ограниченной площади, но его материалы достаточно информативны в общем контексте полученной суммы источников.

Поселение расположено в 1,4 км к западу от поселения Мостище 2 на меловом мысу высокого (70-80 м) обрывистого правого берега р. Потудань (рис. 56, 1).[1]

Протяженность мыса в широтном направлении - около 200 м; ширина с напольной стороны - до 350 м. Стрелка мыса отделена от основной его части пологой ложбиной, образуя лишенный слоя останец, изрезанный траншеями и блиндажами времен Великой Отечественной войны.

Раскоп площадью 56 м^2 выявил следующую стратиграфию (сверху вниз): дернина - 0,05-0,06 м; старый пахотный слой чернозема - 0,15-0,45 м; подпахотный гумусно-черноземный слой (на отдельных участках); слой плотного коричневато-желтоватого суглинка - до 0,45 м (мощность его возрастает по мере подъема в сторону плато); слой серого суглинка с включениями кусочков мела и меловой пыли - 0,1-0,25 м (фиксировался в виде отдельных пятен). Материк - плотная меловая корка (рис.56, 2).

В одном из квадратов выявлено небольшое скопление крупных и мелких меловых камней, лежавших по кругу. Размещение их в слое и различная ориентировка не позволяют считать скопления материковым выступом-гребнем.

Еще одно скопление разновеликих камней отмечено в южной части квадрата Г-16. Оно также не производит впечатления своего естественного происхождения, хотя, как и в первом случае, интерпретировать его характер не представляется возможным.

Кроме того, при зачистке материка в квадрате В-16 выявлена подпрямоугольная яма размерами 1,3 х 0,8 м и глубиной в материке 0,42 м, ориентированная по линии ССЗ-ЮЮВ.

Основная масса находок была сосредоточена в северной части раскопа в пахотном слое и лишь местами несколько ниже его - в гумусно-черноземных отложениях на протяжении около 15 м, предопределяя тем самым сравнительно небольшие размеры древнего поселения.

В отличие от первых двух памятников, поселение Мостище 3 наделено весьма существенной особенностью: оно является если и не однослойным, то содержащим материалы только двух близкородственных групп - иванобугорской и воронежской культур. Материалов же другой этнокультурной принадлежности здесь практически нет. Исключение составляет лишь кремневый наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 58, 1), типичный для круга ямно-катакомбных древностей. Однако единичность такой находки оставляет ее малоинформативной с точки зрения культурно-хронологических сопоставлений памятника.

Выявленная на поселении керамика принадлежит сосудам с плоскими донышками без закраин и с выделенными венчиками с реберчатым переходом от плечиков изнутри (что более характерно для собственно иванобугорской посуды) (рис. 57, 1-4), а также с плавным переходом (сосуды типа Д) (рис. 57, 5, 7). Технологические признаки сосудов идентичны иванобугорской и воронежской посуде с поселений Мостище 1 и 2. Столь же сходна и орнаментация, включая треугольные ямки, рамчатый штамп, защипы, ногтевые вдавления и т.д. Встречены также шнуровой и личиночный элементы орнамента.

В отмеченных материалах особенно четко прослеживается комбинирование признаков двух культур, что позволяет значительную их часть рассматривать как группу переходного характера, а тем самым определять и время функционирования памятника рубежом III - начальными веками II тысячелетия до н.э.

---

[1] Публикация материалов памятника дается по результатам исследований В.И.Гуляева [Гуляев В.И., 1995; 1996]. Авторы выражают благодарность Валерию Ивановичу за предоставленную возможность включить в данную работу эти материалы.

Кремневые изделия представлены наконечником стрелы (рис. 58,1), сверлом на обломке пластины (рис. 58, 2), ножом на пластинке (рис. 58,3) и округлыми скребками на отщепах (рис. 58, 4, 5). В качестве сырья использовался черный или темно-серый качественный меловой кремень.

Остеологический материал памятника, согласно данным определения Е.Е.Антипиной (см. Приложение к данной работе) представил в основном домашние виды животных, из которых явно преобладающим является крупный рогатый скот.

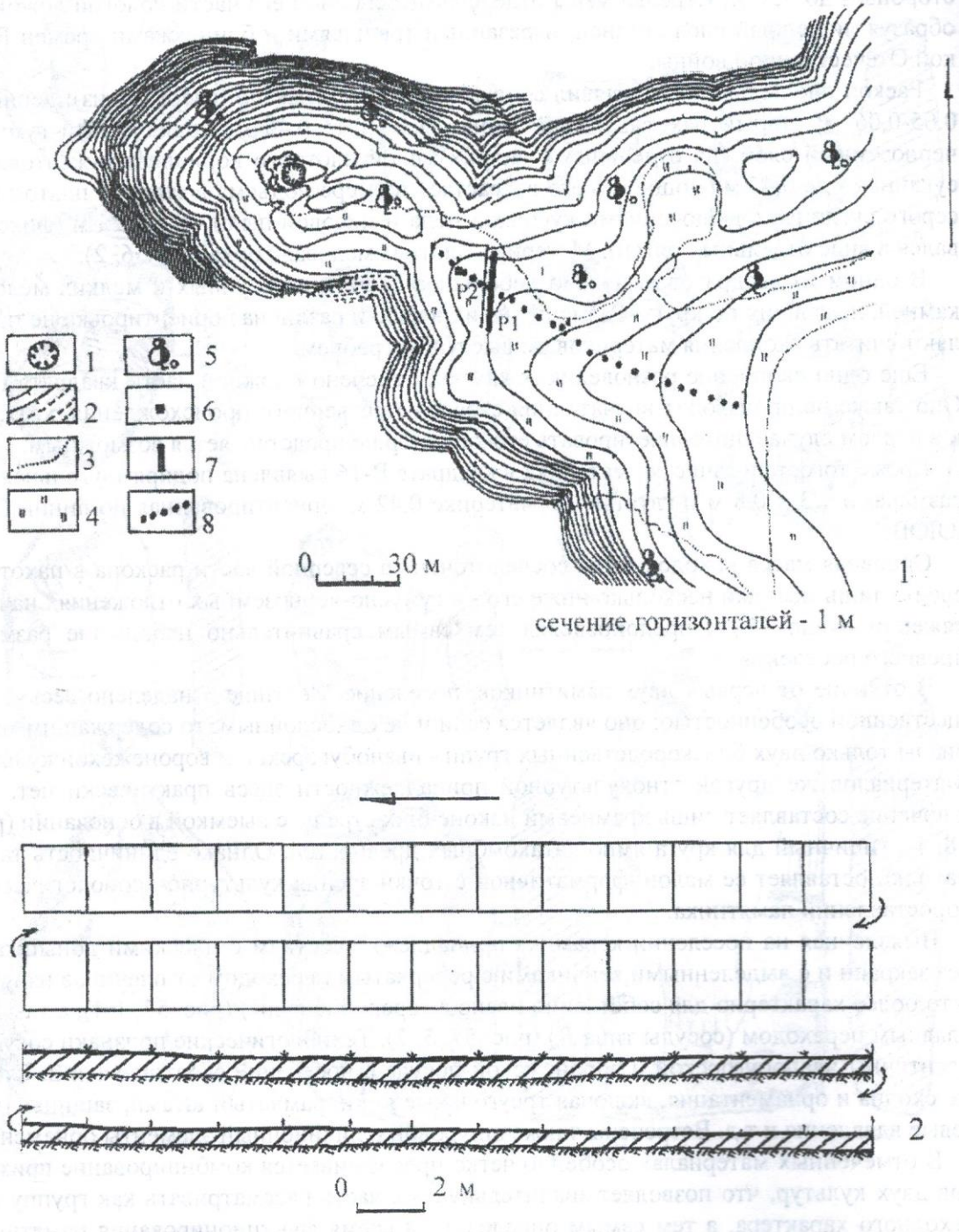


Рис. 56. Мостище 3. 1 - план поселения Мостище 3; 2 – план и профиль раскопа 1.
Условные обозначения: 1 – ямы, блиндажи; 2 – сечение горизонталей; 3 – границы угодий;
4 – луг; 5 – широколиственный лес; 6 – шурф 1994 г; 7 – раскоп 1995 г;
8 – пробы на фосфатный анализ (съёмка А. Н. Гея)

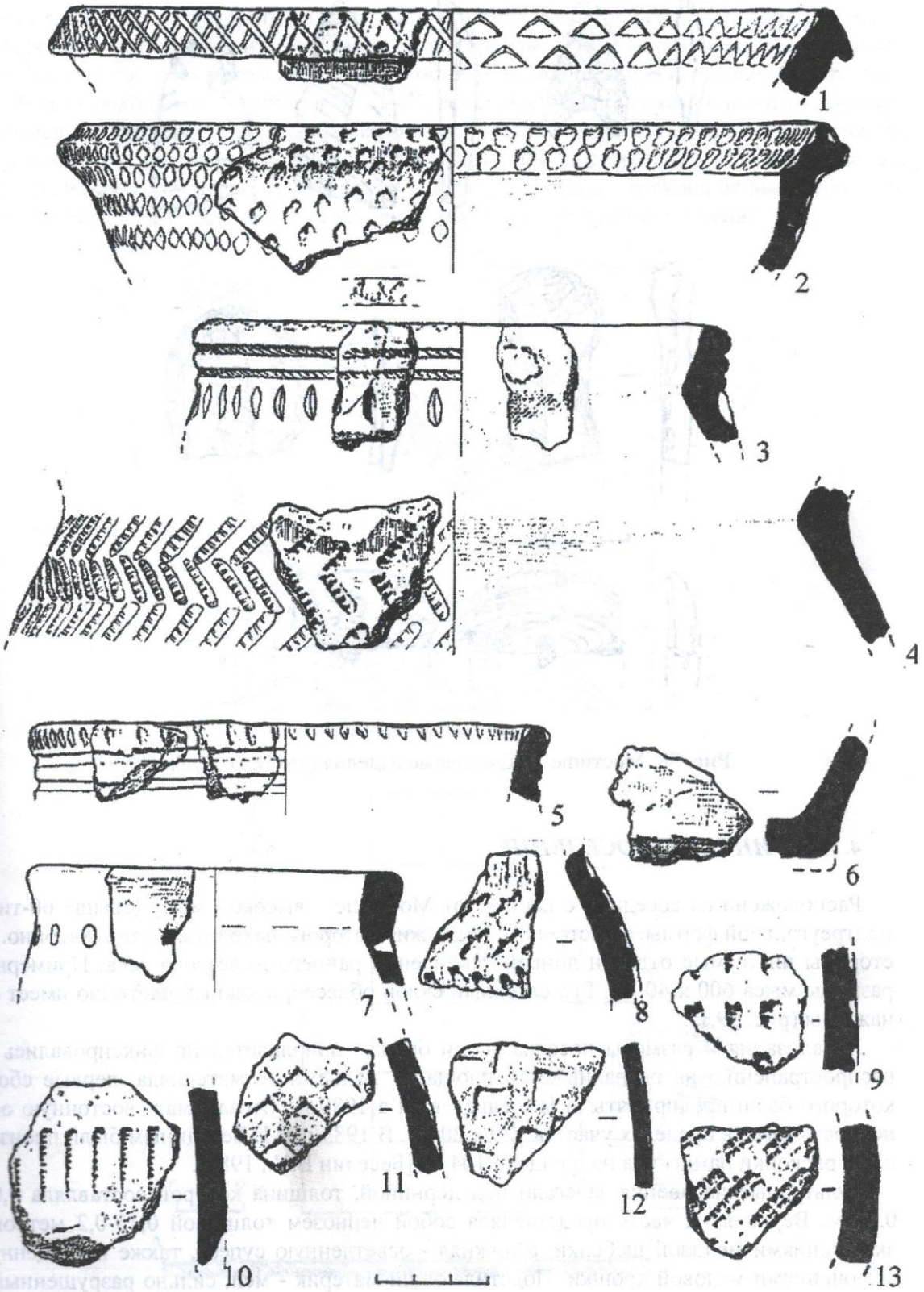


Рис. 57. Мостище 3. Керамика иванобугорской культуры (по В. И. Гуляеву)

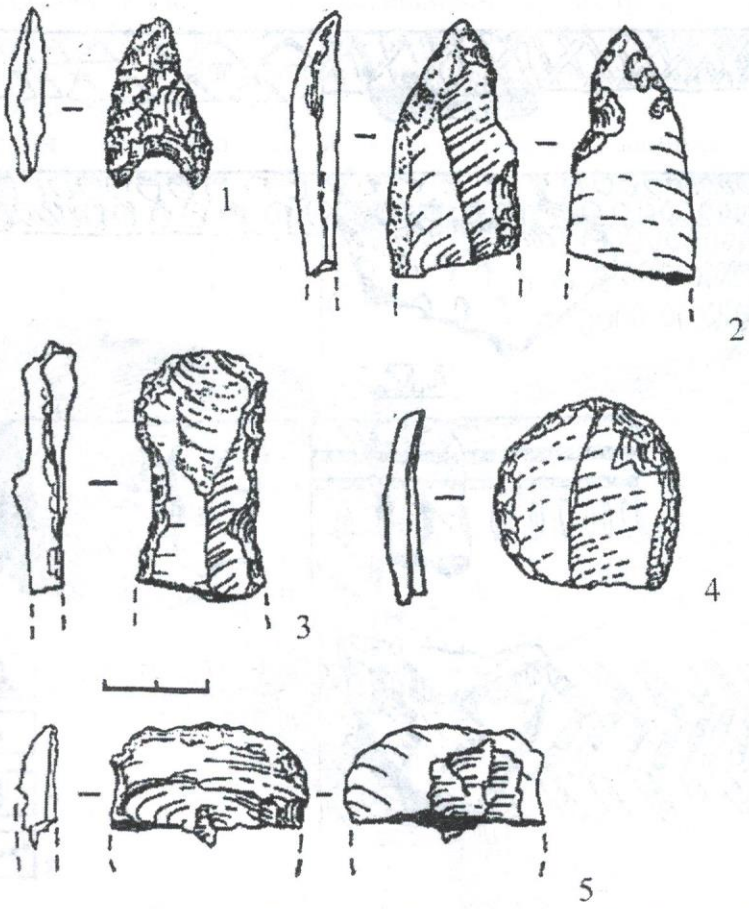


Рис. 58. Мостище 3. Кремневые изделия (по В. И. Гуляеву)

4. АВЕРИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Расположено на соседнем с востока от Мостище 1 высоком мысу (свыше 60-ти м) подтреугольной формы, у восточного подножия которого находится хутор Аверино. Со стороны плато мыс отделен линией укреплений раннего железного века. Примерные размеры мыса 600 х 400 м. Его северный склон облесен, а южный частично имеет обнажения (рис. 59,1).

Локализация и размеры поселка эпохи бронзы приблизительно фиксировались по распространению на распахиваемой площади подъемного материала, первые сборы которого были предприняты А.П.Медведевым в 1980 г.[1] Он занимал восточную оконечность мыса в пределах участка 120 х 200 м. В 1983 г. В.И.Бесединым были произведены раскопки памятника на площади 104 м^2 [Беседин В.И., 1983].

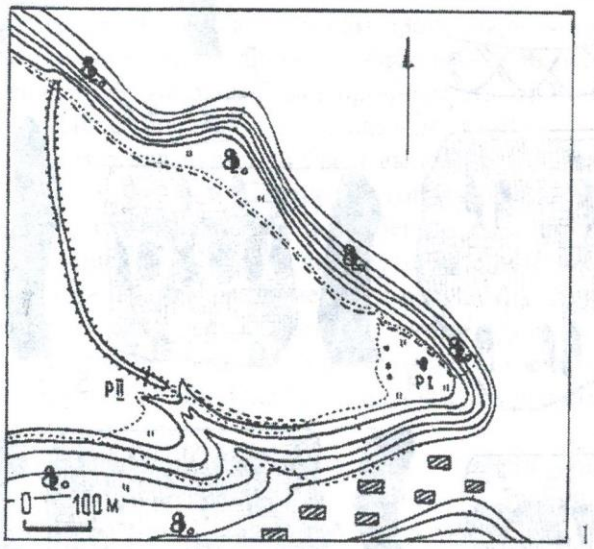
Культурные наслоения залегали под дерниной, толщина которой составляла 0,03-0,05 м. Верхняя их часть представляла собой чернозем толщиной 0,15-0,2 метров с включениями меловой щебенки, а нижняя - осветленную супесь, также насыщенную включениями меловой крошки. Подстилающий материк - мел, сильно разрушенный в результате эрозии. Коренная скальная порода залегает здесь на глубине 0,4-0,6 м от уровня материка. Общая же мощность надматериковых наслоений в пределах площади раскопа не превышала 0,5 м.

---

[1] Образцы этой керамики были опубликованы А.Д.Пряхиным (см.: Пряхин А.Д., 1982, с. 114, рис. 37, 1-4).

Культурный слой оказался чрезвычайно слабо насыщенным материальными остатками: в среднем на квадратный метр площади приходится около 1,3 единицы находок. В основном - это фрагменты керамики эпохи бронзы воронежской культуры, среди которых имеются экземпляры переходного облика от иванобугорских (рис. 60, 1-8).

Другие находки из культурного слоя представлены пятью каменными изделиями: кремневыми отщепами, использовавшимися в качестве резчиков и скребков (рис. 60, 9-11); каменной наковаленкой (рис. 60, 13) и каменной высверлиной из топора (рис. 60, 12). Каких-либо строительных остатков в пределах площади раскопа не выявлено. Еще раз отметим обнаруженное здесь захоронение славяно-русского времени.[1]



Сечение горизонталей 10 м

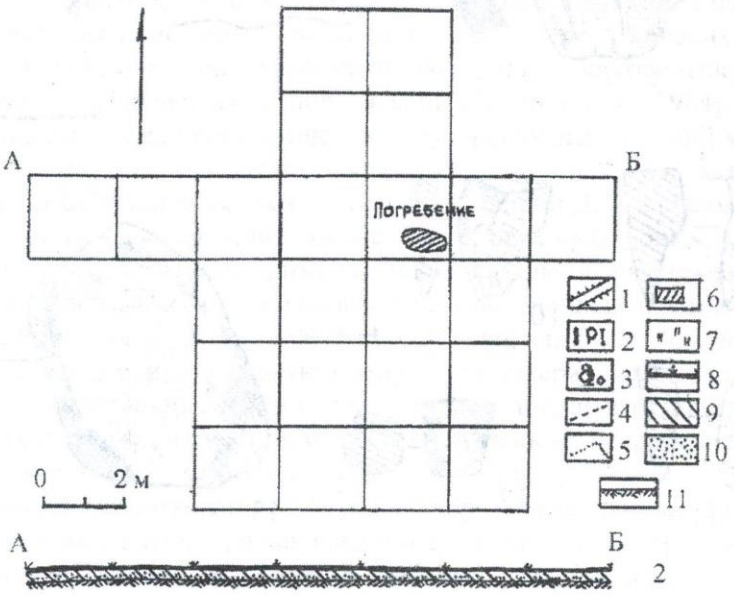


Рис. 59. План Аверинского поселения. 1 – план; 2 – раскоп I, 1983 г. Условные обозначения: 1 – вал; 2 – раскоп; 3 – широколиственный лес; 4 – грунтовая дорога; 5 – граница леса, пашни, луга; 6 – современные строения; 7 – луг; 8 – дерн; 9 – чернозем; 10 – мел; 11 – материк

[1] Сведения о топографии рассмотренного памятника приведены также в Отчете В.И.Гуляева (см. Гуляев В.И., 1995).

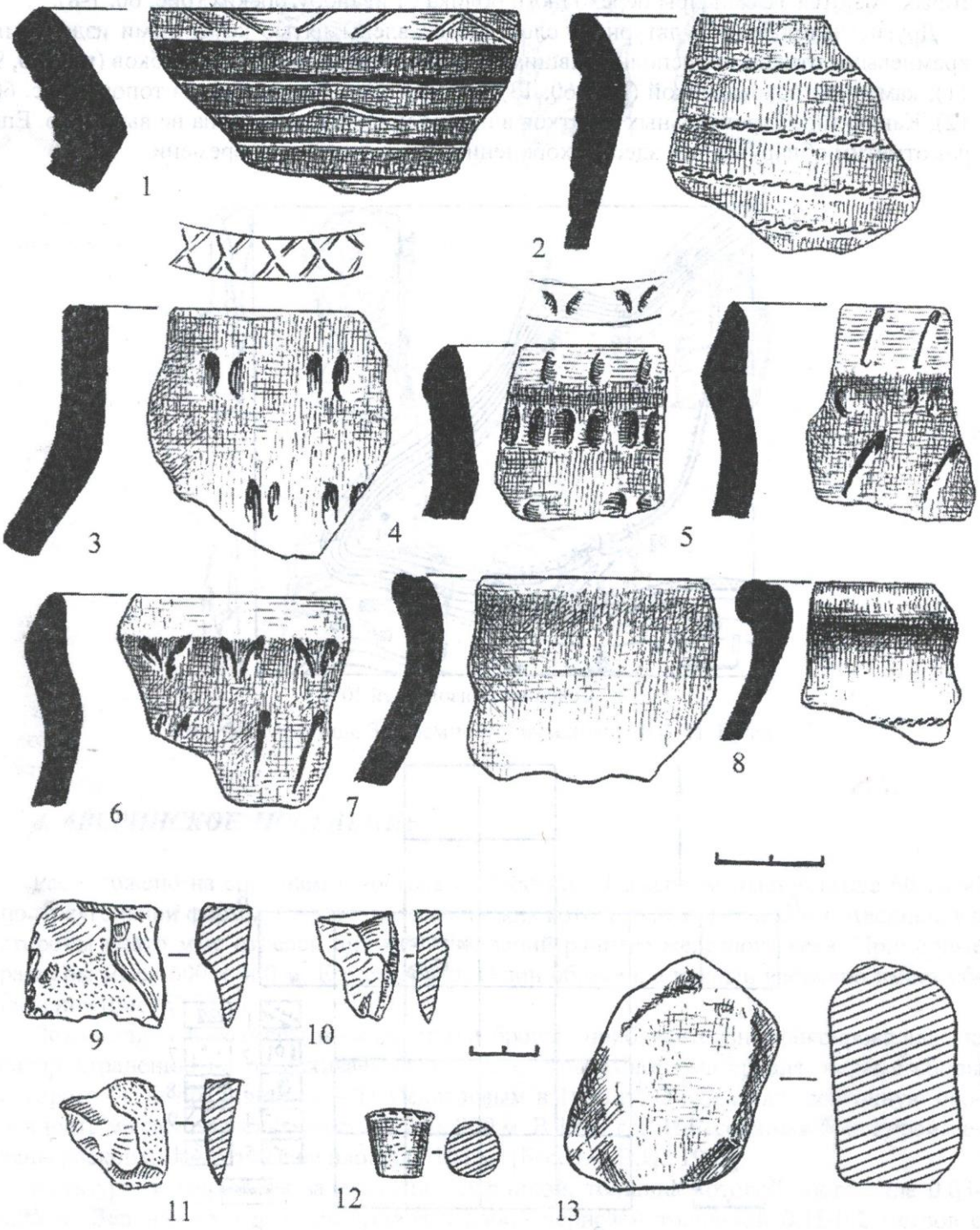


Рис. 60. Аверинское поселение. Фрагменты сосудов воронежской культуры (1 – 8) и каменные изделия (9 – 13) (по В. И. Беседину)

ГЛАВА III

МЕСТО МОСТИЩЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КРУГЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Рассмотренные нами в предыдущей главе материалы, несмотря на скромный объем, несут весьма важную информацию в плане этнокультурного, этносоциального и идеологического аспектов изучения эпохи бронзы Донской Лесостепи.

Особым наполнением источниковой конкретикой отмечена иванобугорская культура. Если до этого нам приходилось оперировать суммарными признаками ее специфики, то теперь стало возможным на базе впервые проведенной типологии керамического материала более ответственно подходить к вопросам происхождения культуры и ее культурно-хронологического соотношения с другими образованиями, включая вопросы о формах их взаимодействия. В связи с этим более прочным становится и сам статус иванобугорской культуры в номенклатуре археологических понятий.

В свое время иванобугорская культура была выделена и названа по имени исследованного нами в 1979 году могильника Иванов Бугор близ села Черкасское Павловского района Воронежской области. Грунтовые погребения, отмеченные своеобразием ритуальных признаков (размещение умерших вытянуто на спине в спеленутом состоянии, отсутствие охры и т.д.) включали захоронения с сосудами, облик которых абсолютно выпадал из керамических серий всех известных к тому времени на Дону археологических культур. Но и еще раньше сходный тип керамики встречался исследователям при раскопках многослойных поселений. Она была малочисленна и обычно рассматривалась в системе катакомбных древностей.

Впервые, еще в 60-е годы, попытку суммировать специфику такой керамики (правда, не выводя за рамки катакомбной культуры) сделал А. Д. Пряхин, предложивший выделить ее в «архангельский тип» [Пряхин А.Д., 1966]. Позднее он же, а затем и В.И.Беседин дали обоснование выделению самостоятельной археологической культуры эпохи средней бронзы, получившей название «воронежская» [Пряхин А.Д., 1982; Беседин В.И., 1984]. Фактически параллельно один из авторов этой книги на основании результатов исследования отмеченного выше могильника и ряда донских многослойных стоянок с аналогичной могильнику керамикой предпринял попытку выделения иванобугорского культурного типа пережиточного энеолита [Синюк А.Т., 1984]. Учитывая прямое стратиграфическое предшествование иванобугорских захоронений катакомбным, а на Черкасской стоянке, соответственно, иванобугорских материалов катакомбным, определялось и время бытования первых – второй половиной III – началом II тыс. до н.э. Примечательно, что при вычленении, казалось бы, разных культурных образований, исследователи опирались на единые признаки, такие как специфика технологии изготовления сосудов, желобчатые и воротничковые венчики, ямочный и защипный элементы орнамента и т.д. Различия же отступали на второй план, как бы вуалируясь признаками, требующими к себе внимания в первую очередь для утверждения нового культурного статуса. Отсюда с неизбежностью возникали противоречия, вплоть до отнесения одного и того же источника к разным культурам, как это случилось с погребением у хут. Сасовка [Синюк А.Т., 1983-а; Беседин В.И., 1986, с.75, рис. 2, 6].

Однако кажущееся несоответствие подходов скорее может рассматриваться не ошибочностью того или иного из них, а как следствие необходимого процесса поиска путей к познанию реальных явлений прошлого. В данном случае оба подхода – лишь две исходные точки анализа источника: первый – от завершающей фазы; второй – от начальной фазы развития единого этнокультурного проявления.

Возникшие разночтения со временем в значительной степени снимались и, видимо, будут сняты в целом по ходу накопления новых источников. И именно поселение Мостище 1 представило в необходимом объеме и в органическом единстве базу для реализации данной проблемы.

Прежде всего сгруппируем те специфические признаки иванобугорских сосудов, ко-

торые возникли в докатакомбное время. Они могут быть подразделены на две группы. Первая – колоколовидная форма, относительная тонкостенность, орнаментация ямками с рубчатым основанием в шахматном порядке, ромбический мотив в системе орнамента, украшение внутренней стороны горла сосуда. Вторая – яйцевидная форма с желобчатым горлом, ребристый переход тулова в горло изнутри, ряды опоясывающих орнаментальных линий под горлом, «свисающие» треугольники в завершении орнаментальной зоны, украшение только верхней половины сосуда, прием украшения среза венчика, жемчужный элемент орнамента. Здесь важно подчеркнуть, что признаки обеих групп сочетаются в самых разнообразных комбинациях, подчас с трудом поддающихся классификационной систематике. Добавим к этому, что есть и общие признаки для сосудов обеих групп, например: приостренно-округлые днища и абсолютное единство всех технологических показателей.

Как видим, практически ни один из названных признаков не находит места в гончарных традициях катакомбной общности, а поэтому иванобугорские и катакомбные древности могут рассматриваться как инородные и инокультурные, где первые на рассматриваемой территории имеют неоспоримый хронологический приоритет распространения, что подтверждено и данными стратиграфии.

Для более объективной оценки генетики признаков первой группы иванобугорских сосудов напомним этнокультурную ситуацию в Донской Лесостепи, сложившуюся до появления катакомбных памятников.

Еще в неолите здесь взаимодействовали культуры с двумя основными линиями исходного формирования: южной, степо-лесостепной (среднедонская культура) и северной, лесной (рязанско-долговская культура) [Синюк А.Т., 1986]. Как показывают материалы, в процессе взаимодействия вырабатывались синтезированные культурные типы, не сменившие, однако, облик и внутреннее содержание слагающих их культур. Появление здесь с юга носителей энеолитических культур с чертами скотоводческого уклада в экономике (нижнедонская, среднестоговская, репинская культуры) значительно усложнило этническую картину, но и ко времени наибольшей их активности в III тыс. до н. э. местный мир, ставший уже пережиточно неолитическим, не только не исчерпал себя, но продолжал получать подпитку приходом из более северных областей новых культурных групп (рыбноозерская, белевско-деснинская ромбоямочная, волосовская), хотя говорить о сохранении ведущих позиций или хотя бы о сохранении структурной целостности первых неолитических культур не приходится.

Такая (или близкая к таковой) ситуация сложилась на Дону ко времени проникновения новой волны скотоводов – носителей древнеямной культуры. Это произошло в середине или начале третьей четверти III тыс. до н.э. и, надо полагать, с этого времени пришельцы утвердили свою политическую доминанту на большей части донских лесостепных пространств, потеснив в этом плане своих предшественников – репинские племена, культура которых отныне вошла в стадию своего распада.

В этом сложном этническом круге и нужно вести поиск генезиса иванобугорской культуры. Отмеченные выше признаки сосудов первой группы как раз и находят прямые аналогии в материалах пережиточно неолитического облика лесного культурного ареала. Именно для него традиционна колоколовидность с приостренно-округлыми днищами, орнаментальное размещение ямок в шахматном порядке и т.д. Следует уточнить, что ромбовидная и прямоугольная форма ямок с рубчатым основанием, как и в целом ромбический мотив, особенно характерны для окско-деснинских керамических комплексов [Полякова Г.Ф., 1970; Смирнов А.С., 1991], тогда как прямые глубокие оттиски рубчатого штампа были распространены и шире, включая материалы рыбноозерской культуры [Левенок В.П., 1967; Синюк А.Т., 1986].

Признаки второй группы иванобугорских сосудов имеют параллели с сосудами репинской культуры, для которых ведущая форма – округлодонные горшки с желобчатым венчиком, а орнаментация включает жемчужины, ряды опоясывающих линий, треугольные композиции и т.д. [Синюк А.Т., 1981]. В процессе синтезирования северных и южных традиций можно наблюдать отбор, логику которого вообще трудно уловить. К при-

меру, с восприятием желобчатого оформления горла сосудов остались в стороне присущие репинской посуде примешивание толченой ракушки в глину, прием обработки поверхностей крупными расчесами, шнуровой элемент орнамента и т.д. Но такого рода избирательность совершенно закономерна, ибо в противном случае вообще не было бы повода говорить о культурной специфике той или иной группы материалов. Вместе с тем появление у иванобугорских сосудов воротничкового оформления вряд ли следует вести от традиции раннеэнеолитической нижнедонской культуры, в принципе, родственной культуре репинской, но отделенной от рассматриваемого времени многовековым интервалом. Видимо, короткие треугольные в сечении воротнички явились продуктом внутренних преобразований культуры. И такие примеры не единичны, для чего достаточно указать на прием гладкого оформления поверхностей иванобугорских сосудов, защипный орнамент и т.д. Но, тем не менее, приведенные сравнения раскрывают характер иванобугорской культуры как явления, включившего две разнородные подосновы: пережиточно неолитическую окско-деснинскую и репинскую энеолитическую, при явной доминанте первой.

Итак, основными создателями культуры были традиционные рыболовы и охотники, тогда как носители производящего скотоводческого уклада в этом процессе довольствовались второстепенной ролью. Чем это можно объяснить, и есть ли вообще обоснование таким явлениям в культурогенезе? Ответ на поставленный вопрос кроется в сфере сложившихся к тому времени в Донской Лесостепи социально-экономических отношений, что тоже требует своего краткого рассмотрения.

В период освоения Лесостепи группами скотоводов, благодаря ее природной специфике продолжал сохраняться необходимый баланс взаимоотношений с местной этнической средой (судя по источникам - тоже неоднородной) на основе обмена продуктами жизнеобеспечения и определенной обусловленности этих отношений, вытекавших из характера занимаемых этносами социально-политических позиций.

Как свидетельствуют многочисленные исторические примеры, скотоводы уже на той ступени развития испытывали первые результаты социального и имущественного расслоения, а имея опыт военных столкновений и обладая известной мобильностью занимали, как правило, доминирующие позиции в осваиваемой среде, что не исключало и утверждения форм данничества в обмен на обязательство организации защиты от иных возможных вторжений. И такого рода вторжения время от времени происходили, а своим острием они были направлены прежде всего против доминирующего этноса! Соперничество скотоводческих группировок в силу разных причин приводило к смене социально-политического приоритета, на что указывают фиксируемые случаи распространения новых археологических признаков при угасании старых, и которые не всегда могут объясняться процессами внутреннего переоформления.

Так произошло, надо полагать, с проникновением в Донскую Лесостепь древнеямных овцеводческих племен, следы которых здесь уже сейчас маркируются почти сотней подкурганных захоронений и десятками становищ. Именно с этого времени наблюдается распад репинской культуры. Видимо, лишь незначительная часть ее носителей была включена в состав пришельцев. На это как-будто бы указывают редкие находки керамики «ямно-репинского типа», причем лишь на местах стоянок. Многие «автохтоны» покинули пределы Дона, рассеявшись по разным направлениям; другие же сместились к северной границе Донской Лесостепи, а какая-то из групп репинского населения осталась на месте, избрав путь интеграции в среду племен с пережиточно неолитическими условиями быта и хозяйствования, тем самым поступившись политической независимостью.

Если социально-политическая обстановка имела место быть близкой к изложенной выше, то иванобугорская культура по сути дела представляет собой субкультуру, возникшую на фоне доминирования синхронной ей древнеямной культуры. Не случайно, видимо, что наиболее яркий показатель престижности социально стратифицированных обществ энеолита и бронзы – захоронения под курганами – вообще не обнаружил себя в иванобугорской культуре. И наоборот, этот обряд стал неотъемлемой составной частью

древнеямной культуры.

Надо полагать, что совместное бытование разных этносов, практиковавших различавшиеся формы хозяйствования, предусматривало и определенную терпимость к различию религиозно-культовых воззрений и отправления обрядов.

Одним из безусловно значимых религиозно–культовых центров у носителей иванобугорской культуры стал Мостищенский лабиринт-святилище. Лишь в плане обобщенного типологического сравнения можно вспомнить широко известные в научном мире мегалитические сооружения, рассеянные по европейскому побережью Атлантического океана и Средиземного моря. Эти сооружения имели самые разнообразные формы, включая и кольцевидные, в виде эллипсов. Для их строительства, наряду с многотонными каменными глыбами - мегалитами, применялись камни и значительно меньших размеров [Хокинс Дж., 1977].

Особо пристальное внимание на протяжении многих лет учеными уделяется каменным кольцам Стоунхэнджа в Южной Англии. По мнению исследователей подобные памятники использовались в качестве гробниц (интересно, что возраст некоторых из них старше пирамид Египта), но несут и символическое значение, где происходили отправления различных религиозных обрядов, собрания широко разбросанных общин из прилегающих областей. При этом Стоунхэндж оказался не только святилищем для ритуальных церемоний, но и огромной астрономической обсерваторией, где производились расчеты времени солнечных и лунных затмений и т.п. [Вуд Дж., 1981].

Если опустить сравнение размеров и строительных приемов, то сам архитектурный стиль и смысловое назначение сравниваемых памятников обнаруживают сходство. Ведь Мостищенский лабиринт тоже не являлся сугубо производственной постройкой или жилищем, на что нами обращалось внимание в предыдущей главе. Находки же керамики и костных остатков на его площади и по соседству (причем в весьма скромном количестве) вполне соответствуют местам ритуальных церемоний.

Есть основание считать, что иванобугорская культура позднее вошла в соприкосновение со среднедонской катакомбной культурой на ее первом этапе развития. В отличие от предшествующих событий, приход катакомбных племен в Донскую Лесостепь из низовьев Дона и с Северского Донца отмечен взаимоотношениями несколько иного порядка. Результаты исследований свидетельствуют о том, что получил развитие процесс активной интеграции древнеямных и катакомбных традиций в единое этнокультурное образование, придавшее ему заметную специфику [Пряхин А.Д., 1982; Синюк А.Т., 1983; 1996]. Не затрагивая всех аспектов изучения среднедонской катакомбной культуры, сошлемся здесь на многочисленные материалы ямно-катакомбного типа, представленные как в поселенческих, так и в погребальных подкурганных комплексах. Они же обнаружены, как нами отмечалось выше, и на поселении Мостище 2. Подтверждаемый археологической конкретикой симбиоз способствовал, надо полагать, сохранению прежнего быта без каких-либо серьезных нарушений и у носителей иванобугорской культуры. Но отныне катакомбные признаки начинают проявлять себя шире, чем древнеямные в предшествующее время. Именно так можно оценивать появление у иваобугорских сосудов плоскодонности. Со временем черты заимствования умножались, включая элементы и композиции орнамента при одновременном ослаблении тех орнаментальных мотивов, семантика которых была связана с рыболовческо-охотничьим укладом. Но здесь уже речь пошла о воронежской культуре, которая нами рассматривается как следующий этап развития культуры иванобугрской.

До недавнего времени существовало представление о том, что иванобугорские и воронежские памятники разделены чуть ли не полутысячелетним интервалом [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988; 1989], а следовательно, между ними отсутствует какая-либо связь. К вопросу о хронологии культур мы еще вернемся. Здесь заметим лишь, что теперь, при наличии на Мостищенских поселениях сосудов несомненно переходного облика в рамках их единой типологии, данная позиция подлежит пересмотру.

Нам и раньше приходилось приводить сумму аргументов в пользу генетического единства этих культур. В частности, на одной из ближайшей к Мостищенским поселе-

ниям стоянке у села Нижнее Сторожевое (Донское Правобережье) находились фрагменты сосуда, вообще не выходящего из круга иванобугорских древностей [Синюк А.Т., 1993, с.44, рис.8, 2], хотя его присутствие среди воронежских материалов на кратковременной сезонной стоянке, как теперь становится понятным, не является случайным. И в целом совместное нахождение керамики этих двух культур – явление не единичное, а общее.

Естественно, что какие-то изменения должны были появиться в процессе длительного бытования этнокультурного образования, иначе бы вообще снималась необходимость говорить о двух его хронологических этапах. И здесь встает вопрос: на основании каких критериев разделять между собой иванобугорскую и воронежскую культуры? Ответ может быть дан пока только в самых общих чертах, поскольку очень красноречиво заявляет о себе их сходство. Тем не менее в керамическом материале обнаруживается деградация желобчатого венчика, исчезновение строгих «шахматных» композиций и ромбического мотива орнамента, появление плавно профилированного с внутренней стороны горла, орнаментальных валиков, вертикальных и косовертикальных рядов ногтевых вдавлений, распространение прочерченной техники с «паркетными» композициями, поясков глубоких ямок под венчиком и др. Вполне понятно, что перечисленные признаки каждый по отдельности еще не могут служить надежным индикатором при культурно-хронологических определениях, поскольку приходится учитывать непрерывность самого процесса перерастания культур, а отсюда – наличие материалов переходного типа и материалов с признаками пережиточных традиций и т. д. Но очевидно также, что эти признаки в известном своем сочетании определяют не только культурную принадлежность памятника, но и хронологические границы самих культур.

Что же касается вопроса о терминологической номенклатуре: соотносить ли между собой иванобугорские и воронежские памятники как этапы одной культуры, или же за ними сохранять статус самостоятельных культур, то, на наш взгляд, это не будет иметь принципиального значения при соответствующем понимании существа протекавших исторических процессов (прежде всего в необходимости признания генетической связи культур). Именно такой вывод продиктован материалами Мостищенских поселений.

Нетрудно заметить, что изменения, появившиеся в воронежской культуре, во многом связаны с восприятием катакомбных признаков. Такого рода контакты повлияли и на определенную переориентацию хозяйственной деятельности. Если население иванобугорской культуры в большей степени придерживалось традиционного уклада рыболовов и охотников, то население воронежской культуры перешло к придомному скотоводству, что, видимо, находилось и в соответствии с интересами осуществлявших на данной территории политический контроль представителей катакомбной этнокультурной среды.

Первое заключение вытекает из характера главной генетической подосновы, а также из топографических условий местонахождения иванобугорских материалов, идентифицирующихся с сезонными рыболовецкими стоянками. И не случайно, надо полагать, одно из иванобугорских захоронений сопровождалось костяной острогой. Особо отметим, что это было захоронение ребенка, и его заупокойный сопроводительный инвентарь символизировал не его личную, а родовую связь с функцией орудия. Два сходных костяных орудия, обнаруженных на поселении Мостище 1, тоже, видимо, принадлежат этой культуре.

Второе заключение основывается как на характере выбора мест для поселений, так и на прямых свидетельствах остеологических данных. Среди выделяемых исследователями трех групп поселений воронежской культуры третья из них – стационарные поселки, расположенные на высоких, труднодоступных местах, является преобладающей, что не свойственно другим культурам бронзового века Лесостепного Подонья [Беседин В.И., 1984]. Такие места весьма удобны для обустройства содержания домашнего скота в зимний период, тогда как летние загоны сооружались на участках первых террас, примыкавших к пойменным лугам. На одном из таких участков и располагалась Нижнесторожевская стоянка воронежской культуры, в слое которой содержались костные остатки крупного рогатого скота. Аналогичные остатки превалируют и в культурных слоях зим-

ников – мысовых поселений воронежской культуры [Беседин В.И., 1984; Пряхин А.Д., Беседин В.И.,1988].

Говоря о преемственности иванобугорской и воронежской культур, нельзя не обратить внимание на факт полного территориального совмещения их памятников. Сама территория достаточно обширна, занимает Лесостепное Подонье с выходом в Верхнее Посеймье на западе, в бассейн реки Цны на севере и в междуречье Дона и Волги на востоке, а южная граница проходит по северной кромке степной зоны [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988].

Чрезвычайно интересно отметить, что данные культуры по своей генетике не представляют собой узколокальное и сугубо специфическое явление. Суть их – отражение сходных этногенетических процессов, протекавших по всей зоне Восточноевропейской Лесостепи. И совсем небезосновательно исследователи в свое время предполагали генетическую связь воронежской культуры с восточно-среднеднепровскими древностями, опосредованными памятниками сосницкого типа [Пряхин А.Д., 1982; Беседин В.И., 1984], поскольку в основе последних лежит и местный пережиточно неолитический компонент, и степной скотоводческий [Березанская С.С.,1960], и та же генетика затем сохранилась в содержании бондарихинской культуры. Весьма сходный процесс побудил к появлению материалов вольско – лбищенского типа в Поволжье [Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985]. Более того, весьма сходные иванобугорским признаки отражены в сосудах одного из могильников в бассейне Оки [Каверзнева Е.Д., 1992]. Местонахождения такого облика керамики цепочкой протянулись по течению реки Мокши в Мордовии [Степанов П.Д., 1955]. Заметим также, что материалы, отражающие процесс взаимодействия носителей местных неолитических культур и энеолитических культур южного облика (включая репинскую) выделены исследователями на Десне в ее верхнем течении [Смирнов А.С., 1991]. Из сказанного выше можно предположить, что сходными процессами культурогенеза в рассматриваемое время были охвачены как лесостепные, так и южные области лесной зоны европейской части России.

Своеобразием этнического лица, хозяйственного уклада и социально – политического статуса носителей иванобугорской культуры объясняется и причина, по которой эта культура рассматривается одним из автором данной книги как пережиточно энеолитическая, хотя время ее бытования протекало синхронно открывшей в бассейне Дона бронзовый век древнеямной культуре, а частично - и катакомбной. Думается, что такая периодизационная оценка вполне приемлема в приложении к историко- географической специфике Лесостепи.

В продолжение темы о значении Мостищенского комплекса памятников для изучения эпохи бронзы обратимся к еще одной, чрезвычайно интересной группе материалов, а именно - к сосудам донской абашевской культуры, выявленным на поселении Мостище 1 и, несомненно, тоже связанным с функционированием святилища – лабиринта.

Абашевские памятники в Подонье ныне широко известны благодаря многочисленным исследованиям А.Д. Пряхина. Но и в этой области наших знаний существуют разночтения. Как правило, они мотивированы не оценкой существа источников, а терминологическим и таксономическим ее воплощением. К примеру, А.Д. Пряхиным дано обоснование выделения доно-волжской абашевской культуры и намечены этапы ее развития [Пряхин А.Д., 1976; 1977]. Нами же одни из ее памятников рассматриваются в рамках донской абашевской культуры, другие – в рамках покровско-абашевской [Синюк А.Т., 1996]. В основе формирования донской абашевской культуры нами усматриваются традиции энеолитической репинской культуры, на что впервые было обращено внимание А.Д. Пряхиным [Пряхин А.Д., 1971]. Мостищенские материалы как нельзя лучше подтверждают правомерность такой точки зрения, причем впервые в столь представительном своем объеме. Ранний облик мостищенских сосудов на фоне абашевских древностей несомненен. Технологически и по основному морфологическому признаку они почти полностью сохраняют черты репинских сосудов. По большому счету их вполне оправданно можно называть пострепинскими [Синюк А.Т., 1981] или, что равнозначно, протоабашевскими [Пряхин А.Д., 1976, с. 60]. Им присущи та же ракушечная примесь в

тесте и крупные расчесы на поверхностях, желобчатое горло, пояски прочерченных линий под горлом, орнаментация только верхней части сосуда, включая срез венчика. Кстати, у большинства мостищенских сосудов еще нет колоколовидности, появление которой, как и оттисков крупного зубчатого штампа, обусловлено, надо полагать, контактами с пережиточно неолитическим миром (предположительно – с носителями рыбноозерской культуры). Но уже нет в орнаментике шнурового элемента, пояска ямок или жемчужин по венчику. А это отражает период деструкции репинской культуры и поиска какой–то из групп ее носителей новых жизненных ориентиров. Но это и период широкого внедрения в Донскую Лесостепь племен древнеямной культуры.

По сути дела, процесс формирования абашевской культуры на Дону побужден теми же причинами, какие заложены в генезисе иванобугорской, а затем и воронежской культур, но с обратной пропорцией слагаемых компонентов: в абашевской культуре репинский компонент явно преобладает над пережиточно неолитическим, определяя тем самым и характер хозяйственного уклада населения формирующейся абашевской культуры. Не случайно, поэтому А.Д. Пряхин пришел к выводу о большей подвижности абашевских племен на раннем этапе в сравнении с поздним при скотоводческом характере их экономики в целом [Пряхин А.Д., 1976, с. 116-120]. А это могло иметь место только при высоком удельном весе коневодства, что и подтверждается источниками [Пряхин А.Д., 1976, с. 118, табл. 3]. В связи с этим подчеркнем, что на основании и конкретных, и сравнительных данных вполне определенно можно говорить о коневодческой специализации в хозяйстве репинских племен [Телегин Д.Я., 1973; Синюк А.Т., 1994]. Данное сравнение весьма показательно, если к тому же учесть, что мы пока еще не располагаем остеологическими материалами с самых ранних абашевских (протоабашевских) памятников ввиду их слабой изученности.

Имеющиеся наблюдения свидетельствуют о том, что окончательное оформление абашевской культуры протекало в северной части Донской Лесостепи, а также в более широких пределах доно-волжского Лесостепья - там, где в меньшей степени сказывается древнеямное, а затем – и катакомбное присутствие, и где отделившемуся населению удалось сохранить статус независимости. Однако начало данного процесса наметилось еще в докатакомбное время, в период относительного равновесия политической обстановки. Только так можно объяснить присутствие ранних абашевских материалов на Мостщенском поселении, в правобережной части юга Донской Лесостепи.

Интересно, что аналогичные находки отмечены и южнее по Дону, уже за пределами лесостепи, у с. Верхний Карабут, и тоже на площади высокого мысового выступа правого берега Дона [Погорелов В.И., 1985].

Проведем и еще одну параллель. Немногочисленные в круге древнеямных памятников подкурганные захоронения с сосудами репинского типа характеризуются положением умерших на спине с вытянутыми ногами, (тогда как основная позиция древнеямных захоронений – на спине с подогнутыми ногами). Вытянутые погребения с ориентировкой в северо-восточном и северо-западном направлениях выявлены в Иванобугорском могильнике и на площади стоянки Дрониха в Побитюжье, близ с. Старая Тишанка (Воронежская область) [Синюк А.Т., 1984]. Вытянутым оказалось и основное захоронение под позднее возведенным курганом у с. Введенка (Липецкая область) [Синюк А.Т., Килейников В.В., 1976], сопроваждавшееся обломками сосуда протоабашевского типа. Но и при анализе донских абашевских погребений А.Д. Пряхин отмечает абсолютное преобладание положения умерших вытянуто на спине с ориентировкой в северо-восточном и северо-западном направлениях при почти полном отсутствии в могилах (как и в репинских) следов охры [Пряхин А.Д., 1977, с. 38-40].

Таким образом, генетическая связь двух культур обосновывается сходством керамики, погребального обряда, характера экономики, а также единством территории распространения, что в целом позволяет делать вывод о сугубо местном формировании абашевской культуры. Обособление носителей абашевской культуры предопределяло и устойчивость традиции изготовления изделий из чистой меди [Черных Е.Н., 1971] на фоне появления и развития культур с бронзовыми изделиями, что для нас в свое время

послужило основанием относить донскую абашевскую культуру (до распространения покровско-абашевских памятников) к стадии пережиточного энеолита [Синюк А.Т., 1996].

Уточним, что здесь речь идет о генезисе только донской абашевской культуры, тогда как в широких территориальных и хронологических рамках бытования абашевской общности могли иметь место сходные в принципе, но достаточно вариативные процессы, на что нами уже обращалось внимание в ряде публикаций [Синюк А.Т.,1996]. В связи с этим трудно обойти вниманием недавно прозвучавшее замечание В.В.Отрощенко, отстаивающего целостность доно-волжской абашевской культуры, по поводу использования нами понятия «донская абашевская культура». На взгляд уважаемого коллеги: «... такое уточнение искусственно сужает масштабность рассматриваемого явления (доно-волжской абашевской культуры - А.С., В.Б.), которое нецелесообразно втискивать в прокрустово ложе донской специфики» [Отрощенко В.В., 1998, с. 52]. Но, возможно, признаваемая В.В. Отрощенко донская специфика - и есть основание для выделения региональной специфической культуры, каковой и должна быть любая археологическая культура? В таком случае прокрустовым ложем оказывается именно доно-волжская абашевская культура, отсекающая дальнейшие разработки таксономической систематики в рамках абашевской культурной общности! А масштабность доно-волжского региона только даже в его лесостепных границах действительно впечатляющая, вполне сопоставимая, к примеру, с территорией Польши или Италии.

Можно ли в таком случае предполагать большее разнообразие этнокультурных проявлений, имевших место на такой территории? Думается, что да. Из рассмотренного выше становится более мотивированным присутствие на месте лабиринта ранних материалов донской абашевской культуры: ее носители имели устойчивые родственные связи с создателями и охранителями данного сооружения и вполне могли делегировать своих представителей для совместного (или же поочередного) участия в каких-либо общественных мероприятиях. И такие формы отношений могли поддерживаться не только в докатакомбный период, но и позднее, с оформлением воронежской культуры на фоне утверждения господства здесь же, в Среднем Подонье, культуры катакомбной. Приведем по этому поводу некоторые соображения. В целом между катакомбными и абашевскими племенами сложились отношения строгого суверенитета с четким разделением территории своего бытования. Достаточно сказать, что мы не располагаем сколько-нибудь значительной серией материалов, свидетельствовавших бы о существовании межэтничных контактов в форме взаимного интегрирования культурных традиций. Граница между культурами устанавливается по распространению курганов с катакомбными погребениями, которые практически отсутствуют в северной части Донской Лесостепи. Именно курганные погребения, как выражение социального престижа в эпоху бронзы, маркировали область распространения политического влияния, считавшуюся своей территорией того или иного этнокультурного образования. И, вместе с тем, следы катакомбных становищ цепочкой протянулись по береговым участкам рек глубоко к северу Лесостепи. Следовательно, определенная система отношений предусматривала возможность передвижений по чужой территории для проведения каких-то мероприятий. И, надо полагать, такие возможности предоставлялись обеим сторонам.

Есть основание считать, что взаимоотношениям такого характера в немалой степени способствовали носители иванобугорской и воронежской культур, памятники которых практически в равном количестве размещены на той и другой территориях, а, следовательно, их интересы предусматривали сохранение определенного паритета. Другими словами, с учетом отмеченной специфики иванобугорской и воронежской культур, они, как последовательные этапы единого этнокультурного образования, осуществляли функции определенного буфера, смягчавшего взаимоотношения между синхронно развивающимися донской абашевской культурой, сдвинутой в глубинные лесостепные районы Донского Левобережья, и культурой катакомбной, занявшей юго-лесостепную и степную зоны Подонья (а до того – с древнеямной культурой).

В связи с этим вопрос о начале контактов донских абашевских племен и среднедон-

ских катакомбных в том хронологическом срезе, каковым он представляется Ю.П.Матвееву, т.е. только с финальной стадии развитого этапа культуры последних [Матвеев Ю.П., 1998, с.19] требует более серьезной мотивации.

Теперь обратимся к вопросам хронологии ранних материалов Мостищенского комплекса памятников. На наш взгляд, здесь фиксируется уникальный случай, позволяющий синхронизировать материалы сразу нескольких культур и культурных типов эпохи бронзы благодаря их связи с лабиринтом. Эта связь обнаруживает себя планиграфическим совмещением, отсутствием следов устройства поселений как таковых, наличием общих признаков в керамических комплексах. Речь идет о материалах иванобугорской, воронежской, донской абашевской, катакомбной культур и ямно-катакомбного культурного типа. Сюда же мы подключаем и загадочную календарную керамику, хотя она и не обнаруживает типологической близости с вышеуказаными керамическими комплексами.

Принимая во внимание историческую логику естественно предположить, что в период динамично действовавших процессов этнического, социально-экономического, идеологического и политического переоформления, каковыми изобиловал бронзовый век, одно скромное по оформлению религиозно-культовое сооружение вряд ли могло функционировать без малого тысячу лет, если мы будем оперировать существующими хронологическими рамками бытования перечисленных культур (при этом исключаются имевшие особое местоположение материалы бондарихинской культуры, связь которых с лабиринтом подтвердить не представляется возможным).[1] Да и сам объем источников не соответствует такому периоду времени, пусть его накопление протекало и менее интенсивно, чем на местах поселений.

Скорее всего, святилище функционировало максимум одно-два столетия. Но такое предположение требует ответа на вопрос: можно ли в столь кратком отрезке времени сфокусировать бытование рассматриваемых культурных образований, и какое место этот отрезок займет на хронологической шкале в соответствии с существующими разработками?

Доживание иванобугорских комплексов до начального периода катакомбных влияний может определяться рубежом III – началом II тысячелетий до н.э. На это же время приходится и складывание комплексов ямно-катакомбного типа. Имеется аргументация в пользу доживания и репинских традиций вплоть до распространения на Дону влияния катакомбного этнокультурного мира, т.е. до рубежа III и II тыс. до н.э. [Синюк А.Т., 1981]. Включение же репинского компонента в формирование донской абашевской культуры нами рассмотрено выше, что снимает высказывавшееся ранее предположение о длительном хронологическом интервале между этими культурами [Пряхин А.Д., 1977].[2] Таким образом, отнесение раннего периода донской абашевской культуры к рубежу III – началу II тыс. до н.э. предполагает и ее полную синхронизацию со среднедонскими катакомбными памятниками, хотя в целом хронология этих культур оценивается по-разному. Имеющиеся суждения о позднем появлении абашевской культуры на Дону - не ранее распространения культуры многоваликовой керамики (КМК) [Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977] основаны главным образом на, якобы, отсутствии следов взаимодействия абашевских и катакомбных традиций. Действительно, нельзя не признать своего рода несостыковку данных культур, но за этим совсем не кроется, как это

---

[1] Хотя, по большому счету, их присутствие на этом памятнике тоже наводит на некоторые размышления, поскольку, как нам представляется, в облике бондарихинских памятников можно усмотреть сходство с предшествовавшими им памятниками и воронежской, и иванобугорской культур. Не исключено, что и бондарихинские группы населения на Дону поначалу несли обязательства, вытекавшие из социальной подчиненности местному срубному обществу. Однако такое предположение требует дальнейших серьезных обоснований.

[2] Показательно, что А.Д. Пряхин и его соавторы в одной из недавно опубликованных работ изменили позицию относительно хронологии верхнего рубежа репинской культуры, определив его временем развитого этапа местной катакомбной культуры [Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1990, с. 5-6].

мы попытались изложить выше, хронологический фактор. Впрочем, и раньше обращалось внимание на факты существования контакта между этими культурами, отраженные в нестандартных признаках абашевских погребений: наличие охры и астрагалов, правобочного положения умерших, сосудов катакомбной формы, украшения их налепными шишечками, шнуром, «катакомбными» орнаментальными композициями, а также находок кремневых наконечников стрел с выемками в основании [Синюк А.Т.,1996].

Наконец, отметим и случай прямой стратиграфии, когда погребению развитой поры местной катакомбной культуры предшествовало захоронение покровско-абашевского типа (курган № 57 Павловского могильника).[1] И если нами при раскопках не упущен особо скрытый признак архитектоники кургана, то получено прямое свидетельство длительного сосуществования местных катакомбной и абашевской культур. А это полностью соответствует данным поселения Мостище 1.

Обратим внимание и на то, что еще не изучались могильники раннего этапа абашевской культуры, которые, возможно, имели бескурганный характер и которые следует искать в северной части левобережья Донской Лесостепи. Пока же совмещение в рамках единого могильника погребений абашевской и катакомбной культур фиксируется в южной части лесостепной зоны, причем абашевские захоронения принадлежат позднему этапу культуры. Интересно отметить, что в случаях такого совмещения фиксируется явное преобладание погребений либо той, либо другой культуры. Видимо, наметившаяся к тому времени политическая нестабильность определяла и подвижность границ обитания племен двух культур. Это положение, на наш взгляд, как раз и документируется результатами раскопок Павловского, а также целого ряда других могильников Среднего Придонья.

Что же касается хронологии воронежской культуры, то единственный исследованный однослойный памятник – Нижнесторожевская стоянка – отражает взаимодействие с традициями среднедонской катакомбной культуры и первого, и второго этапов ее развития [Синюк А.Т., 1993].

Таким образом, Мостищенский лабиринт вполне реально фокусирует в относительно коротком отрезке времени синхронность всех перечисленных культурных образований, а по имеющимся разработкам это время соответствует рубежу III – начальным векам II тыс. до н.э. Верхняя дата вряд ли выходит за пределы XVIII века, однако она требует более серьезного обоснования, в связи с чем еще раз обратимся к катакомбным материалам Мостищенских поселений.

Основная их часть характеризуется ранними признаками. Материалов же заключительного периода развития культуры, которые могли бы хронологически смыкаться с признаками, идентифицирующими памятники срубной культурной общности, здесь мало.[2] Срубные же материалы, как и покровско-абашевские, здесь вообще отсутствуют,

---

[1] Раскопки А.Т.Синюка. Материалы хранятся в кабинете археологии Воронежского государственного педагогического университета.

[2] Не всеми исследователями разделяется точка зрения о хронологическом смыкании на Среднем Дону катакомбных и срубных древностей [Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988]. Однако в свое время нами была выделена группа погребений, сочетавших срубную обрядность и катакомбный инвентарь, причем эта группа занимает верхний стратиграфический горизонт среди катакомбных захоронений [Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985]. Позднее были привлечены и такие факты, как сопровождение погребений той или другой культур идентичными типами металлических изделий, наличие в срубных захоронениях охры, сосудов со шнуровым орнаментом, совмещение в одном комплексе сосудов разнокультурной принадлежности [Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986]. Показателен в этом плане один из погребальных комплексов кургана 16 Первого Власовского могильника [Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993], включавшего сосуды типично срубные, сосуд катакомбно-полтавкинского облика и каменное навершие булавы с четырьмя шаровидными выступами, имеющее аналогии в катакомбных комплексах других территорий. Кстати, среди сосудов находился и инкрустированный белой пастой кубок, что сближает его со срубными материалами западных регионов. Следует также добавить, что в настоящее время значительно увеличилось и количество погребений с катакомбно-срубными чертами.

что дает некоторые основания предполагать появление поздних групп катакомбной керамики на рассматриваемых памятниках в досрубное и допокровско-абашевское время.[1]

Начало же его по существующим разработкам с учетом датировки покровско-абашевских погребений с дисковидными псалиями со вставными шипами, предложенной А.Д.Пряхиным и В.И.Бесединым [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1992], следует искать в рамках XVII-XVI вв. до н.э. Таким образом, в обозначенном хронологическом диапозоне, с возможной сдвижкой к той или иной границе, существовал Мостищенский лабиринт.

Скорее, все же, дата может быть сдвинута ближе к началу II тыс. до н.э. Дело в том, что лабиринт подвергся разрушению (окончательному или частичному) еще в эпоху бронзы, а именно – в катакомбное время. На это как – будто бы указывает ситуация на поселении Мостище II, где развал кладок был «запечатан» фрагментами сосуда с характерным орнаментом донецкого типа (рис.54, 8). А кладки двух памятников мы склонны рассматривать в функциональном и культурно-хронологическом единстве. Если это так, то присутствие здесь крайне небольшого числа позднекатакомбной керамики, как и керамики бондарихинской, однозначного объяснения не имеет.

В целом же рассмотренный археологический комплекс приобретает важную роль в круге донских памятников эпохи бронзы. Отныне без его привлечения трудно будет обойтись при решении проблем происхождения целого ряда культурных образований, равно как и их хронологической позиции. Чрезвычайно интересен и сам облик источников в плане типологического сопоставления, а предпринятая нами классификация иванобугорских и воронежских материалов может стать опорной для ее дальнейшей разработки. Наконец, особо важное значение приобретает открытие здесь остатков каменного лабиринта-святилища, древность которого доказывается всей суммой имеющихся наблюдений, а сам факт его сооружения в центре Восточной Европы предполагает более широкий, чем считалось, пространственный охват сходными формами в сфере идеологии, религии и практических знаний, а также их материального воплощения.

---

[1] Согласно существующим точкам зрения, донские абашевские памятники со срубными чертами либо фиксируют непрерывный и совершенно самостоятельный процесс преобразования донской абашевской культуры в срубную [Матвеев Ю.П., 1991; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1994], либо отражают процесс взаимодействия двух культур. Причем их генетическое родство или исключается совсем [Либеров П.Д., 1964, с. 155-156], или признается с разной степенью проявления – от минимального до определяющего. Но независимо от того, какая точка зрения ближе к истине, следует признать, что изменения целого блока признаков погребального ритуала сопряжены с появлением новых мировоззренческих идей, которые в любом случае несут скорее быстротечный, нежели эволюционный характер внедрения, т.е. проявляют свою стадиальную природу. Поэтому мы рассматриваем бытование и абашевско-срубных, и ранних срубных памятников в единых узкохронологических рамках.

ГЛАВА IV

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

1. МОСТИЩЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Общая площадь городища, ограниченная внешней линией укреплений, составляет 2,3 га.[1] Визуально просматривается двойная линия обороны - внешнего вала, от которого сохранились лишь небольшие участки на его оконечностях (остальная часть уничтожена распашкой) и внутреннего невысокого вала и рва. Причем ров расположен не с внешней стороны вала, как обычно, а с внутренней.

Таким образом, городище разделено линиями обороны на два участка – верхнюю площадку площадью 1,4 га (между внешней и внутренней линиями обороны) и нижнюю, площадью 0,9 га (за внутренней линией) (рис. 61).

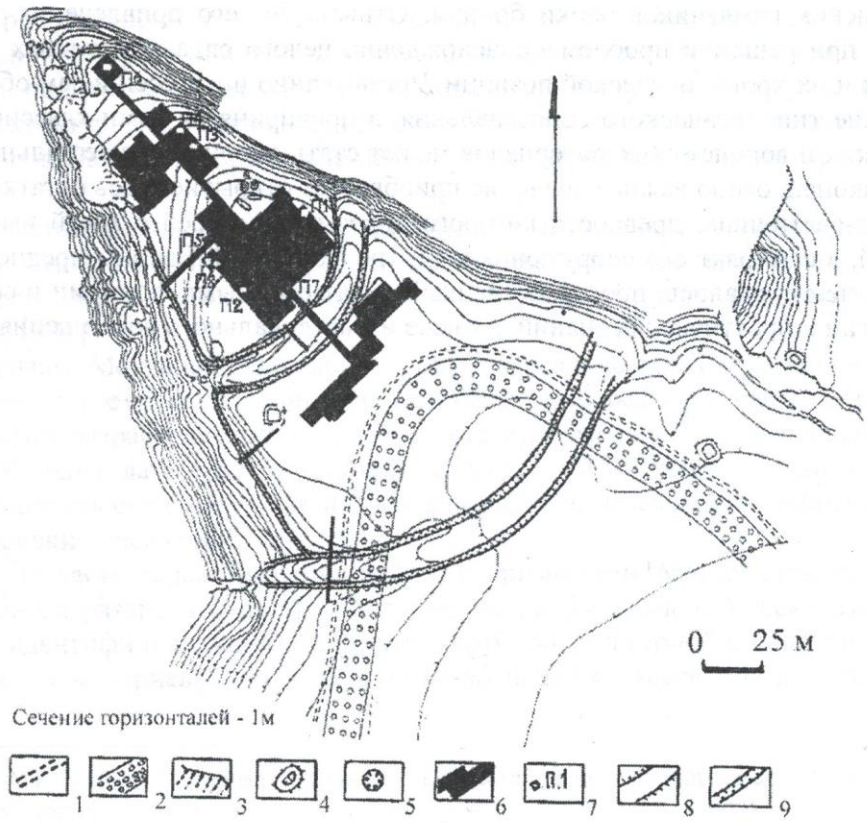


Рис. 61. Мостище 1. Расположение оборонительных укреплений и жилых построек. Условные обозначения: 1 – грунтовая дорога; 2 – лесополоса; 3 – обнажение; 4,5 – современные остатки хозяйственной и иной деятельности; 6 – раскопы; 7 – жилая постройка и ее порядковый номер; 8 – вал; 9 – ров

[1] В литературе приводится иная цифра площади памятника – 1,3 га [Либеров П.Д., 1971, с.23]. Непроверенный показатель используется, в частности, для расчетов численности населения и количества жилых построек на Мостищенском городище [Медведев А.П., 1999, с.65, табл. 3]. Неверные данные идут от приблизительных расчетов П.Д.Либерова, осуществленных им при осмотре памятника [Либеров П.Д., 1957].

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Впервые остатки оборонительных укреплений были осмотрены и частично исследованы в 1957 г. Воронежской лесостепной скифской экспедицией под руководством П.Д. Либерова. Необычное расположение рва внутренней линии обороны привлекло внимание исследователя, который высказал мнение о возможности существования здесь культового сооружения [Либеров П.Д., 1957, с.11]. А.И.Пузикова на основании этого факта предположила, что жители поселка использовали в основном площадь в пределах валов [Пузикова А.И., 1969, с.48]. Эти высказывания исследователей как будто бы подтверждал раскоп (0,75 х 12,0 м) внутренних укреплений, показавший наличие рва с внутренней стороны вала [Либеров П.Д., 1957, с.11].

Ситуацию прояснили исследования внутренних укреплений в 1987 г. [Синюк А.Т., 1987]. Раскоп (2,0 х 24,0 м) показал, что траншея, заложенная П.Д.Либеровым, не дошла еще до одного, внешнего рва, конструктивно связанного с валом и невидимого на поверхности. Раскопки подтвердили наличие вала, ограниченного с обеих сторон рвами (рис. 61-63).

Внутренняя линия обороны

Внутренний ров. Имеет в профиле вид перевернутой трапеции (рис. 62). С обеих сторон материк ближе к стенкам рва подрезан. Глубина рва от уровня погребенной почвы, которая сохранилась частично в основании вала – 3,0 м, от материка - 2,6 м. Ширина основания рва 0,4 м, по верху до начала подрезок – 6,8 м. Внутренняя стенка чуть выпуклая, внешняя наклонная и ровная. Заполнение состояло из заплыва осветленного чернозема с меловой крошкой, выше которого находилась линза более поздних отложений темного чернозема с меловой крошкой.

Внешний ров. Отстоит от внутреннего на 9,6 м в сторону плато. Его форма повторяет форму внутреннего рва. Глубина от уровня погребенной почвы составляет 2,1 м, от уровня материка - 1,7 м. Ширина основания 0,4 м, по верху - 4,4 м. С внутренней стороны под валом имеется подрезка материка. Внутренний край рва обложен меловым камнем.

Заполнение состояло из сплошной массы оползней первичной насыпи вала, выше которой сформировалась линза более поздних отложений, выходящая краями под дерн.

Вал. Его ширина от начала рвов составляет до 9,0 м (рис. 62; 63). При сооружении вала погребенная почва не снималась (фиксировалась по более темному цвету чернозема).

Вал создавался в два приема. Предварительно на погребенную почву были уложены меловые камни, выполнявшие видимо, функцию крепиды. Материковый выкид из рва (перемешанные глина, мел) вместе с черноземом составили первичную насыпь светло-серого цвета мощностью до 0,4 м. Затем вал был досыпан слоем грунта 0,2-0,3 м толщины рыжеватого оттенка (от включений глинистых компонентов). Выше этого слоя находятся более поздние отложения – тонкий (0,12 м) слой известняка и дерн. Общая мощность наслоений достигала 0,7 м.

По центру вала в слое погребенной почвы обнаружены три прерывистые параллельные друг другу канавки с наклонными ко дну стенками, служившие для закрепления деревянных конструкций. Ширина их 0,6 - 0,7 м, глубина в погребенной почве - 0,4-0,5 м. Две внутренние канавки, расположенные рядом, в материк не углублены, внешняя, отстоящая от них на 1,7 м, углублена в материк на 0,05 м. Заполнение канавок соответствует характеру первичной насыпки.

Осталась непонятной вырезка первичной насыпи со стороны внешнего рва (рис. 62), заполненная глинистой насыпкой.

Стратиграфические наблюдения позволяют следующим образом восстановить последовательность создания и характер внутренней линии укреплений. Внутренний ров, видимо, является наиболее ранним по отношению к внешнему рву и валу, т.к. оплыв последнего фиксируется на уровне заполнения рва. Позднее язык оплыва «просел» с уплотнением заполнения (рис. 62). Таким образом, выявляются два строительных периода при создании внутренней линии укреплений.

Очевидно, что одного рва для организации обороны было недостаточно, да это и не характерно для городищ скифского времени. В таком случае рядом со рвом должны были находиться остатки деревянных конструкций. Предположение о том, что рядом со рвом находился вал, позднее срытый при создании новой линии укреплений, не находит подтверждения стратиграфическими данными, отражающими характер заполнения рва. При таком варианте заполнение должно было бы иметь перемешанный грунт с включением меловых камней и т. д. Вероятнее всего в непосредственной близости от внутреннего рва находились деревянные укрепления, которые выполняли наряду со рвом оборонительные функции на первом хронологическом этапе существования укрепленного поселка. При этом остатки канавок, как явные признаки деревянных конструкций, или ямки от деревянных столбов могли не сохраниться из-за небольшой глубины их устройства в грунте. Возможно также, что деревянной стеной служила какая-то легкая конструкция типа плетня, от которой также могли не сохраниться следы.

На втором хронологическом этапе функционирования городища были возведены более мощные укрепления, состоявшие уже из вала с деревянными конструкциями и внешнего рва. Общая длина внутренней линии обороны определяется в пределах 110-115 м.

Внешняя линия обороны

В 1990 г. раскопом (1,0 х 29,0 м) была исследована внешняя линия укреплений [Березуцкий В.Д., 1991]. В результате выявлена в целом аналогичная система в устройстве оборонительных сооружений – вал, ограниченный с двух сторон рвами (рис. 64; 65).

Внутренний ров. В профиле имеет форму перевернутой трапеции и неровные стенки. Ширина основания 0,25 м, а по верху от начала подрезок материка - до 5,0 м. Глубина рва зафиксирована от уровня материка и составляет до 1,15 м. На внутренней стенке рва отмечена столбовая ямка округлой формы диаметром 0,25 м и глубиной 0,1 м в материке. Заполнение состояло из трех слоев чернозема с меловой крошкой, различающихся по цвету: верхний слой более темный, нижние – более светлые. По всей вероятности, они составляют засыпку рва после прекращения его функционирования.

Внешний ров. Находился в 12,0 м от внутреннего рва. Его профиль аналогичен профилю внутреннего рва. Плоское дно имеет ширину 0,2 м, ширина рва по верху – 1,75 м (до начала подрезок), по самому верху, где начинается ров – 3,0 м. Глубина рва в материке составляет 1,05 м. У дна на внешней стенке лежало несколько меловых камней.

Заполнение состояло из поздних заплывов с вала. Ближе к северной стенке – чернозем с глинистыми включениями, а основная часть состояла из чернозема с обильной примесью меловой крошки и более позднего заплыва гумусированного слоя с меловой крошкой.

Вал. Имеет ширину 10,5 м, считая от внутренних краев рвов (рис. 64). При его создании грунт был снят до материка, о чем свидетельствует характер слоя, лежащего на материке – чернозем с меловой крошкой и глинистыми мелкими комками. В его южной части ближе к внешнему рву находилось скопление меловых камней, которые залегали как на материке, так и выше него на 0,2-0,25 м, а часть их - у самого верха вала.

Скопление камней представляет собой либо остатки крепиды вала, либо следы закрепления деревянных конструкций в его основании. При этом следов канавок не было обнаружено, но перед каменной кладкой со стороны внешнего рва зафиксированы три столбовые ямки цилиндрической формы диаметром 0,2 м и глубиной 0,15-0,2 м в материке, заполненные черноземом. Располагались они поперек линии вала и, надо полагать, предназначались для закрепления деревянных конструкций в виде бревен, уложенных горизонтально между вертикально поставленными столбами.

Насыпь вала неоднородна и создана не в один прием. На нижнем уровне от материка и выше него на 0,2 м располагался слой чернозема с небольшими комками глины и примесью меловой крошки. Именно на этом уровне залегают меловые камни крепиды. Выше расположена линза из глины и меловой крошки длиной 6,0 метров и толщиной до 0,15 м; выше нее – линза из чернозема и глинистых включений толщиной 0,1 м и длиной до 5,5 м. Эти наслоения составляют первичную основу вала. Грунт брался, вероятно, из внешнего рва.

Далее залегает прослойка толщиной 0,35 м из чернозема с включением меловой крошки и мелких кусков глины. Как и предыдущие слои, этот слой прерывается у внутреннего рва. На нем располагается прослойка из древесного угля и обожженной глины мощностью до 0,12 м и длиной до 6,5 м (считая от границы внутреннего рва). Среди углей найдены куски горелого дерева в виде тонких плашек 1,5-2,0 см толщиной. Эти факты свидетельствуют о сожжении деревянных конструкций, находившихся на валу. Поверх этого слоя отмечен слой из чернозема серо-черного цвета с меловой крошкой примерно такой же длины и толщиной 0,12 м. Наконец, верхний слой, находящийся под дерном, мощностью до 0,15 м, представляет собой смесь чернозема, глины и меловой крошки. Он имеет ту же протяженность и границы, что и предыдущий слой.

Таким образом, общая мощность наслоений под вершиной вала составляет до 1,3 м. При этом трудно определить однозначно, в отличие от вала внутренней линии: в один или два приема был создан вал. Но и здесь, как и на внутренней линии обороны, можно вычленить не менее двух досыпок: первая – до слоя горелого дерева, и вторая, мощностью 0,3-0,4 м, перекрывшая этот слой. Общая длина внешней линии обороны достигает до 200 м.

Линия обороны на юго-западном склоне городища

До начала исследования этой линии укреплений никаких видимых признаков валов или рвов не было заметно. Но по юго-западному краю укрепленного поселка проходила полоса выраженной зеленой травы, а чуть выше нее – относительно ровная площадка шириной в несколько метров, идущая параллельно зеленой полосе. Эти следы принимались на городище со времени работ П.Д.Либерова за признаки «древней дороги». Обе линии начинаются у внешних укреплений, проходят по краю мыса и теряются за внутренними укреплениями (рис. 2; 66, 1; 67; 68).

В ходе раскопок 1993 г. на юго-западной окраине мыса было заложено два раскопа: прирезка к раскопу I (2,0 х 26,0 м) и раскоп III (1,0 х 26,0 м). Поперечные разрезы «древней дороги» позволили выявить ранее неизвестную линию обороны [Березуцкий В.Д., 1993]. Стала понятна причина происхождения полосы густой растительности по краю юго-западного склона. Этому способствовал мощный черноземный слой заполнения обнаруженного рва.

Ров, выявленный в раскопах, имеет в профиле форму перевернутой трапеции. Дно плоское, шириной 0,3-0,4 м. Ширина рва по верху до начала подрезок 5,0-6,0 метров (раскоп I) и до 8,0 м (раскоп III), глубина в материке составляет до 1,5 м. Внутренняя стенка обложена меловыми камнями, частично заплывшими вместе с грунтом в ров. Заполнение неоднородно (чернозем с меловой крошкой и меловыми камнями), что связано, видимо, как с постоянными подчистками рва в период его функционирования, так и с естественным заплывом грунта после прекращения жизни в поселке. При спуске в лощину в раскопе III выявлена подрубка материка в виде ступеньки высотой 0,1-0,12 м (ширина не определяется), идущая параллельно рву (рис. 67). Назначение ее не ясно.

В 5,0-6,0 м выше рва в материке обнаружены следы двух поперечных канавок для закрепления деревянных конструкций с наклонными ко дну стенками. Канавки, выявленные в раскопе I, располагались впритык друг к другу. Их общая ширина составляет до 0,7 м, глубина в материке - 0,25-0,3 м. О наличии именно двух канавок свидетельствует незначительная приподнятость материка вдоль середины общего углубления, а также два параллельных ряда столбовых ямок в них по краям. Установлено наличие шести округлых в плане ямок диаметром от 0,1 до 0,25 м и глубиной в материке от 0,05 до 0,2 м (рис. 66, 1).

В раскопе III канавки с наклоненными ко дну стенками имели ширину 0,3-0,35 м и глубину в материке до 0,3 м (рис. 67). Между ними находилась перемычка шириной 0,3 м. Заполнение состояло из чернозема с обильной примесью меловой крошки. Рядом с канавками и в их заполнении найдены меловые камни различной величины, служившие для дополнительного закрепления деревянных конструкций.

Примечательно, что в 0,75 м выше канавок отмечается резкое понижение уровня поверхности в сторону склона. Далее, в направлении городищенской площадки, находится

относительно ровная полоса шириной в несколько метров, которая визуально наблюдается на всем протяжении рва. Наличие такого рода площадки проявило себя в повышенной встречаемости находок (керамика, кости животных) в близлежащих от канавок квадратах, расположенных в направлении площади городища. Это связано, очевидно, с искусственной насыпкой слоя с городища, в результате чего культурный слой здесь в сравнении с другими участками раскопов оказался самым значительным – до 0,75 м.

Появление специальной площадки конструктивно связано с канавками. Невысокие оплывшие валы (остатки деревоземляных сооружений) по краям городища - характерная черта укрепленных поселений скифского времени Лесостепи. В Подонье подобная конструктивная особенность зафиксирована и хорошо изучена на Пекшевском городище [Медведев А.П., 1999, с.83]. В ходе археологической разведки по р. Потудань в 1999 г. именно по таким признакам, как наличие по склонам мыса нескольких линий невысокого и неширокого сильно оплывшего вала, а местами, подобных мостищенской - линий почти ровных площадок, было выявлено городище у с.Репьевка, отмеченное на карте Коротоякского уезда Л.М.Савеловым [Савелов Л.М., 1900, с.11, карта]. Сложность его обнаружения в наше время заключалась в отсутствии каких-либо следов валов и рвов, по всей вероятности уничтоженных распашкой. Зачистка же обнажения на склоне мыса показала наличие искусственно созданной площадки и рва перед ней [Березуцкий В.Д., 1999].

Выявленная на Мостищенском городище линия укреплений на юго-западном участке заканчивается на стрелке мыса, не доходя до его оконечности примерно 50 м. Здесь Потуданской археологической экспедицией были зафиксированы три ряда округлых столбовых ямок с наклонными ко дну стенками диаметром 0,2-0,25 м и глубиной 0,1-0,3 м в материке (рис. 66, 2) [Гуляев В.И., 1994]. Шесть ямок образовывали два ряда по три ямки. Ряды проходили параллельно обрывистого края юго-западного склона. Расстояние между ними - 1,0 м. Видимо, ямки являются остатками деревянных укреплений типа стены или частокола, а каркасом их служили столбы. Ров не обнаружен, то ли по причине сильного разрушения юго-западной части стрелки мыса, то ли в виду отсутствия необходимости его создания строителями укреплений. Общая длина укреплений составляет примерно 175 м.

Примечательно, что в направлении от внешней линии обороны к стрелке мыса изменяется и мощность деревянных укреплений. Так, канавки, обнаруженные ближе к внешним укреплениям в раскопе III, были не только более глубокими, чем в раскопе I, заложенном далее к стрелке мыса, но и не имели мелких столбовых ямок. Видимо здесь стояли значительные по толщине бревна стены. На самой же стрелке древние укрепления вообще не имели канавок, так необходимых для удержания мощных столбов. Здесь строители ограничились лишь устройством небольших столбовых ямок для закрепления горизонтальных деревянных конструкций. Причина такой избирательности и экономии понятна: у внешней линии укреплений и далее к средней площадке пологий склон мыса требовал соответствующих защитных средств. Далее, от средней площадки к стрелке мыса, склон становится обрывистым и здесь требовались уже менее значительные средства обороны, свидетельством чему и являются конструктивные особенности оборонительной линии на юго-западном склоне. Стремление строителей укрепленных поселений избежать лишних затрат труда и максимально использовать естественные препятствия хорошо известно исследователям городищ скифского времени [Шрамко Б.А., 1962, с.189; Моруженко А.А., 1989 и др.]

Ров на верхней площадке городища

В ходе работ в 1991 г. (раскоп II) в северо-восточной части верхней площадки был выявлен ров, не имевший до начала раскопок никаких визуальных признаков (рис. 69; 70). Планиграфически он не вписывается в систему укреплений городища, а по конструктивным признакам идентичен рвам внутренней и внешней линий обороны. При раскопках удалось обнаружить начало рва, которое приходится на центральную часть средней площадки между внутренней и внешней линиями обороны. Он дугой уходит под внутреннюю линию укреплений.

В профиле ров имеет вид перевернутой трапеции, дно плоское шириной 0,4-0,8 м. Ширина рва составляет от 2,0 до 4,0 м, глубина в материке - 1,1 м. В некоторых местах по обеим сторонам рва фиксировались меловые камни.

От самого начала рва и на протяжении нескольких метров по его линии обнаружены четыре меловых блока со следами обработки орудием типа тесла (кайла) с рабочим краем шириной 35-40 мм (такие же следы отмечены на стенках хозяйственных ям Мостищенского городища). В начале рва в заполнении (кв.23) и на полу (кв.22) найдены два блока длиной 0,7-1,05 м, шириной 0,2-0,4 м и толщиной 0,15-0,3 м в сечении овальной формы (рис. 66, 3; 69). Под ними и в 1,2 м к северо-востоку найдены фрагменты костей ребенка: под камнями – черепная крышка, северо-восточнее – два ребра, кость ноги и часть челюсти. В кв. 22 на полу найдены еще два подобных камня диаметром 0,3 м и длиной 0,7-0,75 м.

Вблизи рва не обнаружено каких-либо следов канавок или столбовых ямок, которые могли бы прояснить его назначение. Вопрос о времени возникновения рва решается обнаруженными в его заполнении находками. В кв.22 на полу рва найден терочник, типичный для укрепленных и неукрепленных поселений скифского времени Донской Лесостепи. Отнести ров к скифскому времени позволяют и его конструктивные признаки. Создается впечатление, что начавшиеся работы по сооружению укреплений по каким-то причинам прервались, хотя жертвоприношение ребенка было произведено (возможно, что это строительная жертва). С жертвоприношением связаны и каменные блоки в заполнении рва. Неясным остается вопрос о хронологической позиции рва по отношению к другим оборонительным укреплениям городища, поскольку стратиграфических данных на этот счет недостаточно.

Таким образом, исследование оборонительных укреплений Мостищенского городища позволяет в общих чертах реконструировать характер сооружений и последовательность их создания. Укрепления первого строительного периода представляли собой, вероятно, двойную линию обороны со стороны плато. Каждая из них состояла из рва и каких-то деревянных укреплений. Хотя материалов для определения времени сооружения укреплений на юго-западном краю городища у нас нет, тем не менее его пологий склон требовал их создания с самого начала жизнедеятельности на городище. Эти укрепления появились в виде рва с деревянной стеной и другими деревянными конструкциями. Раскопки показали, что подобная линия обороны отсутствует на противоположном – северо-восточном участке городища, так как значительная крутизна этой части мыса не требовала сооружения дополнительных защитных средств.

Укрепления второго строительного периода оказались более мощными. Если на юго-западном склоне они остались прежними, то со стороны плато были возведены валы с деревянными конструкциями и созданы новые рвы. При этом прежние деревянные конструкции или их остатки были демонтированы, а рвы, оставшиеся от укреплений первого строительного периода, вероятно, были засыпаны, о чем свидетельствуют данные стратиграфии.[1]

Выявленные в ходе раскопок система обороны и ее конструктивные признаки имеют массовые аналогии, как в памятниках скифского времени лесостепного Дона, так и всего Днепро-Донского лесостепного междуречья. Широкое применение мелового камня в качестве крепиды объясняется, вероятно, его обилием на площади городища. Там же, где строители укреплений имели дело с глинистым материком, для создания валов широко использовалась глина. И в том и другом случае древние строители исходили из экономии сил и средств, используя тот материал, который предоставила им природа.

---

[1] В.В.Степкин высказал предположение о возможности одновременного функционирования вала, внешнего рва и внутреннего рва с деревянной стеной, приведя реконструкцию подобного сооружения [Степкин В.В., 1996, с. 187,188, рис. 1,2]. В принципе, этого исключить нельзя. Нам же представляется более вероятным последовательное устройство оборонительных сооружений на городище. Подобная последовательность (от менее мощных к более сложным и внушительным укреплениям) отмечается и на других городищах лесостепного Дона – Большом Сторожевом, Русской Тростянке [Пузикова А.И., 1969, с. 45, 46]. Косвенно об этом же свидетельствуют и другие материалы городища, документирующие, по меньшей мере, два периода функционирования укрепленного поселка.

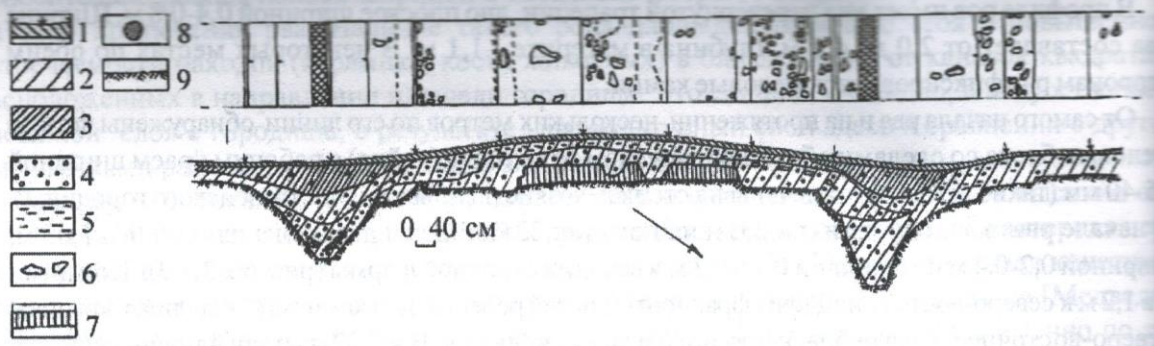


Рис. 62. Мостище 1. План и профиль внутренней линии укреплений. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – гумусированный чернозем; 4 – мел; 5 – глина; 6 – меловой камень; 7 – погребенная почва; 8 – столбовая ямка; 9 – материк

Рис. 63. Мостище 1. Внутренняя линия оборонительных укреплений (вид с юго – востока)

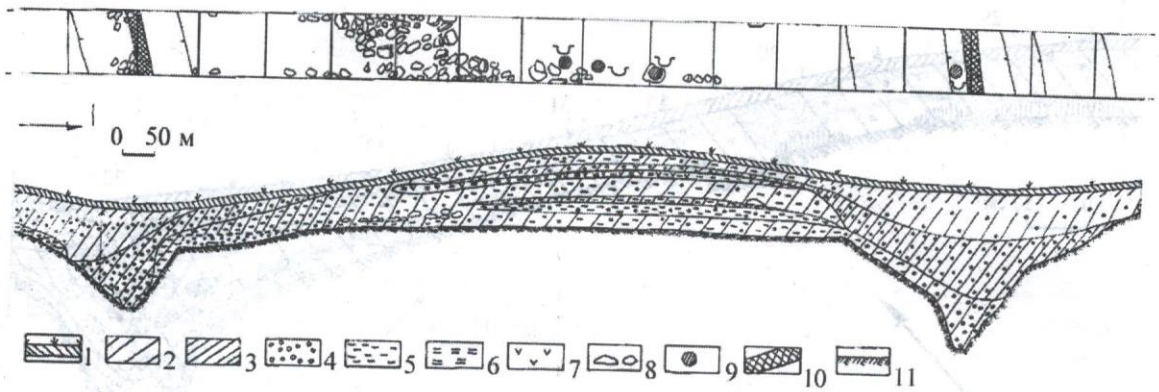


Рис. 64. Мостище 1. План и профиль внешних оборонительных укреплений. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – гумусированный чернозем; 4 – мел; 5 – глина; 6 – обожженная глина; 7-древесный уголь; 8 – меловой камень; 9 – столбовая ямка; 10 – дно рва; 11 – материк

Рис. 65. Мостище 1. Внешняя линия оборонительных укреплений (вид с юго – запада). На переднем плане – внешний ров, в центре – меловой камень

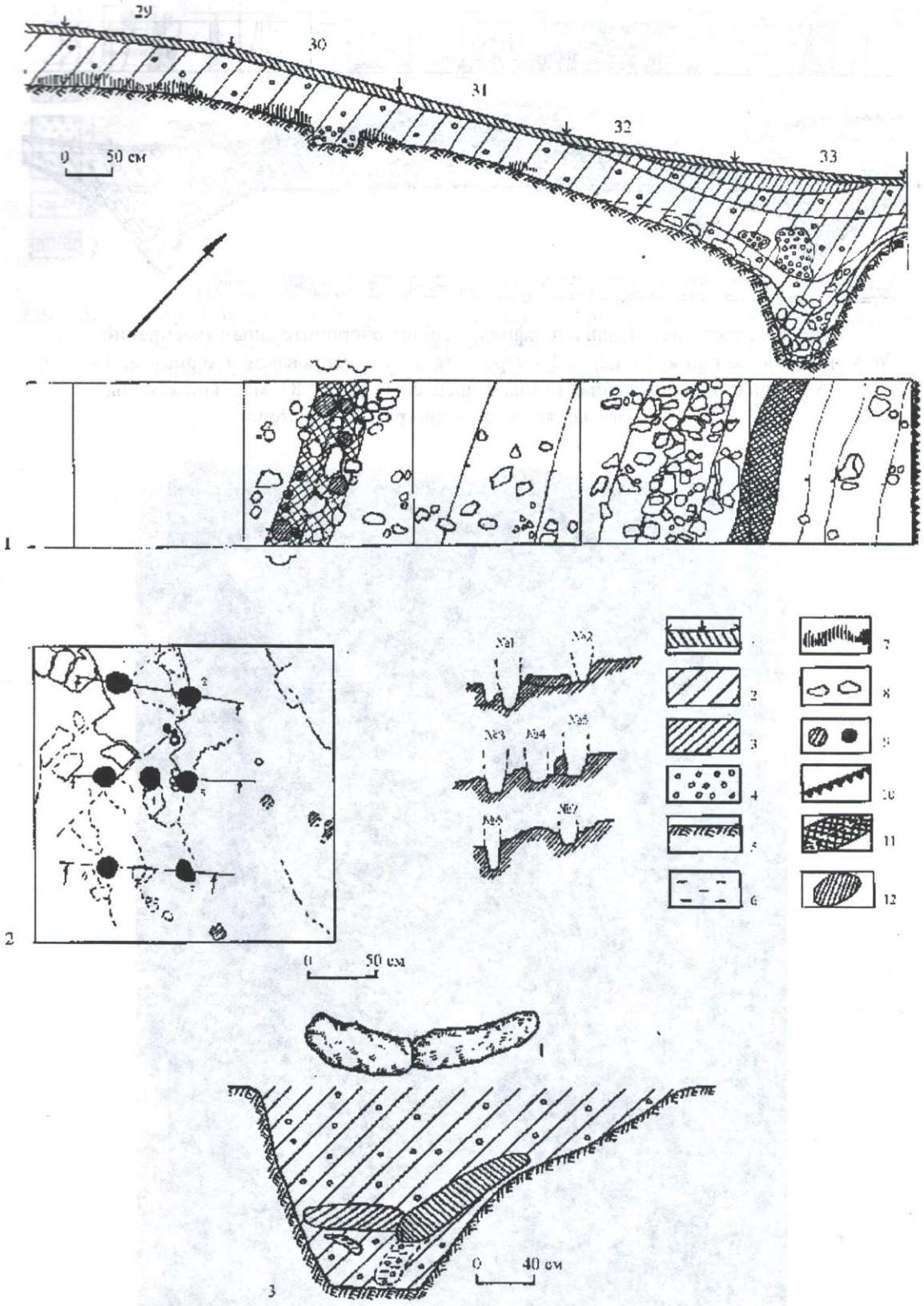


Рис. 66. Мостище 1. Оборонительные укрепления на юго – западном склоне. 1 – PI, 1993 г; 2 – PII, 1994 г. (по В. И. Гуляеву).

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – гумусированный чернозем; 4 – мел; 5 – материк; 6 – глина; 7 – чернозем с меловой пылью;8 – меловые камни; 9 – столбовые ямки; 10 – обнажение; 11 – канавки; 12 – камень меловой в профиле

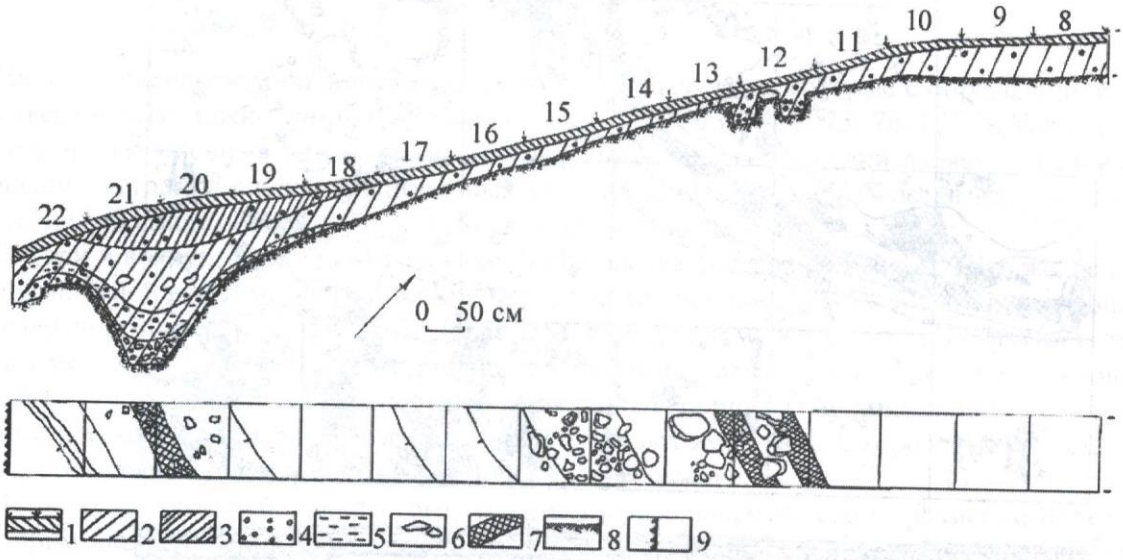


Рис. 67. Мостище 1. Оборонительные укрепления на юго – западном склоне (РШ,1993 г.). Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – гумусированный чернозем; 4 – мел; 5 – глина; 6 – меловой камень; 7 – канавка; 8 – материк; 9 – обнажение

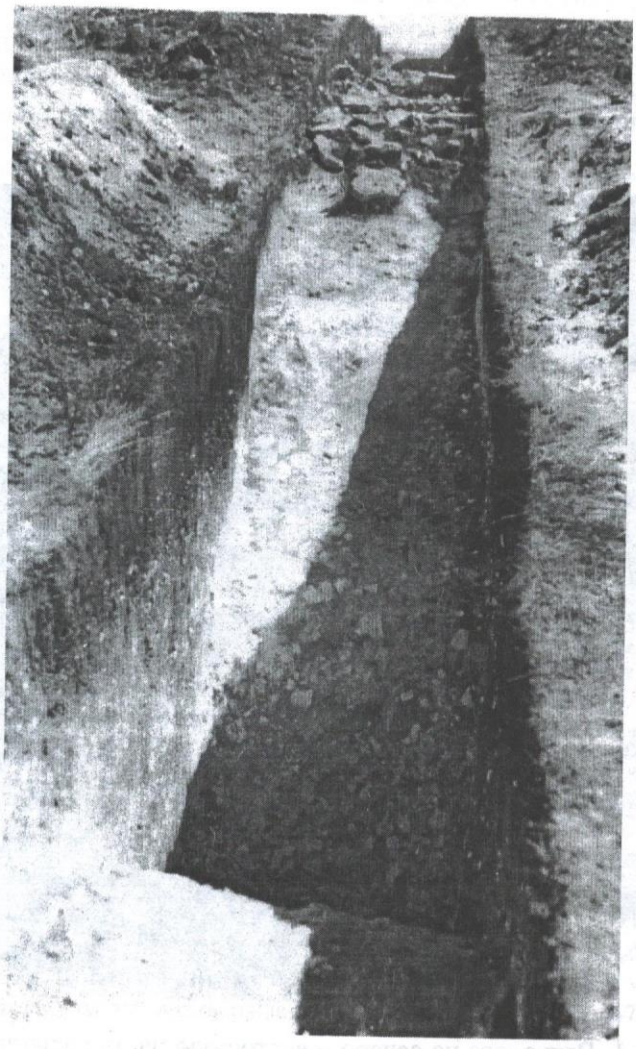


Рис. 68. Мостище 1. Оборонительные укрепления на юго – западном склоне

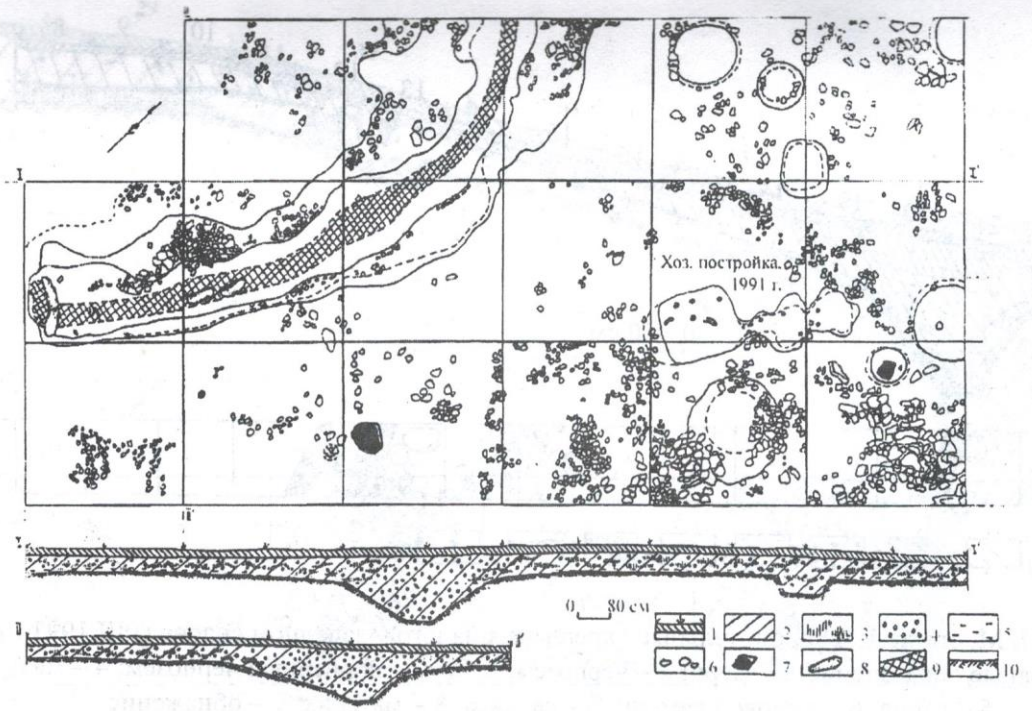


Рис. 69. Мостище 1. План и профили участка РШ, 1991 г. Уровень 2 штыка и материка. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – чернозем с меловой пылью; 4 – мел; 5 – глина; 6 – меловой камень; 7 – терочная плита; 8 – меловой блок; 9 – дно рва; 10 – материк

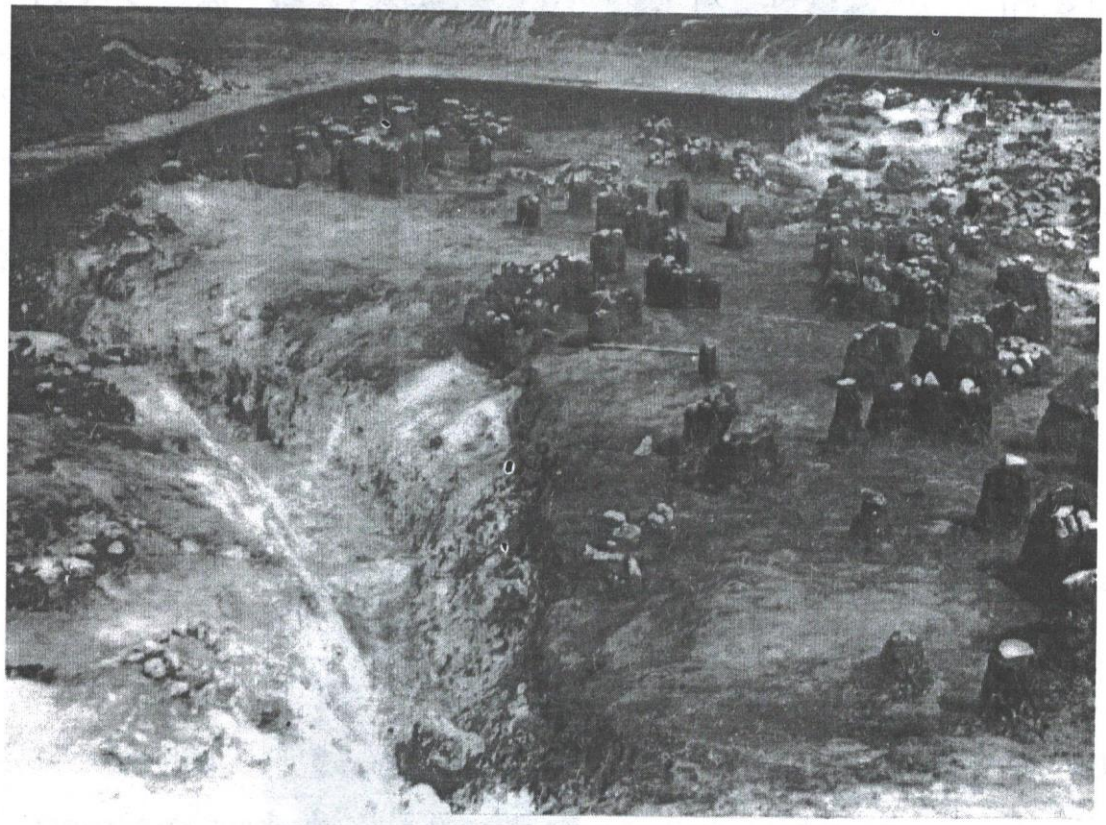


Рис. 70. Мостище 1. Вид с юга на северо – восточную часть раскопов II и III 1991 г. Слева – ров

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Жилища

На Мостищенском городище обнаружено восемь построек, которые с определенной долей уверенности можно считать жилыми (рис.71, 1; 72, 73; 74, 1; 75; 76, 1; 77). Как известно, одним из основных критериев выделения этого типа сооружений является наличие в площади постройки следов отопительных устройств. Однако следы костра внутри сооружения на городище обнаружены лишь однажды (постройка 1, 1986 г.).[1]

Внутри и вокруг других построек каких-либо следов костров не найдено. Что же касается повышенной встречаемости различного рода находок в постройках и вокруг них (дополнительный аргумент в пользу отнесения постройки к жилому типу), то такие факты хотя и имеют место, но каких-либо закономерностей не представляют. Тем не менее, мы склонны характеризовать обнаруженные постройки как жилые, принимая во внимание их конструктивные признаки (размеры, форму, наличие столбовых ямок и т.д.), хорошо известные как в лесостепном Подонье, так и Днепро-Донском междуречье.[2]

Не исключается возможность того, что к незначительным по своим размерам постройкам примыкали дополнительные сооружения типа навесов, сеней. Однако достоверных фактов, подтверждающих это предположение, не выявлено.

Отсутствие очагов в ряде случаев может быть объяснено наложением на постройки более поздних хозяйственных ям (постройки 2, 1986 г.; 3, 4, 6, 7, 1987 г.) или других построек (постройка 8, 1987 г.), которые могли их уничтожить. В других случаях эти факты можно объяснить неполной исследованностью некоторых сооружений (постройки 4 и 7, 1987 г.). Вместе с тем следует признать, что случайных фактов слишком много, чтобы не видеть в них определенные закономерности. Отсутствие следов очагов в постройках может быть объяснено их непостоянным, сезонным характером. Это наблюдение подтверждает и такой немаловажный факт, как полное отсутствие на городище каких-либо следов глиняной обмазки, столь характерной для долговременных жилищ. Куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев обнаружены на городищах лесостепного Дона (Волошино 1, Белая Гора 1, Кировское, [Пузикова А.И., 1969, с. 48, рис. 3, 11-14, с. 50; Гуляев В.И., 1992], в Посеймье (Марица, Переверзево) [Пузикова А.И., 1981, с. 14-31; Пузикова А.И., 1997, с. 24], на территории Днепровской Лесостепи [Ковпаненко Г.Т. и др.].

Форма выявленных на рассматриваемом памятнике жилых построек квадратная или прямоугольная. Вход обычно располагался со стороны склона мыса. Стены отвесные или чуть пологие, пол материковый (мел). Иногда он создавался из мелового камня (постройка 3, 1987 г.) (рис. 73, 1), а в постройке 1 (1986 г.) отмечена тонкая известковая обмазка. Около стен в отдельных постройках зафиксированы ямки от столбов и колышков – следы крепления деревянной облицовки стен. Столбы располагались чаще всего только у одной-двух стен, и лишь в постройке 1 (1986 г.) они оконтуривали помещение по периметру (рис.

---

[1] В течение разных лет раскопок нумерация обнаруженных построек усложнилась ввиду того, что исследователи обозначали их в каждом сезоне по-новому. Чтобы избежать путаницы, нами введена единая система нумерации.

[2] Так, мы сочли невозможным отнести к типу жилых несколько построек, которые не вписываются в него своими размерами. Постройка 1(1987 г.) имела площадь всего 4,0 м^2 (2,0 х 2,0 м); постройка 3 (1987 г.) – 2,6 м^2 (1,6 х 1,65 м); постройка 2 (1991 г.) – 3,0 м^2 (1,7 х 1,8 м). Подобные размеры вряд ли были свойственны жилищам даже малой семьи. На городище Марица в Посеймье, например, минимальные размеры жилых построек, принадлежность которых к таковым точно установлена, составили 10-12 м^2 [Пузикова А.И., 1981, с. 15], на Переверзевском городище - от 9,0 м^2 [Пузикова А.И., 1997, с. 24]. Схожие данные имеются и для исследованных жилищ Днепровской Лесостепи, в частности, Бельского городища [Шрамко Б.А., 1987, с. 55-69], Пастырского [Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.25]. В материалах лесостепного Дона это наблюдение также находит подтверждение [Пузикова А.И., 1969, с.47; Медведев А.П., 1999, с.79].

71, 1). По всей вероятности использовалась деревянная облицовка двух типов: плетневая, когда небольшие по диаметру столбовые ямки оконтуривали все помещение или его часть, располагаясь при этом близко друг от друга; облицовка плахами или бревнами, когда более крупные диаметром столбовые ямки находились у стен на значительном расстоянии друг от друга. Возможно, что оба конструктивных приема иногда сочетались, о чем свидетельствуют данные постройки 5 (1987 г.) (рис. 74, 1). В постройке 1 (1986 г.) (рис. 71, 1) три стены имеют частичную облицовку плахами или досками, от которых остались узкие удлиненные углубления в материке вдоль стен. Вдоль четвертой стены располагались 11 небольших по размерам столбовых ямок, служивших, вероятно, для закрепления плетневой облицовки. Подобные конструктивные приемы подробно освещены О.Н.Мельниковской на материалах милоградской культуры с привлечением этнографических данных [Мельниковская О.Н.,1967, с. 37].

По крайней мере шесть из восьми жилищ имели в центральной части округлые ямки для установки центрального опорного столба, который поддерживал навес. Применение центрального опорного столба в качестве одной из опор перекрытия жилища – не редкость для жилых построек скифского времени, в некоторых мостищенских жилых постройках выявлено только по одной центральной столбовой ямке (рис. 72; 73, 1), в других у противоположной стены имеется еще одна ямка меньших размеров (рис. 74, 1). В таких случаях кровля могла быть двух- и четырехскатной (рис. 78). Когда постройка не имела центрального опорного столба, кровля держалась каким-то иным способом, а сама постройка была более легкой.

Таким образом, жилые постройки Мостищенского городища однотипны и представляют собой сезонные, сравнительно небольшие по размерам наземные однокамерные сооружения с деревянным каркасом. Похожие жилища были широко распространены в Восточной Европе как в скифское время, так и в эпоху бронзы [Шрамко Б.А., 1987, рис. 19; Пузикова А.И., 1969, с.47; 1981, с. 14-22; Медведев А.П., 1999, с.79, с.85, рис. 41; Петренко В.Г., 1967, с.10; Моруженко А.А., 1968, с.170; Массон В.М., 1976, с.122 и др.].

Данные планиграфии показывают, что большая часть жилых построек тяготеет к краю городищенской площадки (северо-восточный участок), а меньшая - к центру. Так или иначе центральная часть городища оказывается не занятой ни постройками, ни хозяйственными ямами (рис. 79). Такая система расположения в общем характерна для городищ скифского времени Лесостепи. Причем, на раннем этапе существования укрепленных поселений (VII-VI вв. до н.э.) жилища обычно располагаются по краю площадки, а центральная часть остается незастроенной [Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 15; Пузикова А.И., 1981, с. 15; Пузикова А.И., 1997, с. 24; Медведев А.П., 1999, с. 82, рис. 38; Шрамко Б.А., 1962, с.184]. По наблюдениям А.П. Медведева, сделанными им на материалах Пекшевского городища на Верхнем Дону, постройки типа мостищенских (тип II по А.П. Медведеву) к IV-III вв. до н.э. концентрируются в центральной части городищенской площадки, т.е. прослеживается тенденция к более плотной застройке центра городища [Медведев, 1999, с. 80]. В связи с этим перспективно было бы, с учетом наличия на Мостищенском городище двух хронологических периодов существования укрепленного поселка попытаться выделить среди жилых построек более ранние (расположенные на краю площадки) и более поздние (тяготеющие к центральной части). Однако для такого разделения имеющегося материала явно недостаточно. Основной, а подчас - и единственный источник – керамика, найденная в постройках, не является основанием для хронологического разделения жилищ.

Как можно заметить, количество жилых построек на Мостищенском городище незначительно. Конечно, установить их реальное число удастся лишь при условии исследования всей площади памятника. Сравнительно недавно А.П. Медведев в своей обобщающей работе попытался установить количество жилых построек, а на основе этого - и численность обитателей городищ лесостепного Дона [Медведев А.П., 1999, с.65, табл. 3]. Среди рассматриваемых им памятников фигурирует и Мостищенское городище. Методика основана на сопоставлении общей и раскопанной площади памятника, количества найденных жилищ

и их средней площади. Работа в этом направлении, безусловно, перспективна, но требует не только учета многих факторов, но и разработанной методики исследования. Полученные же исследователем данные по Мостищенскому городищу не бесспорны. И дело здесь не только в том, что автор пользуется неверным, заниженным почти в два раза показателем площади памятника (1,3 вместо 2,4 га) раскопанной площади (3000 м^2 вместо более чем 3700 м^2), хотя уже поэтому итоговые цифры представляются явно завышенными. По расчетам исследователя количество построек на Мостищенском городище должно составлять 39 единиц, а численность проживавших в них жителей – 195 человек [Медведев А.П., 1999, с.65, табл. 3]. С учетом же истинной площади памятника в 2,4 га эти цифры придется увеличить почти в два раза и определить расчетное число построек в более чем 75 единиц, а число жителей - до 400 человек. Обратимся к тем материалам памятника, которые противоречат подобным расчетам.

Жилые постройки городища (во всяком случае, найденные) располагаются за внутренней линией обороны, где исследованная площадь составляет более 40 %, и именно здесь наблюдаются следы активной жизнедеятельности: культурный слой насыщен находками, найдены хозяйственные постройки и ямы. Теоретически на этом участке можно разместить 15-20 жилищ вместе с хозяйственными постройками, учитывая общую тенденцию в расположении жилищ (главным образом, по краю городищенской площадки).

Иная ситуация отмечается на площади между внешней и внутренней линиями укреплений. С внешней стороны внутренней линии у северо-восточного склона хозяйственная жизнь шла активно. Здесь культурный слой насыщен находками, встречаются хозяйственные сооружения (рис. 69). Но далее к внешней линии обороны, как показали раскопки, культурный слой составляет уже не более 0,2-0,25 м и он либо слабо насыщен находками, либо не содержит их вовсе. В раскопе III (1993 г.), заложенном между внешней и внутренней линиями обороны на юго-западном склоне городища, находок скифского времени не оказалось, как и при исследовании внешней линии обороны. В раскопе III (1990 г.) на площади 29,0 м^2 не обнаружено ни одной находки скифского времени. Отсутствуют находки и на значительном по площади распахиваемом участке. Представляется, что ожидать здесь обнаружения жилых построек (а именно здесь пришлось бы разместить большую часть жилищ из предполагаемых 50-ти) не приходится, хотя исключить наличие здесь жилищ, конечно, нельзя.

И еще одно обстоятельство. При расчетах численности населения на среднедонских городищах (Мостищенском в том числе) по отмеченным показателям не учитывается хронологический фактор. В итоге количество жителей на Мостище воспринимается как единовременный фиксированный показатель. Между тем, на этом памятнике неоднократно установлены факты, когда жилища перекрывали хозяйственные ямы, частично разрушая их, или ямы налагались на жилые постройки. Постройка 3 (1987 г.) была, например, перекрыта меловой кладкой, что предполагает преднамеренное завершение ее использования. В свою очередь, эта меловая кладка была разрушена двумя более поздними хозяйственными ямами с функционированием которых связаны, возможно, уже другие вновь построенные жилища (или жилище) (рис. 80). Иначе говоря, мы не можем быть уверены в единовременном функционировании всех обнаруженных на городище жилищ. К тому же стратиграфические данные показывают наличие, по крайней мере, двух хронологических периодов жизнедеятельности на городище. С учетом вышеизложенного мы полагаем, что жилых построек на городище вряд ли было более полутора десятка, и при этом функционировали они не одновременно.

Различная концентрация жилых построек и хозяйственных сооружений на городищах лесостепного Дона наводит на мысль о том, что подобные памятники (обитаемые городища) различались не только своими размерами, но и различной степенью жизнедеятельности, а возможно, и той ролью, которую они играли в жизни населения целой округи. Пока же нет оснований для вывода о взаимозависимости площади городища и количества жилых построек на нем, а, следовательно, и численности населения. Хорошо исследованные горо-

дища типа Марицы в Посеймье, Пекшевского на Верхнем Дону дают лишь один из вариантов, который не может быть «стандартом» для всех подобных памятников. Думается в связи с этим, что, например, на городище Волошинском 1 вовсе необязательно должны были проживать те 1600 человек, которые оказались там путем расчета исследованной площади (4000 м^2 из 16 га) и числа обнаруженных на ней жилищ (восемь единиц) [Медведев А.П., 1999, с. 65, табл. 3].

Ниже приводится более подробная характеристика жилищ Мостищенского городища. Отметим, что их остатки относительно хорошо сохранились в виду наличия твердого материка - монолитного мела.

Жилище 1 (1986 г.). Расположено на средней площадке северо-восточного участка городища на его краю, на склоне (рис. 61; 71, 1). Это обстоятельство заставило строителей выравнивать пол путем углубления материка со стороны мыса и подрезки его со стороны склона. Постройка представляет собой яму почти квадратной формы с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. Длина северо-западной стенки 4,3 м, юго-западной 4,5 м, северо-восточной 4,6 м, юго-восточной 4,7 м. Юго-восточная стенка углублена в материк на 0,5 м, противоположная поднята на 0,1 м. Пол ровный. Площадь постройки составляет 20,25 м^2.

Вход шириной 1,6 м находился со стороны склона и был обмазан тонким слоем материковой глины с известковыми включениями, а также какими-то органическими волокнами, скреплявшими этот состав. Такая же обмазка фиксировалась и на отдельных участках самой постройки.

По центру жилища расположена опорная столбовая яма цилиндрической формы диаметром 0,55-0,6 м и глубиной 0,55 м в материке.[1] В ее заполнении обнаружено несколько меловых камней забутовки столба. По периметру пола находились столбовые ямки диаметром 0,08-0,25 м и глубиной 0,05-0,2 м. Вдоль северо-западной и северо-восточной стенок устроены неглубокие канавки длиной 0,35-1,25 м, шириной 0,05-0,1 м и глубиной 0,05-0,1 м. Заполнение их отличалось сильно гумусированным слоем чернозема, что, вероятно связано с присутствием тлена деревянных плах, досок обшивки стен.

Между юго-западной стенкой и столбовой ямой полукольцом располагались небольшие ямки диаметром 0,05-0,1 м и глубиной до 0,1 м. Вместе с находившимся здесь же камнем они оконтуривали очаг - небольшую площадку округлой формы диаметром до 0,75 м. На ней отмечены следы сильного прокала материковой глины, зола и древесные угольки. Над очагом, вероятно, был устроен навес на небольших кольях, от которых и остались ямки.

В заполнении постройки и на полу найдены: 21 венчик, 13 днищ, 226 стенок лепной керамики скифского времени, 88 костей животных, бронзовая нашивная бляшка с тремя парами отверстий (рис. 101, 1).

У юго-западного угла постройки с внешней стороны находилась хозяйственная яма, возможно связанная конструктивно с жилищем.

Жилище 2 (1986 г.). Расположено на средней площадке несколько юго-западнее ее центральной части (рис. 61). Представляло собой яму прямоугольной формы 4,2 х 4,7 м с закругленными углами глубиной 0,2-0,25 м от уровня материка. Жилище ориентировано углами по сторонам света (рис. 72). Вход располагался у восточного угла со стороны центра площадки и имел вид неровного отростка с пологим углублением шириной до 1,05 м.

В центре постройки находилась яма от опорного столба цилиндрической формы, диаметром 0,5 м и глубиной 0,5 м. Между входом и центральной ямой находилась яма прямоугольной формы 0,35 х 0,6 м и глубиной 0,15 м с наклонными ко дну стенками. Пять столбовых ямок цилиндрической формы диаметром 0,15-0,2 м и глубиной 0,08-0,25 м обнару-

[1] Здесь и далее глубины столбовых ям даны от уровня пола построек.

жены у юго-западной стенки. Заполнение всех найденных в жилище ям однородно – чернозем с меловой крошкой.

Очага не обнаружено, но не исключено, что он разрушен двумя ямами, врезавшимися в северо-западную стенку постройки, явно не одновременными жилищу. Еще одна яма более позднего происхождения, чем постройка, частично разрушила северный ее угол.

У восточного угла на полу располагался крупный валун с плоской обработанной поверхностью. В заполнении и на полу постройки найдены три венчика, три днища, 111 стенок лепных сосудов скифского времени, 81 кость животных.

Жилище 3 (1987 г.). Обнаружено на северо-восточном склоне средней площадки городища (рис. 61). Представляет собой прямоугольную площадку 3,8 х 4,0 м на выступающем скальном останце, ориентированную длинной осью по линии запад-восток (рис. 73, 1). Северо-восточная часть уничтожена хозяйственными ямами более позднего происхождения. Пол постройки представляет собой меловую каменную вымостку, приподнятую над материком на 0,1 м. В центре постройки – столбовая ямка цилиндрической формы диаметром 0,2 м и глубиной 0,1 м, заполнение которой состояло из чернозема с обильной примесью меловой крошки. Находок в пределах постройки не обнаружено.

Жилище 4 (1987 г.). Обнаружено в пяти метрах к северо-западу от постройки 3, на северо-восточном склоне средней площадки городища (рис. 61). Представляет собой яму прямоугольной формы 4,4 х 4,8 м и глубиной в материке 0,3 м, ориентированную длинной осью по линии запад-восток (рис. 73, 2). Вход фиксируется по уклону материка с севера, т.е. со стороны склона мыса.

В центре жилища отмечена ямка цилиндрической формы диаметром 0,3 м и глубиной 0,25 м. Рядом с ней расположено небольшое углубление округлой формы диаметром 1,2 м, оконтуренное с двух сторон меловыми камнями. Еще одна ямка цилиндрической формы диаметром 0,3 м и глубиной 0,1 м находилась у западной стенки близь южного угла. Заполнение обеих ямок состояло из чернозема с обильной примесью меловой крошки.

На полу жилища имеются три хозяйственные ямы. Одна из них (ближе к юго-восточной стенке) чуть врезана в материк. Ее диаметр 1,1 м. Вторая яма примыкает к юго-западному углу. Она круглой формы диаметром 0,8 и глубиной 0,2 м. Третья яма примыкала, видимо, к восточной стенке и заходила в площадь постройки частично. Заполнение ям состояло из чернозема с примесью меловой крошки.

За пределами постройки близ южной стенки найдена столбовая ямка цилиндрической формы диаметром 0,2 м и глубиной 0,25 м, видимо конструктивно связанная с постройкой. Заполнение – чернозем с меловой крошкой.

В заполнении и на полу жилища обнаружено более десятка стенок лепных сосудов скифского времени.

Жилище 5 (1987 г.). Расположено на верхней площадке к западу от центральной части городища (рис. 61). Представляет собой прямоугольной формы яму с закругленными углами 3,45 х 4,2 м, ориентированную длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. Глубина ее в восточной части - 0,5 м, в сторону склона пол выравнивается и сходит на нет (рис. 74, 1). Со стороны склона (с севера) выявлен вход в постройку в виде отростка, выступающего от стены на 0,5 м при ширине 1,6 м (у стены). Глубина его в материке составляет 0,05 м.

В центре сооружения имеется столбовая ямка цилиндрической формы диаметром 0,35 м и такой же глубины. Кроме того, четыре столбовые ямки аналогичной формы диаметром от 0,12 до 0,2 м и глубиной 0,06-0,14 м отмечены у юго-западного угла. Еще шесть ямок, только меньшего диаметра (0,05-0,06 м), обнаружены вдоль северо-восточной стенки, а одна - поодаль от нее. Вероятно, в данную конструкцию входят и ямки, примыкающие с внешней стороны постройки и расположенные по ее краю, образуя как бы второй ряд опорных столбов. Их диаметр 0,1-0,3 м, глубина до 0,3-0,48 м. Видимо, система ямок в этой части жилища – следы от опорных столбов какой-то конструкции (нары, стол). Яма, по всей вероятности, хозяйственного назначения находи-

лась за юго-восточной стенкой напротив центра. Она овальной формы 0,4 х 0,55 м и глубиной 0,25 м.

У юго-восточной стенки расположена овальная яма 0,68 х 1,05 м, глубиной 0,5 м, в которой находились две округлые ямки цилиндрической формы диаметром 0,35 - 0,4 м, углубленные в пол овальной ямы на 0,1-0,2 м. Заполнение всех ямок состояло из чернозема с примесью меловой крошки.

В заполнении постройки и на полу обнаружено несколько десятков фрагментов лепных сосудов скифского времени и около 80 костей животных.

Жилище 6 (1987 г.). Обнаружено на стрелке мыса на нижней площадке (рис. 61). Представляет собой яму прямоугольной формы 3,4 х 4,0 м с закругленными углами, ориентированную длинной осью по линии запад-восток. Постройка углублена в материк на 0,1 м. Пол сильно утрамбован, а в западной части на нем лежали меловые камни (рис. 75, 1). В площадь постройки вписались три хозяйственные ямы, отношение которых к постройке не ясно.

На полу жилища найдены фрагменты не менее чем от трех лепных сосудов скифского времени.

Жилище 7 (1987 г.). Находилось в южной части центральной площадки, примыкая к внутренней линии обороны со стороны внутреннего рва (рис. 61). Представляет собой яму квадратной формы с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. Размеры сторон - 4,2 м, глубина в материке - 0,12-0,2 м (рис. 75, 2). Следов очага и входа не обнаружено. В площади постройки расположены две хозяйственные ямы. Их отношение к жилищу не ясно.

На полу найдено 10 венчиков, 5 днищ, 144 стенки лепных сосудов скифского времени, 14 фрагментов керамики эпохи бронзы и более 200 костей животных.

Жилище 8 (1987 г.). Расположено на верхней площадке в центральной части городища рядом с постройкой 5 (рис. 61). Представляет собой яму почти квадратной формы 3,45 х 3,7 м с закругленными углами и углубленную в материк на 0,35 м. Постройка ориентирована углами по сторонам света (рис. 76, 1). Возможно, что у северо-западной стенки находился вход. Здесь расположено небольшое (0,1 м от пола жилища) углубление в виде прямоугольника с закругленными углами шириной 0,65-0,9 м и длиной 1,1 м, располагавшееся почти поперек северо-западной стенки. В восточном углу находилась овальной формы ямка 0,75 х 0,95 м и глубиной 0,3 м.

У юго-восточной стенки отмечено девять ямок цилиндрической формы для установки столбов. Их диаметр 0,08-0,16 м, глубина - 0,05-0,1 м. Две аналогичные ямки зафиксированы у южного угла жилища с наружной стороны.

У юго-западной стенки находился искусственно подрезанный меловой останец округлой формы диаметром 1,0 м, который был поднят над уровнем пола на 0,2 м. Возможно, это под печи, однако каких-либо следов огня (золы, углей) не обнаружено.

В заполнении и на полу жилища найдены 32 венчика, 14 днищ, более 360 стенок лепных сосудов скифского времени, пять фрагментов керамики эпохи бронзы и более 500 костей животных.

Хозяйственные постройки

Кроме рассмотренных нами жилищ, на Мостищенском городище выявлены и другие постройки, вероятно хозяйственного назначения, основные данные которых приведены ниже.

Хозяйственная постройка 1 (1987 г.). Располагалась в центральной части городища на верхней площадке рядом с жилищем 8, 1987 г., частично разрушив его западный угол (рис. 76, 1). Имеет вид ямы квадратной формы 2,0 х 2,0 м с закругленными углами и глубину от 0,05 (со стороны уклона) до 0,3 м. Постройка ориентирована углами по сторонам света с некоторым отклонением.

У северной стенки отмечено овальной формы углубление 0,3 х 0,75 м глубиной 0,25 м, направленное длинной осью вдоль северной стенки постройки. По ее сторонам на-

ходилось по две ямки цилиндрической формы диаметром 0,12-0,15 м и глубиной 0,08 м. Еще одна подобная ямка диаметром 0,1 м и глубиной 0,06 м отмечена у западной стенки. Заполнение ямок состояло из чернозема с примесью меловой крошки.

В заполнении и на полу найдены три венчика, одно днище и около 30 стенок лепных сосудов (сосуда?) скифского времени, а также более 30 костей животных.

Не исключено, что хозяйственная постройка функционировала одновременно с жилищем 8.

Хозяйственная постройка 2 (1991 г.). Обнаружена на верхней площадке между внешней и внутренней линиями обороны (рис. 69). Представляет собой яму почти квадратной формы 1,7 х 1,8 м с закругленными углами, глубиной 0,45 м в материке, ориентированную углами по сторонам света с небольшим отклонением (рис. 71, 2). С северо-востока к яме примыкает вход длиной до 3,0 м и шириной от 0,4 до 1,3 м, с пологими стенками неровных очертаний. Его глубина до 0,2 м. Во входе ближе к северо-западной стенке находилось пять, а у юго-восточной стенки - две ямки от столбов диаметром до 0,15 м и глубиной до 0,1 м. Одна из них округлая, другая - овальная. Аналогичные восемь ямок обнаружены у северо-западной стенки. Четыре из них перекрыли друг друга. Заполнение состояло из чернозема с примесью меловой крошки.

В заполнении и на полу постройки найдены два десятка фрагментов лепных сосудов скифского времени, среди которых находились и фрагменты мисок (рис. 93, 4; 96, 7), две стенки сосуда бондарихинской культуры, каменный терочник и до десятка костей животных.

Хозяйственная постройка 3 (1987 г.). Находилась на верхней площадке юго-западнее центральной части городища, неподалеку от жилищ 5 и 8 (рис. 74, 2). Представляла собой яму квадратной формы 1,6 х 1,65 м с закругленными углами и глубиной 0,2-0,35 м, ориентированную углами по сторонам света. В центре постройки располагалась столбовая ямка цилиндрической формы диаметром 0,15 м и глубиной 0,1 м, заполненная черноземом с меловой крошкой. В северном углу находилась яма цилиндрической формы диаметром 0,45 м и глубиной до 0,15 м, имевшая аналогичное со столбовой ямкой заполнение.

В заполнении постройки и на полу найдены: венчик, днище, до 80 стенок лепных сосудов скифского времени, до десятка фрагментов лепной керамики эпохи бронзы и около 180 костей животных.

Хозяйственная постройка 4 (1987 г.). Располагалась на стрелке мыса, на нижней площадке вблизи жилища 6 (рис. 76, 4). Представляла собой яму прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами 0,9 х 2,3 м глубиной от 0,3 до 0,9 м в материке, ориентированную длинной осью по линии запад-восток. В западной части находилась овальной формы яма 0,35 х 0,6 м и глубиной до 0,9 м от верхнего уровня материка. В противоположном углу устроена кладка из двух меловых блоков на глубину 0,2 м. В черноземном заполнении с обильной примесью меловой крошки находок не оказалось.

Хозяйственная постройка 5 (1990 г.). Находилась на западной окраине средней площадки раскопа I 1990 г. Этот участок разрушен обвалом материка. уничтожившим и западный ее участок (рис. 81). Постройка представляет собой выкладку из мелового необработанного камня примерно 5,0 х 5,0 м прямоугольной (возможно и квадратной) формы, ориентированную по сторонам света. Под камнями, лежавшими на материке, каких-либо столбовых ямок или канавок не обнаружено. С восточной стороны к меловой кладке пристроен своеобразный «вход» шириной 1,0-1,3 м и длиной до 2,0 м, ведущий к хозяйственной яме. Заполнение ее состояло из чернозема, меловой крошки, меловых камней и находок не содержало.

С юго-востока к постройке примыкают еще один проход (ширина примерно 2,0 м) и три хозяйственные ямы.[1] Находок, уточняющих характер постройки, не обнаружено.

[1] Типологическую классификацию хозяйственных ям см. далее по тексту.

Овины

Эти сооружения предназначались для огневой сушки зерна (снопов). На столбах, установленных шалашом, размещались снопы, а изнутри разводился костер. Два таких сооружения, которые, судя по аналогиям [Шрамко Б.А., 1987, с.73,74, рис.27,6], можно интерпретировать как овины, обнаружены на Мостищенском городище. Судя по их заполнению и материалу, найденному на полу, после своего первоначального использования они стали мусорными ямами.

Овин 1 (1987 г.) Располагался на верхней площадке в юго-западной части городища, невдалеке от постройки 7. Представляет собой прямоугольную яму с сильно закругленными углами 1,8 х 2,5 м, углубленную в материк на 0,35 м и ориентированную углами по сторонам света (рис. 76, 2). В северо-западной части постройки располагался пологий спуск (возможно вход). В помещении по периметру находились 10 столбовых ямок цилиндрической формы диаметром 0,15-0,3 м и глубиной 0,08-0,1 м. Заполнение овина состояло из чернозема с меловой крошкой. В нем и на полу постройки обнаружены три венчика и три стенки сосудов эпохи бронзы, один венчик и полтора десятка стенок лепных сосудов скифского времени, 60 костей животных.

Овин 2 (1987 г.). Находился на верхней площадке в северо-восточной части городища у склона. Представляет собой овальную в плане яму 1,35 х 1,65 м и глубиной 0,55 м, со входом с северо-востока (рис. 76, 3). Длина входа составляет 0,8 м, а ширина 0,95-1,2 м. Он имел несколько ступенек, доходя до пола ямы. По периметру помещения располагались пять столбовых ямок цилиндрической формы диаметром 0,1-0,12 м и такой же глубины, имевших уклон к центру помещения. Заполнение их – чернозем с меловой крошкой.

Рядом со входом находилась хозяйственная яма, возможно, конструктивно связанная с овином. Еще две подобные ямы размещались у восточной стенки.

В заполнении овина найдены три фрагмента керамики скифского времени и шесть костей животных.

Хозяйственные ямы

Являются наиболее массовыми строительными остатками на городище. На исследованной площади обнаружено 117 ям хозяйственного назначения. Форма и размеры их различны, что указывает и на различное функциональное назначение подобных сооружений. Ямы, имеющие узкую горловину и расширяющуюся нижнюю часть, судя по наблюдениям этнографов и археологов, могли служить хранилищами для зерна. Об использовании подобных сооружений для этих целей сообщают некоторые античные источники [Colum.,De re rust., 1; 6,15]. Плиний по этому поводу писал, что в таких ямах зерна пшеницы хранятся 50, а проса - до 100 лет [Plin., Nat. Hist., ХМШ, 306]. Эти сроки исследователям представляются завышенными, так как из-за биологических условий зерновые ямы могут функционировать не более пяти лет [Монгайт А.Л., 1974, с.224, прим., 153].

Письменные сообщения о зерновых ямах находят подтверждение в мостищенских материалах. В заполнении пяти из шести ям, содержание которых было взято на палеоботанический анализ, были обнаружены остатки семян культурных растений – проса, ячменя, пшеницы-двузернянки, а также гороха [Лебедева Е.Ю.,1999, с. 126; 2001, с. 188]. На занятие жителей поселка земледелием указывают и находки зерновок из культурного слоя городища. Правда, в последних публикациях [Лебедева Е.Ю., 2000; 2001], посвященных мостищенским материалам, Е.Ю.Лебедева высказывает все большее сомнение в том, что хозяйственные ямы Мостища использовались в качестве зернохранилищ (хотя, не совсем ясно, относится этот вывод ко всем хозяйственным ямам, или только к тем шести, из которых были взяты пробы) [Лебедева Е.Ю., 2001, с. 191]. Исследователь привела и соответствующую систему доказательств на этот счет [Лебедева

Е.Ю., 2001, с.191]. При этом обращается внимание на то, что малое количество зерен в нижних горизонтах заполнения (наиболее диагностичных для зерновых ям), равномерность концентрации зерен не позволяют видеть в них следов былых зерновых скоплений. Е.Ю. Лебедевой представляется маловероятным и то, чтобы яму глубиной 0,7-1,0 м могли бы очистить от зерна почти полностью.

Безусловно, тщательно проведенный специалистом анализ внушает доверие. Однако выводы, сделанные на основании изучения заполнения всего лишь шести ям (5 %) представляются недостаточно корректными. Все исследованные ямы без какого-либо разделения на типы почему-то априори были отнесены к зерновым, а когда в них не обнаруживаются яркие признаки зернохранилищ, делаются выводы о возможности отсутствия таковых.

Между тем Б.А. Шрамко, например, выделяет на Бельском городище различные типы ям, отмечая их различное функциональным назначением: зерновые (с узкой горловиной и расширяющейся нижней частью); глубокие цилиндрические универсального назначения (для хранения припасов, мусора и даже для содержания молодых животных); погреба [Шрамко Б.А., 1987, с.75]. Он же отмечает и то, что большинство ям впоследствии, после выполнения своих прямых функций, превращались в мусорные свалки. Ожидать в них обильных остатков зерна не приходится. О том, что далеко не все ямы хозяйственного назначения предназначались для хранения зерна, свидетельствует различная форма сооружений, за которой скрывается, вероятно, и различное их функциональное назначение. О возможности использования хозяйственных ям (вероятно уже после выполнения своей основной функции) по иному назначению, например, для выплавки металла, свидетельствуют некоторые весьма неожиданные фактические данные (см. статью В.В.Килейникова в Приложении). Поэтому, как нам представляется, дальнейшие исследования в направлении выявления зерновых ям требуют учета и такого признака, как тип хозяйственной ямы.

Занятие жителей Мостищенского городища земледелием (какого бы качества ни были зерновые остатки) не вызывает сомнений, в чем в общем уверена и Е.Ю.Лебедеваа [Лебедева Е.Ю., 2001, с. 191-192]. Другой важный вопрос, поставленный исследователем - об уровне и масштабах земледельческого хозяйства у скифоидных племен Лесостепи. Без специальных методов исследования (а именно ими успешно и плодотворно занимается Е.Ю.Лебедева) решить этот вопрос вряд ли удастся. Однородное заполнение большинства ям (керамика с костями животных) наводит на мысль о том, что после какого-то срока действия они превращались в места сброса мусора.

Планиграфически хозяйственные ямы располагаются большей частью гнездами по 3-6 единиц (рис. 80-82). Иногда удавалось проследить столбовые ямки рядом с этими скоплениями, что свидетельствует о возможности устройства над поселениями специальных навесов.

В основу типологической классификации хозяйственных ям, предложенной ниже, положена разработка Б.А.Шрамко, осуществленная им на материалах Бельского городища [Шрамко Б.А., 1987, с.75-82]. В результате выделено семь типов хозяйственных ям, различающихся по форме. Варианты выделены на основании наличия некоторых конструктивных деталей, не меняющих принципиальной формы сооружения. Глубины даны от уровня материка.

Тип I. Цилиндрические. Ямы в плане округлой, в сечении прямоугольной формы, с вертикальными стенками и плоским дном (рис. 83, 1). Насчитывается 12 сооружений подобного типа (10,3 %).

Форма устья обычно округлая, реже овальной формы. Диаметр его - от 0,5 до 1,8 м, глубина ям - от 0,04 до 0,6 м, но чаще всего - 0,2-0,3 м.

Тип II. Усеченно-конические вершиной вверх. Ямы в плане округлой формы с расширяющимися ко дну стенками (рис. 83, 2-4). Дно плоское, иногда с небольшим покатом к центру (ямы варианта 1). Ямы варианта 2 – имеют небольшой подбой материка, образующий вход. Ямы варианта 3 – с подбоем материка вокруг всего устья.

Б.А.Шрамко интерпретирует подобные сооружения (ямы с подбоями, со ступеньками) как погреба [Шрамко Б.А., 1987, с.72-73]. Иногда на полу сооружений отмечаются ямки, похожие на столбовые, но с полусферическим дном (рис. 83, 3,4).

Диаметр устья ям этого типа - от 0,4 до 1,8 м, пола – от 0,65 до 2,05 м, глубина - от 0,25 до 1,2 м. Это самый представительный тип среди мостищенских хозяйственных ям - 75 сооружений (64,1 %).

Тип III. Цилиндроконические. Округлые в плане ямы со стенками, которые сначала опускаются вертикально, а затем расширяются, как у сооружений типа II (рис. 83, 5). Яма этого типа встречена в единственном экземпляре, хотя в реальности, учитывая слой грунта над ямами, таковыми могли быть и некоторые сооружения типа II. Диаметр устья - 1,3 –1,35 м, дна - 1,65 м, глубина 1,15 м.

На дне обнаружено шесть небольших округлых ямок для столбиков, вероятно поддерживавших навес.

Тип IV. Грушевидные. Округлые в плане ямы со стенками, которые идут вертикально, а затем расширяются как у сооружений типа III. Дно же имеет ярко выраженную полусферическую форму (рис. 83, 9). Обнаружены две ямы типа IV (1,7 %). Обе они обширные и глубокие: диаметр устья - 1,2-1,4 м, дна - 1,2-1,7 м, глубина - 0,65-0,8 м.

Тип V. Корытообразные. Ямы в плане округлой, овальной формы и с пологими стенками, плавно переходящими в плоское дно (рис. 83, 6-8,10). Большинство ям данного типа имеет именно такую форму (вариант 1). Выделяются также ямы со ступенькой у одной из сторон (вариант 2). Диаметр устья ям - 1,0-2,5 м, глубина - 0,12-0,7 м. Выделено 18 сооружений типа (15,4 %).

Одна из ям уникальна тем, что ее стенки облицованы меловым плиточным камнем на глинистом растворе (рис. 83, 8).

Тип VI. Округлые в плане ямы с подбоем при сохранении вертикальной стенки (рис. 84, 2). Выделено семь таких сооружений (6,0 %). Диаметр их устья 0,7-1,3 м, дна 0,75-1,75 м, глубина 0,1-0,6 м.

Тип VII. Округлые в плане ямы с прямой и пологой стенами (рис. 84, 1). Выделено два сооружения такого типа (1,7 %). Диаметр устья и дна ям - 2,0-2,3 м, глубина - 0,75-1,0 м.

Таблица 7

Типы хозяйственных ям и их представительность

Типы	I	II	III	IV	V	VI	VII	Итого
Количество	12	75	1	2	18	7	2	117
%	10,3	64,1	0,8	1,7	15,4	6,0	1,7	100

Прочие сооружения хозяйственного назначения

Кроме отмеченных выше остатков жилых и хозяйственных строений на средней площадке городища зафиксирована вымостка из дикого мелового камня (рис. 80). Ее ширина примерно 10,0-12,0 м и длина до 15,0 м, прямоугольных очертаний, ориентирована по линии запад-восток. Камни залегали в один слой на одном уровне – сразу под дерном. В одних местах выкладки камни располагались почти впритык друг к другу, а в других местах между ними имелись разрывы.

О принадлежности сооружения именно к скифскому времени свидетельствуют стратиграфические данные: выкладка перекрыла погребение 5 и постройку 3, а в ее площадь, в свою очередь, врезались более поздние хозяйственные ямы, разрушив, таким образом, ее часть. Назначение сооружения установить трудно, но его принадлежность хозяйственным объектам более чем вероятна, например, для просушки снопов.

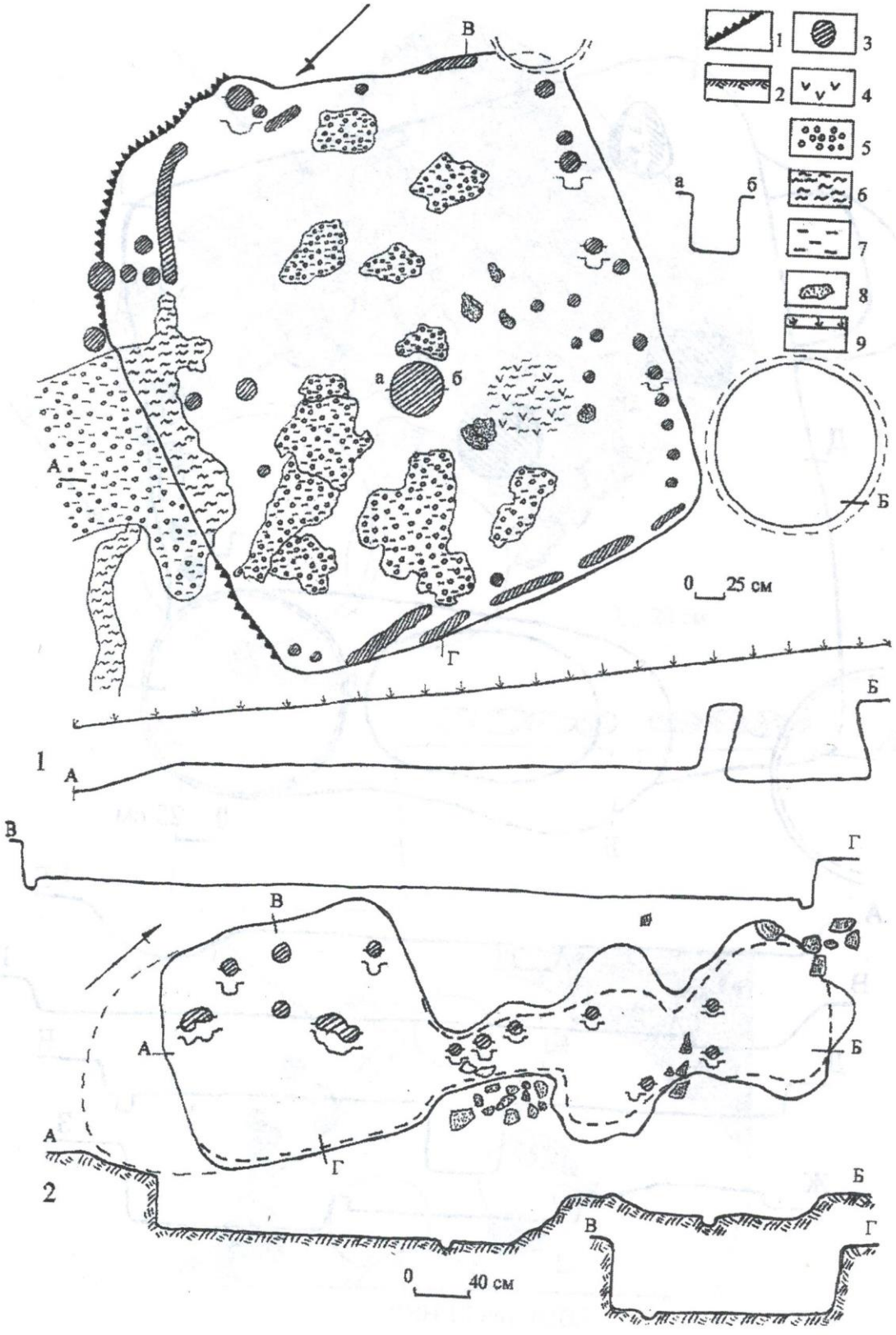


Рис. 71. Мостище 1. Жилые и хозяйственные постройки: 1 – жилище 1, 1986 г; 2 – хозяйственная постройка 2, 1991 г.

Условные обозначения: 1 – обнажения; 2- материк; 3 – столбовая ямка; 4 – древесный уголь; 5 мел; 6 – зола; 7 – глина; 8 – меловой камень; 9 – линия дерна

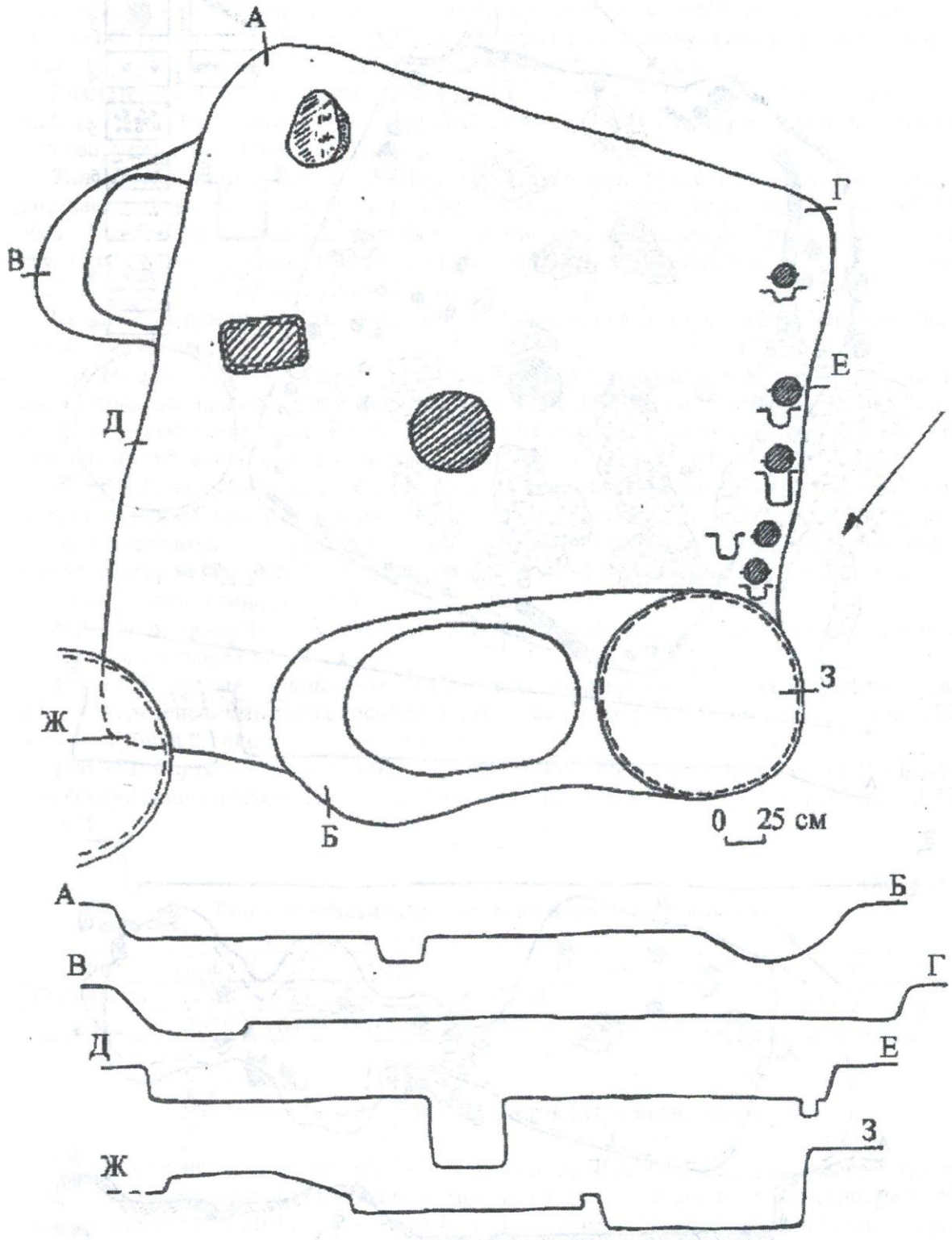


Рис. 72. Мостище 1. Жилище 2, 1986 г.

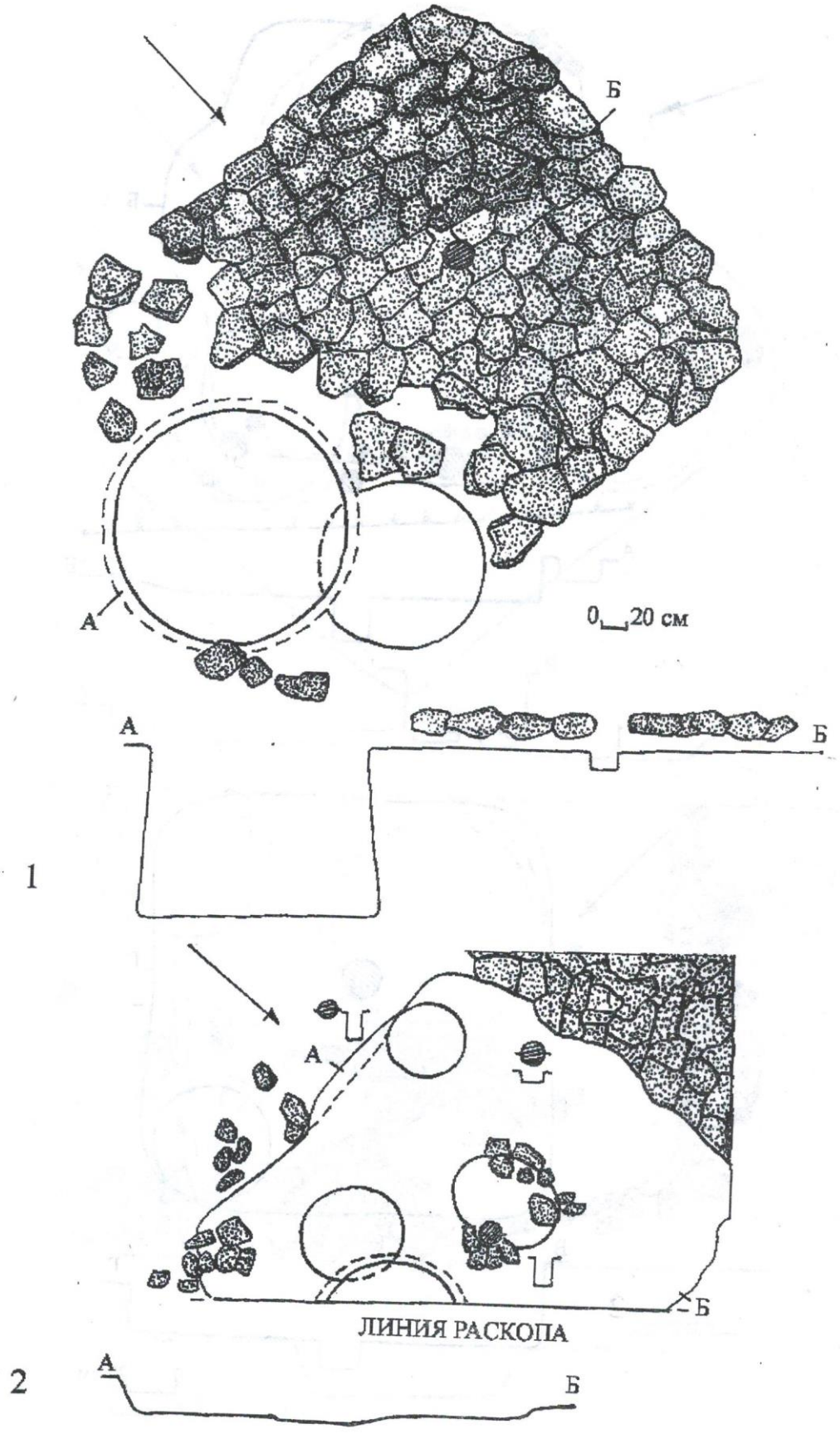


Рис. 73. Мостище 1. 1 – жилище 3, 1987 г; 2 – жилище 4, 1987 г.

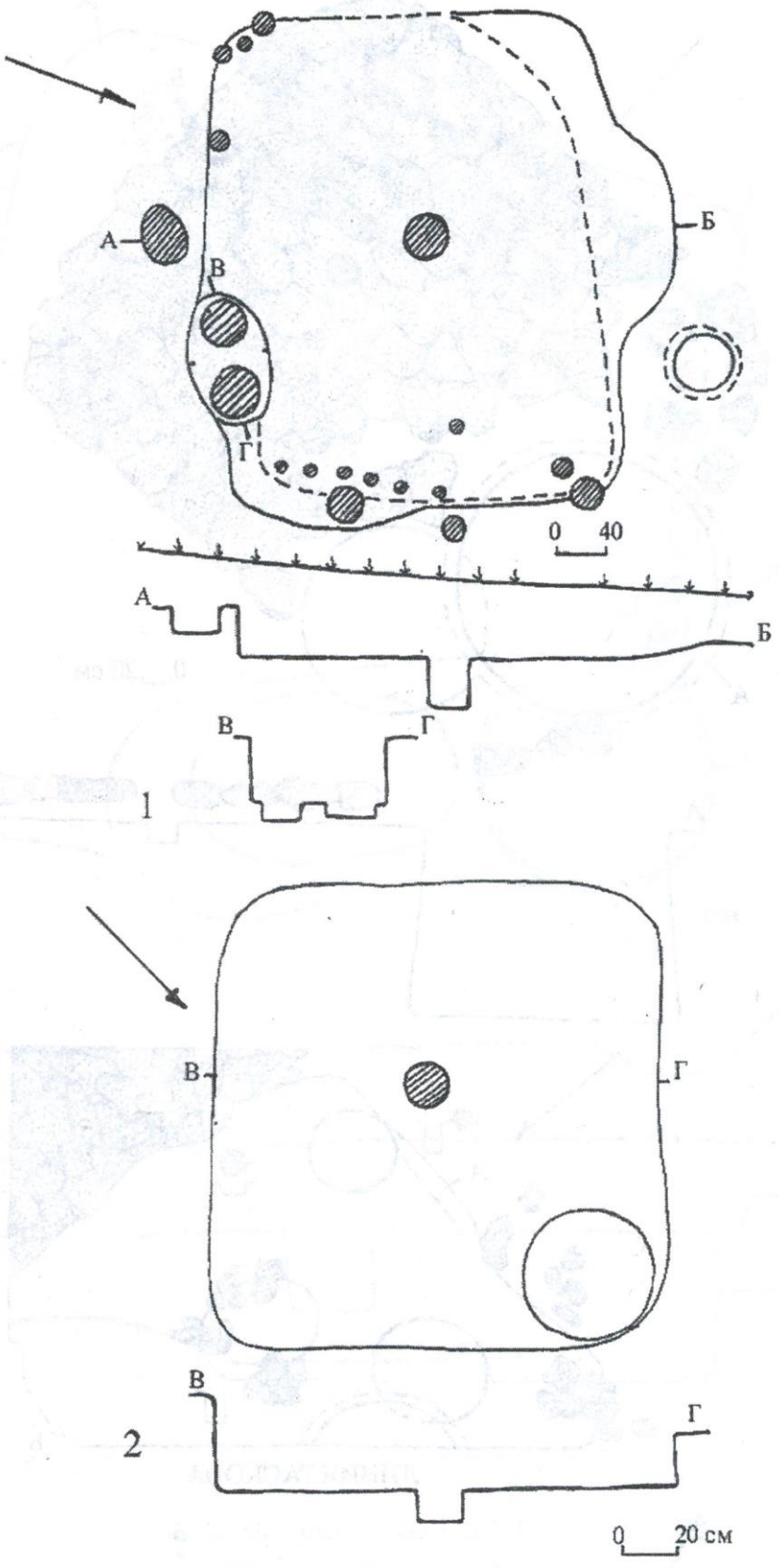


Рис. 74. Мостище 1. 1 – жилище 5, 1987 г; 2 – хозяйственная постройка 3, 1987 г.

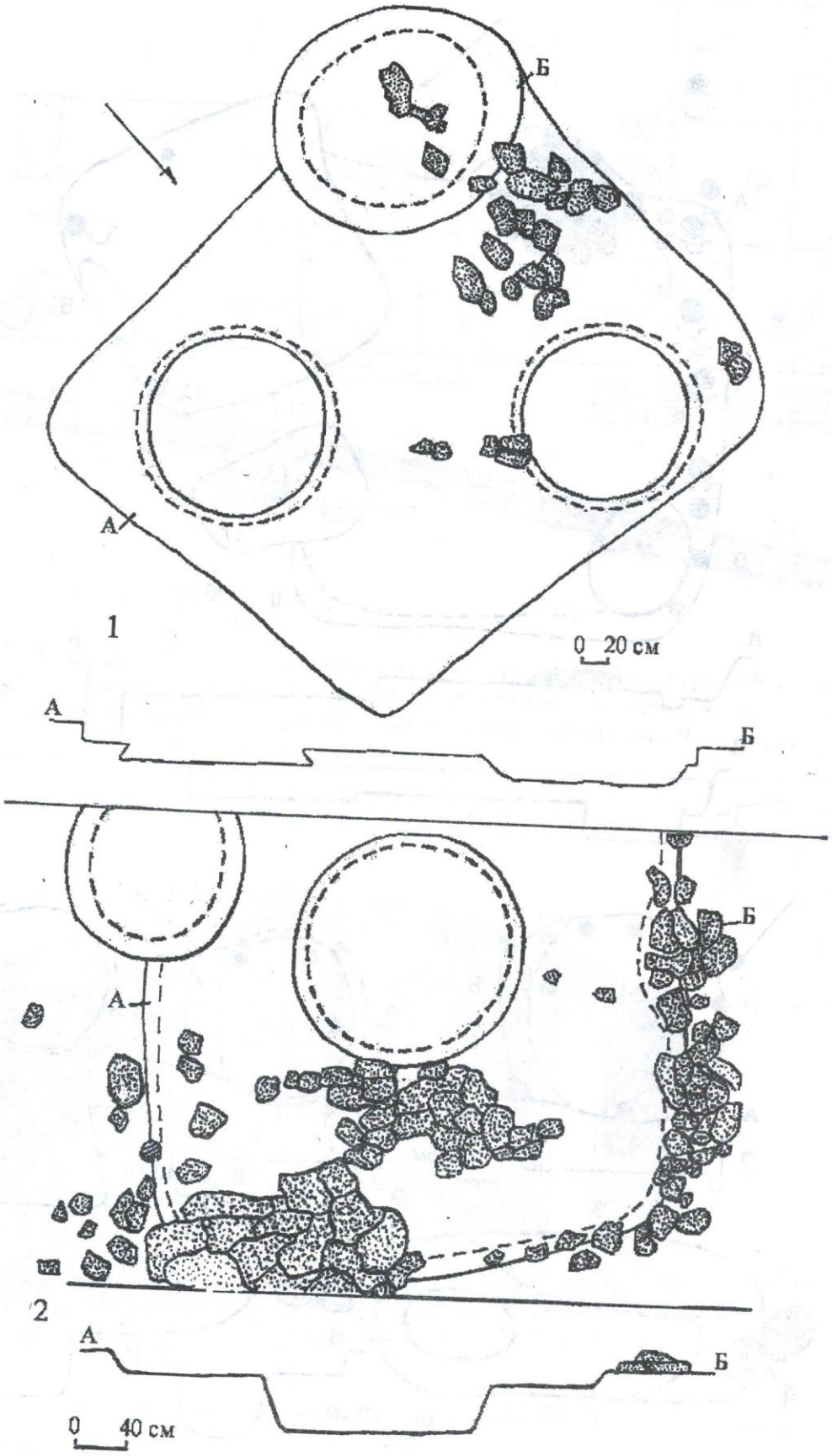


Рис. 75. Мостище 1. 1 – жилище 6, 1987 г; 2 – жилище 7, 1987 г.

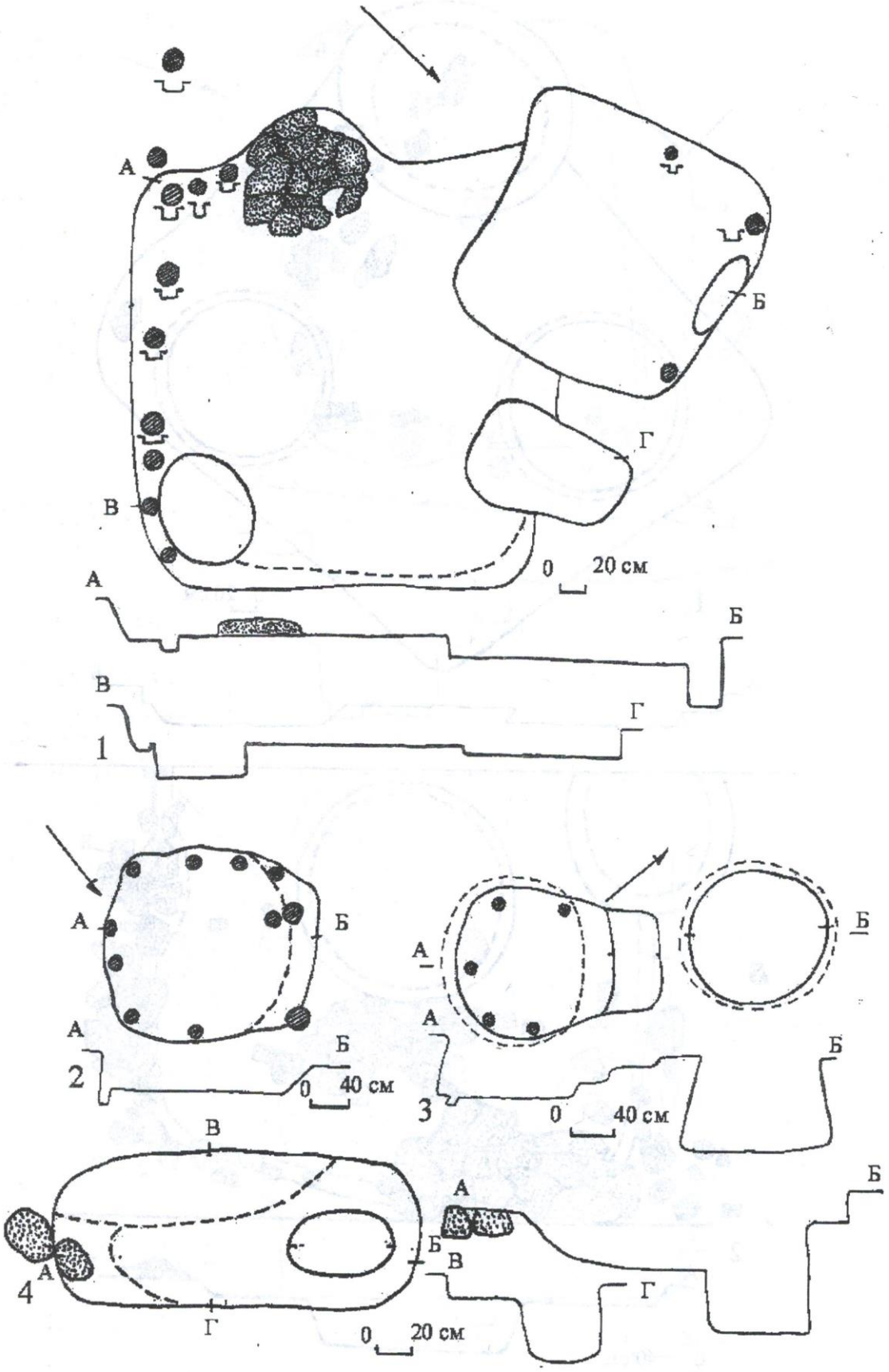


Рис. 76. Мостище 1. 1 – жилище 8 и хозяйственная постройка 1, 1987 г; 2 – овин 1;3 – овин 2; 4 – хозяйственная постройка 4

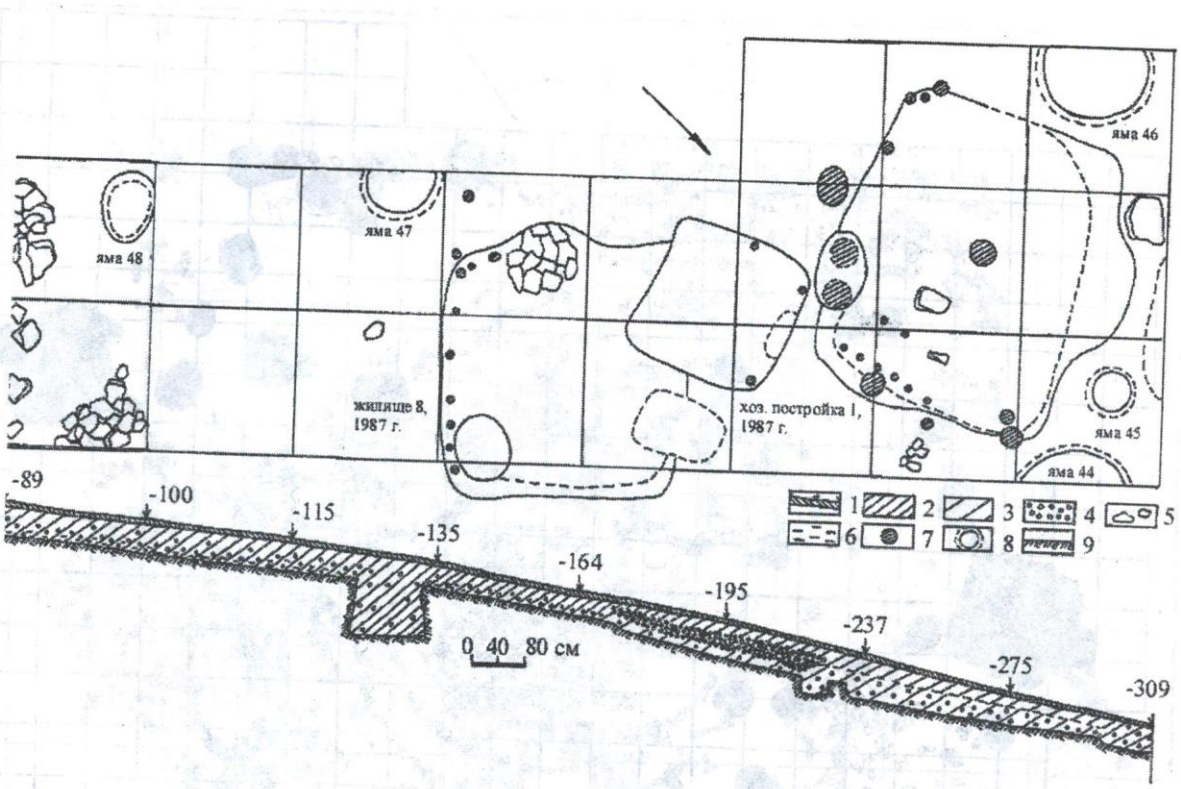


Рис. 77. Мостище 1. План и профиль западного участка PI, 1987 г. на средней площадке. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – осветленный чернозем; 4 – мел; 5 – меловой камень; 6 – глина; 7 – столбовая ямка; 8 – хозяйственная яма; 9 – материк

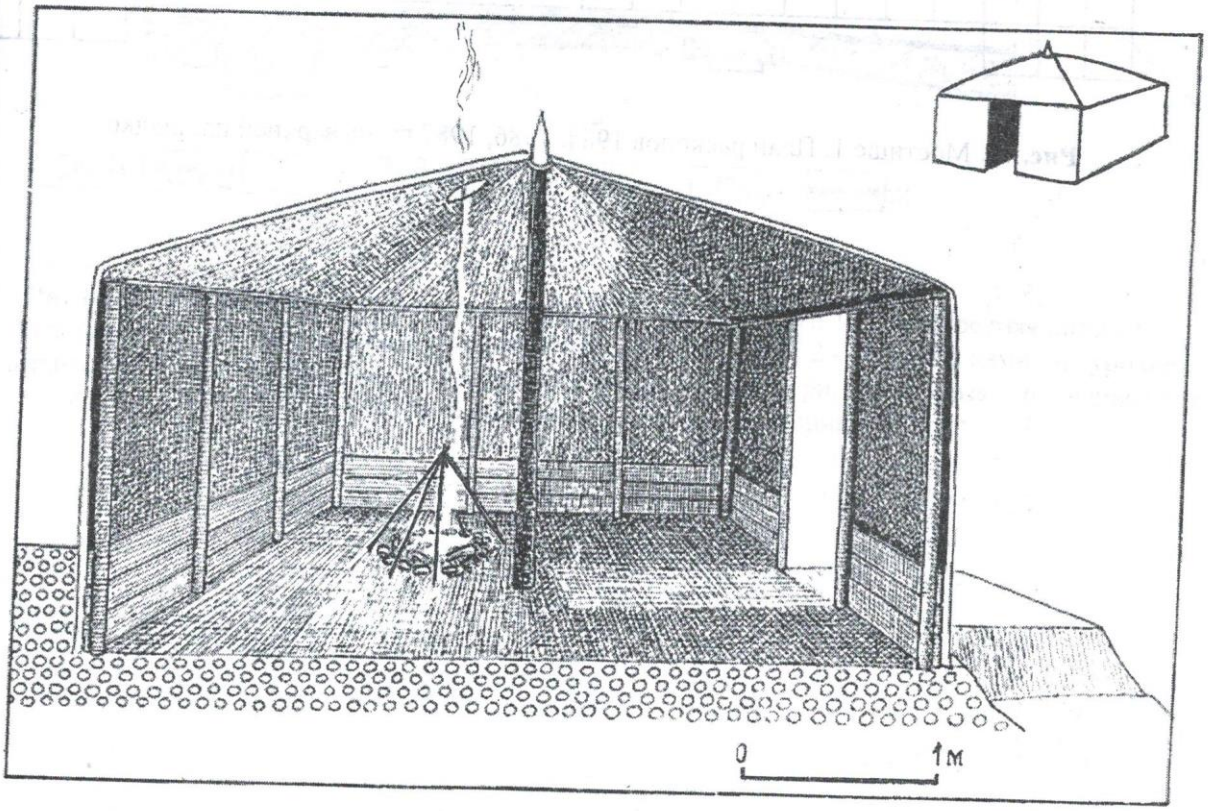


Рис. 78. Мостищенское городище. Жилище раннего железного века (реконструкция)

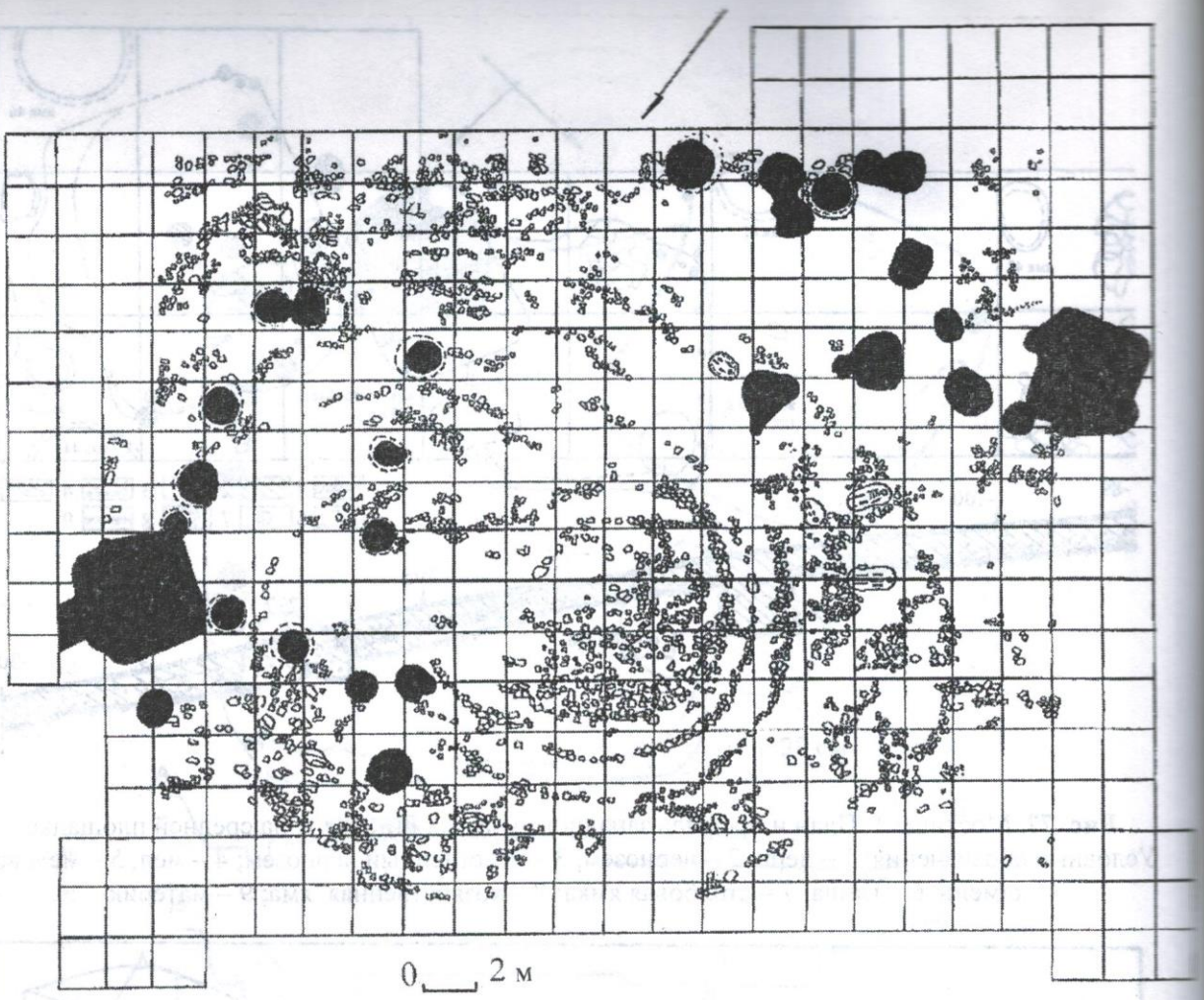


Рис. 79. Мостище 1. План раскопов 1984, 1986, 1987 гг. на верхней площадке

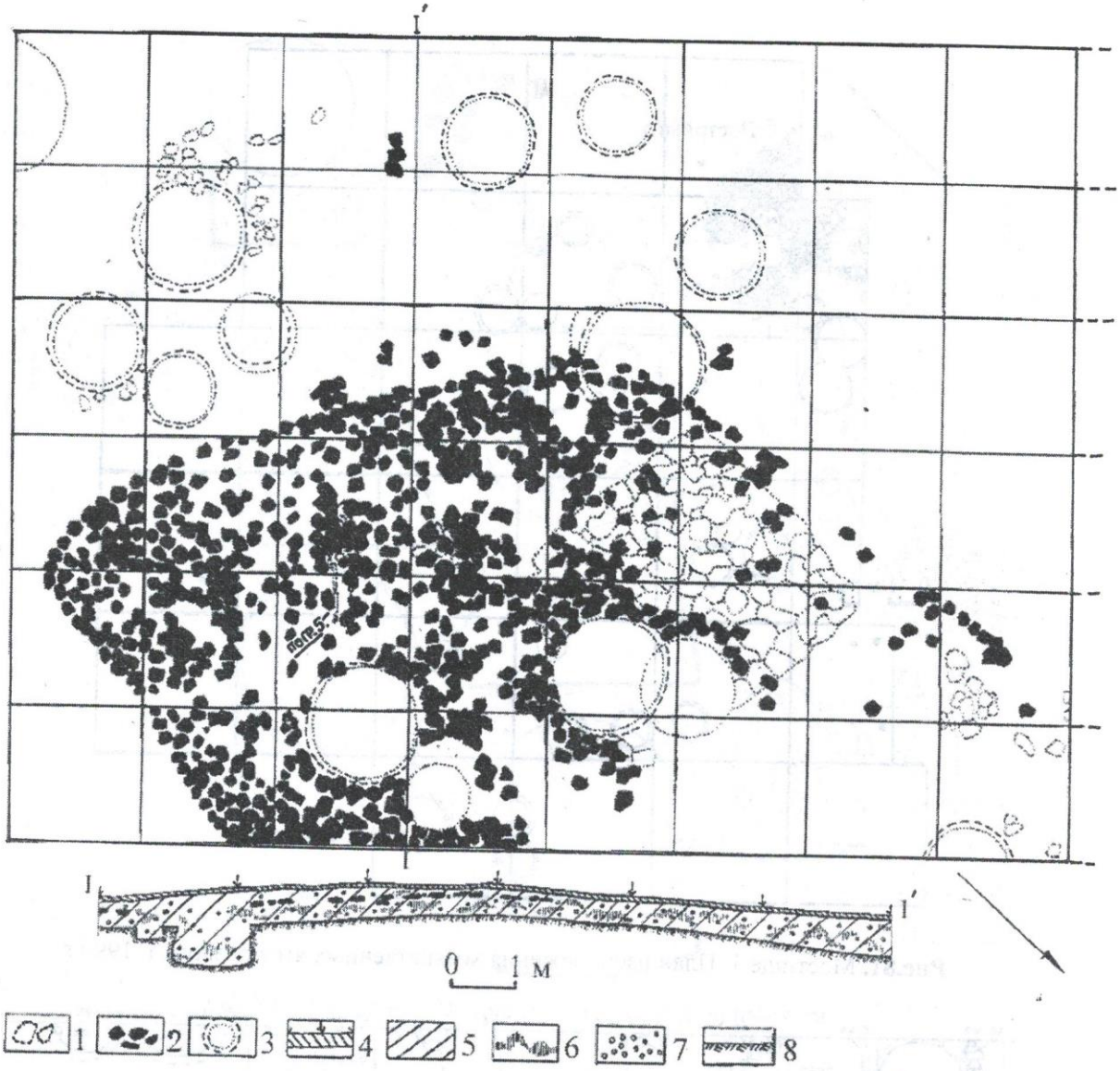


Рис.80. Мостище 1. План и профиль участка раскопа II, 1987 г., 1 штык (средняя площадка). Условные обозначения: 1 – меловые камни на уровне 2 штыка; 2 – меловые камни на уровне 1 штыка; 3 – хозяйственные ямы (2шт., уровень материка); 4 – дерн; 5 – чернозем; 6 – чернозем с меловой «пылью»; 7 – мел; 8 – материк

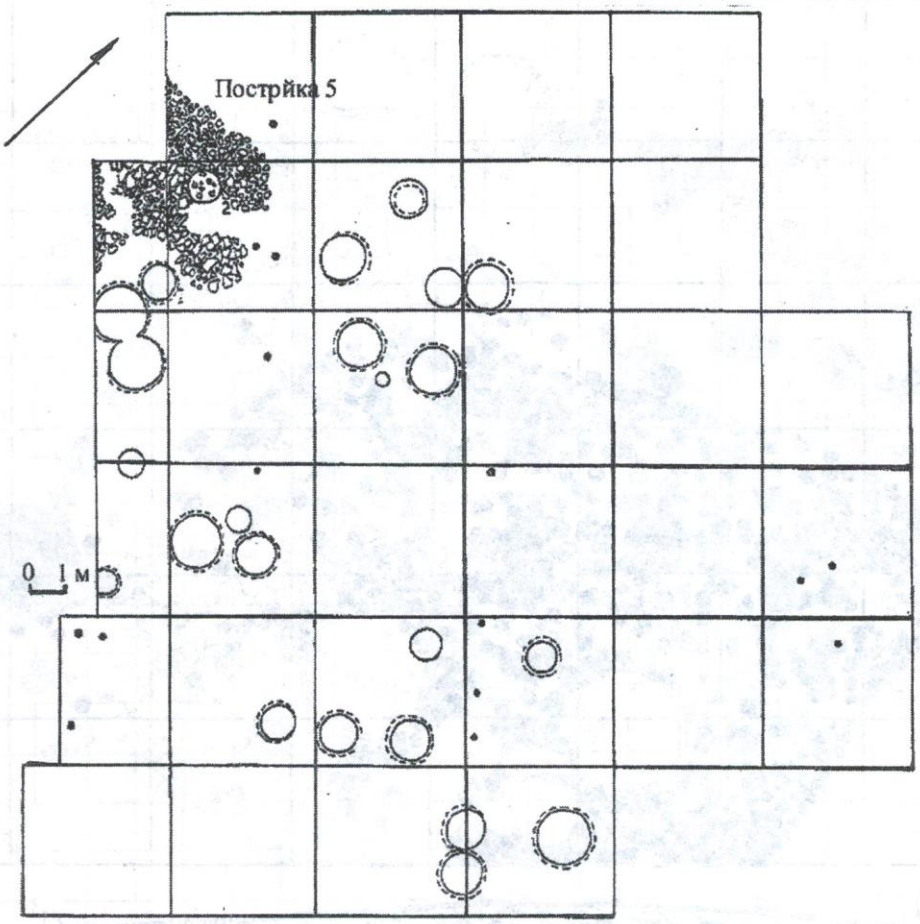


Рис.81. Мостище 1. План расположения хозяйственных ям в раскопе I, 1990 г.

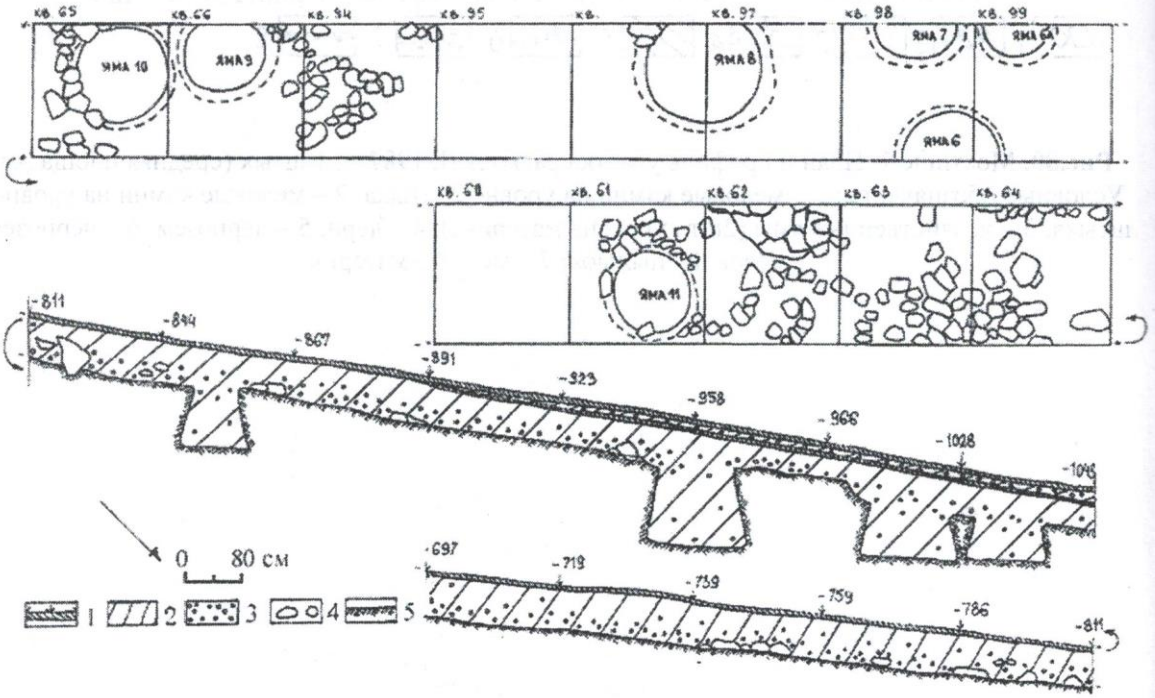


Рис.82. Мостище 1. План и профиль участка раскопа II, 1987 г. (нижняя площадка). Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – мел; 4 – меловой камень; 5 – материк

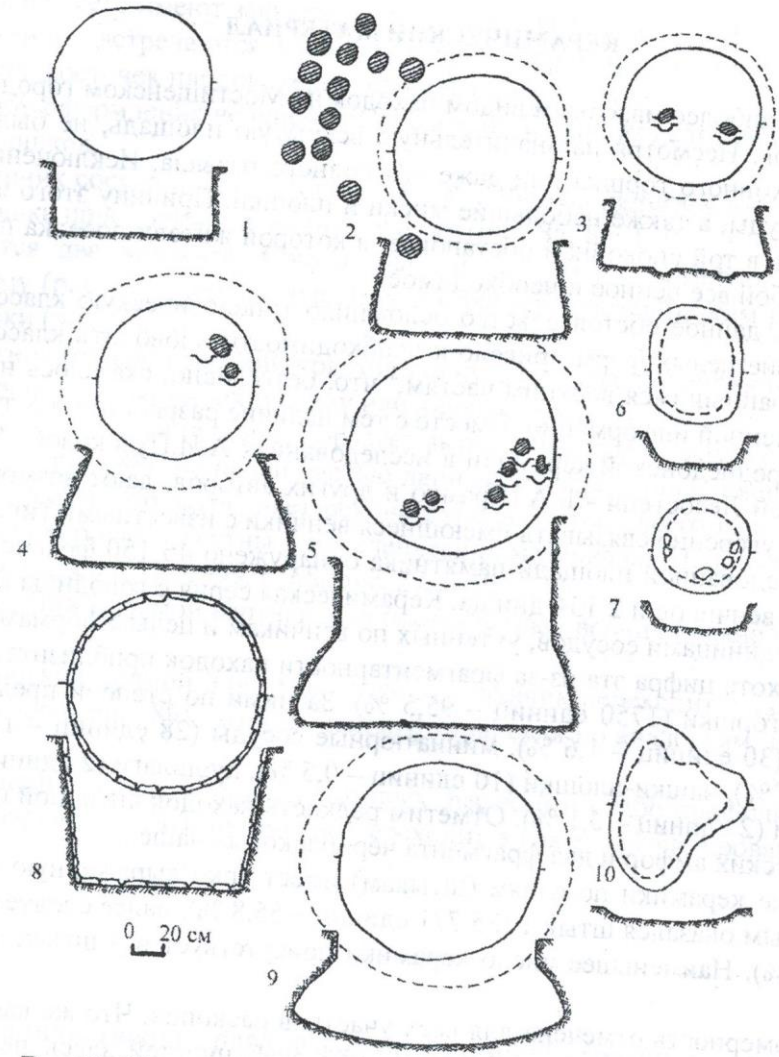


Рис.83. Мостище 1. Основные типы хозяйственных ям

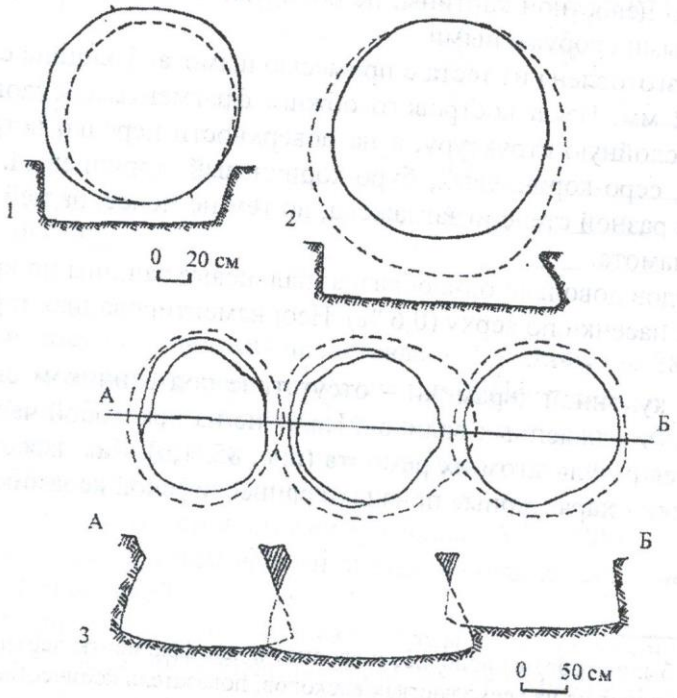


Рис.84.Мостище 1. Хозяйственные ямы

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

1. Керамика. Наиболее массовым видом находок на Мостищенском городище являются фрагменты сосудов. Несмотря на значительную вскрытую площадь, не было найдено ни одного целого кухонного горшка или даже его полного развала. Исключение составляют миниатюрные сосуды, а также небольшие миски и плошки. Причину этого явления следует, видимо, искать в той спокойной обстановке, в которой жители поселка покинули городище, забрав с собой все ценное и необходимое.

Так или иначе, данное обстоятельство осложнило типологическую классификацию керамики. Отсутствие целых форм привело к необходимости проводить классификацию сосудов по их сохранившимся верхним частям,[1] что, безусловно, сказалось на степени объективности полученной информации. Вместе с тем наличие разработанных типологических классификаций среднедонской керамики в исследованиях А.И.Пузиковой, А.П.Медведева, а для Днепровской Лесостепи - Б.А.Шрамко и других авторов, дают возможность в большинстве случаев уверенно связывать имеющиеся венчики с известными типами сосудов.

Всего на исследованной площади памятника обнаружено 46 150 фрагментов керамики. Среди них 3 480 венчиков и 2 134 днища. Керамическая серия с городища представлена не менее чем 1834 единицами сосудов, учтенных по венчикам и целым формам (миниатюрные сосуды, миски), хотя цифра эта из-за фрагментарности находок приблизительная. Преобладают кухонные горшки (1750 единиц – 95,5 %). За ними по степени представительности следуют миски (30 единиц – 1,6 %), миниатюрные сосуды (28 единиц – 1,5 %), кувшины (12 единиц – 0,7 %), чашки-плошки (10 единиц – 0,5 %), дуршлаги (2 единиц – 0,1 %), сковороды-жаровни (2 единиц – 0,1 %). Отметим редкость находок античной посуды – четыре фрагмента греческих амфор и два фрагмента чернолаковых чашек.

Распределение керамики по слоям (штыкам) имеет ярко выраженную черту: наиболее представительным оказался штык 1 (25 771 единиц – 55,8 %), далее следует штык 2 (14 202 единиц – 30,8 %). Наименьшее число керамики присутствует в 3 штыке (6 177 единиц – 13,4 %).[2]

Такая закономерность отмечена для всех участков раскопов. Что же касается планиграфического размещения керамики, то каких-либо особенностей здесь не установлено. В культурном слое встречаются места большей или меньшей концентрации керамики, но они не составляют какой-то целостной картины, не обнаруживают закономерных связей с жилищами и хозяйственными сооружениями.

Кухонная посуда изготовлена из теста с примесью шамота. Толщина стенок различна и колеблется от 4 до 12 мм. Из-за кострового обжига фрагменты сосудов в изломе часто имеют двух- или трехслойную структуру, а на поверхности нередко встречаются темные пятна. Цвет их серый, серо-коричневый, буро-коричневый, коричневый. На большинстве сосудов поверхность в разной степени заглажена, но тем не менее, на ней выделяются мелкие и крупные зерна шамота.

Орнаментация сосудов довольно однообразна: пальцевые защипы по краю венчика (82,0 %), и изредка – косые насечки по верху (0,6 %). Неорнаментированная тара составляет 17,4 %.

Характерная черта кухонной керамики – отсутствие под венчиком сквозных проколов (как вид орнаментации), и налепных валиков. Наличие на некоторой части сосудов сквозных отверстий является результатом их ремонта (рис. 85, 1,6). Как известно сквозные проколы и налепные валики - характерные признаки раннескифской керамики.

---

[1] Для классификации были отобраны наиболее информативные фрагменты верхних частей сосудов.

[2] Хотя штык 3 присутствует не на всех участках раскопов, показатель количества керамики скифского времени – там, где он представлен, имеет ту же тенденцию к уменьшению.

Днища чаще всего имеют закраину и относительно высокую придонную часть (рис. 91). Иногда на днищах встречаются отпечатки половы, зерен злаковых культур (проса, ячменя), листьев клена, косточек плодов (терна, сливы), а также ткани.

По способу оформления верхней части сосудов можно выделить шесть основных типов кухонных горшков.

Тип I. Венчик сосуда плавно отогнут наружу, образуя округлое плечо, в результате чего профиль горшка приобретает S-видную форму (рис. 85; 86, 1-7).

Выделяются два варианта. Сосуды варианта 1 имеют плавную, «классическую» S-видную форму (рис. 85). Сосуды варианта 2 характеризуются резким расширением тулова сразу от шейки (рис. 86, 1-7).

Тип II. Относительно короткий прямой или чуть прогнутый венчик поставлен под углом к тулову, судя по аналогиям, округлому или яйцевидному (рис. 87).

Тип III. Венчик слегка прогнут, образует выраженное горло, резко отделенное от шаровидного тулова (рис. 88). Большей частью данный тип представлен венчиками, размерами менее трети высоты, что затрудняет реконструкцию формы всего горшка. Однако сосуды подобного типа хорошо известны в поселенческих материалах Подонья, что облегчает нашу задачу [Медведев А.П., 1999, с. 68, рис. 27, 6-10].

Тип IV. Короткий прямой вертикально поставленный венчик плавно переходит в тулово (рис. 86, 8).

Тип V. Короткий прямой или чуть прогнутый венчик переходит в узкое и слабопрофилированное тулово (рис. 89). Сосуды данного типа, судя по аналогиям, имеют удлиненные пропорции.

Тип VI. Широкогорлые сосуды, у которых высокий и слабо профилированный венчик чуть отогнут наружу и почти незаметно переходит в слабо профилированное тулово (рис. 90, 1-4).

Таблица 8

Количественное распределение кухонной керамики по типам

Тип	Количество сосудов	Количество сосудов в %
I	1300	74,3
II	380	21,7
III	35	2,0
IV	2	0,1
V	17	1,0
VI	16	0,9
Всего:	1750	100,0

Миниатюрные сосуды (горшки) представлены в количестве 28 экземпляров (рис. 92). Изготавливали их, видимо, из одного куска глины. Поверхности тщательно заглажены, формы симметричны. Эти признаки явно отличают мостищенские экземпляры от подобных сосудов Курского Посеймья, с которыми среднедонская керамика связана генетически [Медведев А.П., 1999, с. 66-76]. Миниатюрные сосуды Посеймья характеризуются небрежной отделкой, грубоватыми формами [Пузикова А.И., 1981, с. 60], что, по всей вероятности, связано с более ранним временем возникновения посейминской лепной посуды по сравнению с мостищенской.

Миниатюрные горшки в целом повторяют формы больших кухонных горшков. Вместе с тем ни один из них не орнаментирован по краю венчика защипами, насечками, что свойственно кухонной посуде.

Один из миниатюрных сосудов имеет по всей поверхности орнамент в виде горизонтальных прочерчиваний заостренным орнаментиром и вертикальными расчесами тонкой щепой. В средней части сосуда и ниже ее – сложная композиция, выполненная прочерченными линиями (рис. 91, 20). Его принадлежность культовым сосудам более чем вероятна. Об этом же свидетельствует и тот факт, что внутренняя поверхность горшка имеет следы копоти и гари – результат горения каких-то веществ внутри сосуда.

Дуршлаги. Найдены фрагменты двух или трех экземпляров (рис. 93,16-18). Сделаны они из той же глины, что и обычные сосуды, имеют сквозные отверстия для отделения твердых веществ (в частности, творога) от жидкости. Подобные сосуды в небольших количествах встречаются в культурных слоях городищ лесостепного Дона [Пузикова А.И.,1969, рис. 10,14,16,17], Посеймья [Пузикова А.И., 1981, рис. 30, 9] и других регионов Лесостепи.

Сковороды - жаровни представлены фрагментами от двух сосудов (рис. 90, 8, 9). Изготовлены сковороды-жаровни из той же глины, что и кухонные горшки. В тесте присутствуют крупные зерна шамота.

Столовая посуда. В культурном слое городища обнаружено 58 фрагментов мисок не менее чем от 30 сосудов (1,6 %). Миски изготавливались тщательно и из более качественной глины, чем кухонная посуда. Тесто хорошо отмучено и промешано, в нем не видно крупных зерен примесей. Поверхность же тщательно заглажена или, что реже, залощена. Цвет глины черно-серый, черно-коричневый, серо-коричневый, темно-серый.

По своим размерам сосуды разделяются на миниатюрные и большие, при этом формы их едины. Одна из миниатюрных мисок с кольцевым поддоном сделана в подражание античным формам (рис. 93, 11). Миниатюрные миски имеют диаметр верха 5,0-9,5 см и высоту - 2,5-5,0 см. Большие – диаметр верха 16,0-32,0 см и высоту - 8,0-11,0 см.

Небольшим количеством представлены плошки (рис. 93, 8,15). Они сделаны из той же глины, что и миниатюрные сосуды.

В основу типологической классификации мисок нами положены особенности профиля венчика и сохранившейся части тулова, которые и образуют типологический признак.

Тип I. Миски с плавно и равномерно закругленным снаружи венчиком, переходящим в более или менее выпуклое тулово, иногда в нижней части чуть прогнутое (рис. 94, 1-4; 95, 3-5). Венчик в верхней части всегда утолщен и загнут во внутрь. Его верх срезан горизонтально или же он чуть выпуклый.

Тип II. Миски, у которых переход к тулову осуществлен сразу, без плавного и равномерного изгиба (рис. 94, 6,7; 96, 6). Верх венчика срезан горизонтально (рис. 94, 7), либо он чуть выпуклый (рис. 94, 6), край загнут внутрь или расплющен.

Тип III. Миски с вертикально поставленным венчиком, переходящим в той или иной степени выделенное ребро к тулову (рис. 93, 3,4; 94, 5; 95, 1, 2, 6; 96, 7). Верх венчика срезан горизонтально и загнут внутрь (рис. 94, 5), плоско срезан и загнут наружу (рис. 96, 7) или срезан внутрь сосуда (рис. 93, 3).

Тип IV. Миски с заостренным прямым венчиком, плавно закругляющимся при переходе к тулову (рис. 93, 1,2). Судя по сохранившимся фрагментам, это были неглубокие сосуды с широким устьем.

Тип V. Миски с прямым или чуть наклонным, вертикально поставленным венчиком (рис. 93, 7, 9, 10; 96, 3-5). Край венчика расплющен или плоско срезан, закруглен. Судя по сохранившейся почти целой миске данного типа (рис. 96, 3), какая-то часть их имела сильно вогнутую в нижней половине тулова стенку. Одна из мисок имела по венчику рифленую поверхность – подражание античным традициям (рис. 96, 5). Примечательно, что, найденные на городище миниатюрные миски, принадлежат исключительно этому типу.

Тип VI. Миски со срезанным наружу и загнутым внутрь краем (рис. 96, 1, 2), выпуклым туловом.

Таблица 9

Количественное распределение мисок по типам

Тип	Количество сосудов	Количество сосудов в %
I	9	30,0
II	3	10,0
III	7	23,3
IV	2	6,6
V	6	20,0
VI	3	10,0
Всего:	30	100,0

Кувшины. Незначительная в количественном отношении коллекция кувшинов представлена, главным образом, их фрагментами. В яме 14 (раскоп 1, 1986 г.) найден почти полный развал лощеного одноручного кувшина оранжевого цвета с округлым туловом и раструбовидным горлом, изготовленного из качественно отмученной и промешанной глины (рис. 97, 1). Ручка обломана в древности, ее острые края были сглажены, а кувшин использовался уже без ручки.

Другие сосуды также отличались качественной глиной, но имели черно-серый цвет и залощенные поверхности (рис. 97, 2-4, 6; 98, 2). Аналогии им известны на городищах Среднего Дона [Пузикова А.И.,1969, с. 63, рис. 14], а также в подкурганных погребениях [Березуцкий В.Д., 1996, с. 169, рис.6,1; Медведев А.П.,1999, с.115, рис. 58, 1-5].

Среди керамических находок имеется лепной канфар (рис. 98, 1), сделанный в подражание античным формам из той же глины, что и миски. В обеих ручках проделаны отверстия для подвешивания. Поверхность сосуда тщательно залощена.

Античная керамика представлена несколькими стенками греческих амфор и их днищами (рис. 98, 4,5). Найдены также два фрагмента чернолаковых мисок, один из которых имеет ремонтное отверстие – результат бережного отношения к импорту (рис. 98, 3).

В культурном слое городища найден также фрагмент кожаного сосуда (?) с отверстиями по верху венчика для закрепления на деревянной основе. Сохранились и два небольших гвоздя для крепления (рис. 98, 6). Кожа рыхлая, легко крошится и ломается. Возможно, что фрагмент изделия не имеет отношения к слою памятника.

Среди керамики скифского времени были обнаружены до десятка фрагментов лепной «рогожной» керамики городецкой культуры. Судя по трем найденным венчикам (рис. 90, 5-7), они принадлежат не менее чем трем сосудам, близким по форме банкам. Верх венчиков расплющен и плавно закруглен. Орнамент нанесен крупными и грубыми оттисками штампа в виде рогожи. В тесте имеется примесь шамота. Происхождение городецкой керамики на городище, вероятно, объясняется наличием здесь в более ранний период, еще до возникновения скифоидного городища небольшой стоянки.

В целом керамическая серия Мостищенского городища не отличается от того материала, который представлен с других городищ лесостепного Дона V-IV вв. до н.э. Вопросы хронологических позиций, следующих из анализа керамики, будут рассмотрены в отдельной главе.

2. Глиняные грузики – вторая по численности категория находок из глины на Мостищенском городище после керамики. Коллекция включает 98 изделий, большая часть которых фрагментирована. Грузики изготовлены из обожженной до серого и серо-коричневого цвета глины с примесью мелкого песка.

Размеры их различны – от небольших высотой от 1,0 см и диаметром 2,2 см до изделий, высотой до 3,5 см и диаметром в 3,0-4,0 см. Отверстия для нитей имеют чаще всего цилин-

дрическую форму (рис. 99,1-5 и др.), но встречаются отверстия конической формы (рис. 99, 6,7). Иногда с двух сторон грузика проделаны конические отверстия, сужающиеся ближе к центру (рис. 99, 17). Интересно изделие, где одна стенка отверстия сделана прямой, а другая, имея по центру наибольшее сужение, расширяется в обе стороны (рис. 99, 9).

По внешней поверхности некоторых грузиков нанесен орнамент. На одном из них на плоской стороне по периметру имеется 14 небольших округлых углублений (рис. 99, 1). Другой грузик по всей поверхности орнаментирован небольшими округло-овальными вдавлениями (рис. 99, 3).

Каких-либо закономерностей в планиграфическом и поглубинном размещении грузиков не установлено.

В интерпретации находок, а также при их типологической классификации мы придерживались разработок И.Л.Чернай, осуществленных на материалах городищ Курского Посеймья [Чернай И.Л.,1981, с.111-120]. По всей вероятности, большая часть изделий использовалась в качестве грузиков ткацкого станка. Какая-то незначительная по количеству группа могла служить маховиками для придания веретену центробежной силы. Это касается грузиков, имеющих относительно большие размеры и конусовидное отверстие для устройства самого веретена.

В основу типологической классификации грузиков положена их геометрическая статусформа (цилиндр, конус, биконус, шар). Варианты выделены по более мелким особенностям этих форм.

Тип I. **Цилиндрические** (рис. 99, 1,2). Представлены двумя экземплярами (2,0 %).

Тип II. **Конические** (рис. 99, 3-9). Найдено 26 изделий (26,5 %). Выделено три варианта: вариант 1 – усеченно-конические (большая часть находок) (рис. 99, 4-6, 8); вариант 2 – конические с округлым верхом (рис. 99, 7,9); вариант 3 – усеченно-конические с перехватом (рис. 99, 19).

Тип III. **Биконические** (рис. 99, 10-14, 18). Обнаружено 39 грузиков (39,7 %). Вариант 1 – биконические симметричные (рис. 99, 10-12); вариант 2 – биконические ассиметричные (рис. 99, 13,18); вариант 3 – биконические с выделенным ребром (рис. 99, 14).

Тип IV. **Округлые** (рис. 99, 15-17, 20-22). Отмечено 29 экземпляров (29,4 %). Вариант 1 – бочонковидные (рис. 99, 15); вариант 2 – шаровидные (рис. 99, 16,17); вариант 3 – эллипсовидные (рис. 99, 20-22).

Тип V. **Плоские** (рис. 99, 23-25) – три экземпляра (3,0 %). Вариант 1 –плоские с округлым ребром (рис. 99, 23,24); вариант 2 – плоские без выделенного ребра (рис. 99, 25).

Охарактеризованная категория находок с Мостищенского городища имеет массовые аналогии в лесостепных памятниках скифского времени Днепро-Донского междуречья (Повосклье, Посеймье, Северский Донец).

***

Среди изделий из глины обнаружен небольшой предмет в виде «юлы», похожий на грузик, но без отверстия (рис. 99, 27). Аналогии ему известны среди грузиков Марицкого городища в Курском Посеймье [Пузикова А.И., 1981, рис. 38, 55].

В хозяйственной яме 23 (раскоп 1986 г.) находилось изделие из мела цилиндрической формы со сквозным отверстием, имеющим наибольшее расширение к краям и наименьший диаметр в центре (рис. 99, 26). По внешней поверхности нанесены две параллельные неглубокие линии-канавки. Вероятнее всего предмет представляет собой грузило рыболовной сети.

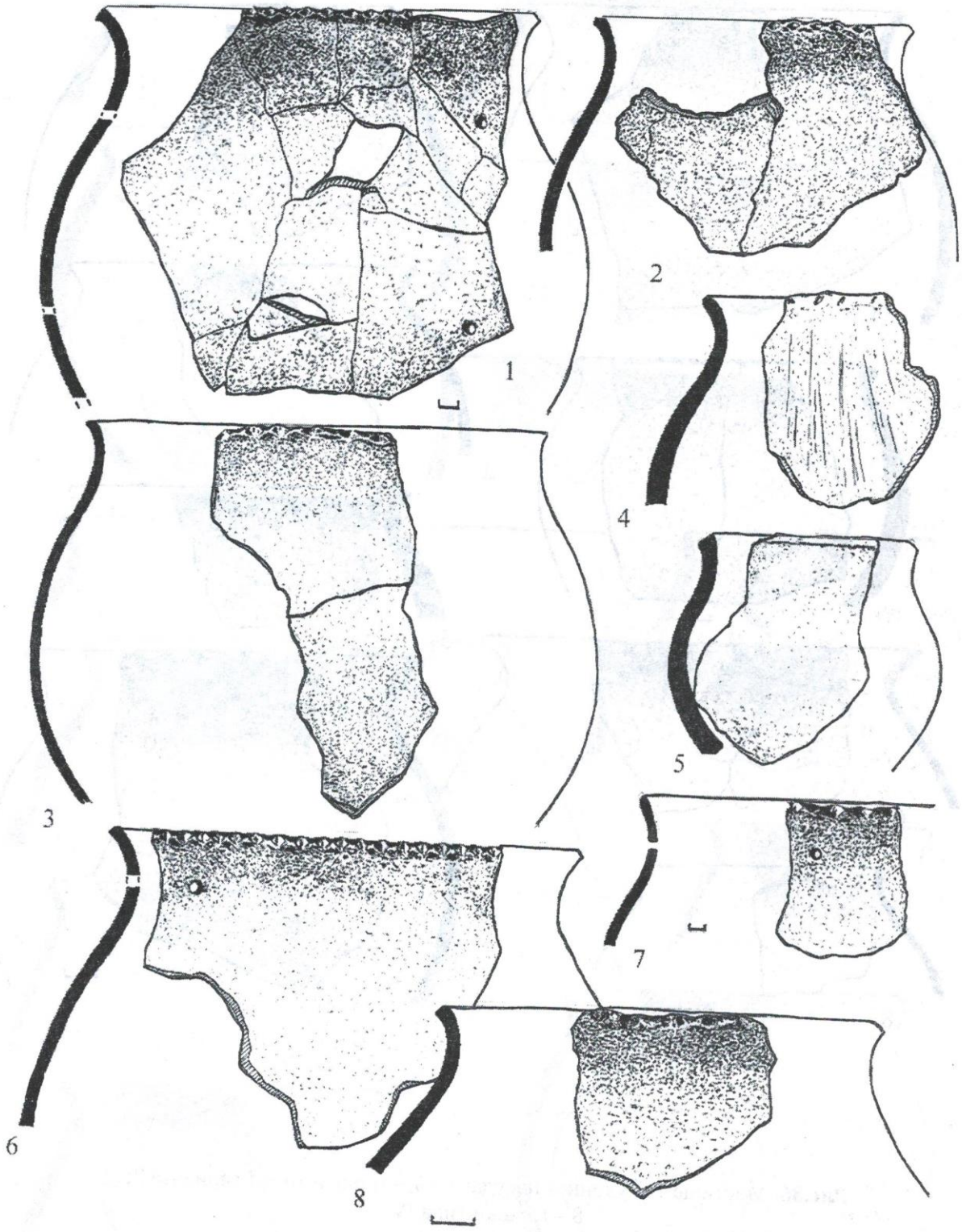


Рис.85. Мостище 1. Кухонная посуда. Горшки типа I, варианта 1

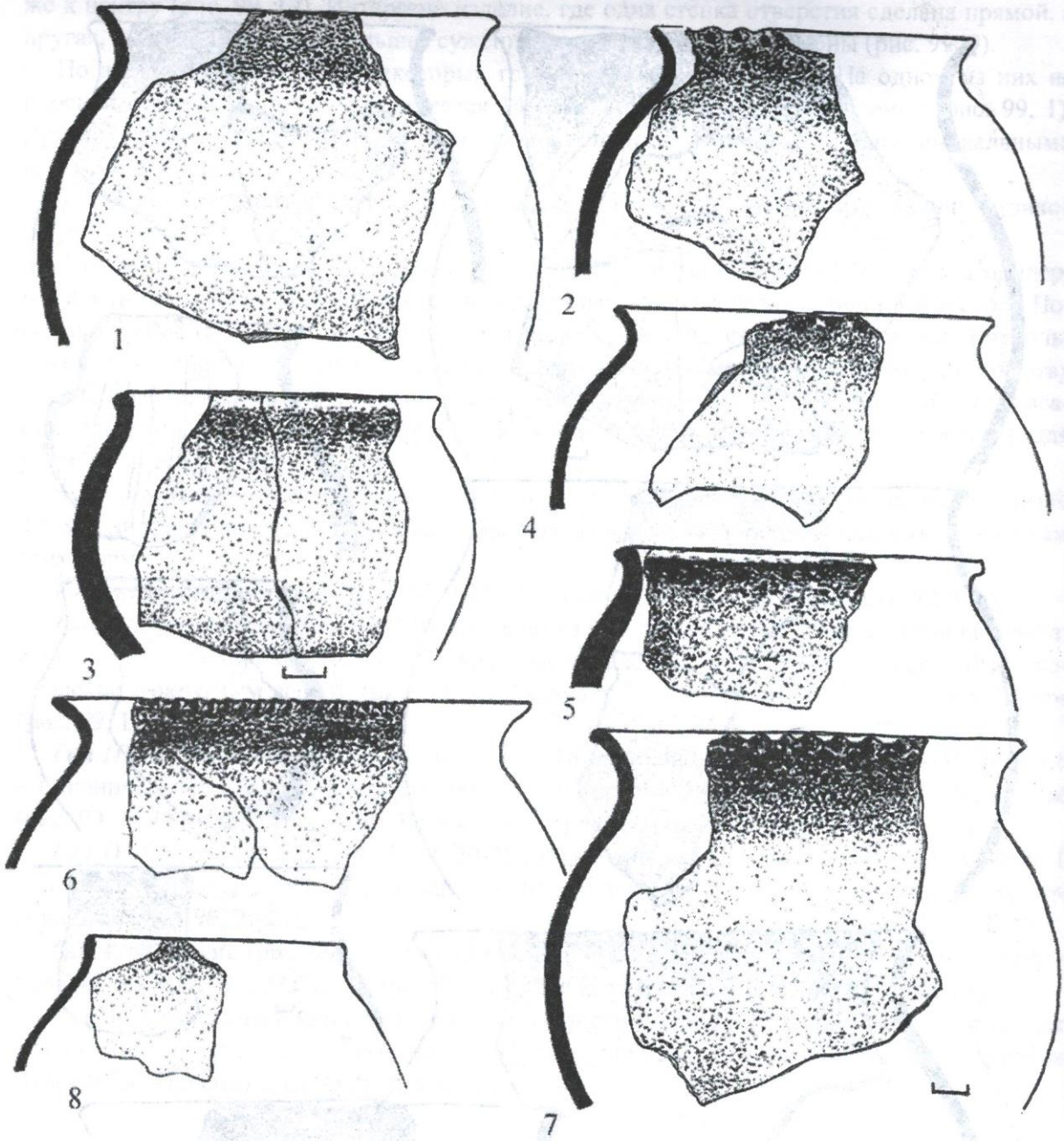


Рис.86. Мостище 1. Кухонная посуда: 1 – 7 – горшки типа I варианта 2; 8 – горшки типа IV

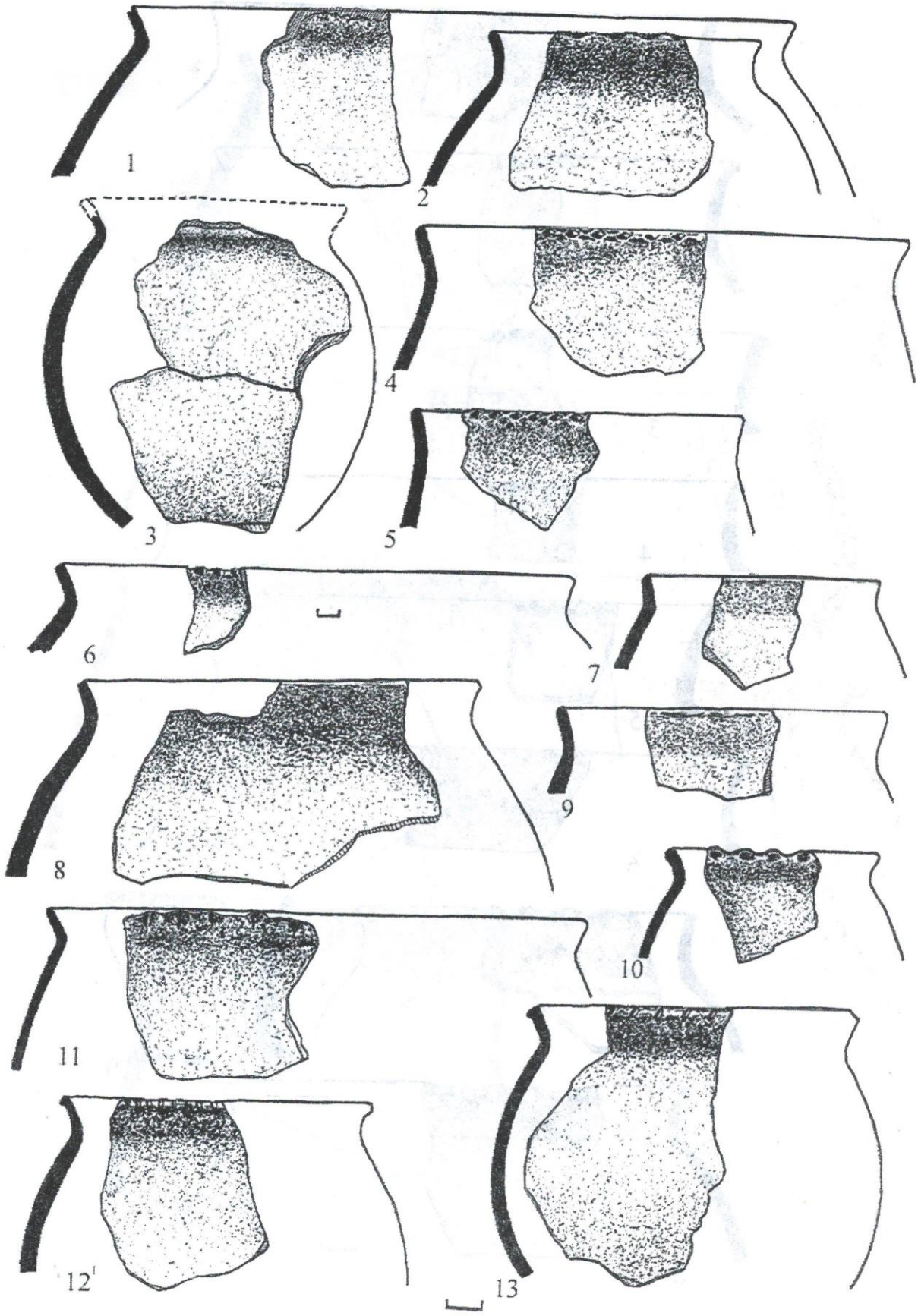


Рис.87. Мостище 1. Кухонная посуда. Горшки типа II

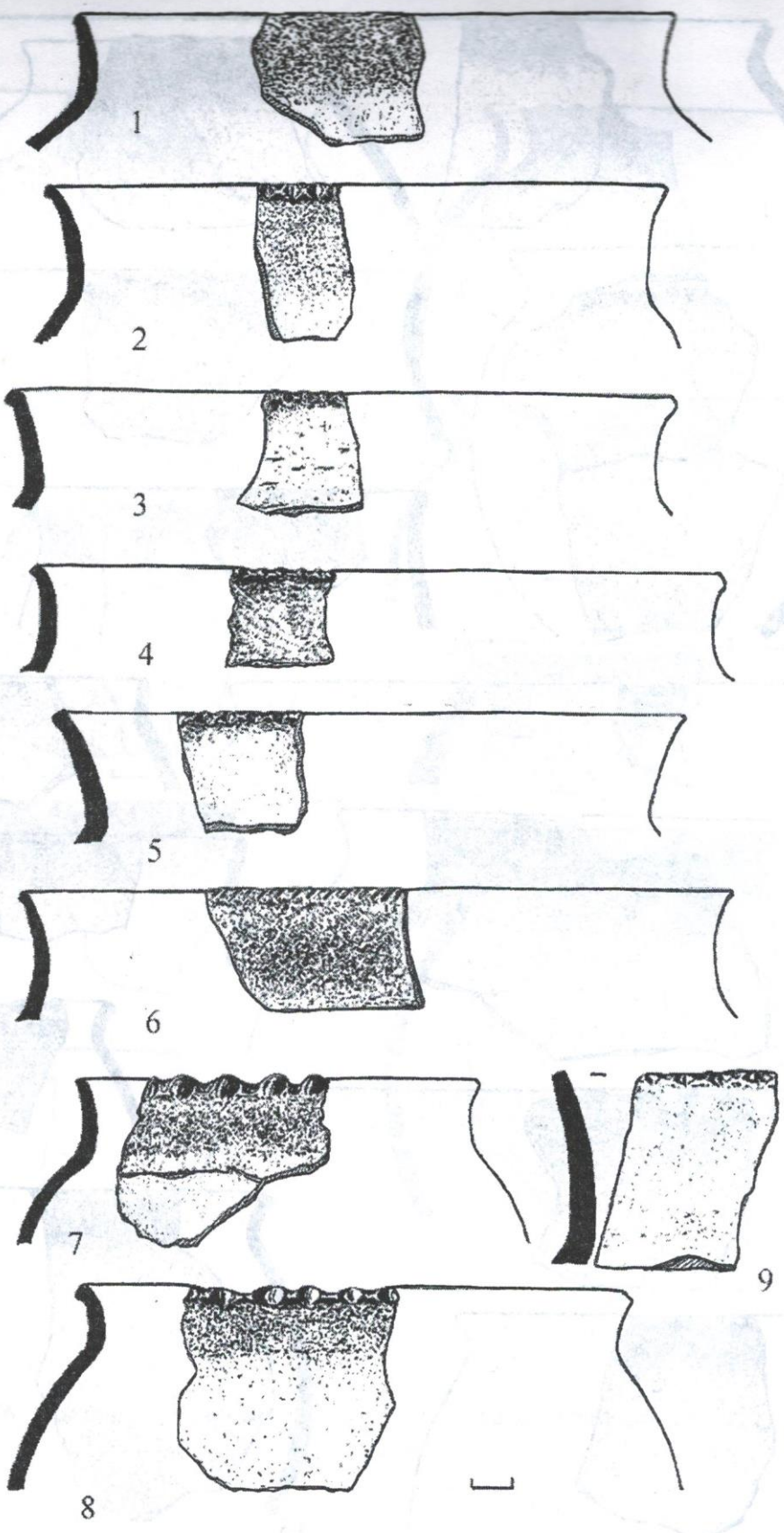


Рис.88. Мостище 1. Кухонная посуда типа. Горшки типа III

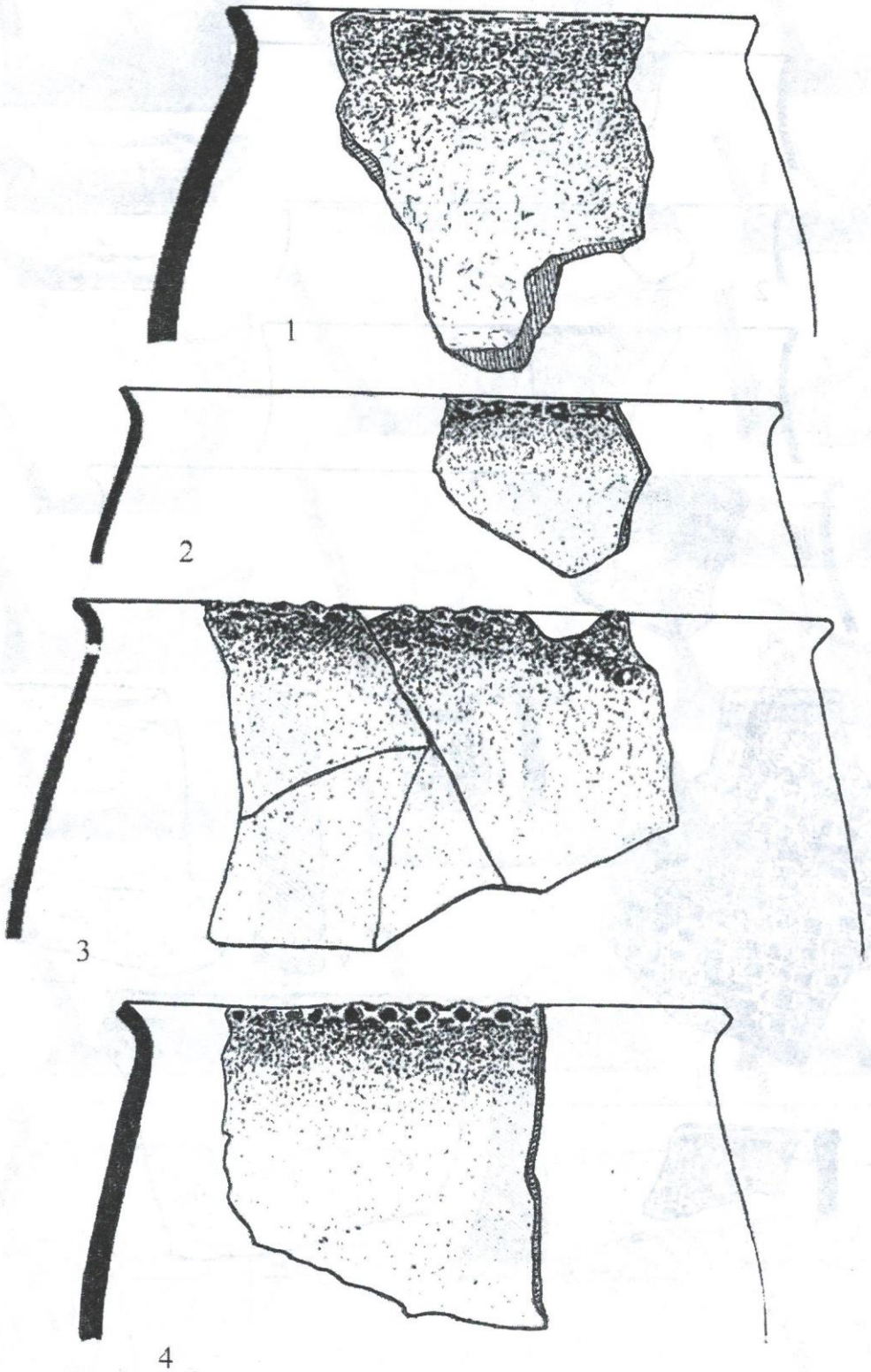


Рис.89. Мостище 1. Кухонная посуда. Горшки типа V

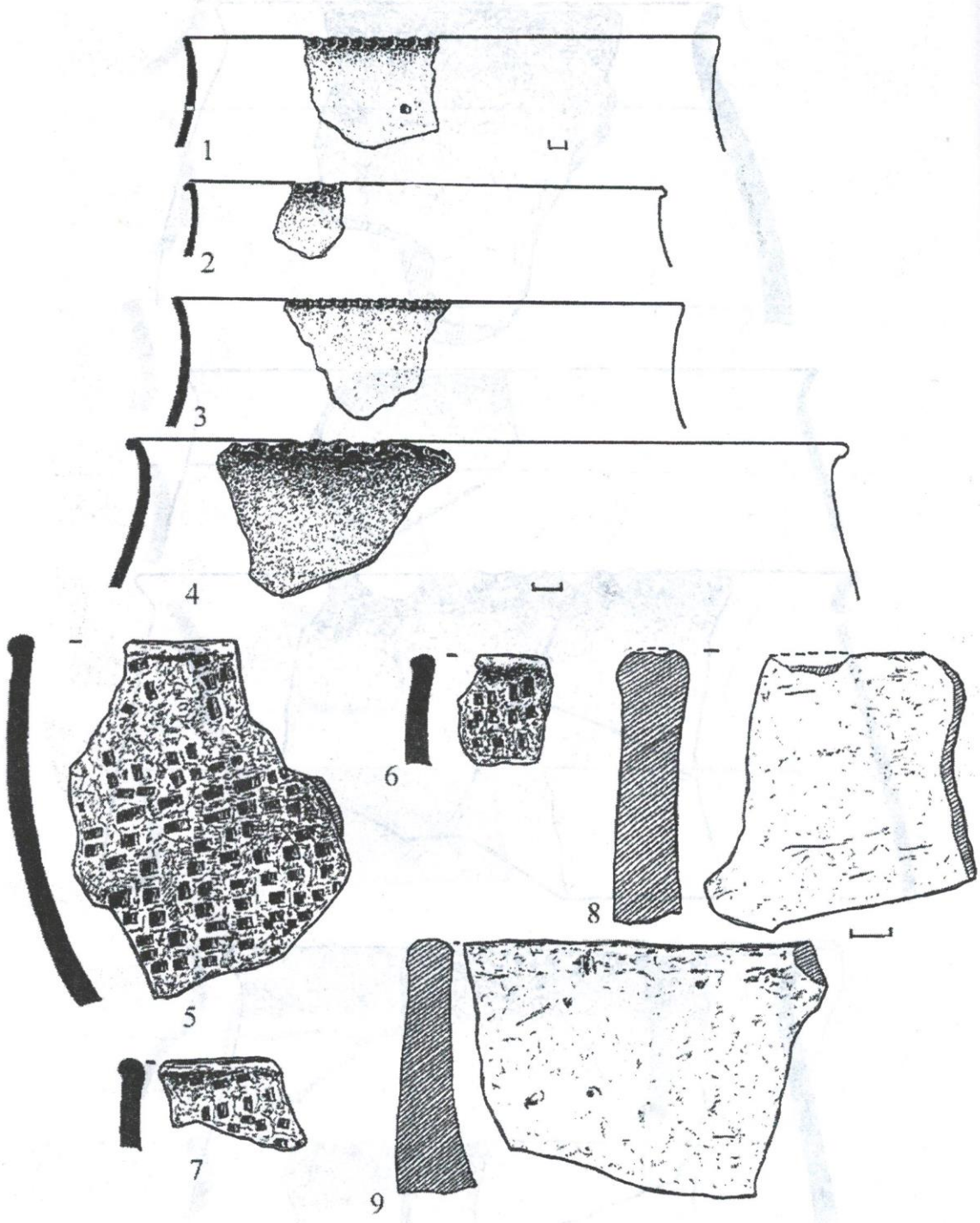


Рис.90. Мостище 1; 1 – 4 – горшки типа VI; 5 – 7 – керамика городецкой культуры; 8 – 9 – сковороды

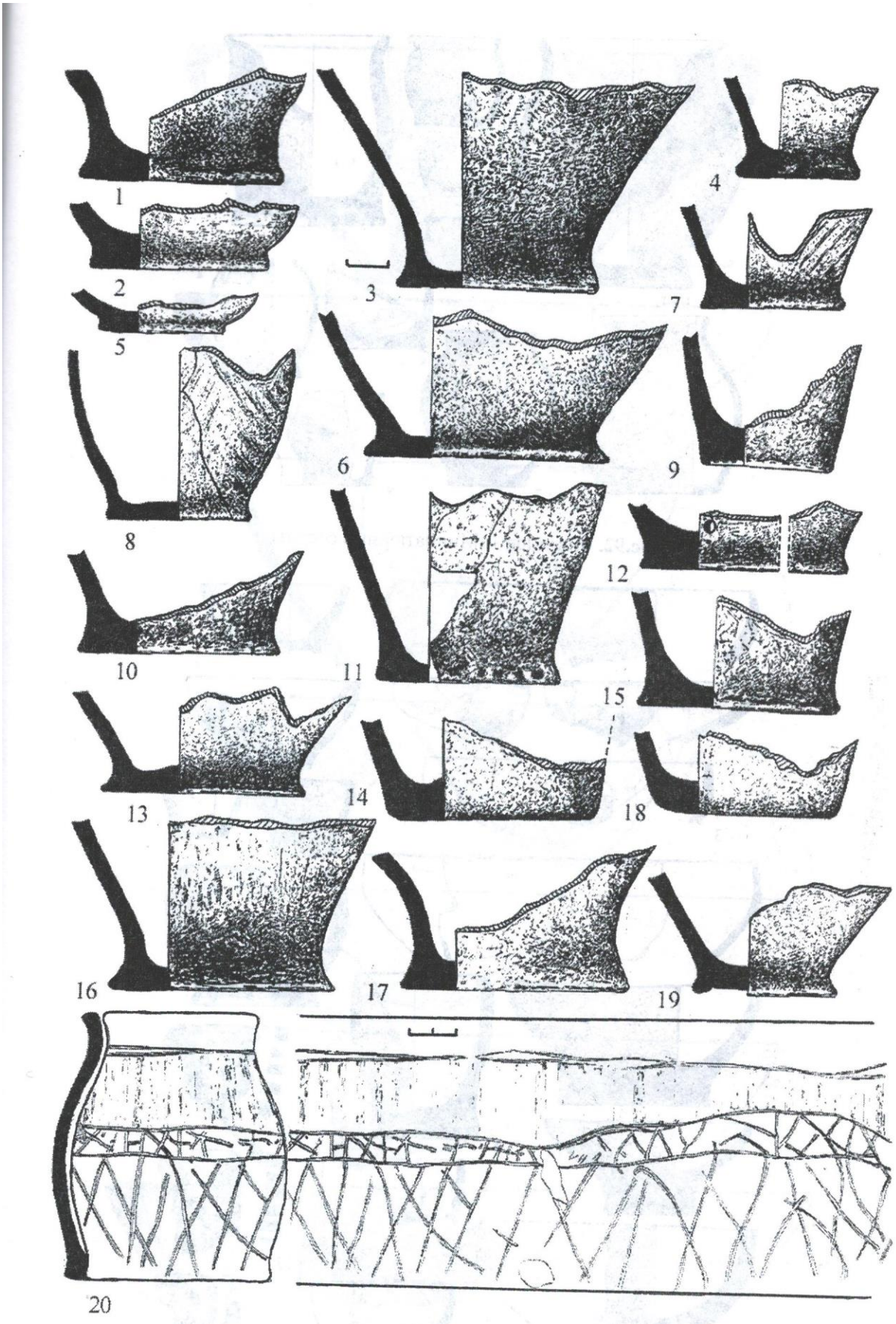


Рис.91. Мостище 1. 1 – 19 – днища лепных сосудов; 20 – ритуальный сосуд

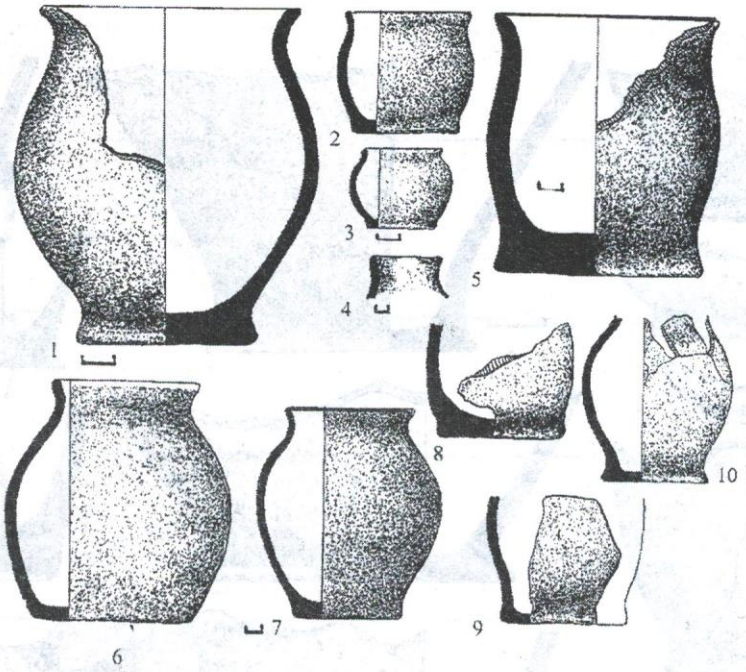


Рис.92. Мостище 1. Миниатюрные сосуды

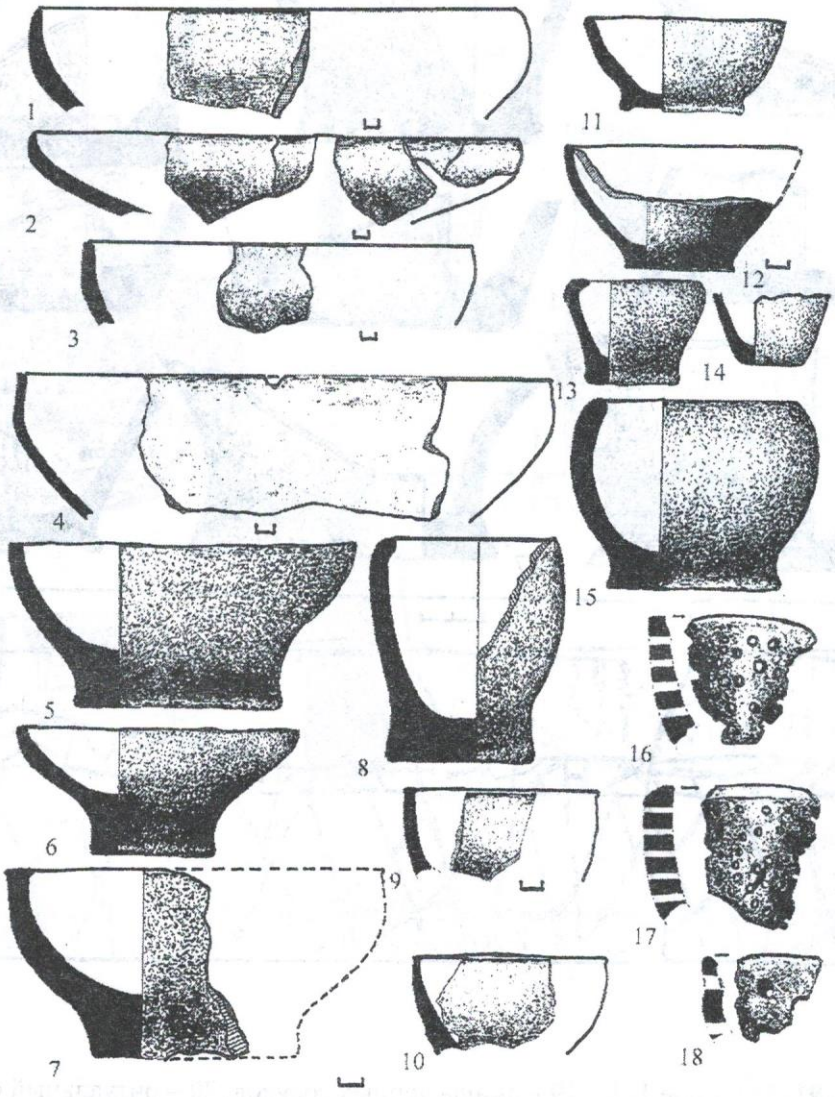


Рис.93. Мостище 1. Миски, плошки и фрагменты дуршлагов

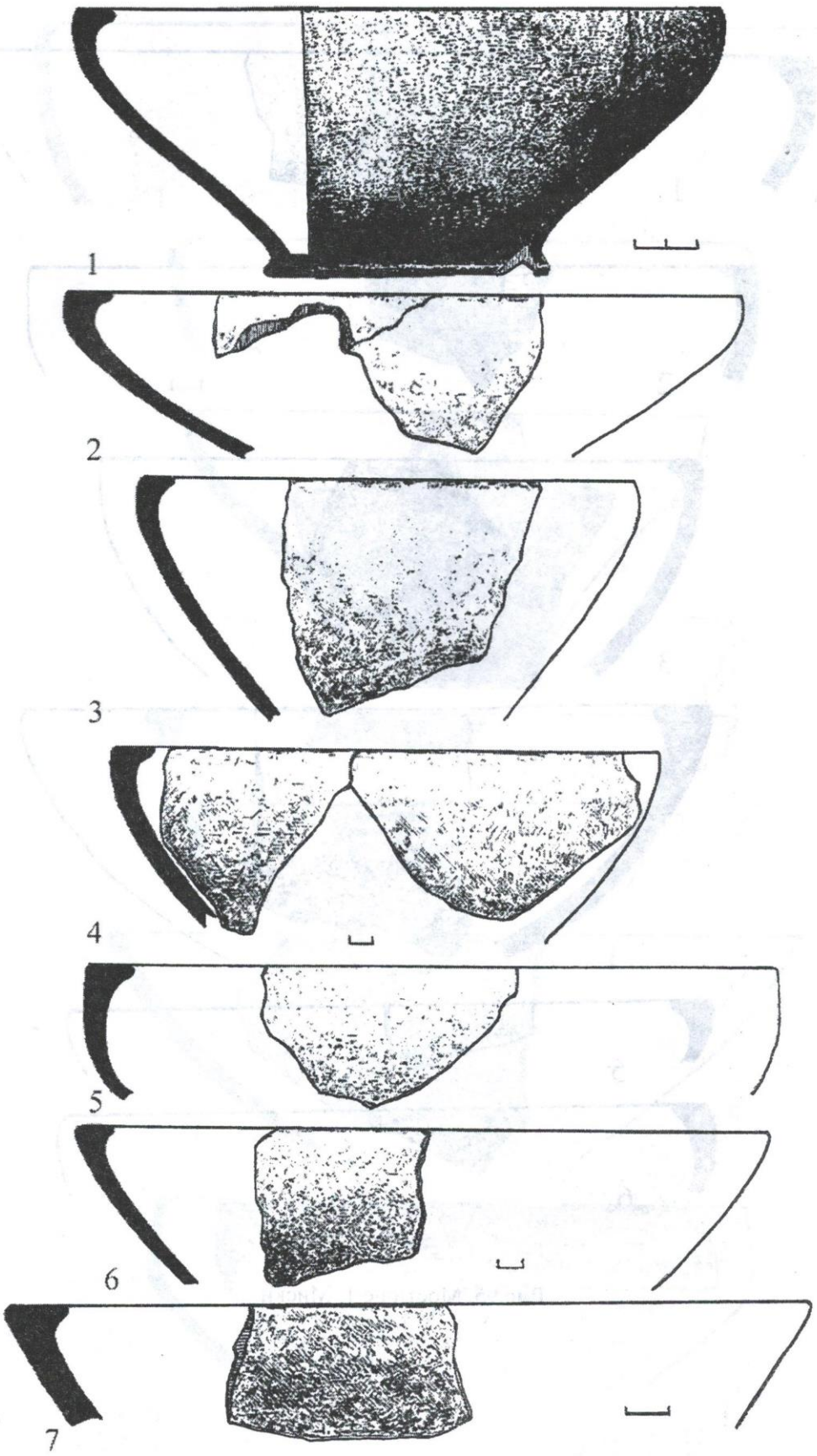


Рис.94. Мостище 1. Миски типа I

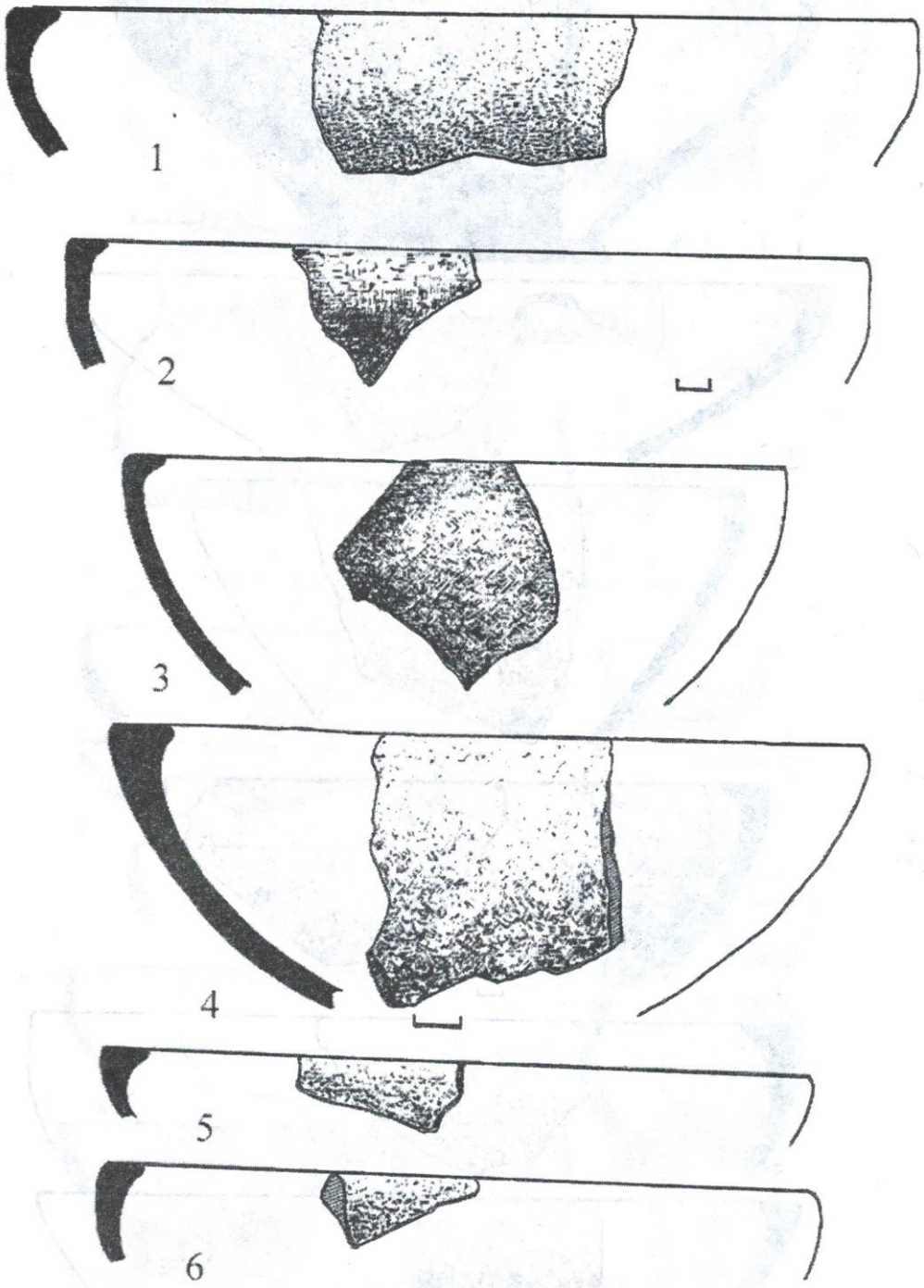


Рис.95. Мостище 1. Миски

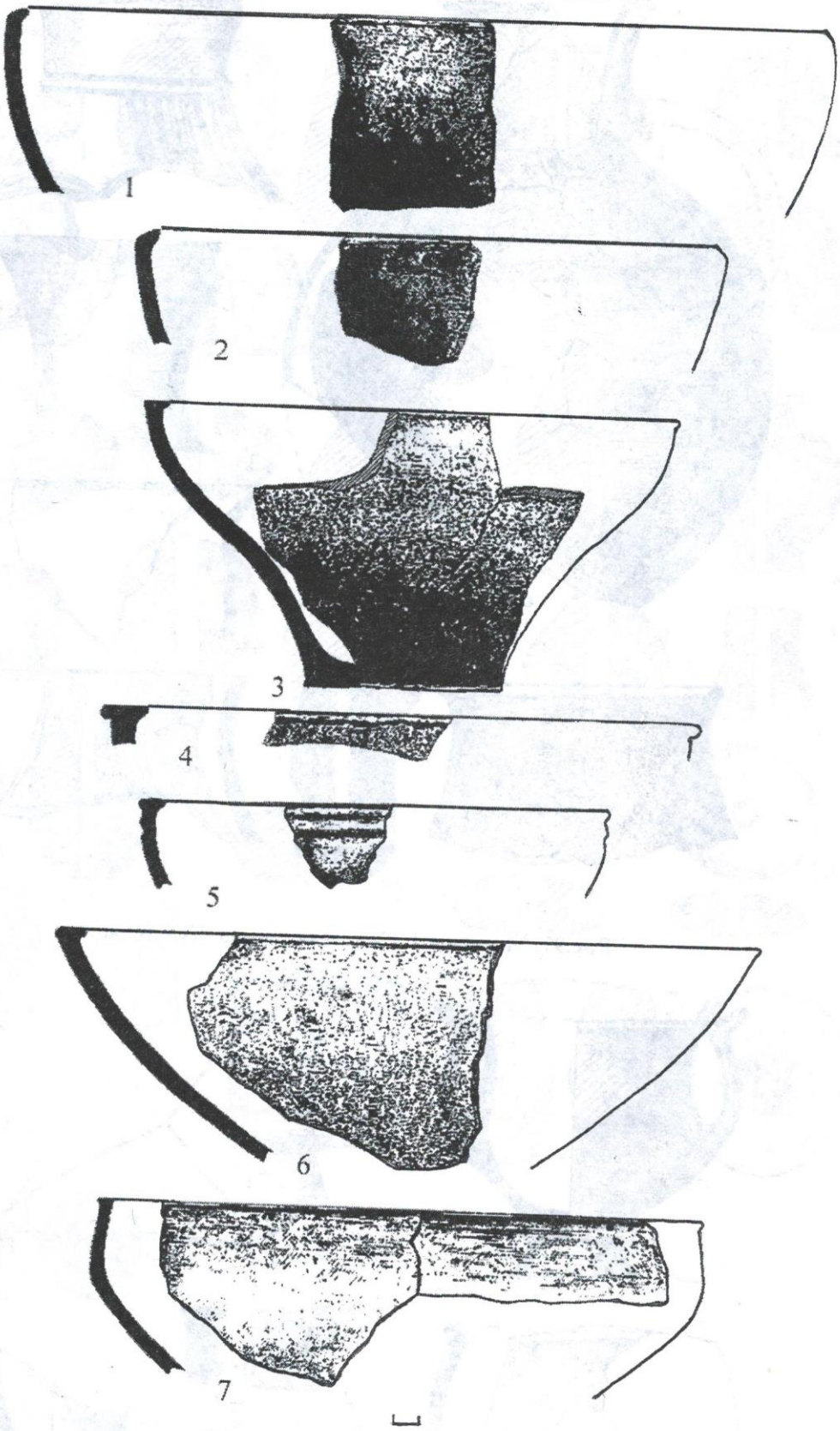


Рис.96. Мостище 1. Миски

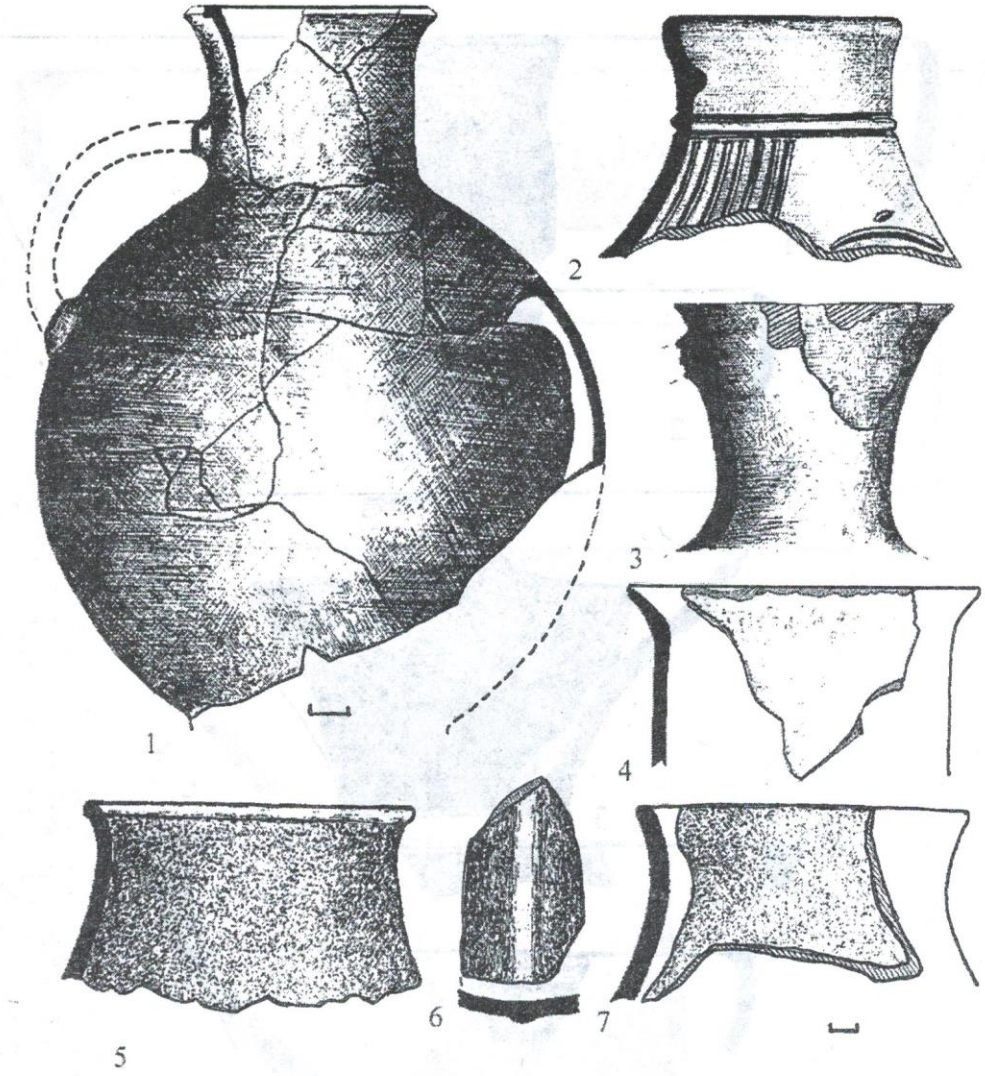


Рис.97. Мостище 1. Столовая посуда. Кувшины

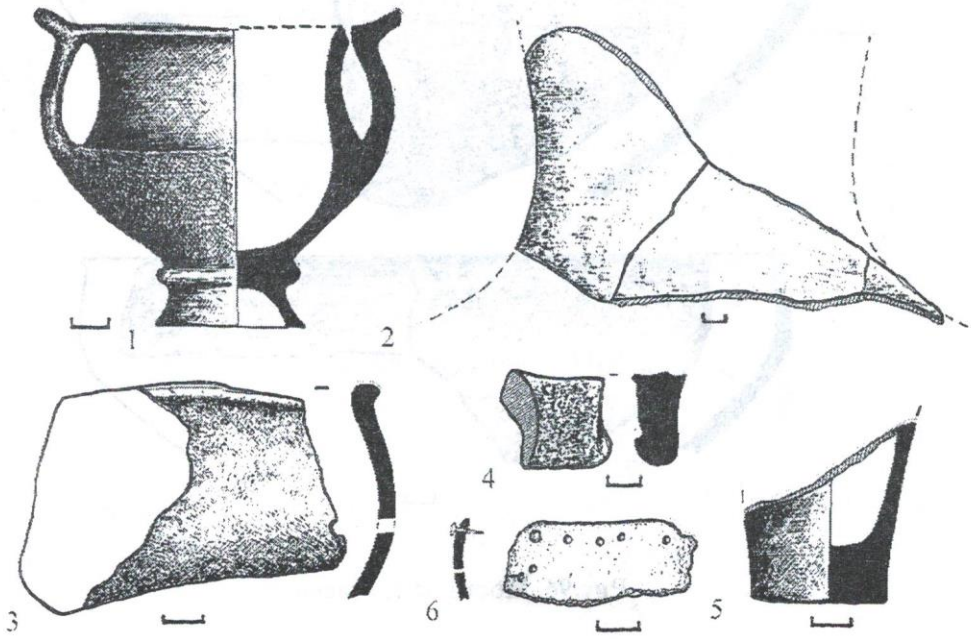


Рис.98. Мостище 1. Столовая (1,2), античная (3 – 5) посуда; 6 - кожа.

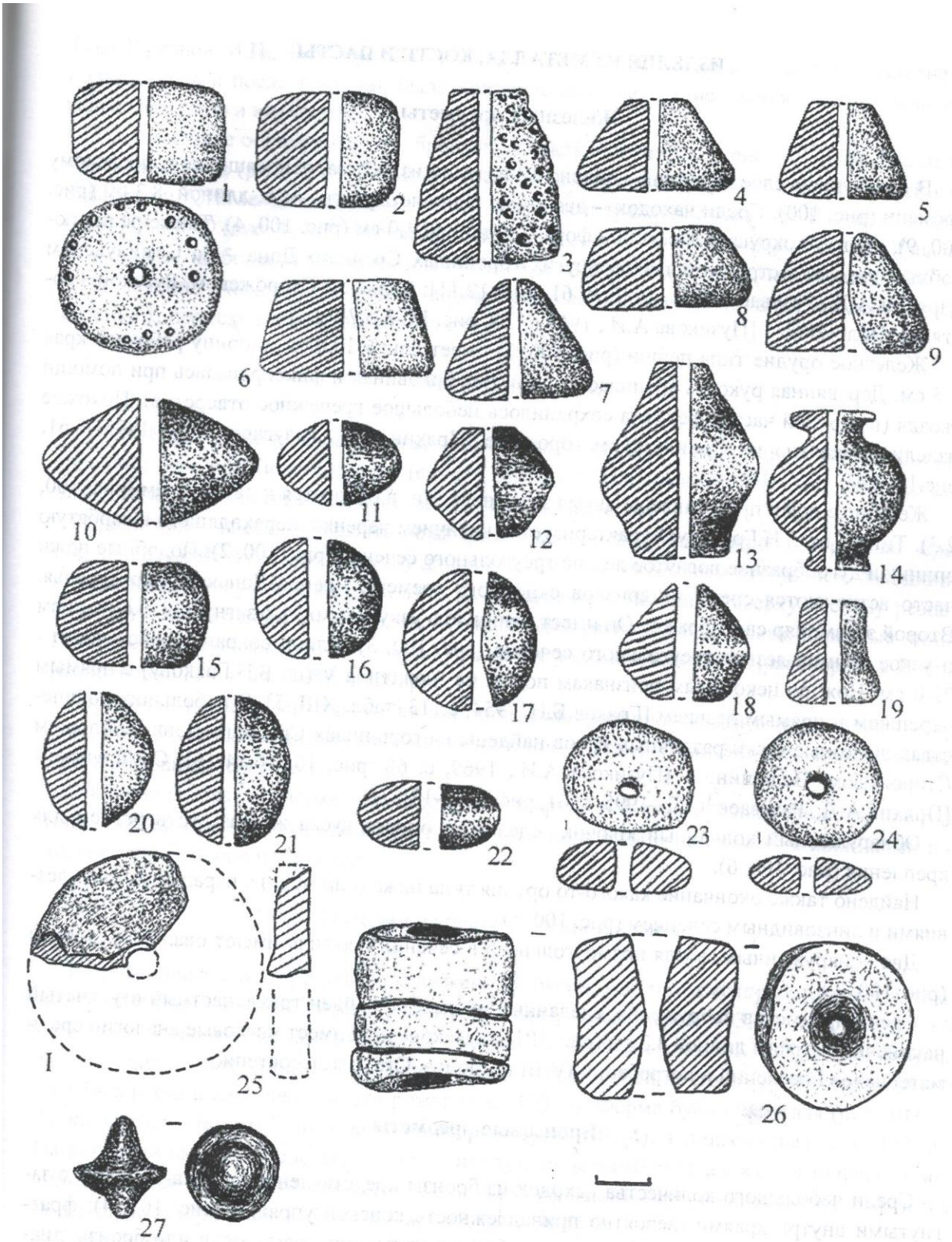


Рис.99. Мостище 1. 1 – 25 – глиняные грузики; 26 – изделия из мела;
27 – глиняная «юла»

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, КОСТИ И ПАСТЫ

Железные предметы

В культурном слое городища найдено 10 изделий из железа, относящихся к скифскому времени (рис. 100). Среди находок - два шила. Одно четырехгранное, длиной 8,3 см (рис. 100, 9), другое - округлой в сечении формы и длиной 4,0 см (рис. 100, 4). Также редко подобные изделия встречаются и на других городищах Среднего Дона – на Семилукском [Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995, с. 61, рис. 12,11]; Большом Сторожевом, Русской Тростянке, Волошино 1 [Пузикова А.И., 1969, с. 68, рис. 16, 3-5,7-9.].

Железное орудие типа пешни (рис. 100, 1) имеет длину 10,0 см, ширину рабочего края 1,5 см. Деревянная рукоять крепилась в загнутых боковинах и фиксировалась при помощи гвоздя (в верхней части предмета сохранилось небольшое крепежное отверстие). Похожее изделие выявлено на Семилукском городище [Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995, с.61, рис.12, 2,4].

Железные ножи представлены двумя экземплярами и относятся к двум типам (рис. 100, 2,3). Тип II (по Б.Н.Гракову) характеризуется наличием черенка, переходящего в горбатую спинку и дугообразное вогнутое лезвие треугольного сечения (рис. 100, 2). Подобные ножи часто встречаются среди материалов скифского времени Днепро-Донского междуречья. Второй экземпляр своеобразен. Он имеет длинную и узкую рукоять с загнутым окончанием и узкое прямое лезвие треугольного сечения (рис. 100, 3). Длина сохранившейся части - 22,0 см. Нож по некоторым признакам похож на нож типа V (по Б.Н.Гракову) с прямым черешком и прямым лезвием [Граков Б.Н.,1954, с.113, табл. XIII, 5]. В небольших количествах железные ножи различных типов найдены на городищах Среднего Дона – Большом Сторожевом, Волошино 1 [Пузикова А.И., 1969, с. 68, рис. 16, 10,14-16], Семилукском [Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995, с. 61, рис. 12, 5-10].

Обнаруженный колчанный крючок сделан из одного куска железа с отверстием для крепления (рис. 100, 6).

Найдено также окончание какого-то орудия типа ножа (или меча) с параллельными лезвиями и линзовидным сечением (рис. 100, 5).

Два обнаруженных гвоздя прямоугольного в сечении профиля имеют овальные шляпки (рис. 100, 7,8).

Среди предметов вооружения, сделанных из железа, найден трехлопастный втульчатый наконечник стрелы длиной 4,3 см (рис. 101, 5). Наконечник имеет массовые аналогии среди материалов поселений и погребений IV-III вв. до н.э. Степи и Лесостепи.

Бронзовые предметы

Среди небольшого количества находок из бронзы представлены: шляпка-заклепка с загнутыми внутрь краями (вероятно принадлежность конской упряжи) (рис. 101, 4); фрагмент ручки котла (рис. 101, 3); нашивная бляшка из тонкого листа меди или бронзы диаметром 5,0 см округлых очертаний (рис. 101, 1); верхняя часть (венчик ?), возможно от сосуда (рис. 101, 9); обломок удил (рис. 101, 2). Ручка котла принадлежит сосудам, тип которых хорошо представлен в известных Мастюгинских, Частых курганах, курганах у с. Дуровка (Вербное). Нашивная бляшка имеет аналогии в материалах Скифии (Краснокутский курган) [Мелюкова А.И., 1981, с.47, рис.139-15].

Фрагмент удил не имеет отношения к слою городища. Подобные удила встречаются в более ранний период. Аналогии им известны, в частности, в материалах кургана Аржан в

Туве [Грязнов М.П., 1980, рис.20, 4,8; 23, 1,3,5,6; 27]. С какой-то целью это изделие использовалось и после того, как было обломано его окончание, которое затем было тщательно заточено и выровнено.

На памятнике обнаружены три бронзовых наконечника стрел (рис. 101, 6-8). Два из них - трехлопастные (рис. 101, 6,7), один - трехгранный (рис. 101, 8). По типологической классификации А.И.Мелюковой наконечники относятся: трехлопастные - ко II отделу типов 8 (рис. 101) и 10 (рис. 101, 7); трехгранный - к III отделу типа 3 (вторая половина V-начало IV в. до н.э., но более характерны для IV-III вв. до н.э.) [Мелюкова А.И., 1964, с. 25-29].

Отмеченные находки, за исключением бронзовой нашивной бляшки, найденной в постройке 1, происходят из культурного слоя.

Изделия из кости

Подробный трасологический анализ костяных и роговых предметов с Мостищенского городища дан В.В.Килейниковым (см. его статью в Приложении). Здесь мы лишь остановимся на характеристике наиболее выразительных поделок.

Среди них – костяная рукоять ножа (рис. 102, 1) (?); принадлежность веретена, представляющая собой костяную втулку длиной 8,5 см с конусовидным отверстием, заходящим внутрь наполовину изделия (рис. 102, 3). Орнамент, нанесенный сверху и снизу резцом, образует горизонтальные валики, между которыми расположены косые нарезные линии. Похожее изделие было обнаружено в кургане 480 у с. Капитановка в Правобережье Днепра [Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с.129, рис. 40,18].

Оригинальна находка изделия из плоской заполированной кости в виде головы вепря (рис. 102, 5). Резцом выделен глаз животного, нос-«пятак». Окончание изделия обломано. Длина сохранившейся части - 5,7 см.

Найдена роговая ворворка диаметром 1,7 см, круглой формы и эллипсовидного профиля (рис. 102, 2). Все находки происходят из культурного слоя и не связаны с жилищами или хозяйственными сооружениями.

Изделия из пасты, глины и камня

В культурном слое городища обнаружено 10 бусин, восемь из которых изготовлены из пасты различных цветов: синего с желто-белыми глазками (рис. 103, 1), серо-голубого с налепным большим глазком (рис. 103, 2), черного с желтыми (рис. 103, 6, 7) и белыми (рис. 103, 3-5) фестонами. Один из фрагментов представляет собой нечто подобное подвеске (?) голубого цвета в виде небольшого рожка (рис. 103, 8). Форма бусин округлая (рис. 103, 1-3), квадратная (рис. 103, 6), в виде «амфорки» (рис. 103, 4), эллипсовидная (рис. 103, 5). Наибольший интерес представляют бусы из глухого черного стекла с желтыми фестонами. Они относятся к типу 259, варианту «б» по классификации Е.М.Алексеевой и датируются IV-III вв. до н.э. [Алексеева Е.М., 1978, с.48, табл. 30,5].

Две бусины сделаны из глины. Одна - круглая (рис. 103, 9), другая - овальной формы (рис. 104, 10).

В слое городища обнаружено два каменных оселка (рис. 102, 4,6) с отверстиями для подвешивания. Оба изделия имеют следы использования.

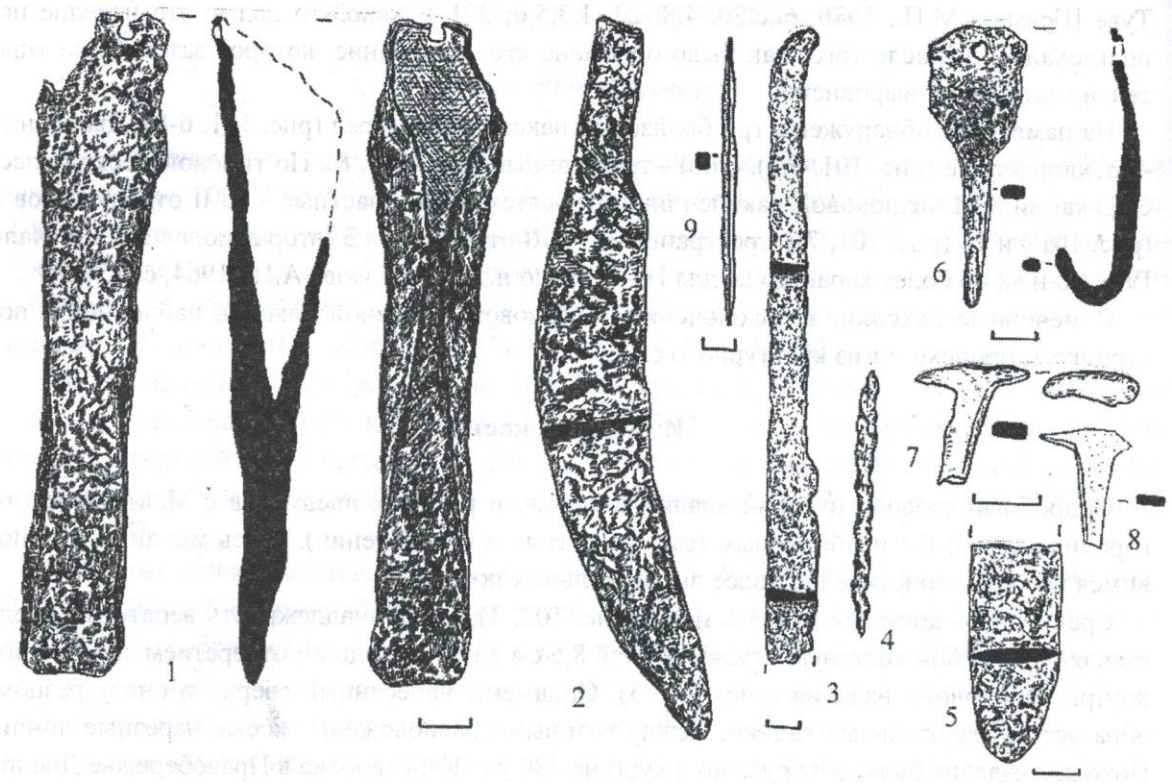


Рис.100. Мостище 1. Железные изделия

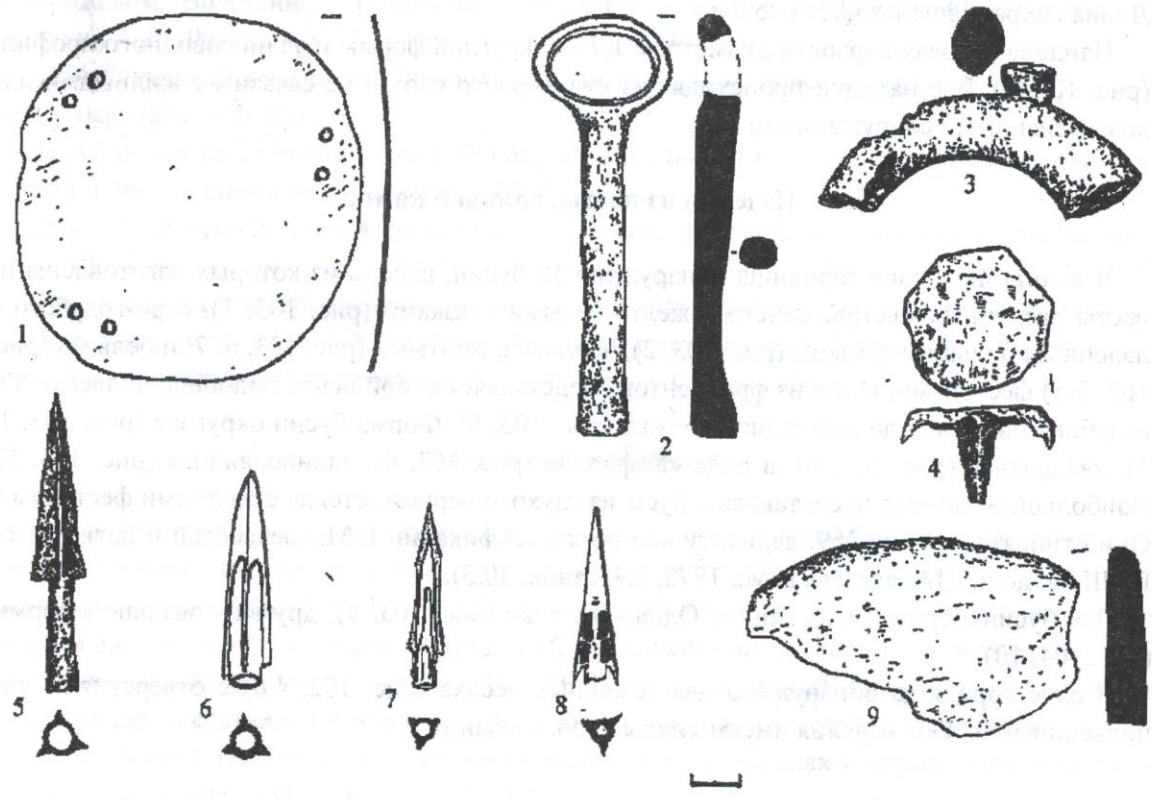


Рис.101. Мостище 1. Бронзовые изделия

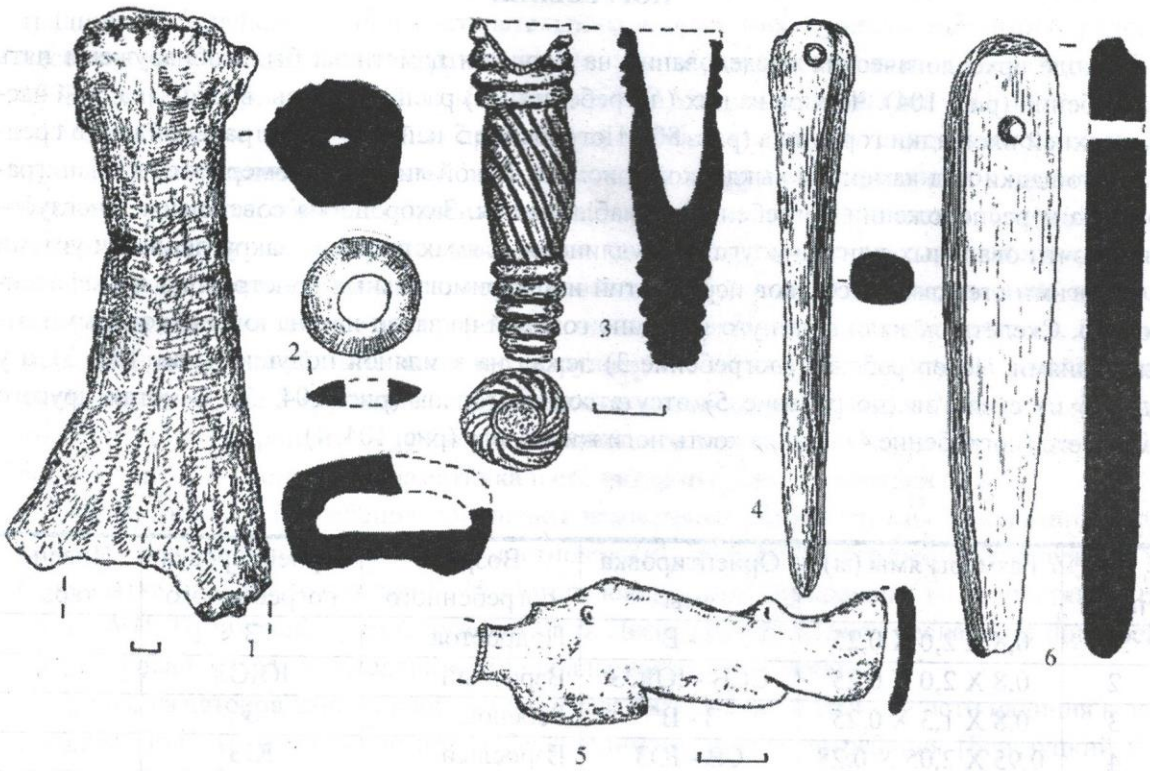


Рис.102. Мостище 1. Костяные (1 – 3, 5) и каменные (4, 6) изделия

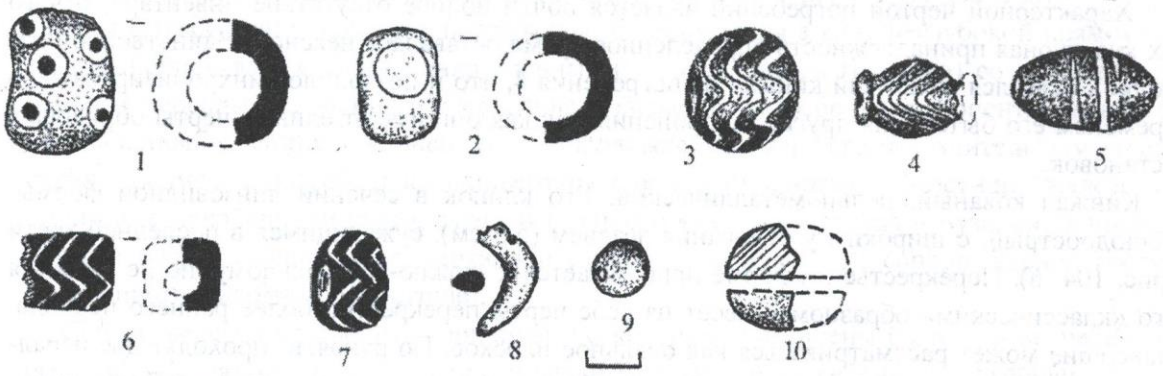


Рис.103. Мостище 1. Изделия из пасты (1–8) и глины (9, 10)

ПОГРЕБЕНИЯ

В ходе археологических исследований на площади памятника были обнаружены пять погребений (рис. 104). Четыре из них (погребения 1-4) располагались в юго-западной части верхней площадки городища (рис. 80). Погребение 5 найдено в центральной части средней площадки под каменной выкладкой (рис. 79). Какой-либо закономерности в планиграфическом расположении погребений не наблюдается. Захоронения совершены в неглубоких, почти овальных или прямоугольно-удлиненных ямах с сильно закругленными углами и пологими стенками. Остатков перекрытий и внутримогильных конструкций не зафиксировано. Скелеты лежали вытянуто на спине головой на запад или на юг с некоторыми отклонениями. Череп ребенка (погребение 3) лежал на земляной подушке (рис. 104, 3), а у одного из скелетов (погребение 5) отсутствовала голень (рис. 104, 5). В ногах другого умершего (погребение 4) лежала кость ноги животного (рис. 104, 4).

№ погр.	Размеры ямы (м)	Ориентировка ямы	Возраст погребенного	Ориентировка погребенного	Инвентарь
1	0,8 X 2,0 X 0,25	З - В	Подросток	З	-
2	0,8 X 2,0 X 0,25	ССВ - ЮЮЗ	Взрослый	ЮЮЗ	-
3	0,8 X 1,3 X 0,25	З - В	Ребенок	З	-
4	0,95 X 2,05 X 0,28	СВ - ЮЗ	Взрослый	ЮЗ	+
5	-	-	Взрослый	ЮЗ	-

Характерной чертой погребений является почти полное отсутствие инвентаря, отчего их культурная принадлежность определенное время оставалась неясной. Единственной находкой оказался железный кинжал из погребения 4, что и позволило синхронизировать со временем его бытования другие захоронения, так как они имеют единые черты обрядовых установок.

Кинжал кованый, цельнометаллический. Его клинок в сечении линзовидной формы, обоюдоострый, с широким у основания лезвием (5,5 см), сужающимся в последней трети (рис. 104, 6). Перекрестье по форме приближается к ложно-треугольному, но не является его «классическим» образцом и несет на себе черты перекрестий более раннего периода. Навершие может рассматриваться как овальное плоское. По рукояти проходят две параллельные бороздки, а по краям расположены поперечные насечки-углубления. Длина клинка - 33,0 см, рукояти с навершием – 12,0 см. По типологической классификации А.И.Мелюковой кинжал можно отнести к типу 3 отдела I и датировать IV-III вв. до н.э. [Мелюкова А.И.,1964, с.20]. Однако, как мы уже отмечали, перекрестье его (один из важнейших критериев для типологического и хронологического разделения мечей и кинжалов) не несет в себе черты классических образцов IV-III вв. до н.э. и более напоминает синтез бабочковидного и ложно-треугольного перекрестий. Отсюда и датировка кинжала, как нам представляется, может быть перенесена до конца V – начала IV в. до н.э.

Мостищенский кинжал является первой находкой подобного типа на Среднем Дону. Все предыдущие экземпляры происходят из случайных сборов и датируются раннескифским временем [Либеров П.Д., 1965, с.73, табл.17, 9-11]. П.Д.Либеров полагал, что отсутствие кинжалов в погребальных комплексах с территории Среднего Дона, вероятно, объясняется более ранним появлением кинжалов по сравнению со временем появления мечей [Либеров П.Д., 1965, с.16]. Первая находка кинжала в погребении не подтверждает этого мнения. От-

сутствие кинжалов в подкурганных погребениях, видимо, можно объяснить различными традициями в использовании наступательного вооружения, существовавшими у рядового населения и у военных аристократов, на что уже обращалось внимание [Березуцкий В.Д., 1993, с.74]. Не отрицает такой возможности и А.П.Медведев [Медведев А.П.,1999, с.102].

Мостищенские погребения не представляют собой могильник длительного накопления и, судя по имеющимся данным, были совершены в короткий промежуток времени в результате каких-то событий. Обратимся к имеющимся на этот счет данным. Стратиграфические наблюдения, как уже отмечалось выше, свидетельствуют о двух хронологических периодах существования городища: перестраивались оборонительные укрепления, отмечены неоднократные свидетельства прорезания одних хозяйственных ям и построек другими. При этом погребение 1 было частично разрушено более поздней по времени хозяйственной ямой, а погребение 5 перекрывала выкладка из мелового камня. Таким образом, захоронения синхронны городищу и появились с какого-то времени его функционирования. Подробнее вопрос о хронологии памятника и его истории будет рассмотрен ниже.

Обнаруженные погребения пополняют немногочисленную группу бескурганных захоронений лесостепного Дона. Кроме мостищенских, подобные погребения обнаружены у с. Ольховатка на Дону (раскопки В. И. Погорелова), у хут. Терновушка на р.Тростянка (раскопки А.И. Пузиковой), у хут. Бузенки на р. Девица (разрушенное распашкой погребение зафиксировано П. М. Золотаревым, материалы находятся в печати).

Одним из авторов данной работы высказывалось мнение о возможности наличия в лесостепном Подонье в скифское время бескурганного обряда погребения [Березуцкий В.Д., 1993, с.76; 1995, с.57]. Найденные захоронения демонстрируют именно *обряд* (выделено нами.- А.С., В.Б.) со свойственными ему признаками (здесь мы не рассматриваем семилукские бескурганные погребения из-за спорности вопроса о присутствии именно обрядовых признаков [Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 2000; Медведев А.П., 1997; 1999, с.145-149]). К таковым относятся: устройство погребального сооружения в виде неглубокой прямоугольно-удлиненной ямы с сильно закругленными углами, иногда (Бузенки) со следами деревянного перекрытия; вытянутое на спине положение погребенного, ориентированного в юго-западный сектор с отклонениями; сопровождение умершего незначительным количеством предметов погребального инвентаря (железный кинжал – Мостище, железные и бронзовые наконечники стрел, фрагмент лепного кухонного сосуда – Бузенки, лепной кухонный сосуд – Ольховатка, зеркало и серьги – Терновушка); сопровождение костями жертвенного животного (Мостище).

Сейчас нелегко установить причины, по которым совершены были эти погребения: – особыми обстоятельствами смерти, социальным статусом погребенного, совершены ли они в экстремальных или иных условиях. Для выяснения этого вопроса слишком мало материала и на нынешнем этапе исследования сделать это вряд ли возможно. Но признать данные погребения случайными, когда умершего хоронили «кое-как», наспех, без соблюдения обрядовых норм и правил вряд ли правомерно. Именно обрядовые признаки дают нам возможность предполагать, что для определенных круга людей того общества (по нашим представлениям – рядовых обитателей городищ и неукрепленных поселений) применялся и бескурганный обряд захоронения, в том числе и в грунте без устройства насыпи. Дальнейшее накопление материала позволит более определенно говорить об этом.

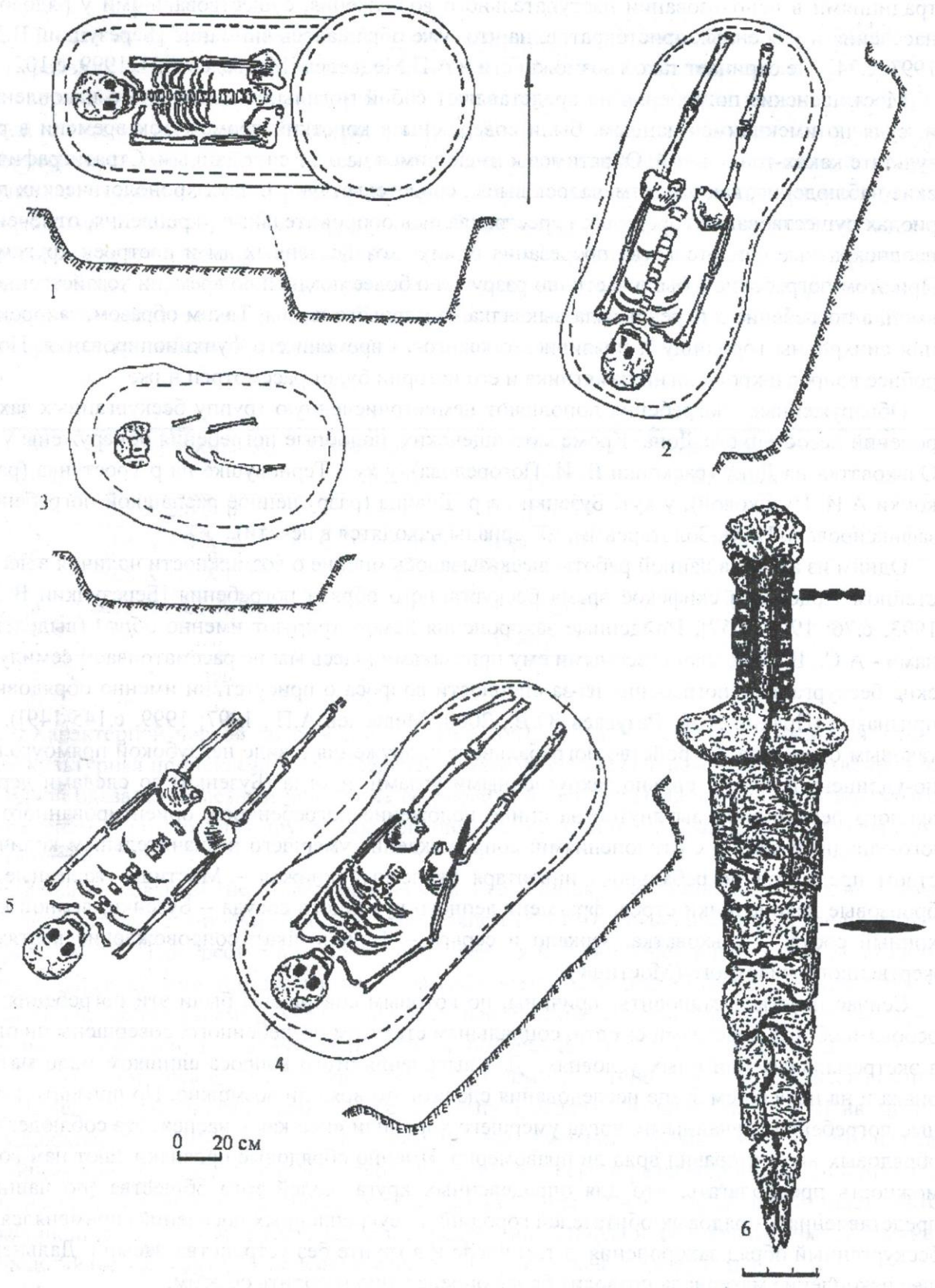


Рис.104. Мостище 1. Погребения

ХРОНОЛОГИЯ МОСТИЩЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Данные стратиграфии свидетельствуют, по крайней мере, о двух хронологических периодах в истории укрепленного поселка. Рассмотрим с этой точки зрения вещественный материал.

Наиболее раннюю дату дают некоторые фрагменты амфор. Один из них – ножка хиосской амфоры (тип I В-2 по А.П.Абрамову так называемые «ранние пухлогорлые амфоры»), датируемые А.П.Абрамовым концом VI-началом V в. до н.э. (Табл. 6, 2-7].[1] Другой фрагмент – стенка амфоры. Глина крупнозернистая с включением известняка с многочисленными золотистыми блестками слюды. Фрагмент принадлежит типу амфор с усеченно-конусовидным дном, которые датируются второй половиной VI-началом V в. до н.э. [Зеест И.Б., 1960, табл. III, рис. 9, а-б].

Показательна и лепная керамика городища. Для нее не характерны сосуды ранних форм и орнаментации. При сопоставлении ее со страфицированными сериями Пекшевского городища на Верхнем Дону можно отметить следующее. Во-первых, наблюдаемая на Пекшевском городище тенденция постепенного увеличения от нижних к верхним штыкам (с VI в. до н.э. к IV-III вв. до н.э.) сосудов типа I («S-видного» профиля) завершается максимумом их количества более 70,0 % [Медведев А.П., 1998, с.25]. На Мостищенском городище показатель представительности этого типа сосудов «уже сложился» и почти идентичен показателю Пекшевского городища. Во-вторых, для нижних слоев последнего характерны сосуды баночной формы, в то время как на Мостищенском городище они практически не встречаются.

Показательна орнаментация мостищенской лепной посуды, на которой ни разу не встречены сквозные проколы под венчиком – характерный орнаментальный признак раннескифской керамики. Отсутствуют и тяготеющие к среднему слою Пекшевского городища сосуды, орнаментированные «жемчужинами» [Медведев А.П., 1998, с.28]. Ни разу не отмечены находки фрагментов лепной посуды с налепным валиком ниже венчика – признак, типичный для архаического периода Днепровской Лесостепи VII-VI вв. до н.э. Иногда подобная керамика встречается и на городищах Среднего Дона с другими материалами раннескифского времени.

Таким образом, начало строительства укрепленного поселка можно отнести ко времени не ранее рубежа VI – начала V вв. до н.э. Большая же часть датирующих вещей относится к IV-III в. до н. э. При этом необходимо иметь в виду, что в начале III в. до н.э. на поселениях Среднего Дона жизнь замирает, а курганы перестают пополняться захоронениями в связи с отмеченной исследователями первой волной сарматской экспансии. Поэтому финальную дату функционирования укрепленного поселка следует ограничить концом IV – началом III в. до н.э. В связи с этим отметим находку лепного подлощенного канфара, выполненного в подражание античным образцам. В степных скифских погребениях канфары подобного типа датируются третьей четвертью IV в. до н.э. [Гаврилюк Н.А., 1987, с.31, 30, рис. 4,1]. По всей вероятности, эта находка отмечает последний, финальный период жизнедеятельности городища. К IV в. до н.э. принадлежат и бусы из глухого черного стекла с желтыми фестонами (тип 259, вариант «б» по Е.М.Алексеевой), датируемые исследовательницей IV-III вв. до н.э. [Алексеева Е.М., 1978, с.48, табл. 30,5].

Обнаруженные в культурном слое памятника бронзовые втульчатые наконечники стрел появляются со второй половины V- начале IV в. до н.э., но были широко распространены в Степи и Лесостепи в IV-III вв. до н.э. [Мелюкова А.И., 1964, с.25-29]. В IV-III вв. до н.э.

---

[1] Авторы выражают благодарность А.П. Абрамову за проведенный им анализ фрагментов амфор с Мостища 1.

повсеместно распространяются уже трехлопастные железные втульчатые наконечники стрел [Мелюкова А.И., 1964, с.29].

Таким образом, время функционирования городища можно определить в рамках рубежа VI-V – начала V вв. до н.э. и до конца IV в. до н.э., т.е. тем временем, к которому относится большинство городищ скифского времени лесостепного Дона. На каком-то временном отрезке этого периода городище подверглось нападению противника. Если наше предположение о дате кинжала из погребения 4 верно, то нападение, вероятно, произошло в конце V - начале IV вв. до н.э. Следствием этого и явились погребения на площади городища. После совершения захоронений, надо полагать, должен был пройти определенный срок (по крайней мере, жизнь двух-трех поколений), в течение которого новые обитатели поселка должны были «забыть» о погребенных на городище сородичах. Возможно также, что должен был пройти какой-то установленный срок, отведенный для возобновления безопасности жизни на месте совершения погребений. Так или иначе, но поселенцы на втором хронологическом этапе функционирования городища пренебрегли могилами предков. В результате одно из погребений было разрушено хозяйственной ямой, а другое перекрыто каменной выкладкой, используемой для хозяйственных нужд. Вероятнее всего, возобновление жизни в поселке следует отнести к первой половине IV в. до н.э. или к его середине. При этом каких-либо изменений в материальной культуре, связанных с новым заселением, не отмечается.

Укрепленное поселение было окончательно покинуто в конце IV – начале III вв. до н.э. в спокойной обстановке, о чем свидетельствует такой факт, как малочисленность выявленных глиняных сосудов и индивидуальных изделий.

2. АВЕРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Площадь городища, ограниченная с напольной стороны валом длиной примерно 850 м составляет около 12,0 га (рис. 59, 1). Его нынешняя высота достигает 0,6 м (с юго-запада) до 2,0-2,5 м (с севера и северо-запада). Ширина основания от 18,0 м (с юга) до 20,0-25,0 м на других участках своего протяжения.

Поверхность городища интенсивно распахивается, а на валу, имеющим ярко выраженный красно-оранжевый цвет, повсюду встречаются мелкие и крупные (до 0,3 м в поперечнике) обожженные куски грунта с вкраплениями древесных угольков. Видимых следов рвов не наблюдается.

По-видимому, именно это городище упомянул в своей работе Л.М.Савелов, который обозначил его «на одном из меловых «шпилей, царящих над Доном» [Савелов Л.М., 1900, с.7]. Исследователь отметил, что уже в его время оно распахивалось. Научное освещение памятник получил после работ Воронежской лесостепной скифской экспедиции, руководимой П.Д.Либеровым [Либеров П.Д.,1965].

П.Д.Либеров отмечал полное отсутствие каких-либо находок на городище, что не совсем соответствует действительности. Находки на распахиваемой поверхности встречаются, хотя и редко. К тому же они маловыразительны: фрагменты обработанных камней из песчаника, стенки лепных сосудов скифоидного типа. Эти факты, впрочем, не меняют верную, на наш взгляд, оценку памятника, данную П.Д.Либеровым, который связывал городище со скифским временем и отнес его к типу убежищ, где находили защиту от врагов жители близлежащей округи [Либеров П.Д., 1971, с.23]. Данная интерпретация не претерпела изменений. Заметим, что за время работ экспедиции Воронежского педуниверситета на соседнем Мостищенском укрепленном поселке, Аверинское городище нами неоднократно осматривалось. В 1995 г. было проведено исследование линии обороны раскопом

2,0 х 40 м [Березуцкий В.Д., 1995]. В ходе работ было установлено, что в целом укрепления представляют собой вал, ограниченный с двух сторон рвами (рис. 105-107).

Внутренний ров имеет в профиле вид перевернутой трапеции (рис. 105). При его создании была осуществлена подрезка материка с обеих сторон рва. Ширина основания рва составляет 0,5 м, а по верху, с учетом начала подрезок – 2,35 м. Глубина в материке – 1,35 м. Заполнение состояло из чернозема с примесью крошки и небольших комков (3,0-5,0 см в поперечнике) обожженной глины и древесных угольков. В ходе выборки заполнения на различных уровнях залегания найдено до десятка мелких стенок лепной посуды скифоидного облика, а на дне – две небольшие стенки амфоры кирпичного цвета.

Внешний ров в профиле имеет вид перевернутой трапеции с несколькими ступеньками-подрезками материка с обеих сторон (рис. 105). Заполнение состояло из черноземного слоя с незначительной примесью обожженной глины в виде мелкой крошки. В верхней части заполнения отмечен заплыв в ров, образованный, вероятно, оседанием основного заполнения. Он состоял из чернозема, крошки обожженной глины и отличался от основного заполнения повышенной концентрацией глинистой крошки.

Подрезки внутренней стенки создают три наклонные ступеньки: первая шириной 4,0 м, вторая – 3,0 м. Над обоими участками подрезок находился слой желтой материковой глины, перемешанной с черноземом. Толщина слоя 0,15-0,35 м, а длина по направлению раскопа – 7,0 м. Третья (и последняя) ступенька-подрезка имела ширину 2,6 м и переходила в плоское дно рва шириной до 0,65 м. Серия ступенек-подрезок отмечена и с внешней стороны рва: три наклонные, подрезающие материк, и одна горизонтальная. Первая имела ширину 2,1 м, вторая – 1,5 м, и переходила в горизонтальную ступеньку шириной 0,5 м. Последняя ступенька-подрезка шириной 1,05 м упиралась в дно рва. Подрезки-ступеньки служили, видимо, для беспрепятственного попадания защитников городища в ров с целью его зачистки от постоянно заполняющего его грунта.

Внешний ров в итоге характеризуется следующими данными. Ширина верхней части от начала подрезок материка – до 10,0 м, глубина от современной поверхности – 2,85 м. На дне найдена небольшая стенка амфоры кирпичного цвета, аналогичная по своим характеристикам тем фрагментам, которые найдены в заполнении внутреннего рва.

Вал. Имел высоту от уровня материка 1,1 м, и ширину основания от начала подрезок материка – 13,0 м (рис. 105). Раскопками зафиксирована следующая стратиграфия наслоений по центру вала под его вершиной: 0 - 0,15-0,25 м – дернина с включением крошки обожженной глины; 0,15-0,25 – 1,05 м – обожженная до красно-кирпичного цвета глина, перемешанная с желтой материковой глиной и древесными угольками; 1,05 – 1,1 м – слой золы и пепла, расположенный на материке; 1,1 м – материк в виде желтой глины.

В центральной части вала, но ближе к внешнему рву, на глубине 0,35 метра от поверхности до слоя золы и пепла отмечено скопление больших, спекшихся друг с другом, кусков обожженной глины с включением мелких древесных угольков. Размеры кусков достигали от 0,05 до 0,25 м в поперечнике. Форма их неопределенная. Толщина слоя составила от 0,1 (по краям скопления) до 0,65 м (в центральной части), а общая протяженность по валу в направлении траншеи – 3,85 м.

Сверху отмеченного слоя и к внешнему рву на протяжении 2,65 м от скопления обожженной глины отмечен слой желтой материковой необожженной глины с незначительной примесью древесных угольков и мелких комков обожженной глины. Концентрация и максимальная толщина этого слоя (до 0,7 м) приходится на ЮЮЗ часть вала от основания обожженного скопления и далее на расстоянии примерно 3,0 м к внешнему рву. Минимальная толщина (0,45 м) отмечается сверху скопления обожженной глины.

В ходе раскопок были выявлены незначительные следы деревянной конструкции: в кв. 12 (рис. 105) на материке найдено скопление древесного угля неопределенной формы шириной до 0,8 м и

длиной до 2,0 м при толщине 2-3 см. По всей вероятности, в данном месте сгорела доска от деревянной конструкции.

В итоге выясняется следующий облик оборонительных сооружений Аверинского городища. Вал сооружался в один прием и для его устройства до материка грунт был снесен, о чем свидетельствуют отсутствие следов погребенной почвы под валом и размещение различных наслоений прямо на материке, вернее на золистой прослойке, расположенной на нем. Погребенная почва фиксируется только с внутренней стороны оборонительных укреплений за внутренним рвом. Такая конструктивная деталь (снятие грунта до материка) встречается на лесостепных городищах междуречья Днепра и Дона, а в Лесостепном Подонье отмечена, в частности, на Мостищенском, Волошинском 1 городищах.

Важным для реконструкции оборонительных систем городища представляется обнаружение в центральной части вала скопления кусков обожженной глины. Валы со следами обожженного грунта на поверхности и внутри них встречаются на городищах Днепровской Лесостепи, а на Среднем Дону этот признак, кроме Аверинского городища, зафиксирован на укрепленном поселении у с. Русская Тростянка [Пузикова А.И., 1969, с.45]. Обожженная глина обнаружена и в ходе раскопок оборонительных укреплений на верхнедонских городищах городецкой культуры второй половины I тыс. до н.э. Александровском и Рябинки [Пряхин А.Д. и др., 1996, с.141-143, рис. 3], на Перехвальском городище (возникшем не ранее III в. до н.э.) [Бирюков И.Е., 1998, с. 98,99, рис. 2, I, II].

До раскопок в Лесостепи рассматриваемых укреплений исследователями высказывались предположения о преднамеренном обжиге валов для придания им большей прочности [Ляпушкин И.И., 1961; Ильинская В.А., 1957, с.243; Моруженко А.А., 1985, с.168]. Сомнения на этот счет впервые высказал Б.А. Шрамко, заметивший, что обожженная глина имеет рыхлую структуру, легко рассыпается и нигде не образует прочной корки. Происхождение обожженной глины в валах исследователь связал с пожарами деревянных укреплений (деревянной бревенчатой стены), что приводило к обжигу примыкавшего к стене глиняного вала. Вал осыпался и перекрывал остатки бревен крепостной стены [Шрамко Б.А., 1962, с.191]. Это объяснение вполне обоснованным признала А.И.Пузикова, давая характеристику оборонительным укреплениям городища у с. Русская Тростянка [Пузикова А.И., 1969, с.45].

Видимо, в целом ряде случаев так и было в действительности. Вместе с тем нельзя не заметить, что на большинстве городищ со следами сгоревших конструкций обожженные до кирпичного цвета куски глины или чернозема встречаются далеко не всегда. Не исключено, что причина этому кроется в различной интенсивности горения, однако аверинские материалы дают возможность и иной трактовки происхождения обожженных докрасна скоплений глины.

Данные стратиграфии вполне определенно свидетельствуют о перекрывании скопления обожженных кусков глины слоем желтой необожженной глины. Причем это перекрывание фиксируется на всем протяжении обожженного скопления. При этом не отмечается постепенного, плавного перехода обожженных кусков к необожженным слоям. Создается впечатление, что слоем желтой глины «заливали» предыдущий слой, придавая ему большую прочность. Эти наблюдения не позволяют придерживаться мнения о происхождении обожженной глины в валах городищ как результата пожаров линии обороны.

Созданная крепида вряд ли служила только для удержания вала от сползания во внешний ров, но и удерживала деревянные конструкции в валу. Таким образом, происхождение обожженной глиняной крепиды в валу Аверинского городища определенно связано со специальным приемом устройства оборонительных укреплений. Затруднительно ответить на вопрос о месте обжига глиняных блоков. Вероятно, их обжигали до необходимого состояния на стороне с последующим переносом на место будущего вала.

Сравнительно недавно к выводу о наличии специального конструктивного приема в виде устройства обожженного глиняного ядра при создании оборонительных укреплений на материалах Перехвальского городища на Верхнем Дону пришел И.Е. Бирюков [Бирюков И.Е., 1998, с.98,99]. И здесь выясняются общие приемы: устройство из обожженной глины мощного скопления, «обмазка» или подсыпка его слоем необожженной глины.

Затруднительно определить функцию внутреннего рва. Его незначительные размеры не позволяют однозначно отнести ров к оборонительным конструкциям. Попытки выявить неподалеку от рва следы деревянной стены в виде канавок или столбовых ямок путем продления раскопа в северном направлении результатов не принесли. Затрудняет решение вопроса о назначении внутреннего рва и отсутствие четких стратиграфических признаков, которые позволили бы установить последовательность создания рвов. Вероятнее всего оба рва функционировали одновременно. Возможно, внутренний ров при этом выполнял какие-то подсобные функции, например, дренажные.

Интересно отметить, что на двух рядом расположенных городищах, относящихся к одному времени, отмечаются различные приемы устройства оборонительных укреплений: на Мостищенском городище широко применялся мел, а на Аверинском – глина. Определить с какими причинами связано это явление, пока сложно. Если же исходить из экономии трудовых затрат на создание оборонительных сооружений (а этот факт неоднократно отмечался исследователями лесостепных городищ), то это, на наш взгляд, и будет наиболее вероятным объяснением различных конструктивных приемов, применяемых на Мостищенском и Аверинском городищах. Линия обороны Аверинского городища проходит по местности, где материком является глина. Для устройства каменной крепиды потребовались бы дополнительные средства на вырубку мелового камня, его транспортировку и т.п., что, видимо, не соответствовало требованиям экономии трудовых затрат. Там же, где материком являлся мел, для устройства рвов приходилось волей-неволей вырубать меловой материк. Полученный камень использовался для тех же целей, что и глина.

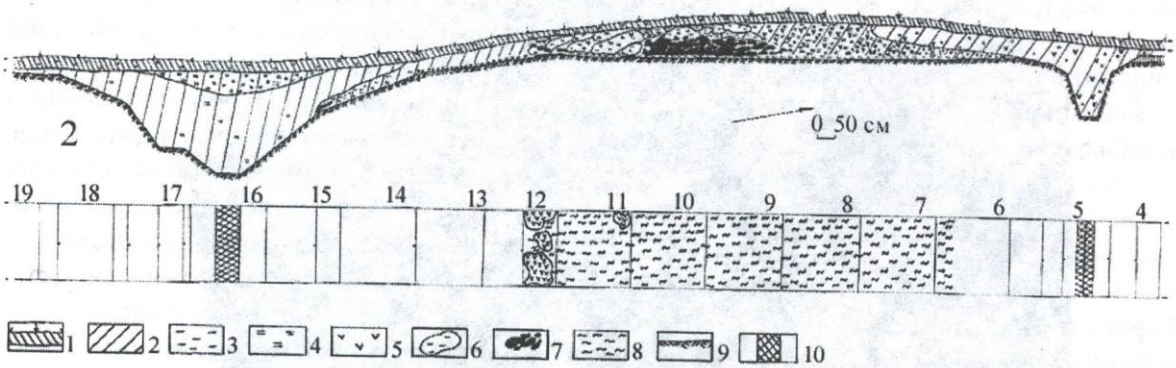


Рис.105. Аверинское городище. Оборонительные укрепления.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – глина; 4 – обоженная глина; 5 – древесный уголь; 6 – скопления необоженной глины; 7 – скопления обоженной глины; 8 – зола; 9 – материк; - 10 – дно рвов

Рис.106. Аверинское городище. Общий вид на разрез оборонительных укреплений (на переднем – внутренний ров)

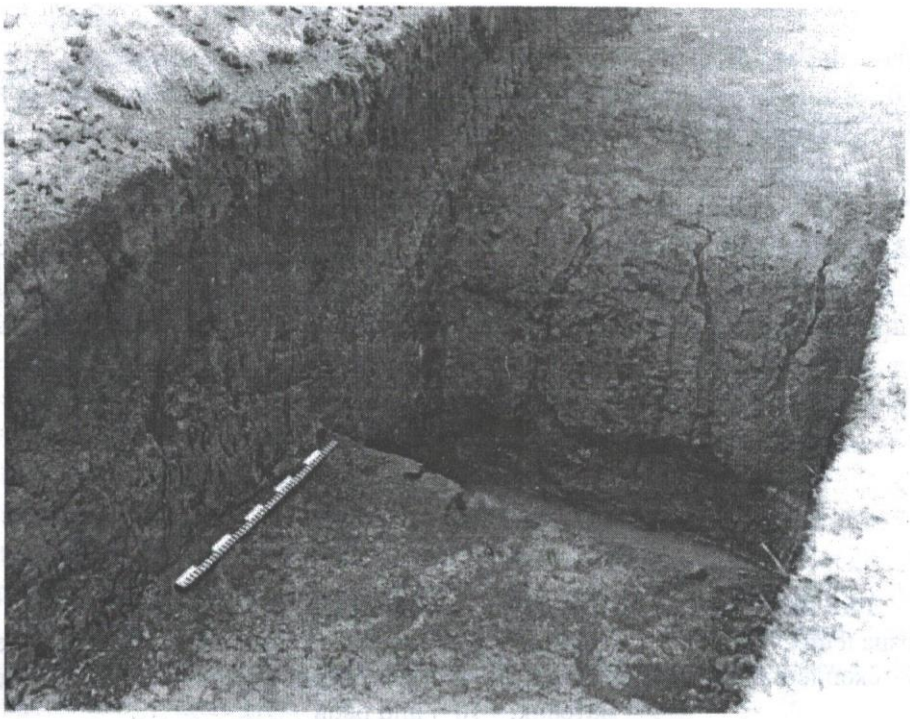


Рис.107. Аверинское городище. Вид на внутренний ров

3. АВЕРИНСКИЙ КУРГАН

Курган располагается на плато, образованном двумя глубокими балками с северо-запада и юго-востока, соединяющихся с поймой р. Потудань, где расположены хутора Мостище (в 1,25 км к ССВ от памятника) и Аверино (в 1,5 км к ВСВ) (рис. 1). Л.М. Савеловым на археологической карте Коротоякского уезда курган отмечен без какой-либо аннотации [Савелов Л.М., 1900, карта]. Как было установлено позднее, курган не являлся одиночным, а входил в группу из пяти насыпей, четыре из которых были со временем почти полностью распаханы [Памятники…,1989, с.156]. Самый высокий курган, отмеченный Л.М. Савеловым, достигал высоты до 3,0 м. Небольшие насыпи к началу раскопок были уже полностью снивелированы. Не сохранился и план могильника, по которому можно было бы определить месторасположение курганов.

В 1979 г. значительная часть насыпи была уничтожена выборкой земли для хозяйственных целей. В ходе этих работ у края северо-восточной полы тракторист обнаружил два медных котла, переданные затем в Острогожский краеведческий музей, где они хранятся в настоящее время. Кроме того, при выборке земли встречались «фрагменты амфор и лепной посуды» [Памятники…,1989, с.156]. Место находки котлов было осмотрено А.П. Медведевым. Ему удалось выяснить, что сосуды находились на уровне древней поверхности и, вероятно, входили в состав какого-то внемогильного комплекса – тризны, погребальных даров и т.п. [Медведев А.П., 1996, с.23-25].

В 1991 г. курган был осмотрен нами. Его высота доходила до 1,0 метра. Насыпь была сильно распахана и растаскана при производстве различных земляных работ. Она имела овальные очертания (60,0 х 72,0 м) и была ориентирована длинной осью по линии Север – Юг, с небольшим отклонением. На ее поверхности встречались кости животных, невыразительные фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы и скифского времени. В 1993 и 1995 гг. курган был исследован отрядом археологической экспедиции Воронежского педуниверситета [Березуцкий В.Д., 1993; 1995].

В ходе раскопок было установлено, что насыпь создавалась из чернозема в один прием (рис. 108). Выявлена следующая стратиграфия наслоений. Под пахотным слоем (0-0,35 м) залегал черноземный слой 1,1 м толщины, содержавший в своем составе примесь меловой крошки. В центральной части насыпи в нем отмечались мелкие комки материковой глины, фрагменты перегнившего дерева, древесные угли. В некоторых местах в черноземном слое удалось выявить погребенную почву мощностью до 0,35 м, имевшую однородный черный цвет. Материк представлял собой желто-коричневую глину.

Кроме отмеченных выше органических остатков в насыпи были найдены на различной глубине фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы, скифского времени, гончарных сосудов эпохи средневековья, несколько небольших стенок амфор ярко-оранжевого и краснокирпичного цвета, каменные терочники и кости животных. Количество находок и их распределение по штыкам показано в таблице 9.

Находки встречались на всех участках насыпи, а наибольшая их концентрация приходится на северо-восточный сектор кургана. Фрагменты керамики эпохи бронзы принадлежат сосудам катакомбной (рис. 109, 1) и срубной (рис. 109, 4) культур. Керамика скифского времени имеет аналогии среди поселенческих материалов V-IV вв. до н.э. и ближайшие ей аналоги представлены в массовом количестве на Мостищенском городище. Фрагменты гончарных сосудов эпохи средневековья имеют черный и коричневый цвета (рис. 109, 6,8,10,12,13). По-видимому, они относятся к раннему средневековью – VIII-X вв. В насыпи обнаружена и серия каменных изделий из песчаника, среди которых выделяется точило (рис. 109, 15). Кости животных представляют собой в основном зубы крупных травоядных.

Происхождение столь разновременных и разнокультурных находок в насыпи требует объяснения. Топографическое расположение кургана не дает оснований считать, что он находится на месте поселения, откуда различные предметы могли попасть в насыпь при ее сооружении. На распахиваемой поверхности за пределами кургана никаких находок не бы-

ло обнаружено. Единственным объяснением можно признать наличие неподалеку от кургана на расстоянии 0,5-0,7 км как в северо-западном, так и в противоположном направлении распахиваемых стоянок с материалами эпохи бронзы и раннего железного века. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с традицией создания кургана из слоя, взятого с поселения.

Таблица 9

Распределение находок в насыпи Аверинского кургана

№ штыка	Керамика				Камни	Кости животных	Всего
	Эпоха Бронзы	Скифоидная	Античная	Средневековая			
1	-	13	-	-	-	1	14
2	3	88	2	11	10	18	132
3	-	69	2	5	4	9	89
4	-	5	-	-	-	3	8
Всего	3	175	4	16	14	31	243

Подобные конструктивные приемы, вероятно, имели место при возведении насыпей скифского времени в могильниках лесостепного Дона. А.П. Медведев заметил, что в курганах восточной группы Дуровки происхождение лепной поселенческой керамики связано с расположенным неподалеку поселением скифского времени, откуда видимо создатели кургана брали грунт [Медведев А.П.,1999, с.117]. Вместе с ними в насыпи курганов попадали кости животных, обработанные камни. А.И.Пузикова, правда, все находки фрагментов лепной керамики в курганах скифского времени лесостепного Дона связывает с погребальными комплексами [Пузикова А.И., 2000, с.259-262].

Происхождение средневековой керамики осталось неясным. Судя по фрагментам, она принадлежала нескольким сосудам. Погребений же эпохи средневековья в кургане не было обнаружено.

Почти по центру насыпи ближе к восточной поле кургана отмечены следы позднего перекопа, имевшего овальные очертания и примерные размеры 14,0 х 17,0 м (рис. 108). Стенки перекопа пологие, а фиксировался он по серо-черному цвету черноземного заполнения. Перекоп большей частью приходится на центральную часть насыпи на место расположения погребального сооружения, но, как будет показано ниже, не разрушил материк, а частично повредил погребальное сооружение. По рассказам жителей хут. Мостище ранее на кургане располагался блиндаж или огневая точка. Но каких-либо следов подобных сооружений нами не было выявлено. Вероятнее всего перекоп представляет собой грабительский лаз. Не исключено, что в годы Великой Отечественной войны на вершине кургана действительно находилась огневая точка или иное подобное сооружение.

В центральной части кургана на уровне погребенной почвы зафиксирован выкид материковой глины, располагавшийся кольцом с перемычкой с запада. Его мощность составляла до 0,3 м при ширине до 4,7 м. Выкид состоял из комков глины, перемешанной с меловой крошкой и древесными углями.

Погребальное сооружение представляло собой неглубокое (до 0,35 м в материке) углубление сложной конфигурации, вытянутое длинной осью по линии запад-восток (рис. 110). Условно сооружение можно разделить на «дромос» и примыкающую к нему яму. «Дромос» имеет ширину до 3,8 м и длину до 11,5 м. Его южная сторона имеет четко выраженную пологую стенку. Глубина здесь доходит до 0,3 м. Далее к северу контуры ямы постепенно исчезают.

Заполнение состояло из чернозема с примесью древесных угольков. Они образуют скопление в центре 1,0 х 1,0 м округлых очертаний и толщиной 1-2 см (рис. 110). Угли обна-

ружены и в западной части на материке. При выборке заполнения на дне ямы отмечалась прослойка чернозема и органики серого цвета толщиной до 1 см, «жирная» на ощупь - остатки какого-то органического вещества. В западной части на материке найден железный гвоздь с округлой шляпкой и квадратного сечения стержнем (рис. 109, 17). Здесь же находилась небольшая стенка амфоры ярко-оранжевого цвета.

«Дромос» под углом примыкает с запада к яме неровно-овальных очертаний шириной 4,8 и длиной до 8,2 м. В ней так же, как и «дромосе», юго-западная стенка пологая, имеет такую же глубину. Далее к северу она сходит на нет. В южной части ямы погребенная почва наклонно подрезана, и на ней отмечен слой древесных углей толщиной 1-2 см.

Заполнение ямы черноземное, с примесью древесных углей. В нем найдены кости человека (бедренная кость, ребро, фрагмент черепной крышки) на различной глубине и без анатомического порядка, а также два бесформенных небольших куска коррозированного железа. Такой же фрагмент обнаружен и на полу ямы.

На юго-западной стенке ямы найдена жженая солома, а также горелые остатки нескольких жердей, упавших наклонно к центру ямы. Толщина их составляет 5-7 см, длина около 1,8 м. Разбросанные горелые жерди отмечены также с запада и юго-востока прокаленного участка материка, находившегося по центру ямы. Он прямоугольной формы (0,7 х 1,2 м) и ориентирован длинными сторонами по длинной оси ямы. Глина прокалилась настолько, что имела кирпичный цвет и повышенную твердость. Прокаленный участок и окружающее пространство были покрыты слоем древесного угля толщиной 1-3 см. Судя по этим фактам, жерди являлись частью конструкции типа небольшого шатра, устроенного не над всей ямой, а над небольшим участком, впоследствии прокаленном. В ходе обрядовых действий шатер был подожжен, а жерди упали на пол.

Восточнее прокаленного участка находилась яма неровно-овальных очертаний, углубленная в материк на 0,5 м, заполненная черноземом. У юго-западной стенки обнаружен кусок мела округлой формы.

К деталям конструкции погребального сооружения относятся и два деревянных столба, отмеченных с востока и ВЮВ сооружения. Восточный столб имел диаметр до 0,15 м и был установлен в округлую ямку такого же диаметра, углубленную в материк на 0,1 м (рис. 108). Столб фиксировался на высоту 0,3 м выше материка. ВЮВ столб имел тот же диаметр. Он не углублялся в материк, а был установлен в погребенную почву и фиксировался на высоту до 0,4 м.

Суммируя полученные данные, можно придти к следующим выводам. Хотя общий вид погребального сооружения выглядит несколько необычно, в его конструкции отмечаются широко известные конструктивные детали, дающие основание считать погребальное сооружение ямой с дромосом. О том, что дромос не являлся грабительской ямой свидетельствуют такие факты, как наличие в нем на уровне материка прослойки угля от костра (следы обрядовых действий), находки на полу стенки амфоры, железного гвоздя. Кроме того, к западной части ямы примыкает выкид, что было бы невозможным при устройстве грабительской траншеи, которая разрушила бы его. Наконец, уровни пола ямы и траншеи совпадают, как и их общая конструктивная линия.

Хотя яма, к которой примыкает дромос, не совсем обычна по своей конфигурации, в ней отмечаются обрядовые действия, хорошо известные в скифское время: устройство шатрового сооружения и его подожжение, наличие участка сильно прокаленного грунта. Чернозем, перемешанный с кусочками дерева, углями, глиной, расположенный вокруг погребального сооружения, указывает на вероятность того, что в процессе горения грунт вокруг могилы, материковый выкид стали бросать на горящий костер, сдвигать грунт к нему. Об этом свидетельствует и структура подпахотного слоя над погребальным сооружением - чернозем, перемешанный с деревом, углями, глиной.

При всем этом курган был ограблен, на что указывают разбросанные кости человека и погребальный инвентарь. Грабители вышли на погребальное сооружение сверху через ши-

рокий лаз, однако вряд ли значительно повредили погребальное сооружение. Легкое же деревянное перекрытие при этом было разрушено.

В 12,5 м к ССВ от нулевой отметки и в 7,5 м к северу от дромоса на уровне материка выявлено жертвоприношение в виде скелет молодого животного – жеребенка или теленка (рис. 111, 1). Кости находились не в анатомическом порядке, что связано с расчленением животного при обрядовых действиях. Среди костей найдены две небольшие железные скобы округлого и квадратного сечения со следами дерева на них (рис. 109, 18, 19). К югу от скелета обнаружена пластина продолговатой формы неровных очертаний из тонкого медного листа 1,0-1,4 х 2,5 см (рис. 109, 20).

Таким образом, курган относится к раннему железному веку, но раскопки не дают надежных данных по его хронологии и этнокультурной принадлежности. В связи с этим обратимся к характеристике медных котлов, которые связаны с погребенным в кургане.

Котел 1 изготовлен из листовой меди толщиной до 1,5 мм (рис. 111, 2). Он имеет округлое тулово и уплощенное дно, прямое небольшое цилиндрическое горло. Диаметр верха 48 см, высота его 5 см. Наибольший диаметр тулова – 76 см, высота котла 65 см. Основу горловины сосуда составляет железный обруч, вокруг которого загнут медный лист венчика. К венчику и горлу заклепками крепятся две бронзовые литые прямоугольные накладки с отлитыми вместе с ними округлыми петлями. Бронзовые накладки имеют окончания в виде «сердечка». В них встроены железные кольца - ручки диаметром 12 см (сохранилось одно кольцо). Накладки из листовой меди на дно свидетельствуют о длительном использовании сосуда.

Котел 2 также изготовлен из листовой меди. Он имеет округлое тулово, уплощенное дно, относительно высокое раструбовидное горло (рис. 111, 3). Диаметр верха составляет 33 см при высоте венчика 7 см. Высота сосуда 38 см, наибольший диаметр тулова – 50 см. К венчику приклепаны накладки прямоугольной формы с кольцевыми петлями диаметром 10 см (сохранилось одно кольцо).

Находки двух котлов в кургане показывают высокий социальный ранг погребенного, а имеющиеся аналогии котлам содержат информацию по хронологии и этнокультурной принадлежности погребенного. Большой котел имеет прямые аналогии среди подвесных котлов Кубани из Курджипского кургана IV в. до н.э. [Галанина Л.К., 1980, с.83, кат.15], IV Семибратного и I Малого Семибратного первой половины V в. до н.э. [Артамонов М.И., 1966, с.36]. Похожий котел найден на территории Болгарии в Куковой могиле в погребении первой половины V в. до н. э. [Галанина Л.К., 1980, с.35, рис. 13]. По мнению А.П.Медведева кубанские, балканские и среднедонские котлы являются античным импортом и подражанием античных образцов [Медведев А.П., 1999 с. 25]. Л.К.Галанина считает, что подобные котлы производились в Прикубанье в местной среде, не настаивая на рассмотрении этой территории как очага возникновения данного типа сосудов [Галанина Л.К., 1980, с.36]. Второй котел не характерен для скифского времени. Он близок по форме котлу из раннесарматского Жутовского могильника [Медведев А.П., 1996, с. 25].

Оба котла выходят за рамки типичного инвентаря погребальных памятников скифского времени лесостепного Дона. Они значительно отличаются по форме и конструктивным особенностям от тех экземпляров, которые найдены в курганах скифского времени и появляются, что немаловажно для выяснения этнополитической ситуации в лесостепном Подонье, в конце этого периода (вероятно, в конце IV – начале III вв. до н.э.). В это время замирает жизнь на среднедонских городищах. Кубанский облик новых веяний отражает начавшийся процесс продвижения на северо-запад групп номадов савромато-сирматского круга [Медведев А.П., 1999, с.150].

В связи с вопросом об этнокультурной принадлежности погребенного в Аверинском кургане обратим внимание на находку куска мела в могиле. Он явно обработан до овальной формы и нахождение его в могиле - не случайное явление. Между тем, именно присутствие в погребениях мела является яркой чертой погребального обряда сарматов.

Таким образом, полученные данные позволяют отнести время возникновения кургана к концу IV – началу III до н.э., а этнокультурную принадлежность погребенного связывать с савромато-сарматским кругом. По всей вероятности, именно с этим этнокультурным миром следует связывать гибель Скифии и замирание жизни в Лесостепи, в том числе и в лесостепном Подонье [Медведев А.П., 1999, с. 145-152], о чем имеется краткое, но емкое сообщение Диодора: «Эти последние (савроматы. - А.С., В.Б.) много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [Diod., II, 43, 7]. Периодическое продвижение кочевников с востока на запад в условиях военно-политического превосходства восточных этнокультурных групп над западными нашло реальное воплощение в тех событиях, которые произошли, вероятно, уже в начале III в. до н.э. И представляется не случайным размещение Аверинского кургана в непосредственной близости от двух ключевых городищ на Потудани как отражение новой этнополитической ситуации в регионе.

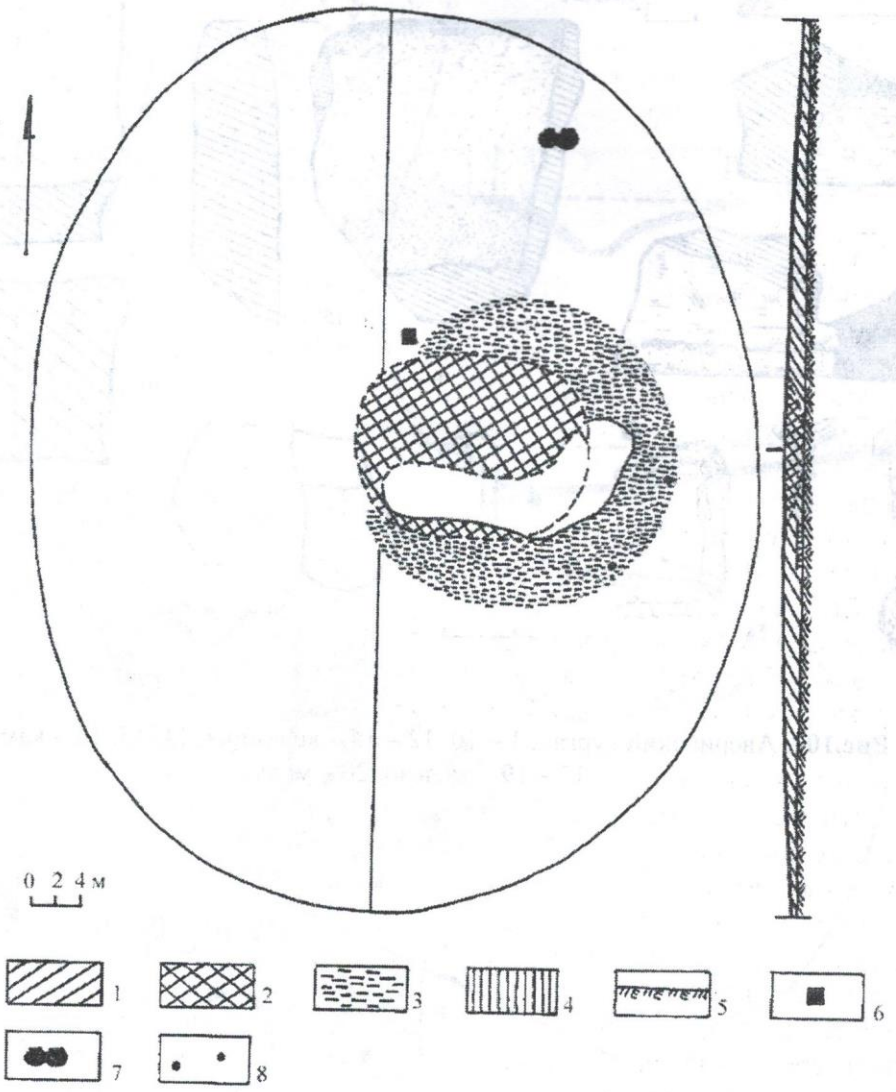


Рис.108. Аверинский курган. План и профиль.
Условные обозначения: 1 – чернозем; 2 – перекопанный слой грунта; 3 – материковый глинистый выкид; 4 – погребенная почва; 5 – материк; 6 – месторасположение жертвоприношения животного; 7 – примерное местонахождение медных котлов; 8 – деревянные столбы

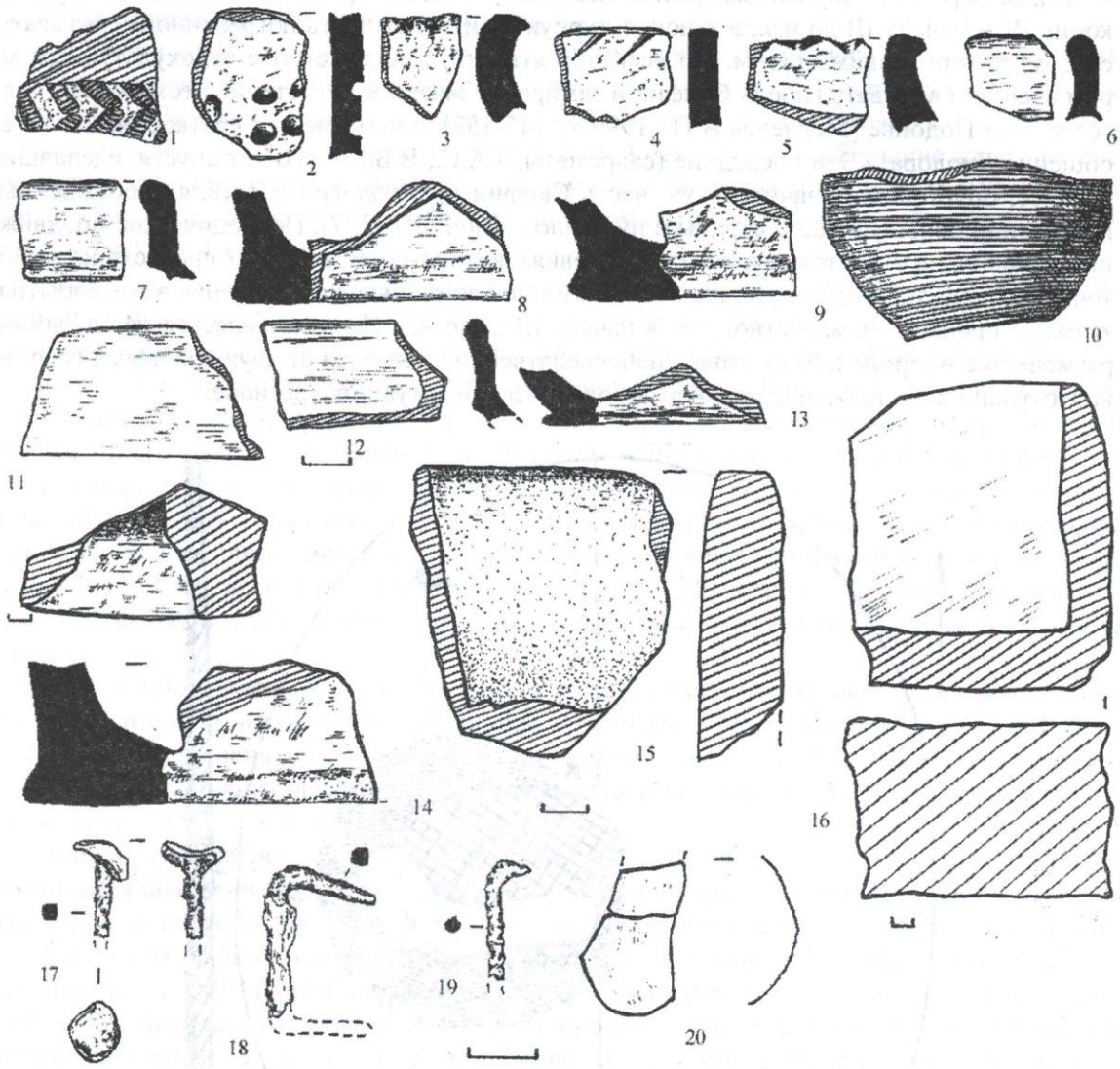


Рис.109. Аверинский курган. 1 – 10, 12 – 14 – керамика; 11, 15, 16 – камень; 17 – 19 – железо; 20 – медь

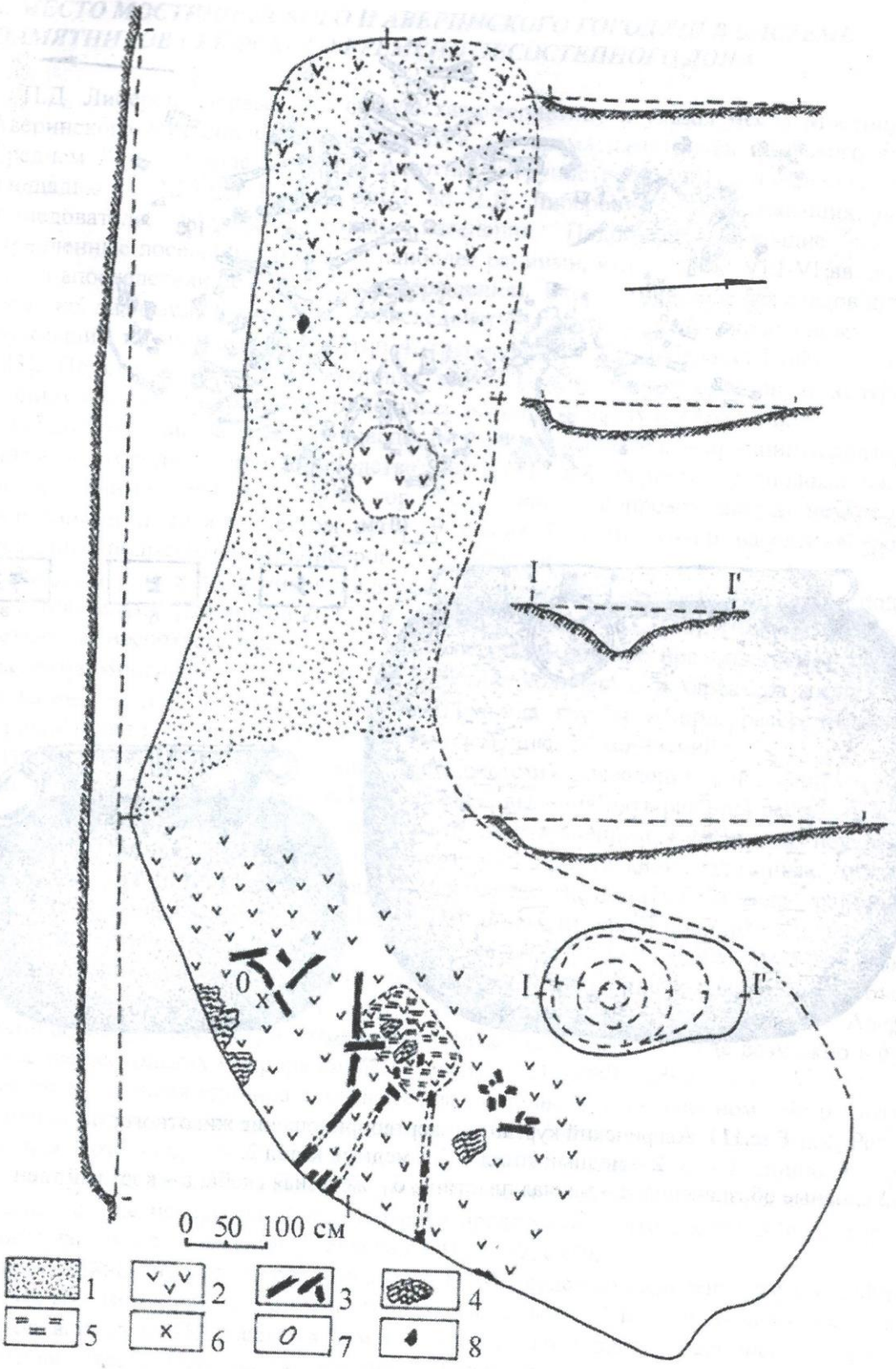


Рис.110. Аверинский курган. План погребального сооружения.
Условные обозначения: 1 – органика; 2 – древесный уголь; 3 – горелые жерди; 4 – жженая солома; 5 – обожженная глина; 6 – железо; 7 – мел; 8 – стенка амфоры

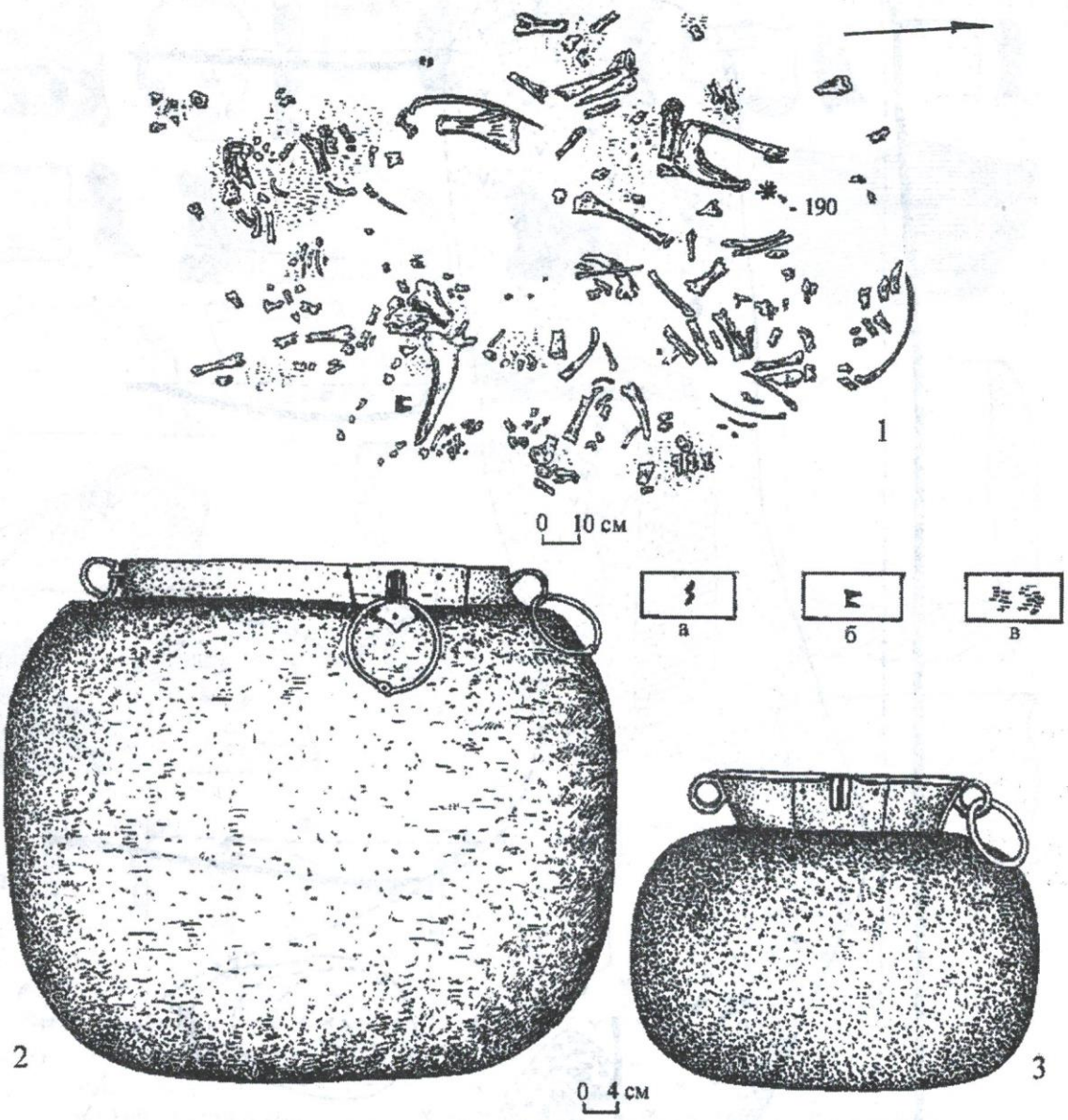


Рис.111. Аверинский курган. 1 –жертвоприношение животного;
2 – медный котел 1; 3 – медный котел 2.
Условные обозначения: а – медная пластина; б – железная скоба; в – костный тлен

4. МЕСТО МОСТИЩЕНСКОГО И АВЕРИНСКОГО ГОРОДИЩ В СИСТЕМЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

П.Д. Либеров впервые дал общую характеристику и указал место Мостищенского и Аверинского городищ среди известных в его время памятников скифского времени на Среднем Дону. Первое городище он отнес к группе небольших укрепленных поселений площадью от 0,25 до 1,3 га (тип 1 по П.Д. Либерову), принадлежавших, по мнению исследователя, родовым группам населения. Подобные небольшие по площади укрепленные поселения он считал наиболее ранними, относя их к VIII-VI вв. до н.э. (этот вывод впоследствии не получил подтверждения). Второе городище без следов культурного слоя, но значительной площади исследователь отнес к типу укрепленных поселений, служивших загоном для скота (тип 4, группа 2 по П.Д. Либерову) [Либеров П.Д., 1971, с.23]. По его мнению оба городища составляли в древности единую хозяйственную единицу с центром в городище Волошино, включая и пойму р. Потудань.

Общий принцип, которым руководствовался исследователь – принцип территориальной близости городищ при господстве системы их парного расположения. Близко расположенные друг от друга городища иногда сопровождаются неукрепленными поселениями и служат местом сосредоточения больших групп населения (родовых и племенных подразделений) [Либеров П.Д., 1971, с.48].

Выделение двух памятников в единый хозяйственный комплекс было затем поддержано исследователями [Винников А.З., Синюк А.Т., 1990, с.182, 183]. Причем, авторы работы указали на несоответствие родовой или соседской общине предполагаемой численности населения Мостищенского городища на основе количества и характера жилых построек. Высказано мнение о принадлежности городища группе общин, рассредоточенных по широкой округе, возможно вождям-царям племенных объединений.

Наиболее обстоятельный анализ всей системы расселения скифоидного населения лесостепного Дона представил А.П. Медведев, выделив пять районов расселения, каждый из которых отличался своими размерами, соотношением городищ и неукрепленных поселений, сезонных стоянок, наличием или отсутствием курганных могильников [Медведев А.П.,1999]. Исследователь отметил недостатки метода районирования памятников, предложенного П.Д. Либеровым и наметил иной принцип выделения районов расселения – по бассейнам рек [Медведев А.П., 1999, с.59]. Этот принцип нам представляется наиболее перспективным для дальнейших разработок, объективно отражающим реалии древности. При таком подходе Мостищенское и Аверинское городища следует рассматривать в рамках бассейна р. Потудань, где возможно в будущем выделение нескольких микрорайонов [Медведев А.П., 1999, с.59].

Какая социальная единица скрывается за отдельно взятым районом? На р. Потудань в настоящее время известно 5 городищ (Аверинское, Мостищенское, Солдатское, Репьевское и Скупая Потудань), 18 поселений и курганный могильник у сел Колбино и Терновое. Причем, судя по данным начала XX столетия, возможность обнаружения неизвестных нам городищ еще не исчерпана. А.П. Медведев предполагает, что подобная территориальная единица населялась племенем [Медведев А.П., 1999, с.60].

Чрезвычайно интересно предпринятое А.П. Медведевым выделение двух хозяйственно-культурных типов (ХКТ) в лесостепном Подонье – ХКТ подвижных скотоводов - полукочевников и ХКТ оседлых земледельцев и скотоводов с пастушеским придомным животноводством. Первые, по мнению исследователя, оставили после себя курганные могильники и стоянки, вторые – неукрепленные поселения и городища с культурным слоем. Так или иначе, Аверинское городище со времени работ П.Д. Либерова интерпретируется как защищенный загон для скота, убежище на случай опасности (по А.П. Медведеву, к тому же, принадлежащий ХКТ кочевников). Мостищенское городище относится ко второму ХКТ.

В эти представления, на наш взгляд достаточно обоснованные, все же необходимо внести некоторые коррективы. Выше мы касались вопроса о жилых постройках на

Мостищенском городище и обращали внимание на их малочисленность и специфику (сезонный характер). Эти данные убеждают нас в том, что городище не являлось простым общинным поселением. Оно служило, видимо, не столько для проживания коллектива, сколько для хранения и охраны зерновых и иных запасов. При этом жители укрепленного поселка занимались всеми необходимыми хозяйственными занятиями, о чем свидетельствуют находки орудий труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в книге материалы вносят существенное дополнение в изучение древней истории донского региона. Прежде всего это касается хронологического соотношения культур эпохи бронзы. Отныне уже не может считаться априори несостоятельной постановка вопроса о синхронизации иванобугорско-воронежских, ранних катакомбных и абашевских комплексов, серьезным основанием чему явилось открытие уникального для Средней России каменного сооружения – лабиринта. Этот культовый центр, совместив материалы названных культур, как бы маркирует состыковку разнокультурных проявлений, заставляет тем самым предполагать уже для той эпохи более сложный, чем считалось, характер межкультурных связей, сотканных из этногенетических, социально-экономических и религиозно-идеологических компонентов.

Несомненный интерес представляют и сами материалы как источник для дальнейших классификационных разработок. Особое значение здесь представляет обширная серия сосудов иванобугорской культуры, убедительно засвидетельствовавшая свое генетическое родство с воронежской культурой, а в более широком и опосредованном плане – и с культурой донской абашевской. При этом важно отметить, что сосуды последней именно здесь наделены ранними чертами, восходящими к традициям энеолитической репинской культуры, от которой унаследовала своеобразную комбинацию признаков и культура иванобугорская.

Полученные материалы позволяют констатировать несомненную перспективность изучения размещенных поблизости единовременных памятников в их комплексе, поскольку именно в совокупности они сохраняют слепок определенной структурной единицы общественного устройства. По рассмотренным данным совершенно очевидно функциональное разделение между Мостищенским и Аверинским городищами скифского времени, а, скажем, в эпоху бронзы – между поселениями Мостище 1 и 3, тогда как взаимосвязь данных пар памятников по другим параметрам тоже не вызывает сомнений.

Но из этого же следует, что работа в отмеченном направлении и на Мостищенском комплексе памятников еще ждет своего завершения. Так, пока открытыми остаются вопросы относительно архитектоники и размеров каменных кладок на поселении Мостище 2, культурной атрибуции «календарной» керамики, абсолютной датировки выявленных материальных комплексов, состава сопровождающей их фауны и т.д.

Вместе с тем авторы надеются, что и в публикуемом объеме материалы, подкрепленные данными трасологии, палеоботаники, палеозоологии, а также астроархеологическими расчетами (см. Приложение), найдут свое место в круге источников по изучению истории раннего общества. Добавим лишь, что городище раннего железного века Мостище 1 по раскопанной площади и информационности в настоящее время является одним из наиболее исследованных среди подобного типа и синхронных ему памятников бассейна Верхнего и Среднего Дона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. 1978.

Аринчина Т.Ю. Группа керамики эпохи бронзы с поселения Мостище 1 // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской Лесостепи. Воронеж, 1989.

Ахтырцев Б.П. Почвы // Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985.

Бердникова З.П. Донское Белогорье // Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985.

Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. 1960. №4.

Березуцкий В.Д. Городище Мостище позднескифского времени в Правобережье Среднего Дона // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез.докл.обл. науч.-практ. конф. Луганск, 1990.

Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1990 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежской и Тамбовской областей в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1995 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д. Грунтовые погребения Мостищенского городища // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.

Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени Лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж, 1995.

Березуцкий В.Д., Степкин В.В. Оборонительные укрепления Аверинского городища //Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1999.

Беседин В.И. Отчет об исследованиях городищ Сенное и хут. Аверино в 1982 г. // Архив ИА РАН.

Беседин В.И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1984.

Беседин В.И. Погребения Воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1986.

Бирюков И.Е. Первое Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. до н.э. Воронеж, 1998.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточноевропейской Лесостепи. Куйбышев, 1985.

Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Воронеж, 1990.

Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М, 1981

Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов // СА. 1987. №1.

Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.

Граков Б.Н. Кменское городище на Днепре. М., 1954.

Грязнов М.П. Аржан. М., 1980.

Гуляев В.И. Отчет Потуданской экспедиции за 1992 г. // Архив ИА РАН.

Гуляев В.И. Отчет Потуданской экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Гуляев В.И. Отчет Потуданской экспедиции ИА РАН в 1995 г. // Архив ИА РАН.

Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. 1948. №1.

Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83.

Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Вып.XXVII.

Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III – начала II тыс. до н.э. в Центральной Мещере // СА. 1992. № 3.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Килейников В.В. Функциональное назначение орудий труда с Мостищенского городища скифского времени // Тез. Докл. Международной конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95–летию со дня рождения Б.Н.Гракова. Запорожье, 1994. С.74-75.

Курдов А.Г.,Протопопов В.В. Особенности гидрологического режима реки Дона // Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.

Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации) // СА. 1970. №1.

Левенок В.П. Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком // КСИА. 1967. Вып. 111.

Либеров П.Д. Некоторые результаты разведок на Среднем Дону в сезон 1957 г. // Труды ВОКМ. Воронеж, 1960.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.

Либеров П.Д. Памятники Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1971.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности //Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1989.

Матвеев Ю.П. Поздний этап доно-волжской абашевской культуры и генезис срубной культуры в Доно-Волжском междуречье // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тез. докл. научн. конф. Саратов, 1991.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история. М., 1999.

Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.

Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени // РА. 1998. №2.

Медведев А.П. Медные кованые котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону // Античная цивилизация и варварский мир. Тез. докл. V арх. семинара. Новочеркасск, 1996.

Мелентьев А.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. 1966. Вып. 106.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белорусскии в раннем железном веке. М., 1967.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М., 1964.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Мильков Ф.Н. Географическое границы и история изучения природы Среднерусского Белогорья //Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985.

Мильков Ф.Н. Лесостепь Русской равнины. М-Л., 1950.

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.

Михно В.Б. Географо-геоморфологическое строение // Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М., 1974.

Моруженко А.А. Жилища Лесостепной Скифии // Материалы научной конференции. Харьков, 1968.

Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона скифского времени // СА. №4.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III вв. до н.э. // СА. 1985. №1.

Озеров А.А., Беспалый Е.И. Погребение эпохи ранней бронзы близ г.Салеска (Ростовская обл.) // СА. 1978. №3.

Отрощенко В.В. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Памятники археологии Южного Придонья (аннотированный указатель). Воронеж, 1989.

Пряхин А.Д. К воросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Воронежская археологическая культура // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 1989.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж, 1990.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника // Труды ВОКМ. Воронеж, 1994.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Щитковые (дисковидные) псалии с вставными шипами с территории Восточной Европы // Sbornik Praci Filozoficke Fakulty Bzneske univerzity. E 37. 1992.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.

Полякова Г.Ф. Племена белевской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени в лесостепном Подонье. Воронеж, 1982.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений Семилукского городища скифского времени // Скифы и сарматы в VI-III вв. до н.э. М., 2000.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Елец и его округа - уникальная историческая территория России (археологические памятники эпохи железа) // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996.

Пряхин А.П., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984-1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д 1-4. М., 1967.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. №151.

Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и Сарматы в VII-III вв. до н.э. М., 2000.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Савелов Л.М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Материалы XII археологического съезда. М., 1900.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. 1959. №60.

Синюк А.Т. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в левобережье Среднего Дона в 1983 г. // Архив ИА РАН. – Р 1, N 9205. – 24 л.

Синюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. №3.

Синюк А.Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.

Синюк А.Т. О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. - Тез. Докл. научн. конф. Луганск, 1990.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Курган N 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. О раннесрубных погребениях на Среднем Дону // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Синюк А.Т. Основные направления развития экономики населения лесостепного Дона в энеолите - бронзовом веке // Труды ВОКМ. - 1994. - Вып. 2.

Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита - бронзового Верхнего Придонья. Липецк, 1996.

Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.

Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

Синюк А.Т. Отчет о раскопках археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического института в Воронежской области в 1984 г. // Архив ИА РАН.

Синюк А.Т. Отчет о раскопках поселения Мостище 2 в Острогожском районе Воронежской области в 1985 г. (в соавторстве с В.И.Гуляевым) // Архив ИА РАН.

Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института в бассейне Среднего Дона в 1986 г. // Архив ИА РАН.

Синюк А.Т. Отчет о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института у хут. Мостище в Острогожском районе, курганов у с. Власовка в Грибановском районе Воронежской области в 1987 г.

Синюк А.Т. О некоторых категориях культовой атрибутики (к социальной оценке погребальных памятников ямной катакомбной и абашевской культурных общностей) // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Тез. Докл. научн. конф. М-Л., 1990.

Синюк А.Т. Сасовские курганы на р.Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.

Синюк А.Т. Население Среднего Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981.№4.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. М., 1977.

Степанов П.Д. // КСИИМК. 1955. Вып. 59.

Степкин В.В. Оборонительные укрепления Мостищенского городища // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996.

Телегин Д.Я. Среднестоговская культура эпохи меди. Киев, 1977 (на украинском языке).

Чернай И.Л. Глиняные грузики городища Марица // Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

Черных Е.Н. Металл донского варианта абашевской культуры // Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей

ИА – Институт археологии

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной кульутры АН СССР

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

САИ – Археология СССР: Свод археологических источников. Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНТИПИНА ЕК.Е.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА МОСТИЩЕ 3 В 1995 ГОДУ

В лабораторию естественно-научных методов ИА РАН для определения таксономической принадлежности были представлены кости животных второго и третьего слоев из раскопок 1995 года поселения Мостище 3.

Естественная сохранность костей удовлетворительная, что позволило определить большую их часть до видового уровня. Результаты определения приводятся ниже отдельно по слоям. Для каждого фрагмента кости указаны относительные возрастные характеристики животного (молодой и взрослый). Набор и состояние представленных остатков ни в одном случае не позволили определить половую принадлежность костей.

В сводной таблице приведено определение числа особей для конкретных видов, которое ввиду единичности пока еще не раскрывает необходимой информации для реконструкции особенностей хозяйственной деятельности.

СЛОЙ 2. Из пяти фрагментов костей животных, обнаруженных при раскопках слоя 2, три определяемы до видового уровня. Они происходят из скелетов двух видов домашних копытных:

крупного рогатого скота (Bos taurus) – один фрагмент левой половины нижней челюсти вполне взрослой особи и один молочный предкоренной зуб из правой половины верхней челюсти от черепа еще молодой особи;

мелкого рогатого скота (Ovis s. Capra) – один фрагмент постоянного коренного зуба из правой половины нижней челюсти взрослой особи.

Неопределимые фрагменты костей относятся к скелетам крупных млекопитающих.

СЛОЙ 3. Из 21 фрагмента костей животных, обнаруженных при раскопках слоя, восемнадцать были определены до видового уровня. Они происходят из скелетов четырех видов домашних копытных:

крупного рогатого скота (Bostaurus) – один фрагмент левой половины нижней челюсти вполне взрослой особи. Пять фрагментов позвонков, как минимум, от двух особей - молодой и взрослой, два фрагмента симметричных бедренных костей, несомненно от двух особей разного возраста – молодой и взрослой, одна мелкая кость запястья и три фаланги от скелетов, вероятно, тех же двух особей;

лошади (Equus caballus) – два фрагмента от одной левой лучевой кости и один фрагмент метаподиальной кости взрослой особи (или особей);

мелкого рогатого скота (Ovis s. Capra) – один фрагмент тазовой кости и один фрагмент большой берцовой кости взрослой особи (или особей);

свиньи (Sus scrofa f. domestica) – один фрагмент правой половины нижней челюсти взрослой особи.

Таблица 1

Распределение костей животных по слоям поселения Мостище 3

Вид животного	Слой 2	Слой 3
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	2/2	12/2
Лошадь (Equus caballus)	-	3/1
Мелкий рогатый скот (Ovis s. Capra)	1/1	2/1
Свинья (Sus scrofa f. domestica)	-	1/1
Неопределямые фрагменты костей крупных млекопитающих	2	3
Всего	5	21

ЧЕКМЕНЕВ Ю.А.

АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ МОСТИЩЕНСКОГО ЛАБИРИНТА

От острова Силли (Великобритания) на западе до Соловецкого архипелага (Россия) на востоке насчитывается не менее 120 каменных лабиринтов. В границах Севера Европейской части России они, главным образом, распространены в Мурманской (около 10), Архангельской (около 29) областях, в Карелии (около 6), т.е. в сумме около 45 сооружений [Куратов А.А., 1970,с34]. Но в последние годы аналогичные сооружения открыты в Воронежской области у хут. Мостище Острогожского района [Синюк А.Т., 1987] и в Белоруссии у с.Бикульничи Витебской области [Ляукоу Э.А., 1992, с. 122-126], что значительно расширило географию их распространения (рис.1).

Североевропейские лабиринты состоят из кладок валунных камней, представляющих достаточно сложные круглые или овальные фигуры и включают в качестве архитектурных элементов вход и центральную площадку. Многие исследователи рассматривают лабиринты как завершенные архитектурные объекты [Куратов А.А., 1970; Гурина Н.Н., 1948], хотя еще в 30-е годы А.Я. Брюсов насчитал около 500 сопровождающих их различных каменных сооружений [Куратов А.А.,1970,с.35]. Подробное описание этим сооружениям дал Н.Н. Виноградов, разделив на следующие группы: груды камней, продолговатые каменные гряды, загадочная фигура, каменная перемычка, курганы, дольмены, менгиры и др. [Куратов А.А., 1970, с.35]. При описании беломорских лабиринтов Н.Н. Гурина указывала на встречаемость их группами на одном мысу и на наличие рядом с ними других каменных сооружений [Гурина Н.Н., 1948].

Многообразие форм лабиринтов позволяет сопоставлять их с такими памятниками, как хенджи (круглые в плане сооружения из крупных камней, дерева или дерна) и аллеи менгиров. В настоящее время хенджи подразделяются по способу сооружения и хронологическим периодам на четыре класса [Вуд Дж., 1981,с.38].

Около 2600 г. до н.э. началось строительство хенджей класса II - типологически близких североевропейским каменным лабиринтам. Но если в Западной Европе их строительство развивалось на основе мегалитов, то в Северной Европе размеры камней менее внушительны, и они специально не обрабатывались.

Чаще всего сооружения в плане образуют либо правильный круг, либо эллипс [Вуд Дж., 1981, с.45]. На Британских островах одновременно функционировали и круглые (Стоунхендж II и Калленииш), и эллипсовидные хенджи (Вудхендж, Динневер-Хилл), представлявшие собой несколько каменных или деревянных концентрических кругов с несколькими входами. Их строительство связано с культурой бикеров (кубков) датирующейся концом III - началом II тысячелетий до н.э. [Монгайт А.Л.,1973,с.256-272]. Есть мнение, что древние строители хенджей пришли на острова с Европейского континента, где единокультурные им племена продвигались с северо-запада Пиренейского полуострова вдоль Атлантического побережья к берегам Северного моря. Отдельные их группы доходили до среднего течения р. Рейна и устья р. Эльбы [Монгайт А.Л.,1973,с.51]. Только на Британских островах ими создано около 900 каменных сооружений [Вуд Дж., 1981,с.35-38].

Внешняя форма лабиринта является одним из главных, но не единственных признаков формально-типологического ряда. Важным критерием в определении того или иного типа лабиринта служит принцип его конструирования, предваряющий окончательное оформление лабиринта в камне (или дерне) [Куратов А.А., 1970,с.37]. В основу предложенной А.А. Куратовым классификации положен спирально-прочерченный принцип конструирования лабиринтов [Куратов А.А.,1970]. Исследователь выделяет четыре основные группы: односпиральные правосторонние, односпиральные левосторонние, биспиральные и концентрическо-круговые. Но при этом он отмечает, что есть и прямоугольные лабиринты, как например, на Большом Заяцком острове на севере России и на озере Янова в Белоруссии, которые им не включаются в классификацию [Куратов А.А., 1970,с.46].

Мостищенский лабиринт относится к группе концентрическо-круговых сооружений (рис.3) [Анищенко С.В.,1999]. Он возведен на достаточно ровной площадке средней части мыса,

имеющей естественные уклоны к северо-западу (на 0,02 м) и северо-востоку (на 0,05 м) (рис.2).

Лабиринт состоит из шести сильно поврежденных кольцевых каменных кладок с внешним диаметром 38 Х 26 метра, в плане представляющий эллипс, вытянутый по линии СВ – ЮЗ. Кладки сооружались в виде сплошных гряд из меловых валунов диаметром от 0,2 м до 1,0 м. В западном, лучше сохранившемся участке внешней меловой кладки, выделяются несколько более крупных гранитных валунов, еще один – к северу от центра лабиринта. Отметим, что гранит - редкая в данной местности порода камня. Несколько меловых плит шириной около метра и длиной до двух метров расположены во внешнем кольце с западной стороны, а аналогичная им плита располагалась в центре внутреннего круга (рис.3).

Лабиринт был сильно разрушен во время функционирования на этом месте городища скифского времени. Следует отметить, что наиболее активное разрушение бытовыми комплексами относится ко второму периоду существования городища.

Опираясь на типологическое сходство Мостищенского лабиринта с эллипсовидными хенджами, мы можем предпринять попытку определения его практического назначения в древности. Для этого мы применили методику астроархеологии, предложенную Дж. Хокинсом [Хокинс Дж., 1977, с.239-245], принципы которой сводятся к пяти основным правилам:

1. Датировка памятника не определяется по астрономическим вычислениям;
2. Направления следует устанавливать только по искусственным ориентирам;
3. Направления следует постулировать только для групп однородных ориентиров;
4. В анализ следует включать все связанные между собой положения небесных светил;
5. Необходимо рассматривать все направления, которые могут быть выделены в данном сооружении.

Для этого нами были вычислены азимутальные направления на точки восхода и захода Солнца в дни осеннего и весеннего равноденствий, а также зимнего и летнего солнцестояний, которые были сравнены с азимутами гранитных и крупных меловых камней в кладках.

Мы предположили, что астрономические наблюдения велись из центра Мостищенского лабиринта, откуда открывается своеобразная панорама: – от 325^0 до 60^0 на долину рек Дона и Потудани, от 60^0 до 325^0 на водораздельное плато. При этом горизонт возвышается на $7{,}8^0$ и представляет достаточно ровную линию без каких либо значительных ландшафтных проявлений (рис. 2).

Положительное склонение у Солнца бывает с 21 марта по 23 сентября, а отрицательное – с 23 сентября по 21 марта. В день весеннего равноденствия солнечное склонение начинает возрастать и достигает 22 июня (день летнего солнцестояния) своего максимума, а затем оно начинает уменьшаться и после осеннего равноденствия приобретает отрицательное значение, достигающее минимума в день зимнего солнцестояния (22 декабря).

Азимут точек восхода и захода Солнца вычисляется по следующей формуле (1.1):

$$\cos A = \frac{\sin\delta - \sin\varphi \sinh}{\cos\varphi \cosh}$$

где: δ – склонение Солнца; φ – широта; h - высота Солнца над истинным горизонтом в момент его появления над видимым горизонтом.

По формуле (1.1) получаем два значения азимута: A_1=A – для точки восхода, и $A_2=360^0$-A – для точки захода.

Широта была взята с топографической карты местности масштабом 1:10 000. Склонение Солнца с учетом предполагаемой датировки времени сооружения лабиринта взято для 2000 г. до н.э.

Если Солнце или Луна восходят или заходят, то они находятся на горизонте, линия которого может быть выше или ниже астрономического горизонта. Поэтому истинный горизонт определяется высотой видимого горизонта с поправкой на некоторые астрономические явления – рефракцию и паралалакс. Истинное положение Солнца вследствие рефракции будет больше видимого. Следовательно, высота Солнца над истинным горизонтом в момент его появления над видимым горизонтом вычисляется по формуле:

$h=h_в-\rho-1/2R$, где: ρ – рефракция; R – видимые угловые радиусы Солнца и Луны; $h_в$– высота видимого горизонта.

Все полученные нами данные сведены в таблицу:

Таблица 1

	Восход			Заход		
	Летнее солнце-стояние	Весеннее и осеннее равноден-ствие	Зимнее солнце-стояние	Летнее солнце-стояние	Весеннее и осеннее равноден-ствие	Зимнее солнце-стояние
δ	$+23,93^0$	0	$-23,93^0$	$+23,93^0$	0	$-23,93^0$
H	$7,15^0$	$7,15^0$	$7,15^0$	$7,15^0$	$7,15^0$	$7,15^0$
φ	$51,026^0$	$51,026^0$	$51,026^0$	$51,026^0$	$51,026^0$	$51,026^0$
Cos A	0,4951	0,1549	0,805	0,4951	0,1549	0,805
A	$60,3^0$	$81,03^0$	$126,38^0$	$299,7^0$	$278,97^0$	$233,62^0$

Сравнивая эти данные с азимутами гранитных и крупных меловых камней можно сделать определенные выводы.

Камень гранитный №1 при наблюдении из центра лабиринта имеет азимут 0^0 то есть указывает направление на север (рис.3). Камни гранитные №2, №.5 достаточно точно указывают направление на точки восхода Солнца в дни зимнего и летнего солнцестояния (рис. 3). Рядом лежащие гранитные валуны №3 и №4 указывают направление на точку восхода осеннего и весеннего равноденствия (рис. 3). Визуальные наблюдения и инструментальная фиксация точек восходов и заходов Солнца, проведенные автором в марте и сентябре 1989 года на изучаемом памятнике, подтвердили реперное назначение гранитных камней №3 и №4.

Крупные меловые блоки в кладке могут лишь условно считаться реперными камнями, так как от времени они разрушаются, и мы не можем даже предположить их первоначальное количество. Из шести камней только два совпадают с азимутальным направлением на точки захода Солнца в дни осеннего и весеннего равноденствия (меловой камень №2) и летнего солнцестояния (меловой камень №1) (рис.2). Азимутальное направление на точку зимнего солнцестояния проходит через сильно разрушенный участок лабиринта.

Изложенное выше позволяет предположить, что Мостищенский лабиринт являлся не только ритуальным центром, но и практически использовался древним населением в качестве астрономической наблюдательной площадки для определения календарных дат и, возможно, сроков солнечных и лунных затмений.

ЛИТЕРАТУРА

Анищенко С.В. О месте Мостищенского лабиринта в системе мировозренческих представлений населения Восточной Европы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий.: Тез. докл. науч. конф. Липецк, 1999.

Бакулин П.И., Кононович Э.В., Мороз В.И. Курс общей астрономии. М., 1977.

Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М, 1981.

Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. Вып. X. 1948.

Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы // СА. 1970, №1.

Ляукоу Э.А. Мауклівыя сведкі мінуушчыны. Мінск, 1992.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

Синюк А.Т. Каменный лабиринт в бассейне Дона // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюзн. науч. конф. Суздаль, 1987.

Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1977.

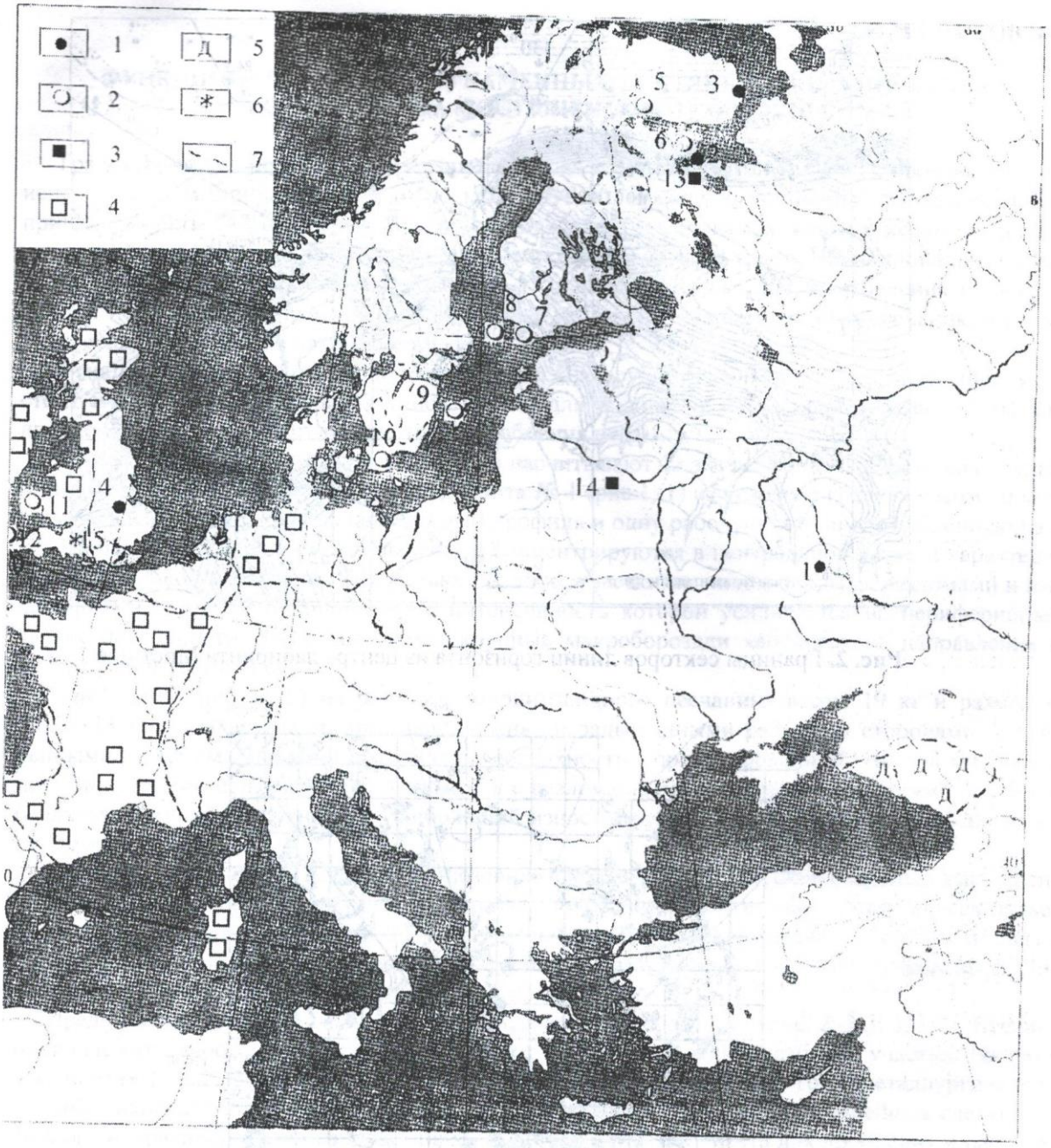


Рис. 1. Европа во второй половине III – первой половине II тысячелетия до н.э.
Каменные лабиринты и мегалитические сооружения:
1 – Мостище; 2 – Соловецкий, Б.Заяцкий; 3 – Поной; 4 – Нортхешптоншир; 5 – Кандалакша; 6 – Соловецкий, Б.Заяцкий; 7 – Уте, Вир; 8 – Сиббо; 9 – Висбу; 10 – Южная Швеция; 11 – Самертон; 12 – Силли; 13 – Б.Заяцкий; 14 – Янова; 15 – Стоунхендж.
Условные обозначения: 1 – концентрическо-круговые лабиринты; 2 – спиральные лабиринты; 3 – прямоугольные лабиринты; 4 – хенджи и аллеи менгиров; 5 – дольмены Северо-Западного Кавказа; 6 – Стоунхендж; 7 – граница распределения мегалитических сооружений

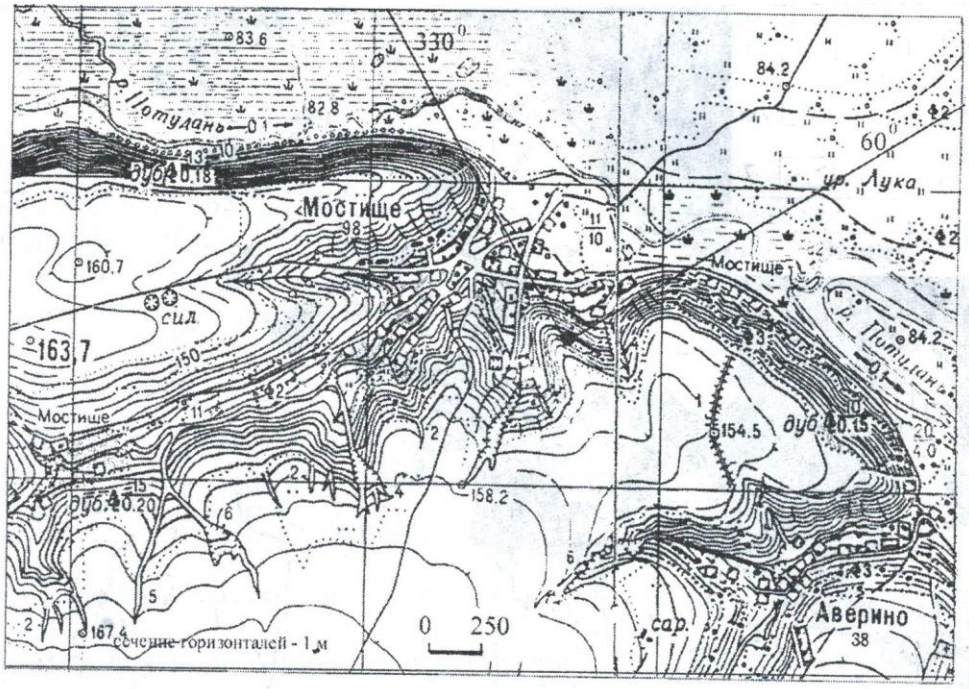


Рис. 2. Границы секторов линии горизонта из центра лабиринта Мостище 1

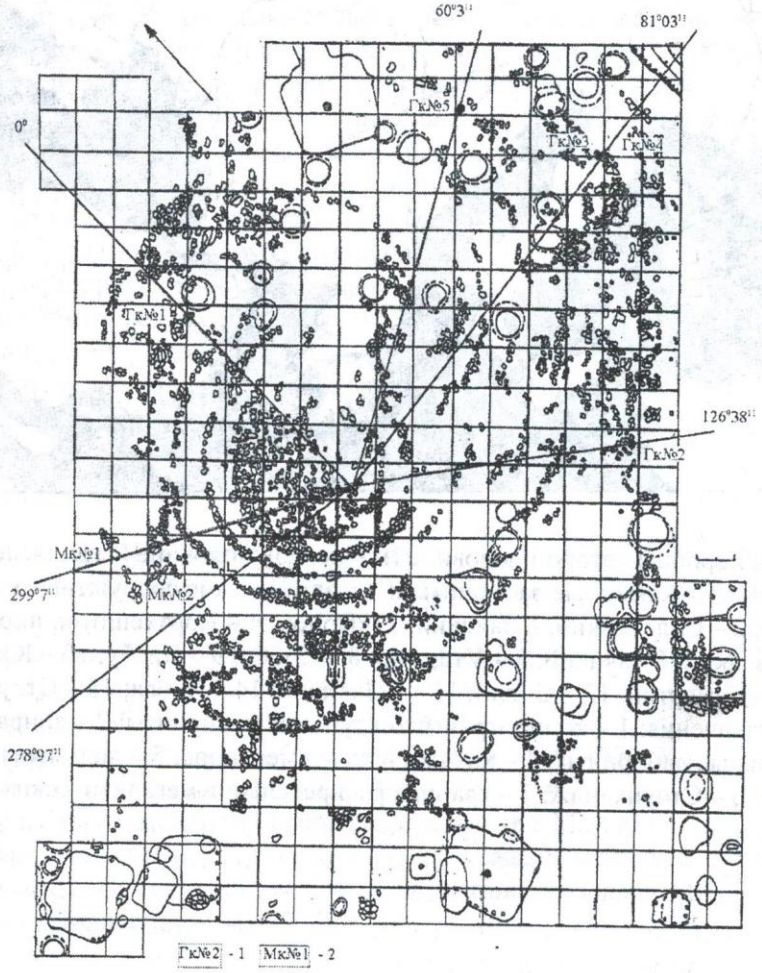


Рис. 3. Направления на точки восхода и захода солнца из центра Мостищенского лабиринта. Условные обозначения: 1 - гранитные реверсные камни; 2 – меловые крупные камни

КИЛЕЙНИКОВ В.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ, КОСТЯНЫХ И КЕРАМИЧЕСКИХ ОРУДИЙ ТРУДА МОСТИЩЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Трасологическое исследование орудий труда Мостищенского городища, произведенное с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10, позволило установить функциональную принадлежность 158 целых и фрагментированных орудий из камня, кости и керамики (среди последних анализировались фрагменты керамики с заточенным краем). Функциональная классификация орудий представлена в таблице 1. В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовался преимущественно серый и розовый кварцитовидный песчаник, а также иные осадочные или магматические породы.

Функциональная группа горнометаллургических орудий насчитывает 36 экземпляров и состоит из трех функциональных типов: плиты для дробления и растирания руды, песты для дробления и растирания руды, песты для дробления руды.

Плиты для дробления и растирания руды насчитывают 13 экземпляров. Среди целых орудий выделяются три плиты (рис.1, 1-2; 2,1). Плита № 1 (рис.1, 1) из розового гранита весом 20 кг и размером 41х27х12 см имеет ладьевидный профиль и одну рабочую сторону, углубленную на 4 см. На рабочей поверхности следы износа концентрируются в центральной части и характеризуются глубокой рельефной забитостью. Высокие участки песчинок покрыты разломами и выщербинами с легкой пришлифовкой, интенсивность которой усиливается на периферийных частях поверхности. Также отмечены крупные макробороздки хаотического направления в центре рабочего участка.

Плита № 2 (рис. 1, 2) из розового кварцитовидного песчаника весом 19 кг и размером 40х28х13 см обладает двумя противоположными ладьевидными рабочими сторонами, углубленными на 1,5 см. Внешний вид рабочей поверхности - пришлифованный. Но под микроскопом фиксируется мелкозабитая поверхность с разломанными верхними плоскостями песчинок (мелкозаломанная поверхность). Наибольший износ отмечен в центральной части обеих рабочих сторон.

Плита № 3 (рис. 2, 1) из серого крупнозернистого песчаника с высокой степенью выкрошенности размером 31х18х6 см имеет две противоположные рабочие поверхности слегка ладьевидной формы, углубленные на 0,5 см. Отдельные выступающие песчинки стерты и слегка пришлифованы. На рабочей плоскости между песчинками отмечен глубокий микрорельеф. Линейные следы на пришлифованных участках отсутствуют.

Представляют функциональный интерес и фрагменты рудотерок (рис. 2, 2-3; 3, 1-2). Все они принадлежат односторонним орудиям и имеют слегка углубленные рабочие участки. На двух фрагментах (рис.2, 2; 3, 1), помимо традиционной для данного типа горнометаллургических орудий микрокартины износа рабочей поверхности, отмечены короткие линейные следы различного направления, что указывает на хаотичную кинематику песта для дробления и растирания руды, соприкасавшегося с поверхностью рудотерки.

Песты для дробления и растирания руды в количестве 14 экземпляров представлены орудиями различной формы - кубической (рис. 3, 4-5), округлой (рис. 3, 6-7), уплощенной (рис. 3. 8-9). Как правило, они имеют несколько рабочих участков с мелкозабитой и слегка пришлифованной поверхностью. Эти участки располагаются на плоскостях или гранях пестов. Редко отмечается совмещение различных функций на данных орудиях, например, вторичное их использование в качестве абразива по металлу (рис. 3, 8). В последнем примере плоскости орудия выполняли функцию песта, а боковая торцевая поверхность являлась абразивом. На рабочих плоскостях этого орудия зафиксированы сохранившиеся под слоем известковой корки микрочастицы железистого минерала красного цвета (железной руды?). Их количество столь незначительно, что не позволяет произвести соответствующий химико - технологический анализ.

Функциональный тип пестов для дробления и растирания руды дополняется близкими по функции орудиями, предназначенными только для дробления рудного минерала (9 экземпляров). Они обнаруживают формально-типологическое тождество с пестами для дробления и растирания руды (рис. 3, 3), но микрокартина износа их рабочих участков несколько отлична. На них фиксируется лишь ровная и мелкая забитость без следов пришлифовки. Это свидетельству-

ет об ударных действиях названными орудиями, причем сила ударов была примерно равной и незначительной, что возможно в отношении мелких фрагментов рудного минерала, находящихся на рудодробильной плите. В этом смысле песты для дробления руды отличаются от отбойников по камню, имеющих высокорельефную и грубозабитую поверхность.

Функциональная группа металлообрабатывающих орудий состоит из 65 экземпляров и включает четыре функциональных типа: наковальни, кузнечные молотки, кузнечные гладилки и абразивы.

Целые наковальни и их фрагменты представлены 10 экземплярами. Из целых орудий наиболее примечательна наковальня, обнаруженная в заполнении ямы 6 раскопа № 3 (раскопки 1991 г.). Ее вес - 60 кг, размеры - 50x35x25 см (рис. 1, 3). Функционально использовалась одна выровненная и пришлифованная плоскость орудия, на которой отмечено несколько участков компактной поверхностной забитости. Второе орудие найдено на уровне погребенной почвы в квадрате 20 раскопа № 2 (раскопки 1991 г.). Его вес - 13 кг, размеры - 29x21x18 см. На пришлифованной рабочей поверхности наковальни отмечены не только микроследы ударного воздействия, но и черные смолистые пятна, нередко встречаемые на орудиях данного функционального типа.

Встречено еще три целых наковальни более скоромных размеров. Их ширина в поперечнике не более 15 см, при толщине 8-10 см (рис. 4, 1-3). Одно из орудий (рис. 4, 2) использовалось и как абразив, но абразивная поверхность располагалась на его противоположной стороне. Наиболее интенсивные следы сработанности отмечаются в центральной части рабочей поверхности этих наковален.

Функциональный тип кузнечных молотков состоит из 14 орудий (рис. 4, 4-6). Чаще представлены молотки уплощенной формы, имеющие один или два противоположных рабочих края. Рабочие поверхности плоскоовальные или, как зафиксировано в четырех случаях, обладают продольной ограненностью, позволявшей использовать их для разгонки металла. На рабочих участках наблюдается локализованная микрозабитость, следующая по пришлифованной поверхности. Шесть молотков уплощенного типа имеют выровненную боковую площадку, предназначенную для упора деревянной рукояти, вероятно, Т-образной формы, так как для пяти орудий отмечены два рабочих края.

В единственном числе встречена кузнечная гладилка из розового песчаника (рис. 4, 7). Ее рабочий торцевой участок выровнен и заполирован до зеркального блеска. Вдоль его длинной оси следуют густые взаимопараллельные линейные следы изменяющейся ширины. Подобные орудия известны среди металлообрабатывающего инструментария поселений эпохи бронзы [Шапиро А.А., 1971, с. 44; Килейников, 1984, с.118, рис.4, 13-15] и, судя по экспериментальным аналогиям, использовались в ювелирных работах для "растяжки" тонких металлических пластин способом "выглаживания", что и предопределило их наименование.

Наиболее представительным из группы металлообрабатывающих орудий является функциональный тип абразивов в количестве 40 экземпляров (33 каменных и 7 керамических).

Каменные абразивы состоят из трех формально-типологических видов: аморфные (рис.5, 1-7), ограненные (рис. 5, 8) и оселки (рис.5, 9-10). Аморфные абразивы в основном определены на песчаниковых плитках, у которых функционально использована плоская сторона, а в единственном случае отмечены проточины, возникшие от заточки узких металлических предметов (рис. 5, 1). На небольшом плиточном абразиве из розового мелкозернистого песчаника отмечена сработанность не только плоской стороны, но и одного торцевого участка, на котором четко фиксируются две проточины (рис. 5, 7). Ограненные песчаниковые абразивы обладают несколькими плоскими рабочими сторонами, которые на участках соприкосновения и образуют грани. Среди оселков выделяются два целых орудия с просверленными отверстиями в верхней части. Наибольшая степень сработанности характерна для их центральных участков, что приводит к появлению желобчатости. Микропризнаки сработанности каменных абразивов для заточки металлических изделий состоят в стирании зерен камня, выступающих над его снивелированной поверхностью.

Керамические абразивы относятся к типологической категории фрагментов керамики с заточенным краем. Они возникли путем утилизации обломков керамики, обладающей, как известно, хорошими абразивными свойствами [Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986, с.21-22, рис. 1; Килейников В.В., 1990, с. 67-68]. Использовались фрагменты сероглиняной и красноглиня-

ной керамики: венчики (рис. 5, 11-12), ручки амфор и кувшинов (рис. 5, 13-14), стенки (рис. 5, 15-16). Рабочие участки располагались по периметру края черепка или выходили на его плоскость, непременно создавая вид ограненной поверхности. Микрокартина сработанности показывает выровненную, слегка гофрированную поверхность с характерной стертостью выступающих над керамической массой песчинок и наличие на них микротрещин разлома.

Функциональные группы кожевенных и прядильных орудий в основном включают костяные изделия: тупики для мездрения шкур, струги для мездрения и волососгонки, лощила, шилья, гребень для чесания шерсти и прядильную спицу.

Тупики (4 экземпляра) представлены двумя фрагментами ветви нижней челюсти крупного рогатого скота с подрезанными участками кости и легкой заполировкой от держания орудия в руке (рис. 6, 3.4), фрагментом ветви и щечной части нижней челюсти лошади с сохранившимся участком рабочей поверхности, свидетельствующим о мездрении шкуры (рис. 6, 2) и фрагментированным орудием с подрезанным до обнажения компактного костного вещества рабочим краем со следами мездрения (рис. 6, 1). На двух последних орудиях отчетливо фиксируются признаки сработанности в виде заглаженности и закругления рабочего края, покрытого яркой заполировкой и тонкими линейными следами поперечного направления, следующими по кромке края и неглубоко заходящими на плоскостные участки.

Струги для мездрения шкур в количестве 10 фрагментированных экземпляров изготовлены на ребрах крупного рогатого скота (рис. 6, 5-7, 9). На одном экземпляре отмечено просверленное отверстие на обломанном дорсальном конце ребра, служившее для привязывания орудия (рис. 6, 7). Его рабочий край сильно изношен до образования П-образного сечения. Яркая заполировка концентрируется на кромке края и незначительно заходит на плоскости орудия. На кромке рабочего края отмечены тонкие редкие поперечные линейные следы. На прочих орудиях сработанным, как правило, оказывается передний (вогнутый) край ребра. Встречен фрагмент дорсальной части ребра с сильной заполировкой от длительного держания в руке в процессе работы (рис. 6, 9).

Использование ребер крупного рогатого скота для мездрения шкур широко отмечается на памятниках эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы [Смирнов С.А., 1968, с.161, рис. 52; Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986, с.25, рис.2, 5-6: Килейников В.В., 1988, с.105-107; Усачук А.Н., 1993, с.137], а также находит историческое подтверждение у Геродота. В частности, описывая обряд скальпирования у скифов, Геродот приводит сведения об "очищении кожи от мяса при помощи бычьего ребра" [Геродот, 1999, с.255].

Двумя экземплярами представлены струги для волососгонки на ребрах крупного рогатого скота (рис. 6, 10). Признаки их износа отличаются от признаков, наблюдаемых на орудиях для мездрения шкур интенсивной сработанностью кромки переднего края ребра с глубокими линейными следами, иногда образующими микрогофрированный рельеф.

Функциональный тип лощил для выделки кожи включает каменные (2 экземпляра) и костяные (4 экземпляра) орудия. Каменные лощила имеют кубовидную форму с пришлифованной и сильно заполированной поверхностью, на которой отмечаются тонкие линейные следы хаотического направления. Костяные лощила изготовлены на фрагментах трубчатых костей или ребер, утилизованных для выполнения данной функции, или имеют типологически выдержанную тесловидную форму (рис. 6, 11) с изношенной рабочей плоскостью, которая покрыта яркой заполировкой и разнонаправленными короткими линейными следами.

Довольно представителен функциональный тип костяных шильев (16 экземпляров), в основном изготовленных из обломков малых берцовых костей (рис. 7, 1-6). Эти орудия имеют сохраненную головку, иногда подрезанную для более удобного держания в руке. На утолщенной рукояточной части орудий присутствует легкая заполировка отдельных участков, возникшая от трения о кожу руки. Рабочая заостренная часть орудий затачивалась на абразиве и более интенсивно заполирована. Нередко на рабочем жале шильев обнаруживаются линейные следы продольного и углового направления, возникшие от поступательно-вращательного движения орудий.

Интересна находка шила-кочедыка (?), изготовленного из обломка мелкой трубчатой кости с кососрезанным и заостренным рабочим краем, имеющим сильно заглаженное отверстие (рис. 7, 7). Возможная реконструкция функции орудия связана с продеванием с его помощью ремешков из кожи или растительных волокон в отверстия кожаных изделий.

Из функциональной группы прядильных орудий в единственном числе представлены костяной гребень для чесания шерсти (рис. 7, 8), короткие зубья которого и прилегающая к ним часть плоскости заполированы и покрыты линейными следами; а также спица для прядения шерсти на косточке птицы со сквозным отверстием и тонкими поперечными линейными следами на заполированном участке в 1 см от отверстия.

Функциональная группа орудий, занятых в прочих производствах, включает несколько типов:

- каменные отбойники (4 экземпляра) с локализованными и грубозабитыми рабочими участками;
- две мотыги, одна из которых представляет собой орудие, сделанное из трубчатой кости с выделенной площадкой для упора рукояти (рис. 7, 12), а другая -костяное орудие тесловидной формы, помещенное в муфту, с интенсивно заполированной рабочей частью и длинными глубокими линейными следами продольного направления (рис. 7, 13);
- костяная конусовидная пробка (рис. 7, 9);
- фрагментированная костяная ручка ножа (рис. 7, 10);
- три метаподии, среди которых одно изделие со сквозным пробитым отверстием (рис. 7, 11), второе - с намеченным отверстием с одной стороны и третье - с отверстием в широкой торцевой части, через которое внутрь кости помещались мелкие камни (?), создававшие шумовой эффект;
- костяной клинообразный заостренный предмет с заполированным острым краем;
- четыре каменных грузила, из которых - три аморфного типа с естественным перехватом, а одно - цилиндрическое со сквозным отверстием;
- шпатель на расколотой трубчатой кости со следами абразивного воздействия для заглаживания поверхности керамики.

В итоге трасологического анализа серии каменных, костяных и керамических орудий городища Мостище следует остановиться на реконструкции хозяйственно-бытовых занятий его обитателей. Отмечается безусловное численное преобладание орудий труда, занятых в горно-металлургическом, металлообрабатывающем и кожевенном производствах. О возможности выплавки и обработки металла на этом городище автор уже неоднократно высказывался [Килейников В.В., 1991, с.99-100; он же, 1994, с. 74-75; он же, 1999, с.85-86], имея ввиду не только результаты функционального анализа орудий труда, но и прочие свидетельства металлургического и металлообрабатывающего производств (находки рудосодержащих минералов - магнетита, сферосидерита, ожелезненных песчаников; шлака с корольками меди; следов медных окислов и железистых включений на рабочей поверхности горнометаллургических орудий; обнаружение линзовидного слитка меди с вкраплениями древесного угля в яме № 14 раскопа 1986 года; реконструкция производственного назначения некоторых парных ям, в том числе и двух ям, в перегородке которых зафиксировано развальцованное отверстие диаметром 4.5 см, вероятно, служившее для помещения воздуходувного сопла). Обращают на себя внимание и функционально-типологические аналогии орудий металлургического класса с памятников эпохи поздней бронзы - раннего железного века, что может восприниматься как проявление известной преемственности данного производства.

Значительная часть орудий (25%) связана с обработкой шкур, выделкой кожи, изготовлением кожаных изделий и прядением шерсти. Причем, последнее документируется также большим количеством глиняных пряслиц, не являвшихся объектом трасологического анализа. Кожевенные и прядильные орудия городища Мостище имеют соответствующие типологические и функциональные аналогии среди орудийных комплексов памятников эпохи поздней бронзы лесостепного Подонья [Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986, с.22-26, рис.2, 3-6, 12-15; Килейников В.В., Екимов Ю.Г., 1996, с.158-159]. Видимо, речь идет об устойчивых стадиальных принципах технологической организации ведущих хозяйственных занятий у скотоводческо-земледельческого населения рубежа эпох бронзы-раннего железа. Причем, отсутствие типологически ярко выраженных земледельческих орудий не позволяет считать эту хозяйственную отрасль доминирующей среди прочих видов деятельности

ЛИТЕРАТУРА

Геродот. История. М., 1999.

Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Килейников В.В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.

Килейников В.В. О некоторых керамических орудиях труда с памятников донской лесостепной срубной культуры // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск, 1990.

Килейников В.В. Новые данные о металлургии и металлообработке у населения лесостепного Подонья в скифское время // Елец и его окрестности. Елец, 1991.

Килейников В.В. Функциональное назначение орудий труда с Мастищенского городища скифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994

Килейников В.В. К вопросу о происхождении черной металлургии // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб., 1999.

Килейников В.В., Екимов Ю.Г. Каменные, керамические и костяные орудия с поселения Садовое VI // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996.

Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Луганск, 1993.

Шапиро А.А. Учебник сельского кузнеца. М., 1971.

Таблица 1

Функциональная классификация орудий труда городища Мостище

Функциональная группа	Функциональный тип	Количество орудий
Горнометаллургические орудия	Плиты для дробления и растирания руды	13
	Песты для дробления и растирания руды	14
	Песты для дробления руды	9
Металлообрабатывающие орудия	Наковальни	10
	Кузнечные молотки	14
	Кузнечная гладилка	1
	Абразивы	40
Кожевенные орудия	Тупики	4
	Струги для мездрения	10
	Струги для волососгонки	2
	Лощила	6
	Шилья	16
Прядильные орудия	Гребень	1
	Спица	1
Орудия прочих производств	Отбойники	4
	Мотыги	2
	Ручка	1
	Пробка	1
	Клин	1
	Метаподии	3
	Грузила	4
	Шпатель для керамики	1

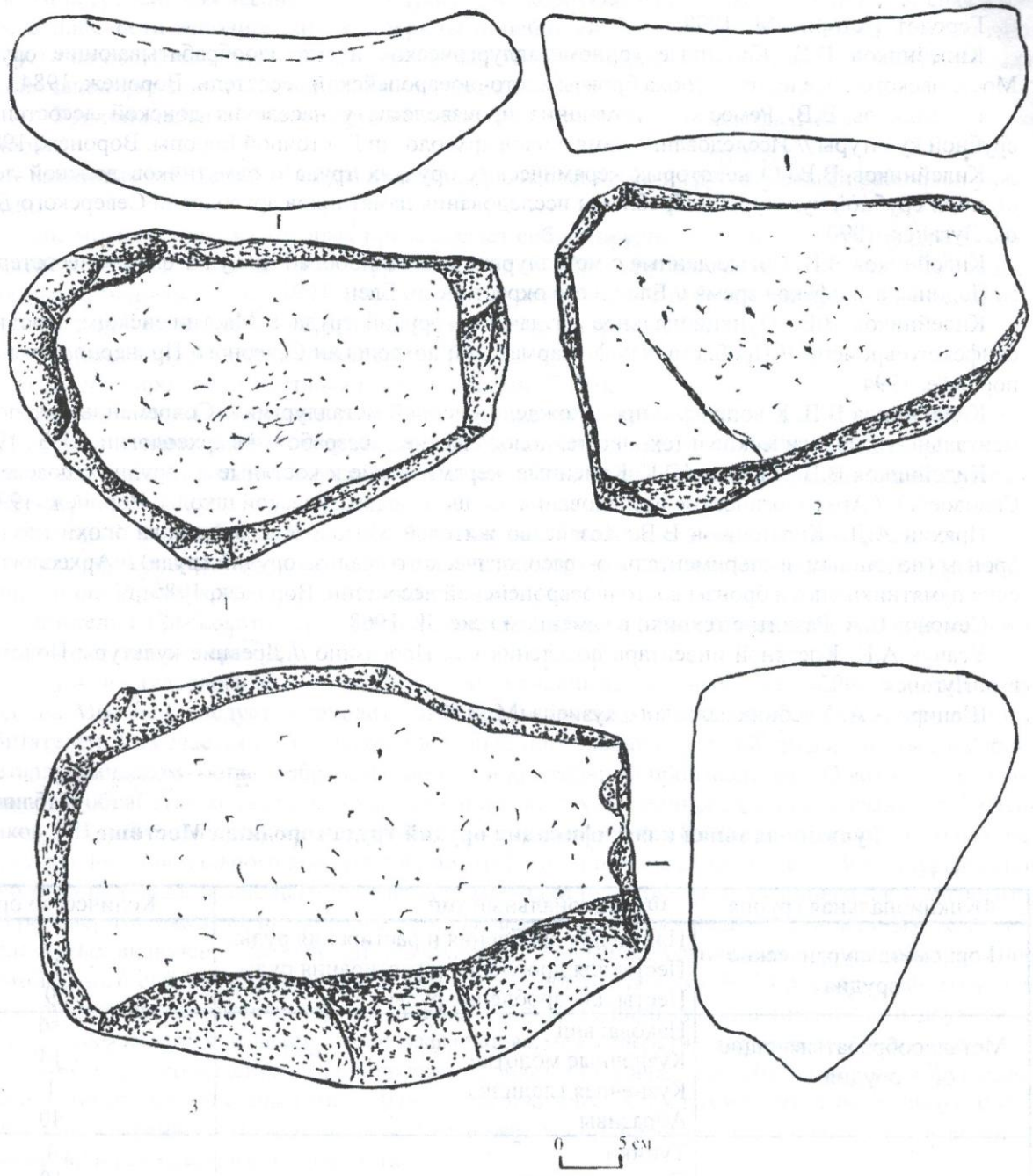


Рис. 1. Мостище1.
1,2 – плиты для дробления и растирания руды; 3 - наковльня

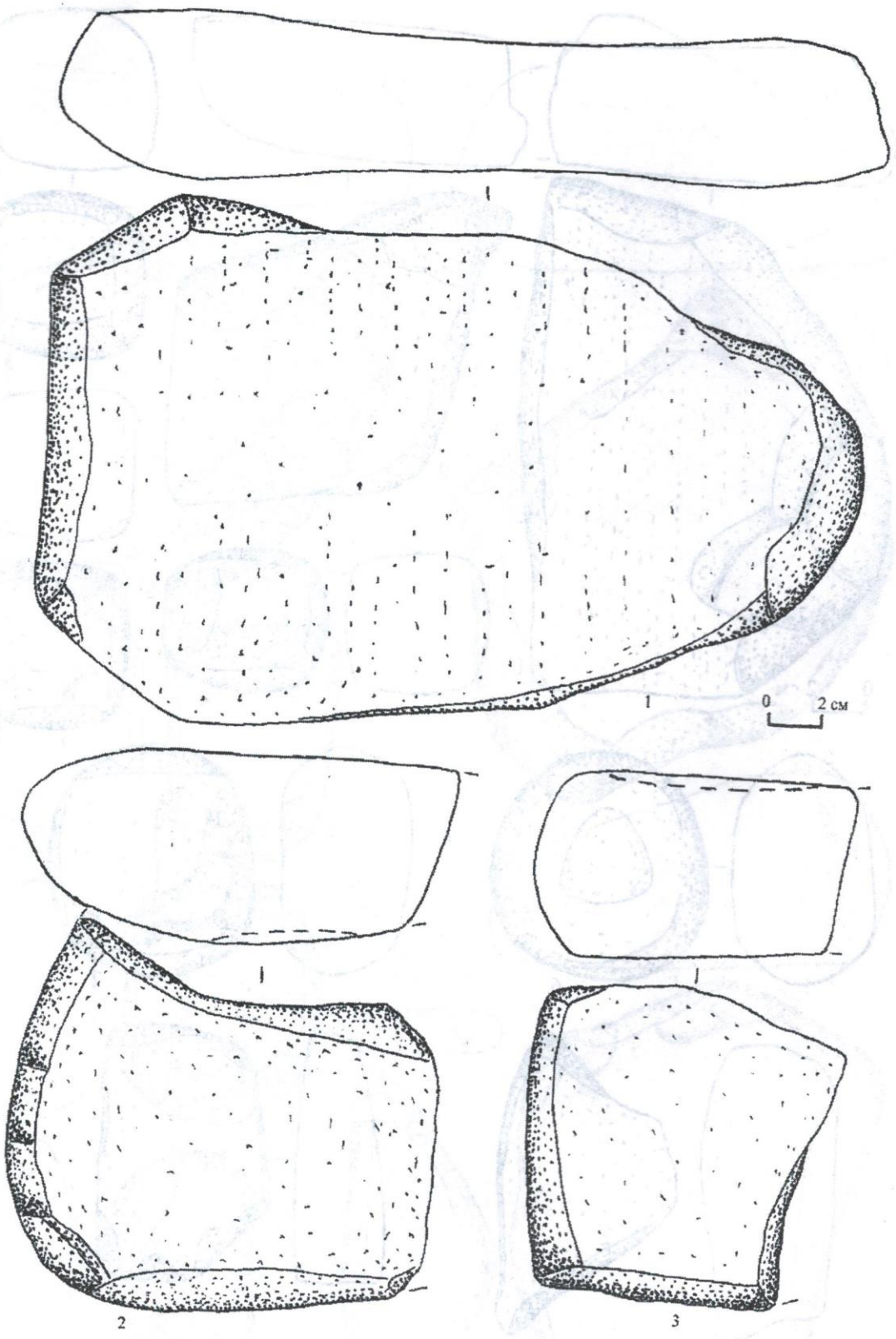


Рис. 2. Мостище 1.
Плиты для дробления и растирания железной руды

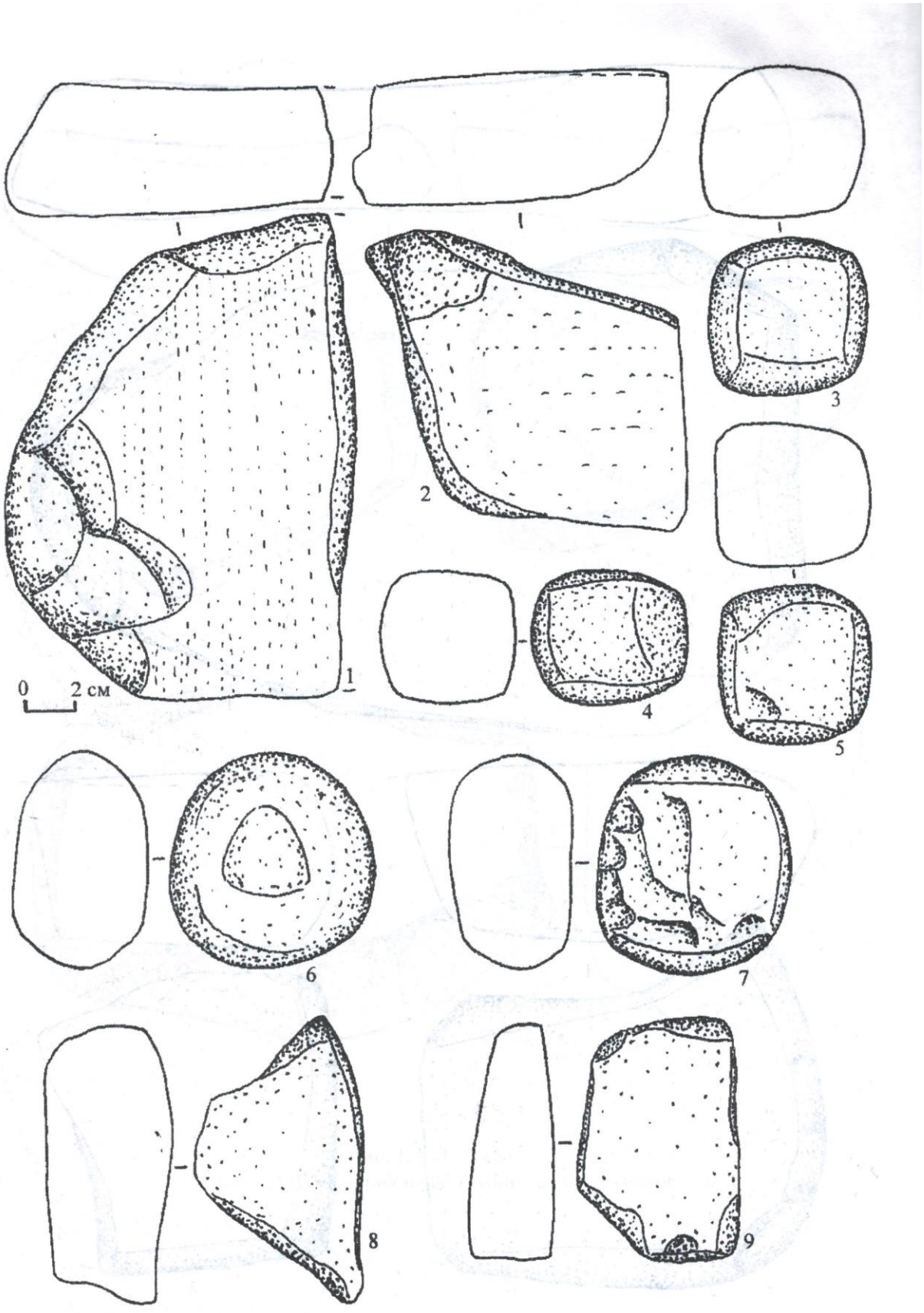


Рис. 3. Мостище 1.
1,2 – плиты для дробления и растирания руды; 3-9 – песты для дробления и растирания руды

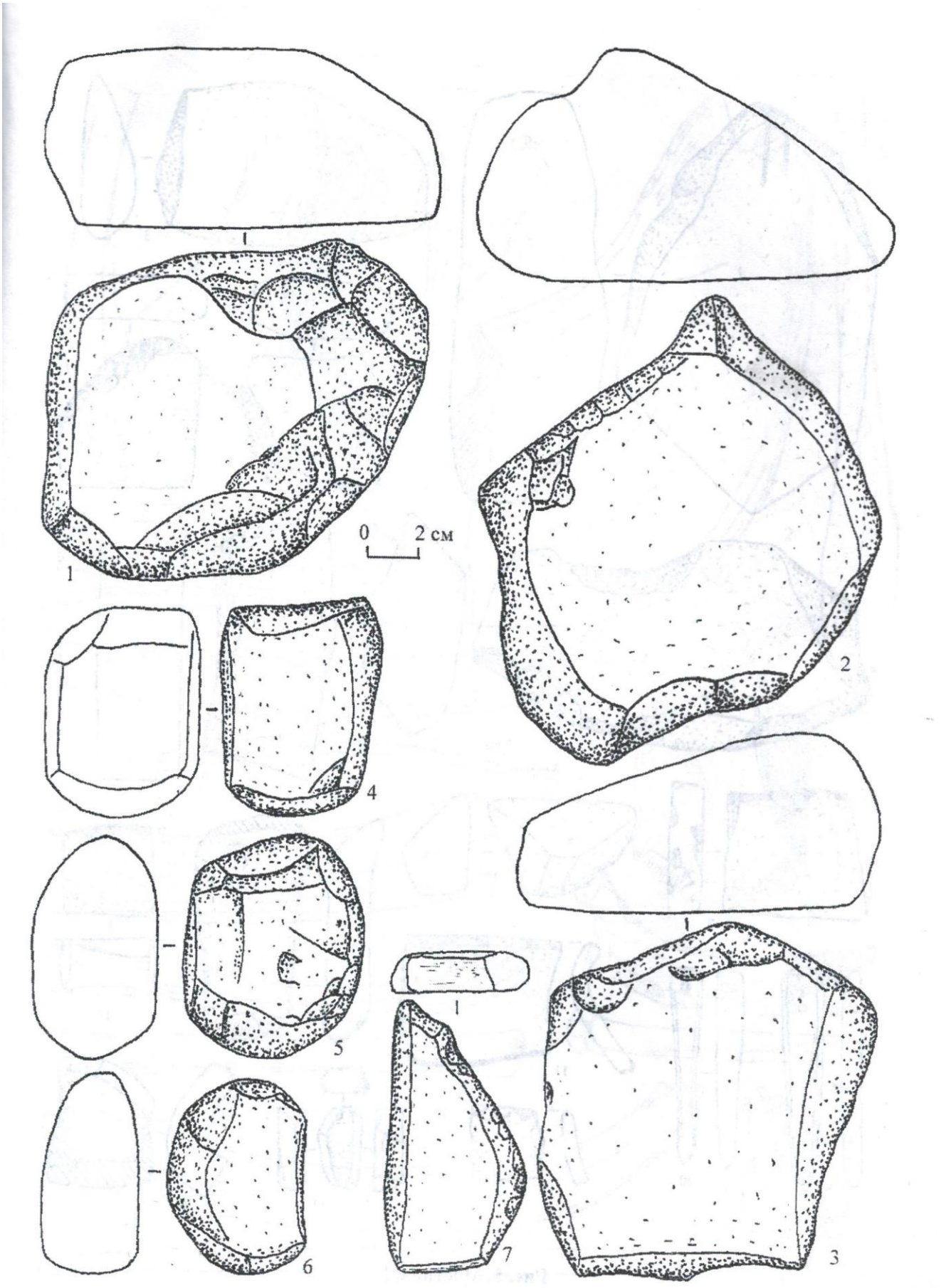


Рис. 4. Мостище 1.
1 -3 – каменные кузнечные наковальни; 4-6 – молотки; 7 - гладилка

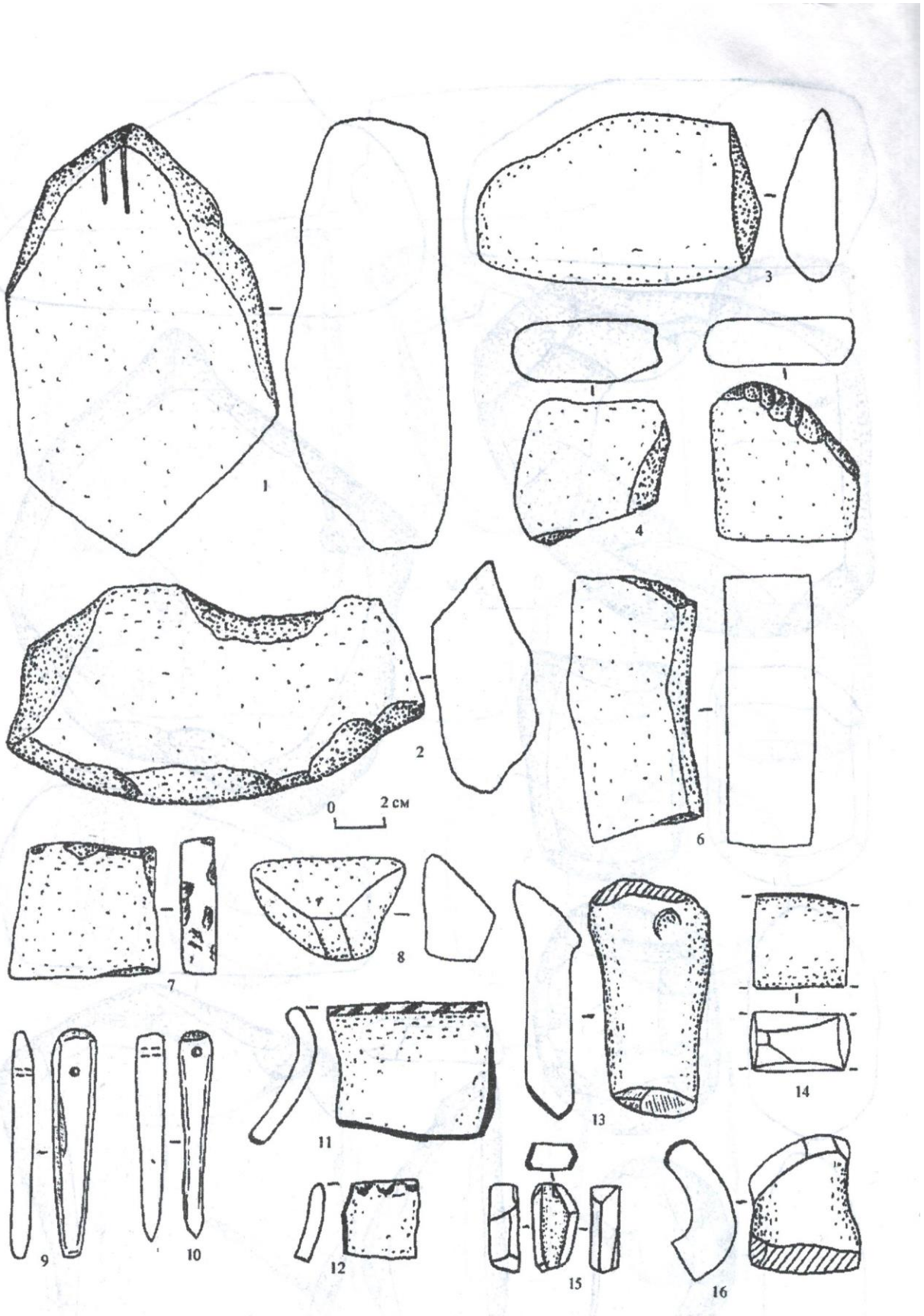


Рис. 5. Мостище 1 .
Абразивы: 1-10 – камень; 11-16 - керамика

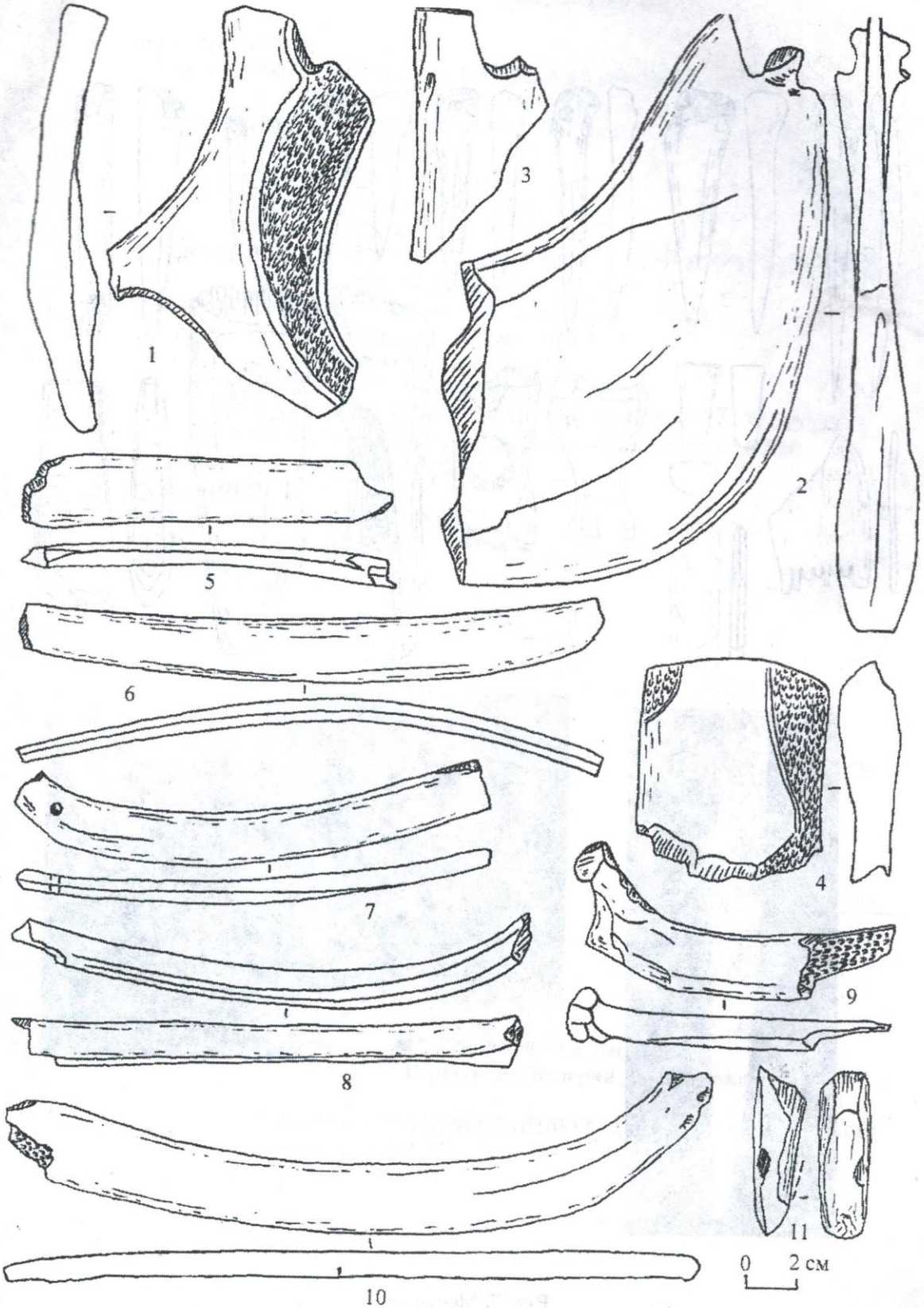


Рис. 6. Мостище 1 .
Костяные кожевенные орудия

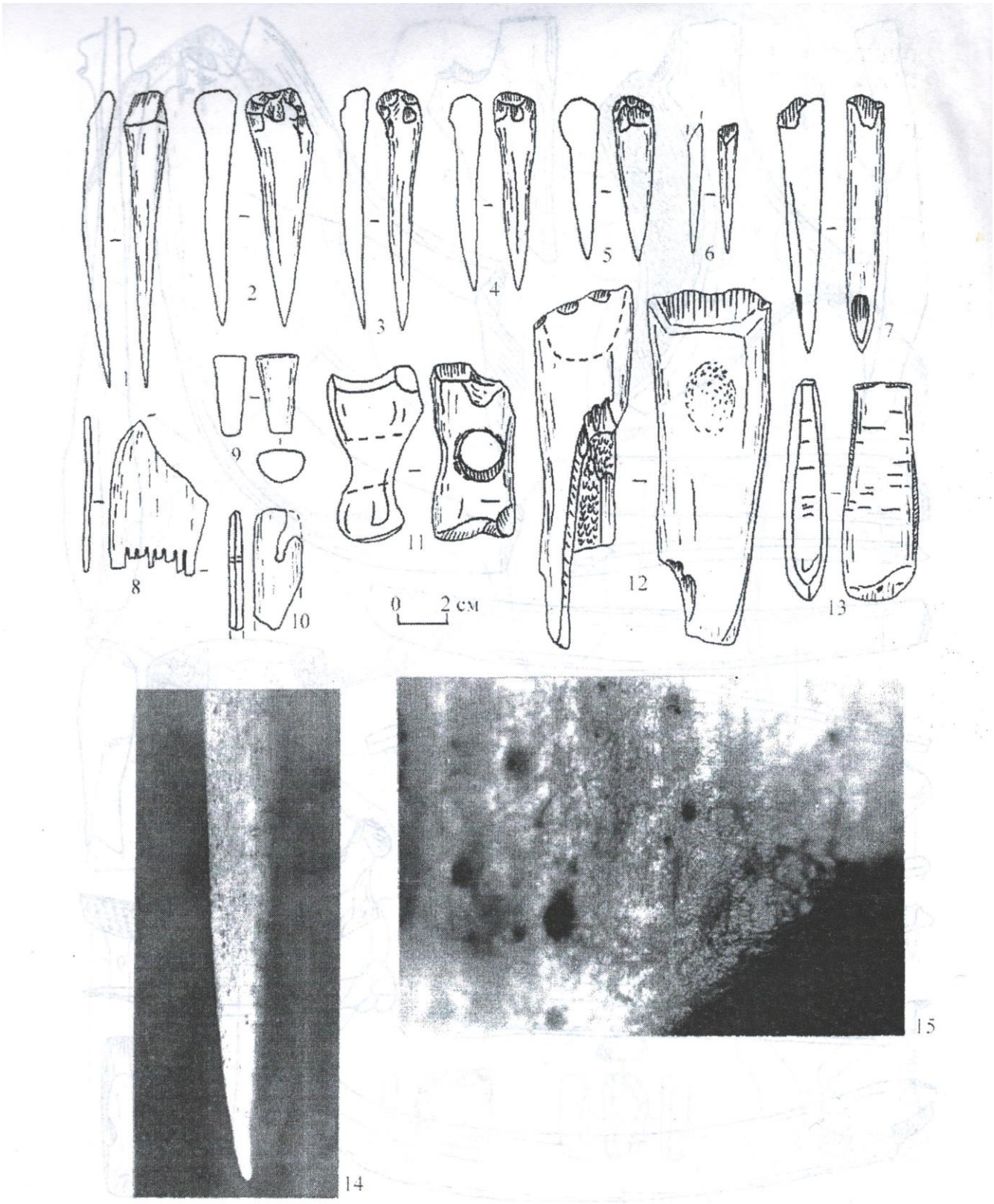


Рис. 7. Мостище 1.
1-13 – костяные орудия; 14 – рабочая поверхность проколки (увеличение X 28); 15 – рабочая поверхность мотыги (увеличение X 28)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ГЛАВА I. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 4
ГЛАВА II. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ 10
1. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 1 10
2. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 2 70
3. ПОСЕЛЕНИЕ МОСТИЩЕ 3 79
4. АВЕРИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ 82
ГЛАВА III. МЕСТО МОСТИЩЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В КРУГЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 85
ГЛАВА IV. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА 96
1. МОСТИЩЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ 96
2. АВЕРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ 154
3. АВЕРИНСКИЙ КУРГАН 159
4. МЕСТО МОСТИЩЕНСКОГО И АВЕРИНСКОГО ГОРОДИЩ В СИСТЕМЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА 167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 168
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 169
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 172
ПРИЛОЖЕНИЕ 173

Монография

Синюк Арсен Тигранович
Березуцкий Валерий Дмитриевич

МОСТИЩЕНСКИЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ
(ЭПОХА БРОНЗЫ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

Оригинал-макет подготовлен в кабинете исторической информатики
Воронежского государственного университета

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.

Мостищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы – ранний железный век)

Лицензия ИД № 00437 от 10.11.99
Заказ № 734. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Объем 24 п.л. Тираж 300.

Монография публикуется без редактирования с готового оригинал-макета, предоставленного авторами.

Типография ВГУ.
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3